

ISSN 2522-199X

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 9

Научное электронное издание

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов
учреждений образования юридического профиля.

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2024

Редакционная коллегия:

*П.В. Гридюшко (отв. ред.), С.Ю. Дегонский, С.В. Добряня,
И.В. Козелецкий, А.И. Мурашко, Г.А. Павловец,
Р.А. Середа, А.Н. Тукало, В.С. Яловик,
А.В. Яскевич, А.О. Мартынов, И.Н. Яхновец*

УДК 343.2

А.О. Азаренко, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.А. Реутская*

Рецензент – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ

Рассматриваются проблемы оценки соответствия характера наступающих от преступления общественно опасных последствий и характера вреда, причиняемого при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Анализируются правовые нормы, регулирующие допустимые пределы применения силы, и выявляются критерии, позволяющие различать законное причинение вреда и его превышение. Внимание уделяется судебной практике и проблемам правоприменения, связанным с оценкой правомерности действий лиц, осуществляющих задержание. Предлагаются пути совершенствования законодательных норм на основании разработки специального алгоритма допустимости причинения вреда при задержании.

Задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, является важным инструментом в уголовном праве. Это мера принимается с целью обеспечения безопасности общества, предотвращения дальнейшего причинения ущерба правоохраняемым интересам и обеспечения справедливости. Условие правомерности задержания посвящено значительное количество научных исследований таких ученых, как П.А. Береснев, А.В. Никуленко, И.С. Тишкевич, С.М. Храмов и иных. Однако условие допустимости причинения вреда задерживаемому не нашло достаточного освещения в науке уголовного права. Указанное условие находит свое отражение в ч. 1 ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) во фразе «...при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер». Соответственно, для того чтобы разобраться с допустимостью такого вреда, следует выяснить, что понимается под превышением мер, необходимых для задержания.

Для этого обратимся к ч. 2 ст. 35 УК: «Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом общественно опасного деяния и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного лишения жизни либо причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения» [1].

Проанализировав положение ч. 2 ст. 35 УК, превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, законодатель раскрывает как явное несоответствие мер задержания:

характеру и степени общественной опасности совершенного общественно опасного деяния;

обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

Для характеристики превышения пределов причинения вреда, необходимых при задержании преступника, законодатель использует формулировки как «явное несоответствие», «без необходимости явно чрезмерный», но не указывает точные критерии определения соответствия или несоответствия мер задержания и причиняемого задерживаемому вреда. Это указывает на то, что вопрос о соотношении – это всегда вопрос оценки конкретного случая задержания преступника [2, с. 311]. В связи с оценочным характером данных формулировок в каждом конкретном случае окончательное решение принимается субъектом правоприменения с учетом всей совокупности объективных и субъективных признаков. Однако применение оценочных понятий на практике связано с определенными трудностями, так как оперирование ими намного сложнее, чем понятиями, содержание которых раскрыто на уровне уголовного закона. В соответствии с этим следует дать разъяснения указанным словосочетаниям. «Явное несоответствие» означает бесспорное расхождение между характером и степенью общественной опасности совершенного задерживаемым деяния и обстоятельствами задержания.

Однако данная установка имеет существенную проблему, связанную с оценкой характера наступающих общественно опасных последствий и определением категории преступления, в совершении которого подозревается задержанное лицо. В практике допустимы случаи, когда даже опытные следователи, работающие длительное время, не могут однозначно осуществить квалификацию (за исключением случаев, ког-

да задерживаемый находится в уголовном розыске), в то время как для обычных граждан, которые также имеют право на осуществление задержания, уголовно-правовая оценка содеянного может вызывать гораздо большие затруднения [3, с. 499]. Так, например, представим ситуацию, что гражданин задерживает лицо, совершившее вымогательство с целью получения имущественной выгоды в крупном размере. Исходя из анализа этого случая возникает вопрос: есть ли необходимость причинять ему физический вред? С одной стороны можно, потому что данное общественно опасное деяние является тяжким преступлением (санкция предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет), что является достаточно обоснованным для причинения ему физического вреда. Контраргументом выступает тот факт, что злоумышленник посягнул на собственность (имущество) гражданина. В приведенном случае возникает расхождение между характером и степенью общественной опасности деяния. Наряду с характером и степенью общественной опасности деяния нужно учитывать и степень опасности личности преступника. Например, при прочих равных условиях во время задержания особо опасного рецидивиста допускается причинение большего вреда, чем при задержании лица, впервые совершившего общественно опасное деяние [4, с. 460].

Представляется, на основании данного примера, задержание злоумышленника путем причинения физического вреда следует считать недопустимым по причине того, что посягательство осуществляется на менее ценные объекты уголовно-правовой охраны. На наш взгляд, необходимо сформулировать специальный алгоритм допустимости причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, который бы включал в себя следующие положения:

причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, применимо к тем лицам, чье посягательство непосредственно связано с причинением вреда здоровью, жизни, половой неприкосновенности, безопасности человека;

причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, также применимо к тем лицам, чье посягательство создает непосредственную угрозу причинения вреда вышеуказанным общественным отношениям;

причинение вреда лицу, чье посягательство направлено на менее важные интересы и по своему характеру не связано с угрозой немедленного наступления последствий, недопустимо. К этой группе можно отнести многие преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности, преступления против компьютерной безопасности, преступления против экологической безопасности.

Характеризуя понятие «явно чрезмерным», отметим, что им признается такой вред, причинение которого было очевидно излишним, т. е. задерживающий сознавал, что в данной ситуации задержание может быть эффективно произведено с минимальным причинением вреда или вовсе без его причинения и, несмотря на всю очевидность для себя «ненужности вреда», сознательно его причинил [5, с. 94]. Например, преследуя убийцу, сотрудник органов внутренних дел направляет выстрел из огнестрельного оружия в жизненно важные органы человека (голову, верхнюю часть спины) и убивает преступника, тогда как он мог причинить меньший вред (ранение в ногу, руку и т. п.). Следовательно, законодатель закрепляет условие о недопустимости причинения явно чрезмерного вреда, не вызванного обстановкой.

В уголовном праве под обстановкой задержания нужно понимать различные сопутствующие событию задержания обстоятельства, условия, характеризующие интенсивность деяния задерживаемого и интенсивность действий задерживающего [6, с. 49]. К таким обстоятельствам необходимо отнести: место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождение в состав банды, террористической организации и др. Исходя из вышеуказанного под обстоятельствами задержания следует понимать реально складывающуюся обстановку места, времени и оперативно-тактических особенностей задержания, сопряженного с причинением вреда.

Таким образом, исходя из смысла словосочетания «явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред» необходимо понимать, что законодатель все-таки допускает причинение явно чрезмерного вреда, но только в случае, если задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, сопровождалось неблагоприятной для задерживающего обстановкой.

Далее рассмотрим положение ч. 2 ст. 35 УК, посвященной субъективной стороне превышения мер, необходимых для задержания, которую законодатель определяет умышленным лишением жизни либо причинением тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. Исходя из этого, даже в ситуации, когда лицу, совершившему общественно опасное деяние, причиняется чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред, но не очевидный для самого задерживающего (т. е. причинение чрезмерного вреда по неосторожности), уголовной ответственности наблюдать не будет.

Запрещая причинение преступнику излишнего вреда, законодатель установил уголовную ответственность за убийство, умышленное тяж-

кое или менее тяжкое телесное повреждение, совершенные при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, закреплено в ст. 142 УК. Виновный, совершая убийство в указанных обстоятельствах, понимает, что лишать жизни такое лицо нет необходимости. Обращаясь к разработанному алгоритму допустимости причинения вреда при задержании лица, такие ситуации могут возникнуть при совершении преступлений, не представляющих угрозы для жизни, здоровья, половой неприкосновенности, безопасности человека, чего нельзя уже говорить о непосредственно возникшей опасности посягательства на общественные отношения. Этот список может дополниться также ситуациями, когда убийство происходит в отношении безоружного лица вооруженным лицом (здесь в первую очередь подразумевается наличие огнестрельного оружия), пытавшимся его задержать, причинение смерти более слабому виновному лицу.

Так, например, прицельный выстрел рыбинспектора, повлекший лишение жизни рыболова, ловившего в неположенном месте рыбу и начавшего убежать при окрике рыбинспектора, суд признал преступным [7, с. 246]. В обозначенном примере преступное деяние рыболова:

- 1) не имеет насильственного характера;
- 2) объектом посягательства не выступают общественные отношения, связанные со здоровьем, жизнью, безопасностью человека;
- 3) его действия не несут непосредственную угрозу жизни и здоровью рыбинспектора.

Тем более рыболов не имел при себе оружия, в отличие от самого рыбинспектора. Вышеприведенный случай является достаточно простым и поэтому для определения его квалификации у судей не возникнет проблем. Однако они могут возникнуть при другом раскладе анализируемой ситуации. Например, рыбинспектор совершил выстрел в рыболова на глазах у его дочери, которая находилась с ним на «нелегальной рыбалке». Тогда из этой ситуации выходит, что рыбинспектором было произведено убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, но сопряженное с обстоятельством, предусмотренным п. 6 ч. 2 ст. 139 УК. Если обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве», то абз. 3 п. 10 признаком особой жестокости признается совершение убийства в присутствии близкого потерпевшему лица, что и отражается

в приведенной выше ситуации. Соответственно, исходя из возможности слияния квалифицирующих признаков убийства, предусмотренного как ст. 139, так и ст. 142 УК, судебным органам следует отразить свои разъяснения в специальном правовом акте.

Умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, отражается в ст. 151 УК. На основании диспозиции данной статьи следует вывод, что в случае, когда задерживающий при превышении необходимых для задержания мер умышленно причиняет злоумышленнику легкие телесные повреждения, уголовная ответственность не наступает. В случае когда при задержании лица, совершившего преступление, будет иметь место неосторожное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения уголовная ответственность также не предусматривается.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, отметим, что в ходе изучения пределов причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, автором был разработан специальный алгоритм допустимости причинения такого вреда при задержании. Данный алгоритм включает в себя следующее:

1) причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, применимо к тем лицам, чье посягательство непосредственно связано со здоровьем, жизнью, половой неприкосновенностью, безопасностью человека;

2) причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, также применимо к тем лицам, чье посягательство создает непосредственную угрозу вышеуказанным общественным отношениям;

3) недопустимо причинение вреда лицу, чье посягательство направлено на менее важные интересы и по своему характеру не связано с угрозой немедленного наступления последствий;

4) наряду с характером и степенью общественной опасности деяния следует учитывать и степень опасности личности преступника. Например, при прочих равных условиях во время задержания особо опасного рецидивиста допускается причинение большего вреда, чем при задержании лица, впервые совершившего общественно опасное деяние;

5) причинение вреда лицу, совершившему любое общественно опасное деяние, предусмотренное УК, допускается в связи с обстановкой задержания, включающей совокупность обстоятельств задержания, исчерпывающий перечень которых дать невозможно по причине особенностей каждого конкретного случая задержания.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2022 г. № 227-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Деминова, В. Ю. Актуальные проблемы законодательного регулирования института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / В. Ю. Деминова // Тр. молодых учен. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 13. – С. 309–312.
3. Нагорный, А.П. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы уголовной ответственности и квалификации содеянного / А.П. Нагорный, А.Н. Попов // Учен. зап. КрYM. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. – 2023. – Т. 9. – № 3. – С. 496–501.
4. Избранные труды / И.С. Тишкевич. – Минск : Ред. журн. «Пром.-торговое право», 2014. – 484 с.
5. Афендиков, В.С. Проблемы правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / В.С. Афендиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2012. – № 2. – С. 91–96.
6. Кауфман, М.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния : лекция / М.А. Кауфман. – М. : МЮИ МВД РФ, 1998. – С. 65.
7. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс : в 10 т. Т. 10 : Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 512 с.

УДК 343.985.8

Е.В. Борисевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КВАРТИРНЫМ КРАЖАМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются актуальные вопросы совершенствования организационно-правовой составляющей правоохранительной деятельности по раскрытию краж из жилищ граждан.

За многовековую историю человечества обществу не удалось избавиться от присущих многим людям отрицательных качеств. Корысть, алч-

ность, жажда наживы и подобные определяющие мотивацию преступлений против собственности свойства во все времена представляли собой основу большей части совершаемых противоправных деяний [1, с. 27].

Порядка 8 тыс. квартирных краж, в соответствии со статистическими данными, совершаются в Республике Беларусь ежегодно. Наиболее подвержены кражам с проникновением в жилище крупные города, что является вполне естественным. Однако в современных условиях преступникам становится все тяжелее совершать общественно опасные деяния незамеченными, не оставив следов (как реальных, так и идеальных). Достижения научно-технического прогресса охватили весь мир и в настоящее время развиваются быстрыми темпами. Эти открытия вводятся в пользование и органами внутренних дел, значительно облегчая деятельность, направленную на решение стоящих перед ними задач. Нормативные правовые акты, поспевая за заслугами прогресса, обновляются в части регулирования вновь возникающих разработок. Важность каждого продукта научно-технического прогресса неоспоримо значима, но для оперативно-розыскной деятельности особую роль играют камеры видеонаблюдения, открывая новые горизонты эффективной работы. Согласно п. 2 Положения о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и телевизионных систем видеонаблюдения», система видеонаблюдения – составляющая системы безопасности, дающая возможность наблюдения в режиме реального времени за определенными событиями.

Процент раскрываемости квартирных краж можно увеличить за счет использования в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел современных технологий, в частности Республиканской системы мониторинга общественной безопасности (РСМОБ). За последний год система была значительно усовершенствована. Важно для исследуемой темы отметить, что в городе Москва более 100 тыс. камер установлены перед входами в подъезды (почти 90 % от всех жилых домов города), около 24 тыс. камер контролируют придомовые территории [2, с. 409]. Это очень значимый аспект противодействия квартирным кражам, ведь в Республике Беларусь тенденция по снабжению входов в подъезды и придомовых территорий камерами появилась лишь на современном этапе, в так называемых новостройках. Повсеместная установка камер видеонаблюдения, как бы утопически не звучала такая идея еще десятилетие назад, на данный момент стала более реальной. Исходя из опыта деятельности подразделений уголовного розыска, огромное количество преступлений раскрывается при помощи просмотра записи

с камер видеонаблюдения. И в процессе планирования деятельности по раскрытию общественно опасных деяний такое действие обязательно включается в план в числе первых. Для совершенствования указанной работы полагаем следует внести изменения в законодательство. На основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка» Советом Министров Республики Беларусь должно быть принято новое постановление, которое скорректирует критерии отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оснащению системами видеонаблюдения РСМОБ. Согласно принятому постановлению, кроме ранее указанных в законодательстве объектов, подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности, будут добавлены многоквартирные дома без исключений.

На записях с камер видеонаблюдения может быть установлен непосредственно факт совершения преступления конкретным лицом, в том числе направление прихода к месту его совершения и отхода от него (идеальный случай); предполагаемый преступник (находился в районе совершения преступления, в том же временном интервале и мог оказаться на месте совершения общественно опасного деяния); очевидцы; потерпевшие; транспортные средства и иная значимая информация, которая охватывалась обзором камеры на тот момент. Дополнительными преимуществами системы видеонаблюдения выступают выведение точной даты и времени до секунд, хранение записи в течение приблизительно месяца, возможность выбора временного промежутка просматриваемой записи и все возрастающее качество изображения. В случае если лицо неизвестно оперативным подразделениям, хорошее качество ведущейся съемки способствует получению отличных фотоизображений (через screenshot) и последующему их использованию для установления анкетных данных фигуранта в сети Интернет, посредством доступных в открытом пространстве ресурсов, либо ориентирования личного состава, конфиденентов, содействующих лиц, общественности. Важно установить камеры видеонаблюдения в ходе выезда на место происшествия в составе следственно-оперативной группы, либо в последующем посредством личного сыска, внимательно осмотрев прилегающую местность на предмет их наличия. Имеется также возможность обзвонить организации, осуществляющие установку, монтаж, настройку видеонаблюдения на основании лицензии, на предмет наличия камер в конкретном районе города и запросить записи с них. На сегодня камеры видеонаблюдения не способны решить все возникающие перед оперативными подразделениями задачи, а вопрос их недостаточной распространенности особенно

остро встает в регионах. Система видеонаблюдения беспомощна лишь в той ситуации, когда преступные действия не попали в границы обзора видеокамеры, из чего следует, что повсеместное распространение практики ее использования окажет влияние на улучшение оперативной обстановки в Республике Беларусь. В связи с этим воплощение в жизнь указанных изменений в разы облегчит деятельность органов внутренних дел, а также окажет достаточное профилактическое воздействие, так как преступники будут сознавать, что камеры видеонаблюдения фиксируют их присутствие в районе совершения преступления.

Вторым перспективным направлением повышения эффективности раскрытия и профилактики квартирных краж является применение беспилотных летательных аппаратов. Согласно ст. 1 Воздушного кодекса Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-З под беспилотным летательным аппаратом понимается воздушное судно, предназначенное для выполнения полета без экипажа на борту. В рамках деятельности, осуществляемой органами внутренних дел, беспилотные летательные аппараты могут применяться сотрудниками патрульно-постовой службы милиции при патрулировании территорий. Проблематично охватить все происходящие в зоне патрулирования события и беспилотное воздушное судно способно повысить кругозор сотрудников. Представляется возможным увеличить состав наряда на одного сотрудника, который будет осуществлять контроль над установленной территорией при помощи беспилотного летательного аппарата и сообщать обо всех происшествиях для незамедлительного реагирования. При осуществлении такого патрулирования не исключается обнаружение фактов совершения квартирных краж.

Третьим направлением является комплексная отработка мест сбыта похищенного имущества. Сотрудник органов внутренних дел имеет право запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу информацию, представляющую интерес в процессе раскрытия преступлений. При осуществлении данного вида оперативно-розыскного мероприятия проблемным вопросом является порядок и сроки предоставления указанных сведений работниками ломбардов и других мест реализации имущества. На реализацию таких требований у сотрудника уходит время, при этом нет уверенности, что в конкретном проверяемом месте может находиться искомое имущество. В среднем на территории крупного города может находиться от 30 до 80 таких объектов, подвергаемых проверке, тем самым она затягивается на неопределенное время. Сроки исполнения таких запросов уполномоченного должностного лица милиции требуют конкретизации. При осуществлении наведения спра-

вок оперуполномоченный должен иметь право требовать предоставления необходимых сведений незамедлительно, либо указывать конкретные сроки исполнения в письменном запросе [3, с. 160]. Непредоставление или несвоевременное предоставление сведений повлечет определенную ответственность. В настоящее время сроки предоставления необходимых сведений запрашивающему должностному лицу нормативно никак не закреплены. Введение предлагаемых изменений в разы повысит оперативность и эффективность осуществляемой деятельности.

Кроме того, развитие системы искусственного интеллекта в разнообразных сферах деятельности нашей страны показывает ее возрастающую актуальность, эффективность и, как следствие, востребованность для использования органами внутренних дел. Соединенные Штаты Америки и Китай признаются ведущими странами по внедрению современных технологий. В Российской Федерации особенно выделяется город Москва. Для Республики Беларусь открывается возможность анализа международного опыта по внедрению искусственного интеллекта в процесс правоохранительной деятельности и последующего выбора, на основе его, подходящих, рациональных и перспективных направлений использования. Весьма актуальными являются аналитические и прогнозные возможности искусственного интеллекта.

Так, во многих городах США (например, в Лас-Вегасе) внедрены системы анализа данных, выделяющие тенденции и предсказывающие вероятное время и место совершения преступлений. Используя отчеты о совершенных преступлениях, система определяет районы с наибольшей вероятностью совершения преступления, выделяет эти участки на карте и передает сотрудникам полиции на местах. В городе Москва внедрена аналогичная американской автоматизированная информационная система «Карта криминогенности» [2, с. 256–257].

Для Республики Беларусь представляется возможным ввести подобную систему. После ее проверки и запуска на постоянной основе сотрудники уголовного розыска смогут анализировать оперативную обстановку на конкретной территории в режиме реального времени, планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, выявлению и раскрытию конкретных преступлений, определять объекты и территории, требующие наличия оперативного прикрытия, а также эффективно использовать возможности конфиденциального содействия.

Стоит упомянуть ChatGPT (генеративный предварительно обученный трансформер) – чат-бот с генеративным искусственным интеллектом, способный работать в диалоговом режиме, поддерживающий запросы на естественных языках. Его совершенствование и преобра-

зование в целях использования в процессе раскрытия преступлений может быть достаточно перспективным. Если подобный чат-бот будет встроен и адаптирован для правоохранительной деятельности, поиск необходимых данных облегчится в разы. Представляется возможным настроить его на предоставление конкретных сведений из всего массива имеющейся в базах данных информации, создание типовых алгоритмов, разработку планов по проведению оперативно-розыскных и иных мероприятий по запросу оперуполномоченного, который сообщит чат-боту обстоятельства происшедшего.

Внесение предложенных изменений осуществимо лишь с привлечением высококвалифицированных специалистов в области высоких технологий. Для органов внутренних дел необходимо создать собственные сервера, на которых будут базироваться внедряемые технологии искусственного интеллекта, в целях исключения возможности утечки информации ограниченного доступа. Вполне естественным является то, что оставить внедрение искусственного интеллекта, в первую очередь, в жизнедеятельность населения, а, в частности, в деятельность органов внутренних дел, без законодательного регулирования будет серьезным упущением со стороны государства. Именно поэтому в Российской Федерации принят Кодекс этики искусственного интеллекта – единая система рекомендательных принципов и правил, предназначенных для создания среды доверенного развития технологий искусственного интеллекта, к которому присоединяется целый ряд российских, белорусских и иных организаций, функционирующих на территории стран – участниц СНГ. Но, несмотря на наличие указанного кодекса этики, он носит рекомендательный характер, присоединение к нему осуществляется на добровольной основе и распространяется только на гражданские разработки. Исходя из изложенного выше, приходим к такому выводу: в Республике Беларусь необходимо принять закон об искусственном интеллекте, который урегулирует все проблемные вопросы, связанные с его более интенсивным внедрением на территории нашего государства.

Предложенные нововведения, в перспективе, способны значительно повысить раскрываемость таких преступлений, как кража с проникновением в жилище, на территории Республики Беларусь. В обозримом будущем необходимо более смело использовать достижения научно-технического прогресса и непрерывно развивать уже имеющиеся наработки в этом направлении. Все упирается лишь в финансирование, но как только будут выделены денежные средства – появится возможность разработки либо усовершенствования средств раскрытия преступлений. Часть работы в рамках повышения эффективности рас-

крытия указанной категории общественно опасных деяний можно выполнить путем внесения изменений в действующее законодательство и приведения их в исполнение на практике.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Квартирные кражи: теория и практика борьбы : монография / И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 298 с.

2. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сб. науч. тр. / под ред. В.С. Овчинского. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 630 с.

3. Кузнецов, А.А. Совершенствование оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» при раскрытии краж, совершенных с незаконным проникновением в жилище / А.А. Кузнецов, А.Ю. Танков // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 158–161.

УДК 378:004

А.А. Бородин, студент факультета права

Научный руководитель – *В.В. Лавренов*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.Н. Лахтиков*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются потенциальные возможности и преимущества внедрения мобильных приложений в образовательную сферу для улучшения качества образовательного процесса и повышения эффективности обучения.

Современное образование стремительно развивается, и информационные технологии играют в этом процессе значительную роль. Под информационными технологиями понимаются новые или значительно улучшенные методы, подходы или процессы, которые используются для достижения определенных целей. Технологии могут включать в себя новые идеи, концепции и инструменты, которые помогают улучшить эффективность и результативность работы организаций и индустрий в целом [1, с. 136].

Одной из ключевых целей современного образовательного пространства является его информатизация, цифровизация [2] и совершенствование при помощи использования инновационных средств и методов обучения, в том числе с использованием средств мультимедийных технологий. Под средствами мультимедийных технологий понимается

комплекс аппаратных и программных средств, позволяющих создавать и воспроизводить информационный продукт (ресурс), объединяющий в себе статическую визуальную (текст, графику) и динамическую (речь, музыку, видеофрагменты, анимацию) информацию. Различные аспекты использования данных средств в обучении рассматривались в исследованиях таких авторов, как Н.С. Анисимов, Т.А. Бабенко, И.В. Белицын, С.С. Кравцов, О.Г. Смолянинов, М.В. Утенин и др.

Технологии постоянно совершенствуются. Сегодня уже сложно представить наш обычный день без мобильных цифровых устройств. В современном мире каждый обучающийся пользуется смартфоном или планшетом. Однако часто качество просматриваемой информации не удовлетворяет предъявляемым требованиям. Таким образом, задача преподавателя сориентировать обучающегося среди многообразия учебных интернет-ресурсов с целью разнообразить образовательную деятельность и заинтересовать познавательными заданиями в цифровом пространстве [3, с. 180]. Внедрение цифровых решений отвечает данной задаче, позволяя повысить эффективность обучения, улучшить взаимодействие между обучающимися и преподавателями, а также облегчить процесс усвоения знаний и формирования навыков. Одним из таких цифровых решений является создание удобных и функциональных мобильных приложений.

Мобильные приложения – программное обеспечение, разработанное для функционирования на мобильных устройствах, таких как смартфоны и планшеты. Данные приложения обеспечивают пользователям возможность выполнения широкого спектра задач, включая коммуникацию, развлечения, образовательные и профессиональные активности, благодаря своей доступности и удобству эксплуатации. Их применение, как и любой другой информационной технологии, обладает следующими возможностями:

- наглядность за счет расширения возможностей предъявления учебной информации (цвет, графика, звук позволяют воссоздать реальную картину мира);

- обучающийся имеет возможность самостоятельно выбрать интересующий материал, объем информации, метод изучения, темп работы, периодичность занятий;

- упрощенная система тестирования, контроля или самоконтроля, организации управления учебной деятельностью;

- возможность повтора плохо усвоенного материала. Обучающийся может сам вернуться к теме или уроку, вызывающему у него трудность, и быстро, наглядно и эффективно повторить тему;

повышение мотивации обучающихся за счет использования знакомых им технических средств [3, с. 180–181];

интерактивное обучение, включая участие в онлайн-обсуждениях и форумах, что способствует развитию критического мышления и коммуникативных навыков;

доступ к разнообразным образовательным ресурсам и библиотекам, включая мультимедийные материалы и электронные книги.

Большинство мобильных приложений можно классифицировать исходя из того, для каких целей они могут быть использованы. Выделяются следующие большие группы приложений: развлечения (игры, заказ билетов, приложения для детей), путешествия (бронирование номера в отеле, туристические гиды), бизнес (соотношение валют, торговля недвижимостью, онлайн-продажи, поиск работы), социальные приложения (социальные сети, мессенджеры), еда (заказ еды, рецепты), спорт (спортивные новости, покупка билетов), образование (обучение), новости (газеты, журналы) [3, с. 181].

В данной статье рассматривается приложение «Кабинет обучающегося», разработанное с целью демонстрации потенциальных возможностей и преимуществ внедрения мобильных приложений в образовательную деятельность. При проектировании и реализации данного приложения учитывались лучшие стилистические, графические и функциональные решения, реализованные в проектах кабинетов других учреждений образования и Moodle. Интеграция лучших практик и решений, использованных в этих проектах, позволила создать интуитивно понятный интерфейс и внедрить функциональные возможности, существенно упрощающие доступ обучающихся к учебным материалам.

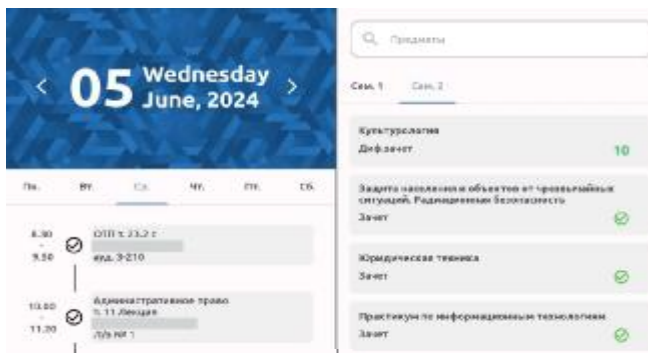
Приложение предназначено для оперативного получения информации, касающейся образовательного процесса, создания единой системы информирования, повышения точности и своевременности передаваемой информации, а также для просмотра актуального расписания учебных занятий и графика сессий. Разработка и внедрение приложения имеют определенную практическую и научную значимость. Перечислим следующие преимущества использования приложения:

1. *Интеграция информационных технологий в образование.* Приложение способствует внедрению информационных технологий в образовательный процесс, что соответствует современным тенденциям цифровизации общества.

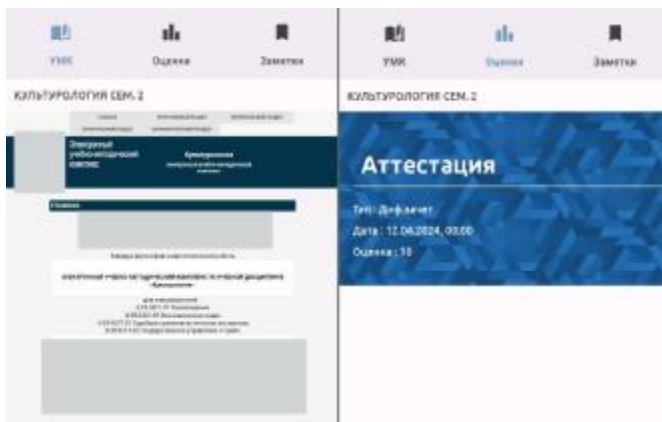
2. Приложение предоставляет обучающимся *удобный доступ* к учебным материалам, расписанию занятий, отметкам и другим важным ресурсам в одном месте, упрощая таким образом образовательный процесс.

3. *Перспективы для исследований.* Проект может стать основой для дальнейших исследований и разработок в области образовательных технологий.

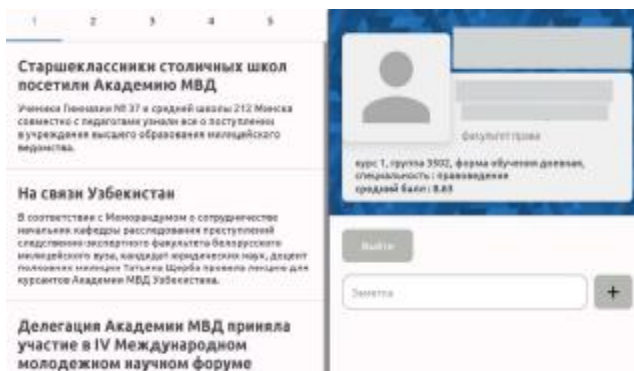
4. Приложение включает в себя различные функциональные возможности, призванные помочь обучающимся в процессе обучения. Предоставляется возможность просматривать актуальное расписание занятий в виде удобного графика на каждый день, что избавляет от необходимости работать с громоздкими Excel-таблицами, содержащими расписание, делая процесс получения информации более удобным и быстрым.

Приложение предоставляет также доступ к учебно-методическому комплексу (УМК), который включает в себя учебные пособия, задания и другие учебные материалы. Открыть требуемый УМК можно простым нажатием на предмет в расписании или в списке предметов.

Одной из функций приложения является возможность отслеживать обучающимися свои отметки и успеваемость в режиме реального времени. Это помогает контролировать процесс обучения без необходимости просмотра журнала успеваемости или зачетной книжки. Кроме отметок приложение содержит также информацию о датах экзаменов и зачетов. Имеется в приложении и возможность просматривать актуальные новости, что позволяет обучающимся всегда быть в курсе важных событий и мероприятий.

Так как пользователей устройств с Android намного больше, ведь в основном это сегмент мобильных устройств, в качестве целевой операционной системы была выбрана Android [4]. Приложение построено на основе языка программирования Java в среде разработки Android Studio. Приложение функционирует посредством Firebase для управления электронной базой данных и аутентификации пользователей, библиотек Apache POI для работы с Excel-файлами, а также Jsoor для анализа и выборки данных новостного блока с веб-сайта.

Заполнение данных блока с расписанием осуществляется посредством анализа и извлечения значений из Excel-таблиц с помощью различных алгоритмов. Обновление личных данных обучающегося, данных о предметах, датах и расписании происходит в реальном времени посредством взаимодействия с Firebase. Новостной блок формируется с помощью выборки данных веб-сайта по определенным критериям.

Добавлять, изменять, удалять или просматривать личные данные обучающихся, такие как отметки, может администратор электронной базы данных или лица, которым был предоставлен соответствующий уровень доступа. Такими лицами могут выступать преподаватели. Так, после каждого зачета, экзамена или семинара преподаватель, при вы-

ставлении отметки в журнал успеваемости или зачетную книжку, должен будет также добавить отметку в электронную базу данных.

Все данные, включая учетные записи обучающихся, ссылки на Excel-файлы с расписанием занятий, перечень предметов и ссылки на УМК, хранятся в электронной базе данных. Доступ к учетной записи обучающегося предоставляется при авторизации в приложении с помощью логина и пароля.

Можно предложить также дополнительные функции, которые могут включать приложения подобного типа, такие как: обратная связь между преподавателями и обучающимися, создание единой сети, в которой обучающиеся и другие участники образовательного процесса будут иметь возможность обмениваться информацией, а также реализация системы push-уведомлений для своевременного информирования о важных событиях. Дополнительно, внедрение приложения на устройства под управлением операционной системы iOS может существенно расширить его применение.

Следует отметить преимущества внедрения мобильных технологий в образование:

- позволяет участникам образовательного процесса свободно перемещаться;

- расширяет рамки образовательного процесса за пределы образовательного учреждения;

- информация в мультимедийном формате способствует лучшему усвоению и запоминанию материала, повышая интерес к образовательному процессу;

- все учебные материалы находятся в одном месте, что упрощает процесс получения информации;

- не требует приобретения персонального компьютера и бумажной учебной литературы;

- учебные материалы легко распространяются между обучающимися; обучающиеся своевременно получают важную информацию о различных новостях и мероприятиях учреждения образования [5, с. 153].

Таким образом, очевидна целесообразность использования подобных современных информационных средств в обучении. Приложение «Кабинет обучающегося» предоставляет удобный инструмент, который облегчает процесс обучения и повышает общую эффективность взаимодействия всех участников образовательной деятельности.

Список использованных источников

1. Ковтун, В.В. Инновационные методы обучения в системе подготовки кадров МВД России: опыт и перспективы внедрения [Электронный ресурс] /

В.В. Ковтун, А.А. Карасенков // Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (27 апр. 2023 г.) / Краснодар. ун-т МВД России ; редкол.: А.С. Дудко (пред.) [и др.]. – Краснодар, 2023. – С. 136–139.

2. Внедрение современных информационных технологий в образовательный процесс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/red/archive/148/7414/>. – Дата доступа: 04.06.2024.

3. Горбатенко, В.В. Использование мобильных приложений в обучении немецкому языку в учреждении высшего образования [Электронный ресурс] / В.В. Горбатенко // Актуальные вопросы использования технических средств обучения в практике подготовки специалистов для государственных органов системы обеспечения национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 нояб. 2020 г.) : в 3 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: В.П. Вишневская [и др.]. – Минск, 2021. – Ч. 2. – С. 180–183.

4. Методологии внедрения мобильного приложения для автоматизации работы технической поддержки в ИТ-компаниях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/409/90100/>. – Дата доступа: 05.06.2024.

5. Пантюхов, А.И. Подготовка студентов вузов с внедрением мобильных средств обучения [Электронный ресурс] / А.И. Пантюхов // Актуальные вопросы использования технических средств обучения в практике подготовки специалистов для государственных органов системы обеспечения национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 нояб. 2020 г.) : в 3 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: В.П. Вишневская [и др.]. – Минск, 2021. – Ч. 1. – С. 152–156.

УДК 347.1

В.И. Буданов, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Н. Яхновец*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

ОПТИМИЗАЦИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Посвящается внедрению цифровых услуг в нотариальную деятельность. Рассматриваются вопросы становления цифровизации белорусского нотариата в условиях интенсивного развития информационных технологий. Сделан акцент на совершенствовании законодательства с целью перевода гражданских правоотношений в новый формат.

История современного нотариата Республики Беларусь неразрывно связана с принятием 24 ноября 1917 г. Декрета Совета Народных Комис-

саров № 2 «О суде» (далее – Декрет). Документ кратко определил некоторые полномочия нотариальных органов. Так, ст. 11 Декрета закреплялось совершение на основании правил о принудительном исполнении нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими, надписей о принудительном исполнении по вексялям, закладным и нотариальным заемным письмам, причем эти лица, а равно нотариусы, взымали пошлину и прочие сборы в установленном порядке.

В последующие годы ввиду сложившихся исторических событий возникли предпосылки к ликвидации нотариата как органа латинского типа. «Обязательные отношения сводились к бытовой купле-продаже, бытовому подряду и не выходили за пределы домашнего обихода. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. «Об основных принципах организации государственного нотариата» были сформулированы основные принципы организации и деятельности нотариальных органов, а также задачи государственных нотариусов, многие из которых в той или иной мере сохранили свое значение до настоящего времени. На основании указанного постановления в БССР 31 декабря 1926 г. было принято Положение о нотариате [1].

За прошедшие годы изменилась не только политическая, экономическая обстановка в стране, изменился сам характер гражданских правоотношений, многие из которых перешли в «цифровую среду». Интенсивное развитие цифровых технологий оказало существенное влияние на различные сферы жизни человечества: образование, промышленность, государственное управление. Дальнейшее активное применение и реализация новых прогрессивных методик в государственном управлении выступает эффективным средством эволюционирования экономики страны.

Под «цифровизацией» понимается процедура трансформации аналоговых данных и процессов в электронный формат с использованием современных технологий для упрощения и ускорения работы.

Относительно нотариальной практики цифровизацию рассматривают в различных аспектах, деление на которые носит условный характер. Во-первых, это возможность в режиме реального времени получать необходимые сведения из баз данных для совершения нотариальных действий. Во-вторых, переход к безбумажному документообороту в силу способности сохранять результаты деятельности в электронном (цифровом) формате. В-третьих, равнение на «цифру» зарождает потенциал для оказания нотариальных услуг удаленно, онлайн. Данный фактор обозначил свою актуальность в период пандемии коронавирусной инфекции. Однако в нашей стране своего претворения в практическую деятельность в должной мере не получил.

Начало цифровизации белорусского нотариата связано с принятием Указа Президента Республики Беларусь от 27 ноября 2013 г. № 523 «Об организации нотариальной деятельности в Республике Беларусь». Согласно п. 10 данного нормативного правового акта с 1 января 2017 г. Белорусской нотариальной палатой (БНП) создана единая электронная система сведений о совершении нотариальных действий и открытии наследственных дел.

Посредством электронных каналов нотариус может обратиться за необходимой ему информацией из Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, Единого реестра административно-территориальных и территориальных единиц Республики Беларусь, Государственной информационной системы «Регистр населения», автоматизированной информационной системы Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, других информационных источников [2].

Заключенное в 2023 г. соглашение между БНП и Национальным банком Беларуси облегчило деятельность нотариусов в части получения из автоматизированной информационной системы представления банковской информации Нацбанка сведений об открытых в банках счетах или электронных кошельках граждан и индивидуальных предпринимателей. Названные процессы значительно упростили и ускорили работу нотариуса, способствовали оперативному решению задач, предоставив возможность гражданам получать нужные им услуги по принципу «одного окна».

Учитывая особую значимость цифровых услуг, законодатель принял в первом чтении законопроект «Об изменении Закона Республики Беларусь „О нотариате и нотариальной деятельности“». Планируемые изменения предполагают осуществление нотариальных действий, таких как выдача свидетельства о праве на наследство, о праве собственности на доли в имуществе,житом супругами в период брака, свидетельствование верности перевода документов с одного языка на другой, принятие в депозит нотариуса денежных средств и (или) ценных бумаг, совершение исполнительных надписей, прием на хранение электронных документов, обеспечение доказательств (в части обеспечения доказательств, размещенных в глобальной компьютерной сети Интернет) удаленно без личной явки к нотариусу. Законопроект предусматривает возможность направления заявления о совершении названных нотариальных действий по почте или в форме электронного документа с использованием информационных систем (ресурсов) БНП. При направлении заявления почтой подлинность подписи заинтересованного лица должна быть засвидетельствована нотариусом. При направлении заявления с использованием информационных систем (ресурсов) БНП заявление подписывается электронной цифровой подписью (ЭЦП) [3].

Для всестороннего рассмотрения темы цифровизации нотариальной деятельности следует обратиться к опыту зарубежных государств. Так, внедрение проекта «Цифровой нотариат» позволил гражданам Казахстана оформлять доверенности в электронном виде в режиме онлайн. С 1 июля 2021 г. нотариальным документам присваиваются формирующиеся посредством электронного реестра и проходящие автоматическую регистрацию в базе данных QR-коды. Изменить их в последующем невозможно, что позволяет проверить подлинность документа и защитить от фальсификации, подписать его возможно как на бумаге, так и своей ЭЦП [4].

Законодательство Азербайджана позволяет гражданам, используя программное обеспечение «Мобильная нотариальная папка», получать ряд нотариальных услуг онлайн, без личного присутствия. Интересным воплощением «цифрового нотариуса» является дистанционное оформление согласия на выезд ребенка через электронный киоск, размещенный в аэропорту Азербайджана. Услуга занимает в среднем 10 мин и предоставляется круглосуточно, нотариус не привязан к своему кабинету, идентифицируя лицо по видеосвязи. Доступ к документу сотрудники миграционной и пограничной службы получают онлайн [5].

При всей новизне указанных нотариальных нововведений стоит учитывать особенности законодательства, своевременно адаптировав их под меняющиеся реалии. В частности, при внедрении нотариальных услуг онлайн вызывают вопросы реализации на практике норм Закона Республики Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-3 «О нотариате и нотариальной деятельности» (далее – Закон о нотариате и нотариальной деятельности). В частности, положения ст. 62 (лица, обратившиеся за совершением нотариальных действий, представляют нотариусу документы, удостоверяющие их личность), ст. 65 (документы, выражающие содержание сделки, иные нотариальные документы, а также заявления должны быть подписаны собственноручно гражданином, его представителем или представителем юридического лица в присутствии нотариуса), ст. 74 (при нотариальном удостоверении сделки нотариус, должностное лицо заграничного учреждения выявляют волеизъявление участников сделки и соответствие ему заключаемой сделки).

Следует отметить, что существуют достаточно высокие риски перевода услуг в цифровую среду: мошеннические действия, связанные с обманом, введением в заблуждение со стороны обратившихся за такой услугой лиц, утечка конфиденциальной информации, нарушение прав сторон в случае ошибок программного обеспечения. Кроме того, действующее законодательство не содержит определения «электронного нотариального акта» и его правового статуса, что также может повлечь сложности в правоприменительной деятельности. Среди одних из наи-

более перспективных направлений цифровизации нотариата выделим также обеспечение законности цифровых сделок, в том числе при использовании токенов как объектов гражданских прав, цифровой валюты и цифрового имущества.

Полагаем, в целях трансформации нотариальных услуг в соответствии с актуальными реалиями и запросами современного цифрового общества требуются изменения отечественного законодательства о нотариате, путем добавления в гл. 11 «Основные правила совершения нотариальных действий» Закона о нотариате и нотариальной деятельности ст. 58¹ «Совершение нотариальных действий удаленно». Целесообразно внести также изменения в ст. 62 «Установление личности граждан, обратившихся за совершением нотариального действия», дополнив ее положением об установлении личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, *«обратившихся за совершением нотариального действия удаленно»* и следующей формулировкой: «осуществляется одним из следующих способов: с использованием электронной цифровой подписи обратившегося лица; видеоидентификации; с помощью идентификации через единый портал электронных услуг».

По нашему мнению, необходимость перехода нотариальных услуг в цифровую среду является бесспорной. Согласно данным Министерства юстиции Республики Беларусь в 2022 г. нотариусами страны совершено 1,513 млн нотариальных действий, что на 4,4 % больше, чем в 2021 г. Среднемесячная нагрузка на одного специалиста по республике в 2022 г. составила 145 нотариальных действий. Статистика свидетельствует о значительном увеличении таких нотариальных действий, как удостоверение доверенностей и удостоверение согласий (отказов) на 37 %, свидетельствований верности копий (выписок из) документов на 19 %, выдача свидетельств о праве на наследство на 8 % [6].

Совершение ряда нотариальных действий в режиме реального времени, путем подачи заявления в электронной форме (в том числе с помощью мобильных приложений) – принятие средств в депозит, осмотр интернет-страниц в рамках обеспечения доказательств, удостоверение согласий, доверенностей – позволит гражданам, проживающим в сельской местности, находящимся вследствие травмы или заболевания в малоподвижном состоянии реализовать свое конституционное право на юридическую помощь, снизит нагрузку на нотариусов.

Список использованных источников

1. Белорусский нотариат в период с 1917 по 2013 год [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа: <https://belnotary.by/>

o-notariate/istoriya-notariata/belorussskiy-notariat-v-period-s-1917-po-2013-god/. – Дата доступа: 02.11.2023.

2. Электронный нотариат: комфорт для граждан и бизнеса [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/novosti-bnp/elektronnyu-notariat-komfort-dlya-grazhdan-i-biznesa/>. – Дата доступа: 29.09.2023.

3. Об изменении Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» [Электронный ресурс] / проект Закона Респ. Беларусь – Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2023058001>. – Дата доступа: 29.09.2023.

4. Равнение на цифровизацию нотариата [Электронный ресурс] // Белорусская нотариальная палата. – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/novosti-bnp/ravnenie-na-tsifrovizatsiyu-notariata/>. – Дата доступа: 29.09.2023.

5. Поездка ставропольских нотариусов в Азербайджан получила продуктивной [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата России. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/poezdka-stavropolskih-notariusov-v-azerbajdzhan-poluchilas-produktivnoj>. – Дата доступа: 30.09.2023.

6. Направления деятельности управления нотариата и ЗАГСОВ и итоги работы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Беларуси. – Режим доступа: https://minjust.gov.by/directions/notaries_zags/notarial-activities/. – Дата доступа: 01.10.2023.

УДК 343.98

Д.А. Быков, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *О.И. Левчук*

ОСМОТР КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ, НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННОЕ С ИЗЪЯТИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Рассматриваются подходы к правовой природе осмотра компьютерной информации, а также особенности соотнесения той или иной информации, содержащейся на электронных устройствах к различным категориям информации.

Ни для кого не секрет, что распространение цифровых устройств достаточно сильно повлияло на уровень защиты прав граждан в сфере обеспечения тайны личной жизни. Говоря об ограничении прав граждан при производстве по материалам и уголовным делам, пожалуй, первое,

что приходит на ум, это ограничение права на личную тайну и неприкосновенность жилища при производстве осмотра.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что данному следственному действию законодатель уделяет значительное внимание, возникает вопрос о том, соответствует ли современным правовым стандартам осмотр компьютерной информации как следственное действие.

В теории уголовного процесса существует множество точек зрения о правовой природе осмотра, однако их можно свести к двум позициям.

Последователи первой точки зрения обосновывают свою позицию исходя из того, что осмотр представляет собой отдельное следственное действие, в ходе которого непосредственно изучаются обстановка места происшествия в целом, следы преступления и их взаиморасположение [1], т. е. представляет собой некое обозревание физического места, которое своей целью имеет поиск следов преступления и привязка их друг к другу и другим объектам.

Приверженцы второй точки зрения заявляют, что осмотр представляет собой отдельное следственное действие, в ходе которого непосредственно изучается обстановка места происшествия путем обследования тех предметов и документов, к которым имеется свободный доступ [2]. В данной позиции ключевую роль играет понятие «свободный доступ».

Усвоить смысл двух вышеизложенных позиций гораздо проще, прибегая к сопоставлению осмотра с обыском.

Согласно первой точке зрения осмотр представляет собой следственное действие, целью которого является изучение обстановки исследуемого места, при этом целью обыска представляется поиск предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела. В изложенном случае можно говорить о том, что осмотр шире по объему, чем обыск.

Более разумной, по мнению автора, представляется вторая точка зрения, в соответствии с которой осмотр и обыск отличаются не объектом осмотра, а степенью вторжения органов, ведущих уголовный процесс, в частную жизнь граждан. По сути, согласно данной позиции, представляется, что обыск – это осмотр, в ходе которого должностное лицо органа уголовного преследования наделяется дополнительным правом на поиск предметов и документов, к которым не имеется открытого доступа.

В соответствии со ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) [3] основанием для проведения обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо помещении или ином месте либо у какого-либо лица находятся орудия и средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые

могут иметь значение для уголовного дела, а также могут быть обнаружены разыскиваемые лица и трупы. Из данной нормы может показаться, что обыск сводится лишь к ряду действий, направленных на поиск чего-либо конкретного, однако стоит отметить, что эта правовая норма акцентирует внимание только на основании проведения обыска и не подлежит излишне широкому толкованию. Иными словами, представляется, что для проведения обыска наличие сведений о нахождении определенного предмета в том или ином месте является необходимостью, но это не означает, что лица, проводящие обыск, должны иметь единственной своей целью поиск определенного предмета, игнорируя всю остальную информацию, которая могла бы быть приобщена к материалам дела в качестве доказательства.

Необходимо отметить, что в ст. 28, 29 Конституции Республики Беларусь [4] декларируется право на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь и неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан. Исходя из того, что осмотр жилища представляет собой сбор информации о лице в рамках того пространства, которое должностное лицо органа, ведущего уголовный процесс, может непосредственно наблюдать, законодателем предусмотрена возможность его проведения без соответствующего постановления, если лицо согласно на осмотр. Вместе с тем в соответствии с ч. 1 ст. 210 УПК для производства обыска в любом случае потребуется прибегнуть к вынесению постановления.

Таким образом, отличие осмотра от обыска по критерию ограничения права граждан на неприкосновенность частной жизни, при котором осмотр является способом получения доказательственной информации путем исследования предметов и документов, которые располагаются в свободном доступе, а обыск – за пределами свободного доступа (например, путем вскрытия запертых помещений, шкафов, сейфов и т. п.), является единственно верным. Данный вывод подтверждается не только Конституцией Республики Беларусь, но и ч. 7 ст. 210 УПК, согласно которой при проведении обыска могут вскрываться запертые помещения и хранилища, если владелец отказывается добровольно их открыть. Иными словами, представляется, что обыск и осмотр являются следственными действиями, имеющими максимально сходное содержание, но при этом различающиеся по объему права следователя на вторжение в личную жизнь граждан.

В соответствии со ст. 15 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» информация подразделяется на два блока:

общедоступная информация (информация о деятельности государственных органов, общественных объединений, организаций, правах, законных интересах физических и юридических лиц и др.);

информация, распространение и (или) предоставление которой ограничено (информация о частой жизни физического лица, его персональные данные, сведения, составляющие государственные секреты, служебная информация ограниченного распространения, информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну) [5].

Информация из второго блока может быть получена в ходе проведения осмотра компьютерной информации, в связи с чем представляется, что вопросы порядка и законности доступа к такой информации для ее дальнейшего осмотра в правоприменительной практике приобретают серьезный характер, большую актуальность и требуют подробного изучения.

Ранее в правоприменительной практике имела место быть проблема трактования компьютерной информации, что было связано с ее особенностью – одновременно материальным и нематериальным характером. В доктрине данное понятие трактовалось по-разному. Этой проблемой занимались различные ученые белорусской юридической науки.

Так, Н.Н. Лыткин в своих трудах под компьютерной информацией определял набор команд (программ), предназначенных для ЭВМ или управлению ею, находящихся в ЭВМ, в системе или сети на машинном носителе, имеющей собственника, устанавливающего правила ее пользования [6]. В.В. Крылов считает, что компьютерная информация является сведениями, представленными в виде электронных сигналов, доступных для восприятия посредством компьютерной техники, хранящимися на машинных носителях или передаваемыми по компьютерной (информационно-телекоммуникационной) сети [7]. Н.А. Швед определила компьютерную информацию как программное обеспечение и сведения, представляющие ценность для государства, общества, отдельных граждан [8].

Однако перечисленные выше определения являются доктринальными, каждое из которых имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны.

Переходя к анализу законодательства в данной сфере, мы можем обнаружить, что в Республике Беларусь до 2021 г. термин «компьютерная информация» в УПК не раскрывался, однако указанное понятие вытекало из уголовного законодательства. Так, в диспозиции ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) под компьютерной информацией понимается информация, обрабатываемая в компьютерной системе, хранящаяся на машинных носителях или передаваемая по сетям передачи дан-

ных. В ст. 349 УК данный термин определяется как информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях [9].

Впервые термин «компьютерная информация» был введен в ст. 2 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», где под ним понимаются «сведения, воспринимаемые (воспринятые) комплексом программно-технических средств» [10]. Однако стоит отметить, что данное определение не в полной мере отражает сущность компьютерной информации, в связи с чем Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в УК была введена ч. 18 ст. 4, согласно которой под компьютерной информацией стала пониматься информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств [11].

По мнению автора, данное определение в полном объеме выражает разносторонние аспекты компьютерной информации, охватывает множество характеристик и является наилучшим вариантом для использования в правоприменительной практике.

Важно отметить, что вступившие в юридическую силу изменения законодательства выделили осмотр компьютерной информации в самостоятельное следственное действие наряду с другими видами осмотра, что обусловлено и спецификой объекта, и процедурой его проведения.

Полагаем, необходимо обратить внимание также на то, что в правоприменительной практике имеет место неразрешенность вопросов, связанных с содержанием компьютерной информации, до начала процессуальных действий. Это связано с невозможностью однозначно определить, относится ли данная информация к общедоступной или к информации, распространение и предоставление которой ограничено.

Однако, проведя анализ уголовно-процессуального законодательства, можно сделать вывод о том, что осмотр, который должен проводиться в соответствии с ч. 2 ст. 204¹ УПК, применяется для исследования компьютерной информации, содержащейся на персональных компьютерах, ноутбуках, мобильных телефонах, USB-накопителях, накопителях на жестких магнитных дисках, в мессенджерах, социальных сетях и др., иными словами, на тех объектах, где требуется аутентификация пользователя, поскольку они с большой долей вероятности будут содержать информацию распространение и предоставление которой ограничено.

К осмотру общедоступной информации можно отнести осмотр записей с камер видеонаблюдения, которые установлены в общественных

местах, а также в Республиканской системе мониторинга общественной безопасности, новостных и развлекательных сайтов, личных страниц пользователей социальных сетей, открытые для обозрения другим пользователям. Перечисленные объекты осмотра, по мнению автора, могут проводиться без постановления о проведении осмотра компьютерной информации, санкции прокурора, а также согласия и присутствия обладателя информации.

Немаловажно отметить, что согласно ч. 2 ст. 204¹ УПК осмотр компьютерной информации проводится по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, что лишь подчеркивает значимость прав, ограничиваемых при проведении осмотра компьютерной информации.

Подводя итог вышеизложенному, можно говорить о том, что изменения уголовно-процессуального закона позволили закрепить наиболее приемлемое понятие компьютерной информации, что обеспечило единство терминологии, а также устранило противоречия по отнесению той или иной информации к компьютерной.

Список использованных источников

1. Халиков, А.Н. Взаимодействие и конкуренция следственных действий / А.Н. Халиков // Рос. следователь. – 2006. – № 2. – С. 5.
2. Смирнов, А.В. Следственные действия в российском уголовном процессе : учеб. пособие для студентов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб., 2004. – С. 73.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 285-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 нояб. 1996 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h10800455&q_id=10747417. – Дата доступа: 08.04.2024.
6. Лыткин, Н.Н. Использование компьютерно-технических следов в расследовании преступлений против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Лыткин ; Моск. ун-т МВД России. – М., 2007. – 24 с.
7. Крылов, В.В. Современная криминалистика. Правовая информатика и кибернетика / В.В. Крылов. – М. : ЛексЭст, 2007. – 288 с.
8. Швед, Н.А. Несанкционированный доступ к компьютерной информации: анализ состава преступления [Электронный ресурс] / Н.А. Швед // Консультант-

Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

10. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2023. – 61 с.

11. Закон Республики Беларусь от 26 мая 2021 года № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100112&q_id=10747560. – Дата доступа: 28.04.2024.

УДК 343.8

Д.Д. Васильева, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тим*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

ИНСТИТУТ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Рассматривается генезис института ресоциализации лиц, осужденных к лишению свободы на определенный срок, а также зарубежный опыт реализации указанной формы уголовно-правового воздействия в ретроспективе. Показано авторское видение развития института ресоциализации осужденных в национальной научной мысли, а также место и роль данного института.

В связи с отбыванием наказания в виде лишения свободы у осужденных возникают условия, которые негативно влияют на их поведение, а также у них возникают трудности в социальной адаптации после освобождения из исправительных учреждений (ИУ). Крайне отрицательное воздействие на осужденных оказывают познание и усвоение элементов криминальной субкультуры. Во время отбытия наказания их семейные и родственные связи ослабевают, теряются навыки и рациональный подход при использовании материальных ресурсов, после освобождения возникает проблема в неумении принимать взвешенные и конструктивные решения в различных жизненных ситуациях, так как в ИУ они не принимали решения самостоятельно, а руководствовались правилами внутреннего распорядка и распоряжениями администрации ИУ. На сво-

боде предвзятое и стереотипное отношение со стороны окружающих, которые часто ставят пожизненное клеймо «зэка» лицу, которое освобождено из мест лишения свободы, создает осужденным значительные трудности, особенно в течение первых месяцев свободной жизни. Все эти факторы оказывают влияние на осужденных после отбытия ими наказания, делают их изгоями в социуме и в последующем детерминируют совершение ими новых преступных деяний, поэтому тема ресоциализации осужденных стала одной из ключевых в современной пенитенциарной науке. Применительно к осужденным ресоциализация представляет собой «комплекс мероприятий, направленных на восстановление, приобретение социальных связей, утраченных как вследствие преступной деятельности, так и в период вынужденной изоляции от общества».

Само понятие «ресоциализация осужденных к лишению свободы» («пенитенциарная ресоциализация») появилось сравнительно недавно. Тем не менее отдельные предпосылки и аспекты данного процесса имели место на протяжении всей истории человечества. Так, в Библии сохранились положения о ценности и неприкосновенности человеческой жизни, равенстве людей. Зарождение гуманистических идей восходит к временам древних славян. Формирование гуманного отношения у славян к нуждающимся, на наш взгляд, было связано с принятием христианства на Руси в 988 г. Заповедь Христа «просящему дай» практически означала следующее: накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице, призреть малое дитя. Так, святитель Митрофан Воронежский при объездах своей епархии всегда жертвовал на тюрьмы, посещал колодничные избы, обогревал души заключенных словом утешения [1, с. 13]. Царь Алексей Михайлович на Страстной неделе посещал тюрьмы и богадельни, раздавал милостыню, освобождал преступников, выкупал неоплатных должников. В религиозные праздники, такие как Рождество и Пасха, простой народ привозил к тюрьмам пищу для заключенных. На Руси существовала традиция молодоженов приезжать в день свадьбы в тюрьмы с корзиной калачей [2, с. 52].

Концепция ресоциализации осужденных была изучена в конце XIX в. в Европе. В то время отдельные авторы активно анализировали эффективность наказания в условиях изоляции от общества. Кроме того, в правоупослушном социуме были высказаны опасения по поводу отсутствия успеха в вопросах реабилитации осужденных после отбытия наказания и соответствующего роста рецидивной преступности.

Немецкие, бельгийские, голландские и французские криминологи и юристы подчеркивали влияние социальных факторов на преступность, философски дискредитируя изоляцию от общества как эффективный

метод исправления (ресоциализации). Гипотеза о том, что лишение свободы (изоляция) может привести к эффективному исправлению осужденных, была теоретически несостоятельна [3, с. 47].

Во второй половине XIX в. в России идея ресоциализации осужденных фактически приобретает первостепенное значение в вопросе исполнения уголовного наказания. Это подтверждается задачами и результатами проведенной в то время тюремной реформы по разработке качественно новых мер по обеспечению надлежащих условий содержания заключенных: построены новые помещения, созданы рабочие артели массовых профессий, открыты школы, отменены телесные наказания и каторжная ссылка. Несовершеннолетние преступники пользовались правом на свидание с родственниками и близкими без ограничения. За хорошее поведение им предоставлялся отпуск с выездом к месту жительства [4, с. 41]. В результате проведенной судебной реформы был признан приоритет перевоспитания человека, совершившего преступление.

Мы можем наблюдать, что в истории пенитенциарной политики на смену периоду устрашения приходит уголовно-политический (1872–1917). «Уголовно-политический период тюрьмы в том смысле, что он поставил себе задачей создать для карательных мер такие признаки, в силу которых они удовлетворяли бы интересам общества и заключенных как будущих членов общества» [5, с. 38].

Именно в это время, на наш взгляд, предпринята попытка тюремных преобразований и дальнейшего закрепления основ ресоциализации в законодательстве. Важной чертой указанного периода является пенитенциарно-педагогический характер исполнения наказания. Его цель состояла в обеспечении ресоциализации преступников, подготовке их к жизни в свободном обществе.

Началом отсчета времени уголовно-политического периода в истории пенитенциарной политики принято считать время, когда приступила к деятельности правительственная комиссия под председательством В.А. Соллогуба (1872 г.). Комиссия располагала материалами о недостатках тюремной системы, зарубежном опыте в европейских тюремных системах, наработанном пенитенциарно-педагогическом опыте столичных тюрем. Именно на рубеже XIX–XX вв. стали активно закладываться основы ресоциализации осужденных к лишению свободы, касающиеся социального обеспечения осужденных к лишению свободы, их нравственного, физического, духовного воспитания, применения психологических и педагогических методов работы.

Дальнейшее развитие идеи ресоциализации получили в отечественном уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве. Так,

в ст. 41 Уголовного уложения 1903 г. были предусмотрены следующие средства предупреждения преступности несовершеннолетних: воспитание, лечение, социальное обеспечение и лишь затем – меры уголовной репрессии [6, с. 34].

Идеи дальнейшего развития постпенитенциарного сопровождения осужденных отмечал С.В. Познышев. Он полагал, что целесообразно создать Главное Всероссийское общество патроната, которое объединяло бы все местные общества и пропагандировало бы идею патроната. Для полной реализации идей патроната необходимы Единый (нормальный) устав общества и широкая гласность их деятельности. Общество патроната должно через своих членов еще во время пребывания заключенных в тюрьме подготавливать их к возвращению на свободу. Желательно, чтобы некоторые освобождаемые арестанты в силу их индивидуальных особенностей принимались под покровительство в самый момент освобождения. Обществам патроната целесообразно создавать для освободившихся преступников убежища, хотя бы кратковременного характера, до момента устройства на постоянную работу [7, с. 55].

В 1904–1905 гг. был разработан проект так называемого нормально-го Устава Общества покровительства лицам, освобожденным из мест заключения Российской империи. Это была одна из попыток правительства создать общеимперский нормативный акт, на основе которого функционировали бы все организации, оказывающие помощь заключенным [8, с. 438].

Таким образом, к 1917 г. в российской уголовной и уголовно-пенитенциарной политике окончательно сформировалась идея о приоритете социально-воспитательной работы с осужденными. Меры данного вида обеспечивают большую эффективность процесса исправления осужденного и, как следствие, предупреждение преступности.

После революции 1917 г. произошел огромный всплеск преступности. Сложившаяся ситуация потребовала активных действий, направленных на борьбу с этим негативным явлением, в форме военно-революционных трибуналов [9, с. 52]. Однако практика показала, что карательная функция наказания не показывала положительные результаты в противовес социально-воспитательной. Поэтому праведы все же обращались к проблеме ресоциализации осужденных, в том числе и в постпенитенциарный период. Так, в приказе Главного тюремного управления от 18 марта 1917 г. № 3 отмечалось, что «...борьба с преступностью, ограниченная одним только применением наказания, никогда не может дать благоприятных результатов. Как бы ни было поставлено тюремное воспитание, оно само по себе не может надлежащим образом

выполнить свои задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывших наказание. Освобожденный из тюрьмы, оказавшись в таких условиях жизни, к которым он не приспособлен, может сразу же опуститься и погибнуть, если ему не будет оказана своевременная поддержка в той или иной форме» [10, л. 28].

Так, слово «ресоциализация» получило свое отражение в таком понятии, как «помощь». Впервые цели, порядок и условия организации помощи заключенным и освобождаемым из мест заключения получили законодательное закрепление после Октябрьской революции в Исправительно-трудовом кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (ИТК РСФСР) 1924 г. Решению данного вопроса ИТК РСФСР отводит Отдел 10, который содержит ст. 227–231, где указывались цели организации помощи. Для оказания помощи бывшим заключенным в каждой губернии (области) создавались комитеты помощи, которые действовали на основании специального положения. В ИТК РСФСР 1933 г. содержится перечень средств исправления осужденных, однако никакие постпенитенциарные меры в нем не указаны. Лишь в разд. 4, посвященном наблюдательным комиссиям, сказано, что данные комиссии непосредственно руководят оказанием трудовой и иных видов помощи освобождаемым из мест лишения свободы. Более детальную регламентацию по оказанию помощи осужденным закрепил ИТК РСФСР 1970 г. Согласно ст. 103 ИТК РСФСР 1970 г. лица, освобожденные из мест лишения свободы, должны были обеспечиваться бесплатным проездом к месту жительства или работы, а также продуктами питания или деньгами на путь следования по установленным нормам. И только в начале 1980-х гг. понятие «ресоциализация» появилось в советской криминологической науке [11, с. 125].

В настоящее время мы также можем наблюдать большой массив законодательства, регламентирующий процесс ресоциализации осужденных в той или иной форме. Перечислим следующие:

Международные акты в сфере исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы. Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ст. 8 Конституции Республики Беларусь);

Конституция Республики Беларусь как Основной Закон нашего государства регулирует все правоотношения, в том числе воспитание граждан и ограничение прав и свобод человека;

Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь. Статья 7, а также гл. 14 указанного акта непосредственно регулируют исправительное воздействие на осужденных к лишению свободы;

Правила внутреннего распорядка ИУ;

Положение о порядке оказания помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы и из-под стражи, а также порядке оплаты следования осужденных к месту отбывания наказания в виде ограничения свободы;

Методические рекомендации по организации в учреждениях уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториях МВД Республики Беларусь мероприятий, направленных на подготовку осужденных (граждан) к освобождению (прекращению нахождения в лечебно-трудовом профилактории).

Таким образом, мы можем видеть, что идеи ресоциализационного подхода в исполнении и отбывании наказания появились давно, однако определенные проблемы, связанные с указанным процессом, можем наблюдать и сегодня. Но все же, несмотря на тот факт, что понятие «ресоциализация осужденных» на научном уровне не разработано, так как нет его единого понимания, этим термином активно пользуются. К тому же, историей и практикой доказано, что карательное воздействие на осужденных сполна не способствует предупреждению совершения новых преступлений, а лишь усугубляет ситуацию с преступностью. Известные авторы еще во времена РСФСР высказывались о том, что преступник рано или поздно вернется на свободу, поэтому нельзя надеяться на его изоляцию, так как ему нужны компетентная помощь и поддержка в попытке стать на путь исправления, переосмысления своего поведения. Как итог, мы можем наблюдать, что на сегодня выработан относительно определенный порядок оказания помощи осужденным, освобожденным из учреждений уголовно-исполнительной системы, однако необходимость переосмысления цели уголовной ответственности становится как никогда актуальной.

Список использованных источников

1. Мельников, В.П. История социальной работы в России : учеб. пособие / В.П. Мельников, Е.И. Холостова. – 2-е изд. – М. : Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2004. – 342 с.
2. Бабушкин, А.В. История попечительства и посещения тюрем в России / А.В. Бабушкин // Попечение мест лишения свободы : сб. материалов / под ред. С.М. Шимволоса. – Н. Новгород : Право-защита, 1998. – 152 с.
3. Грязнов, С.А. Проблема ресоциализации осужденных / С.А. Грязнов // Основы экономики, упр. и права. – 2020. – № 3. – С. 47–49.
4. Федотова, И.Н. Постпенитенциарная ресоциализация осужденных как правовая и социальная проблема / И.Н. Федотова, Ю.П. Колесникова // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2016. – № 3. – С. 39–46.

5. Алексеев, В.И. Уголовно-политический период в истории пенитенциарной политики в России (1872–1917 гг.) / В.И. Алексеев // История государства и права. – 2011. – № 2. – С. 38–41.
6. Дыбенко, А.В. Уголовное наказание и предупреждение преступности несовершеннолетних / А.В. Дыбенко // Адвокат. – 2010. – № 10. – С. 32–36.
7. Познышев, С.В. Очерки тюрьмоведения : монография / С.В. Познышев. – М. : Печ. А.И. Снегиревой, 1913. – 264 с.
8. Андреева, Ю.В. Участие общества попечительного о тюрьмах и других организаций патроната в деятельности уголовно-исполнительной системы России / Ю.В. Андреева // Вестн. КрасГАУ. – 2012. – № 5. – С. 437–443.
9. Титов, Ю.П. История государства и права России : учеб. пособие / Ю.П. Титов. – М., 2003. – 544 с.
10. Андреева, Ю.В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ю.В. Андреева. – Красноярск, 2008. – 227 л.
11. Козловский, С.Н. Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях / С.Н. Козловский // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 122–128.

УДК 343.985

В.И. Вовна, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.С. Кудрявцев*

СООТНОШЕНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И МОНИТОРИНГА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Рассматривается понятие мониторинга в сети Интернет, его соотношение со смежными категориями.

В связи со все более важной ролью сети Интернет в жизни общества возникает необходимость осуществления оперативного обслуживания не только в реальном, но и в виртуальном мире. Помимо оперативного обслуживания в сети Интернет, есть сходное по структуре, но отличающееся по своему назначению направление – мониторинг в сети Интернет. В Республике Беларусь деятельность правоохранительных органов регулируется законодательством и организуется на основе принципов законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации. Соотношение оперативного обслуживания и мониторинга в сети Интернет играет

значительную роль в данной деятельности, поскольку обеспечивает быстрое реагирование на преступные действия и предотвращение их последствий. В эпоху развития сети Интернет возникает задача осуществления юридически значимых действий не только в реальном, но и в виртуальном мире. Для ее решения осуществляется мониторинг в сети Интернет, который обеспечивает быстрое реагирование на преступные действия и предотвращение их последствий. Концепция мониторинга в сети Интернет одним из первых была предложена и обоснована А.Л. Осипенко [1].

Мониторинг в сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности – это система мер, осуществляемых гласно и негласно оперативными подразделениями правоохранительных органов, направленных на регулярное наблюдение за состоянием, развитием и изменением оперативной обстановки на объектах мониторинга, их оценивании и прогнозировании, в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности. Он осуществляется правоохранительными органами и специальными службами, с применением специального программного обеспечения и технических средств. Мониторинг позволяет осуществлять контроль за сетевыми ресурсами, выявлять и предотвращать потенциальные угрозы, связанные с криминальной деятельностью, терроризмом, экстремизмом и другими противоправными действиями.

Мониторинг в сети Интернет проводится с использованием специальных программно-аппаратных комплексов, которые анализируют трафик, фильтруют и проверяют информацию, получаемую в сети. Он позволяет определять ключевые слова и фразы, связанные с преступной деятельностью, а также идентифицировать пользователей, занимающихся незаконной деятельностью.

Мониторинг в сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь проводится в соответствии с законодательством, регулирующим сферу информационных технологий и оперативно-розыскной деятельности. В рамках закона провайдеры интернет-услуг должны предоставлять доступ к информации о пользователях и их активности в сети по запросу органов внутренних дел.

Мониторинг в сети Интернет позволяет обеспечить безопасность государства и общества, выявлять и предотвращать преступные действия, разоблачать и пресекать экстремистскую и террористическую деятельность. Однако важно соблюдать право на конфиденциальность персональных данных и защиту личной жизни граждан, а также соблюдать принципы пропорциональности и необходимости при осуществлении мониторинга в интернете.

Смежным понятием с мониторингом в сети Интернет является оперативное обслуживание – совокупность мероприятий, направленных на сбор, анализ, систематизацию информации об оперативной обстановке на конкретном участке местности, объекте. Оно является подсистемой, которую следует отличать от оперативного поиска [2, с. 177–178]. В сочетании с мониторингом в сети Интернет оперативное обслуживание позволяет своевременно выявлять и реагировать на преступные действия, а не только наблюдать за ними. Оперативное обслуживание предоставляет информацию о потенциальной угрозе или преступлении, а мониторинг позволяет конкретизировать и проверить эту информацию. Однако мониторинг сам по себе не является достаточным для эффективной оперативно-розыскной деятельности. Важным элементом работы оперативных подразделений является оперативное обслуживание – совокупность мероприятий, направленных на сбор, анализ, систематизацию информации об оперативной обстановке на конкретном участке местности.

В некоторых случаях мониторинг может быть приоритетным и служить основным инструментом для выявления преступлений, особенно в случаях использования интернета для планирования и совершения преступной деятельности. В других случаях оперативное обслуживание может сыграть основную роль.

Оперативное обслуживание и мониторинг в сети Интернет являются взаимосвязанными и взаимодополняющими процессами в оперативно-розыскной деятельности. Только сочетание этих двух процессов может обеспечить эффективное противодействие преступной деятельности в сети Интернет и обеспечение безопасности граждан в Республике Беларусь.

Общие принципы оперативного обслуживания и мониторинга включают в себя следующие аспекты: оперативное обслуживание включает в себя сбор, анализ и хранение информации, получаемой в процессе оперативно-розыскной деятельности на определенной территории или в отношении конкретных видов преступлений. А мониторинг производит те же действия только в сети Интернет, а именно в публичных и закрытых ресурсах, социальных медиа, электронной почте и т. д.; оперативное обслуживание, как и мониторинг, – это непрерывный процесс в повседневной оперативно-розыскной деятельности.

Разграничение оперативного обслуживания с мониторингом в сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь осуществляется в соответствии со следующими аспектами: разграничение оперативного обслуживания с мониторингом в сети Интернет осуществляется путем установления четкой структуры и порядка взаимо-

действия специалистов, осуществляющих оперативную деятельность и мониторинг в сети Интернет. Для проведения мониторинга в сети Интернет необходимо наличие специального программного обеспечения, современной компьютерной техники и владение специальными знаниями в сфере высоких технологий; оперативное обслуживание в сети Интернет ограничивается конкретным сайтом или форумом, в то время как мониторинг направлен на наблюдение в целом за всей информацией, находящейся в сети Интернет.

Проблемы оперативного обслуживания и мониторинга в сети Интернет: низкая скорость соединения. В некоторых регионах Республики Беларусь скорость соединения с интернетом может быть недостаточной для оперативной передачи и получения информации. Это замедляет работу оперативных подразделений и усложняет получение оперативной информации в режиме реального времени;

ограничение доступа. В Республике Беларусь может ограничиваться доступ к определенным сайтам и ресурсам в интернете. Это может затруднить получение необходимой информации оперативным подразделением;

безопасность. Использование интернета в оперативно-розыскной деятельности может представлять опасность для безопасности информации, возможность перехвата и взлома данных может быть угрозой для оперативных подразделений и их информационной безопасности;

недостаток квалифицированного персонала. Эффективное использование интернета требует наличия квалифицированного персонала, владеющего современными методами работы с сетью. Отсутствие специалистов в этой области может привести к неэффективной работе оперативных служб;

зависимость от информационных технологий. В случае сбоев или проблем с техническим обслуживанием сети Интернет оперативные подразделения могут временно потерять доступ к необходимой информации. Это усложняет их деятельность;

ограниченная материально-техническая база. В большинстве оперативных подразделений нет достаточной материальной-технической базы для совершенствования техники и приобретения современного программного обеспечения.

Проблемы оперативного обслуживания в сети Интернет и мониторинга могут оказывать отрицательное влияние для целостности структуры теории оперативно-розыскной деятельности в Республике Беларусь. Для их решения необходимо улучшение технической инфраструктуры, повышение безопасности информации и обеспечение квалифицированным персоналом.

Проблемы разграничения мониторинга в сети Интернет от оперативного обслуживания сайтов в оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь могут приводить к нарушению структурной целостности теории оперативно-розыскной деятельности. Перечислим основные проблемы, связанные с этим вопросом.

1. Недостаточное понимание органами внутренних дел Республики Беларусь специфики мониторинга в сети Интернет и его разграничения с оперативным обслуживанием в сети Интернет.

Мониторинг в сети Интернет отличается от обычного оперативного обслуживания и требует специализированных знаний и навыков. Сотрудникам органов внутренних дел необходимо обладать соответствующими знаниями для проведения мониторинга в сети Интернет и понимания особенностей работы с цифровыми технологиями. В противном случае они могут неэффективно выполнять свои задачи и допускать нарушения прав граждан.

2. Отсутствие четкой юридической базы для проведения мониторинга в сети Интернет.

В Республике Беларусь отсутствует четкое регулирование процедур и правил проведения мониторинга в сети Интернет. Это может приводить к произволу и нарушениям прав граждан. Необходимость введения четких механизмов мониторинга в сети Интернет, которые обеспечивали бы защиту прав граждан и соблюдали принципы оперативно-розыскной деятельности.

3. Отсутствие современных технических средств для проведения мониторинга в сети Интернет.

Мониторинг в сети Интернет требует использования специализированного оборудования и программного обеспечения. Однако во многих подразделениях органов внутренних дел Республики Беларусь отсутствуют современные технические средства для проведения мониторинга в сети Интернет. Это ограничивает возможности органов оперативно-розыскной деятельности в эффективном выполнении своих задач.

4. Неэффективная координация и взаимодействие между органами оперативно-розыскной деятельности и провайдерами интернет-услуг.

Для успешного мониторинга в сети Интернет необходимо сотрудничество и координация действий между органами оперативно-розыскной деятельности и провайдерами интернет-услуг.

Таким образом, мониторинг в сети Интернет и оперативное обслуживание стали неотъемлемыми компонентами данной деятельности в Республике Беларусь.

Мониторинг в сети Интернет представляет собой процесс систематического наблюдения, сбора и анализа информации, поступающей из

сети. Он позволяет оперативным службам получать актуальные данные о возможных угрозах и преступных действиях, происходящих в сети. Это включает в себя отслеживание преступной активности, контроль за передвижением подозреваемых лиц и обнаружение их связей.

Оперативное обслуживание в сети Интернет является узконаправленной деятельностью, которая включает в себя сбор, анализ, систематизацию и обработку информации, полученной из конкретных сайтов или форумов.

В соотношении между мониторингом и оперативным обслуживанием в сети Интернет следует учитывать несколько аспектов. Во-первых, мониторинг предоставляет более широкий круг данных для оперативно-розыскной деятельности, позволяя оперативным подразделениям анализировать текущую ситуацию и планировать свои дальнейшие действия. Во-вторых, оперативное обслуживание в сети Интернет предоставляет более точную информацию о конкретных сайтах и форумах, что положительно влияет на выявление конкретных преступлений, или преступлений на конкретной территории. Мониторинг и оперативное обслуживание – взаимодополняющие мероприятия, создающие комплексный подход к оперативно-розыскной деятельности.

Кроме того, важно отметить, что сеть Интернет постоянно развивается и меняется, поэтому оперативным подразделениям необходимо постоянно модернизировать свои методы мониторинга и оперативного обслуживания. Это включает в себя разработку новых технологий, методических рекомендаций и обновление законодательства для эффективного противодействия преступности в сети Интернет.

В целом соотношение между мониторингом и оперативным обслуживанием в сети Интернет в оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь является важным элементом теории оперативно-розыскной деятельности. Обе функции необходимы для решения задач оперативно-розыскной деятельности, а также для обеспечения безопасности информации, защиты прав граждан и предотвращения преступной активности.

Список использованных источников

1. Осипенко, А.Л. Оперативно-розыскной мониторинг информационных ресурсов глобальных компьютерных сетей / А.Л. Осипенко // Оперативник (сшычик). – 2009. – № 3. – С. 27–31.

2. Харевич, Д.Л. О соотношении оперативного обслуживания и выявления первичной информации (оперативного поиска) / Д.Л. Харевич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 175–178.

Э.Э. Гасымов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *А.М. Субцельный*

Рецензент – кандидат юридических наук *Д.С. Кудрявцев*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ И УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются правовые и организационные основы обеспечения безопасности защищаемых лиц, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности, проблемные вопросы, возникающие в вышеизложенной сфере, и пути их разрешения.

В ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») указано, что оперативно-розыскная деятельность (ОРД) является одним из государственно-правовых средств защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечения безопасности общества и государства. Государственный характер ей придает тот факт, что возникающие в связи с осуществлением указанной деятельности правоотношения урегулированы специальным законом, в котором наряду с вопросами борьбы с преступностью идет речь об обеспечении безопасности субъектов и участников ОРД.

Кроме этого, ОРД законодательно определена и санкционирована государством, ограничена кругом ее специальных субъектов, выступающих от имени государства и специально уполномоченных на ее осуществление, реализуется в порядке и пределах, определенных и ограниченных им, подконтрольна государственным органам, направлена на обеспечение права и его защиту специфическими средствами и методами с соблюдением конспирации, с проведением оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) гласно и негласно.

Государственная защита является основным способом защиты во всем правозащитном механизме, что обуславливается следующими факторами:

государство располагает системой органов, которая обязана осуществлять деятельность по защите прав личности, интересов общества и государства;

государство располагает набором юридических средств для выполнения этих функций;

государство располагает полномочиями по принятию нормативных правовых и иных актов, и только они являются юридической основой для выполнения правозащитных полномочий;

только государство обладает аппаратом принуждения для выполнения правозащитных задач, привлечения виновных к ответственности и профилактики новых нарушений [1, с. 13].

Субъектами государственной защиты в широком смысле слова являются все государственные органы, которые структурно входят в государственный механизм, и их должностные лица. Основным субъектом выступает Президент Республики Беларусь как гарант конституционных прав и свобод граждан. Он определяет общую государственно-правовую политику и обладает необходимым объемом полномочий для выполнения правозащитных задач.

Субъектами государственной защиты являются органы государственной власти: законодательной, исполнительной, судебной. Законодательная ветвь власти призвана осуществлять нормативное регулирование всех общественных отношений, связанных с признанием, соблюдением и защитой прав и свобод человека. Органы исполнительной власти обеспечивают исполнение нормативных предписаний.

Изучение специальной литературы, касающейся рассматриваемой проблемы, показывает, что авторами в своих работах чаще всего употреблялись два термина: «государственная защита» и «обеспечение безопасности», нередко содержательно являвшиеся тождественными [2, 3]. На наш взгляд, понятие государственной защиты более широкое, поскольку включает кроме непосредственно деятельности по обеспечению безопасности (применению мер безопасности) также меры социальной и правовой защиты.

В словаре русского языка С.И. Ожегова безопасность определяется как положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь или чему-нибудь. В свою очередь, под защитой понимается: 1) охрана, ограждение от посягательств, от враждебных действий, от опасности; 2) предохранение, обезопасивание от чего-нибудь и 3) отстаивание мнения перед критикой, возражением [4]. С уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной точек зрения безопасность соотносится с состоянием защищенности гражданина как участника уголовного процесса или ОРД от негативного воздействия иных лиц.

На первый взгляд, понятия «безопасность» и «защита» сходны, поскольку направлены на нормальное функционирование соответствующей системы, в нашем случае деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью, создание условий, в которых не-

возможно причинение вреда ее субъектам и участникам. В то же время эти понятия имеют определенные отличия.

Безопасность – это состояние, при котором риски и угрозы кому-либо или чему-либо минимальны или отсутствуют и представляют собой такую степень защищенности, при которой сохраняется сущность и целостность объекта при наличии целенаправленного воздействия, приводящего к разрушению [5, с. 15]. В свою очередь, защита – более узкое понятие, которое охватывает защиту жизни, здоровья, имущества граждан от различных угроз и опасностей. Защита личности включает в себя такие аспекты, как обеспечение личной безопасности, защита от преступлений, предотвращение нарушений прав человека и гражданина. Государственная защита фокусируется на защите интересов государства в целом, в то время как защита личности направлена на обеспечение безопасности конкретного гражданина.

Обе сферы деятельности имеют свою важность и необходимость в современном обществе, поскольку обеспечение как государственной безопасности, так и защиты личности является залогом стабильности и благополучия общества.

Применительно к ОРД цель государственной защиты, по сути, не отличается от соответствующих мер, применяемых в иных сферах (уголовно-процессуальной, административно-процессуальной и др.). Вместе с тем особый статус субъектов и участников ОРД предъявляет дополнительные требования как к правовому регулированию вопросов, связанных с обеспечением безопасности, в первую очередь граждан, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим ОРД, и их близких, сохранности их имущества от преступных посягательств, так и к организационно-тактическим аспектам применения соответствующих мер безопасности [6, л. 136].

Необходимость создания специальной системы гарантий для защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД, обусловлена в первую очередь наличием потенциальной угрозы совершения противоправных действий в отношении их (жизни, здоровья, имущества, родных, близких и т. д.) со стороны представителей криминальной среды. Создание данной системы необходимо также в целях защиты от возможных неправомерных действий должностных лиц и граждан, вызванных сотрудничеством с этими органами.

Особенность ОРД, заключающаяся главным образом в негласности проведения ОРМ, использовании соответствующих средств и методов в целях обеспечения государственной защиты в отношении лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, и их близких носит

обеспечивающий характер. Именно посредством способов и методов этой деятельности устанавливается степень угрозы в отношении последних, что дает возможность обеспечить реальную безопасность лица и его имущества, потому что если посягательство уже состоялось, то и средства обеспечения безопасности теряют практическое значение.

Форма содействия граждан органам внутренних дел детерминирует систему мер по обеспечению безопасности защищаемых лиц в сфере ОРД. Законом «Об ОРД» определено, что при сотрудничестве на неконфиденциальной основе лицу может быть предоставлена только правовая защита. При сотрудничестве на конфиденциальной основе гражданам (помимо правовой) обеспечиваются социальная защита, представляющая собой создание условий для компенсации ограничений в связи с участием лица в осуществлении ОРД, и предоставление им возможности участия в жизни общества, равных с другими гражданами, а также применение мер безопасности.

Правовая защита граждан в сфере ОРД – это совокупность правовых норм, обеспечивающих безопасность жизни, здоровья, имущества граждан в связи с их участием в осуществлении ОРД. Эта защита распространяется как на граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, так и на граждан, привлеченных этими органами к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них.

Видами правовой защиты являются:

заключение договора о предоставлении для использования органам, осуществляющим ОРД, принадлежащих гражданам на праве собственности, находящихся у них в пользовании помещений, транспортных средств, средств связи, иного имущества;

получение вознаграждения и других выплат;

компенсация затрат, понесенных в связи с участием гражданина в ОРД, а также устранение наступивших в связи с этим негативных последствий;

обжалование действий органов, осуществляющих ОРД;

сохранение в тайне сведений об оказании гражданином содействия органам, осуществляющим ОРД;

обеспечение сохранности имущества гражданина от посягательств, связанных с оказанием содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД;

заключение контракта с органами, осуществляющими ОРД;

указание в материалах ОРД, отражающих ход проведения ОРМ, их персональных данных только с согласия и в письменной форме;

представление прокурору, его заместителю, суду сведений об оказании гражданином содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, только с их согласия и в письменной форме и др.

Социальная защита в сфере ОРД – это система гарантированных государством экономических, социальных и правовых мер (льгот, материального обеспечения, обслуживания и др.), обеспечивающих условия для компенсации гражданину ограничений в связи с участием в осуществлении ОРД и предоставления возможности участия в жизни общества, равных с другими гражданами.

К видам социальной защиты относятся:

получение вознаграждения и других выплат в связи с оказанием содействия органам, осуществляющим ОРД, в решении задач борьбы с преступностью;

включение в стаж работы в качестве основного рода занятий периода оказания содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД (для отдельных категорий граждан);

пенсионное обеспечение за период оказания содействия на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД (для отдельных категорий граждан);

выплата гражданину единовременного пособия при получении в связи с оказанием им содействия органам, осуществляющим ОРД, телесных повреждений, исключающих возможность дальнейшего сотрудничества в целях решения задач борьбы с преступностью;

получение членами семьи гражданина, оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющему ОРД, единовременного пособия в случае его гибели (смерти);

получение членами семьи гражданина, оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющему ОРД, пенсии по случаю потери кормильца в случае его гибели (смерти).

Анализ нормативных правовых актов показывает, что меры безопасности – это термин, использующийся не только в сфере ОРД. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержится гл. 8 «Меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса и других лиц». Об этом правовом институте идет речь и в Законе Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З «О государственной защите» [7]. При этом отдельные из мер по обеспечению безопасности защищаемых лиц, применяемых в уголовном процессе и ОРД, сходны между собой, а отдельные даже тождественны (неразглашение сведений о личности, изменение паспортных данных и замена документов, личная охрана, охрана жилища и имущества, обеспечение конфиденциаль-

ности сведений, изменение данных документа, удостоверяющего личность, замена документов).

Использование средств и методов ОРД по применению мер безопасности в отношении субъектов и участников ОРД, а также их близких носит обеспечивающий характер. Именно посредством способов и методов этой деятельности можно установить данные о степени угрозы в отношении этих граждан, что дает возможность обезопасить гражданина, его близких и их имущество, потому что если посягательство на них уже состоялось, то и средства обеспечения безопасности теряют практическое значение, а при наличии соответствующих последствий такого посягательства необходимо уже будет применять меры социальной поддержки, которые являются компенсацией за причиненный вред или ущерб.

Под угрозой в самом общем виде понимается высказанное гражданину в связи с его сотрудничеством с правоохранительными органами в целях устрашения намерение причинить вред. Это может быть угроза убийством, причинением телесного повреждения, уничтожения или повреждения имущества. При этом виновный может угрожать причинением вреда как непосредственно гражданину, оказывающему или оказывавшему содействие органам, осуществляющим ОРД, так и его близким (например, ребенку).

Формы проявления угрозы включают любые способы доведения устрашающей информации до сознания человека: посредством жестов, демонстрации оружия или иных опасных орудий, устно, письменно, через средства связи или массовой информации. Она может быть высказана как наедине, так и публично.

Подытоживая изложенное, необходимо подчеркнуть, что:

1) обеспечение безопасности в сфере ОРД представляет собой систему мер правовой, социальной защиты, а также мер безопасности, содержащихся в Законе «Об ОРД». Эти меры носят государственно-охранный характер, их применение сопряжено с проведением ОРМ, использованием сил, средств и методов ОРД;

2) особый статус субъектов и участников ОРД предъявляет дополнительные требования как к нормативному регулированию вопросов государственной защиты таких лиц, так и к организации и тактике применения соответствующих мер безопасности.

Список использованных источников

1. Терехин, В.А. Судебная защита : учеб. пособие / В.А. Терехин. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – 160 с.

2. Прудников, А.С. Безопасность личности и ее обеспечение органами внутренних дел (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид.

наук : 12.00.01, 12.00.02 / А.С. Прудников ; Юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. – М., 1999. – 38 с.

3. Епихин, А.Ю. Проблемы защиты участников процесса при производстве по уголовному делу // Вестн. Коми респ. акад. гос. службы и упр. при Главе Респ. Коми. Серия «Государство и право». – Сыктывкар : КРАГСиУ, 2000. – № 3. – С. 24–27.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1985. – 797 с.

5. Жариков, Е.В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Жариков ; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2004. – 25 с.

6. Кудрявцев, Д. С. Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.С. Кудрявцев. – М., 2019. – 204 л.

7. О государственной защите [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 340-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 292-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 342

А.А. Давид, курсант факультета милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Подупейко*

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ

Рассматриваются проблемы правового регулирования статуса частных военных компаний по законодательству иностранных государств и международных организаций. Проводится анализ проблем, вытекающих из смешения сотрудников частных военных компаний с гражданским населением – «некомбатантами», вводится понятие «серая зона» и рассматривается проблематика «незаконных комбатантов».

Проблема определения правового статуса частных военных и охранных компаний (ЧВОК) заключается в том, что международное гуманитарное право (МГП) не предусматривает особого статуса для таких корпоративных субъектов, как ЧВОК. За исключением маловероятного случая, когда ЧВОК становится независимой негосударственной стороной вооруженного конфликта, ее права и обязанности как корпоративно-

го субъекта определяются не международным, а национальным правом, включая, в соответствующих случаях, корпоративное уголовное право. В определенной степени отсутствие прямых международно-правовых обязательств для корпоративных субъектов по международному праву компенсируется готовностью многих компаний, подписавших ICoS, соблюдать стандарты, установленные международным правом, при осуществлении деятельности в условиях вооруженного конфликта [1].

Вопрос о статусе, правах и обязанностях по МГП имеет большее значение для отдельных сотрудников и подрядчиков ЧВОК. Все сотрудники частных военных компаний (ЧВК), действующие по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, обязаны соблюдать нормы международного права и нести уголовную ответственность за серьезные нарушения (военные преступления), независимо от своего статуса. Статус того или иного лица имеет значение прежде всего для определения права персонала ЧВОК на тот или иной правовой режим защиты и обращения в соответствии с положениями МГП.

В данном случае то, какой правовой режим применяется, зависит от того, является ли конкретный подрядчик или сотрудник «гражданским лицом», «гражданским лицом, сопровождающим вооруженные силы» или «гражданским лицом, непосредственно участвующим в военных действиях», или «членом вооруженных сил», привилегированным «комбатантом», имеющим право на статус «военнопленного», «членом вооруженных сил» или «военнопленным», «комбатантом», находящимся под защитой IV Женевской конвенции [2], зависит от того, подпадают ли они под категорию «гражданских интернированных» или «наемников», которым предоставляется защита. Согласно МГП все эти категории имеют особый статус с определенными правами и обязанностями.

Сегодня большинство сотрудников ЧВОК, действующих в вооруженных конфликтах, пользуются гражданским статусом и защитой от нападения, поскольку не являются военнослужащими и не принимают непосредственного участия в боевых действиях. Тем не менее их близость к вооруженным силам и военным операциям может повышать риск случайных жертв. В международных вооруженных конфликтах сотрудники ЧВОК, официально уполномоченные сопровождать вооруженные силы, остаются гражданскими лицами, но в случае захвата получают статус военнопленных. Однако, как и другие гражданские лица, они не обладают привилегиями комбатантов и, следовательно, не имеют права непосредственно участвовать в боевых действиях.

Если персонал ЧВОК включается в состав вооруженных сил воюющей страны, то он перестает считаться гражданским лицом или граж-

данским субъектом и становится членом вооруженных сил этой страны. Важно отметить, что в этом случае они могут быть включены в состав регулярных вооруженных сил в соответствии с национальным законодательством, либо просто получить разрешение на непосредственное участие в боевых действиях от имени государства-участника, и тогда они становятся частью нерегулярного ополчения или группировки, принадлежащей воюющей стороне. В таких случаях они могут входить в состав иррегулярного ополчения или группировки, принадлежащей воюющей стороне. В международных вооруженных конфликтах такому персоналу ЧВК предоставляются привилегии комбатанта и статус военнопленного на тех же основаниях, что и другим военнослужащим.

Наконец, вопрос о выполнении персоналом ЧВК боевых функций в интересах воюющей стороны также затрагивает деликатную тему «наемничества». Хотя порог для определения наемников в ст. 47 Дополнительного протокола I очень высок, нельзя исключать возможность того, что некоторые сотрудники ЧВК соответствуют этому определению. Действительно, если сотрудники ЧВК специально нанимаются для непосредственного участия в боевых действиях в обмен на вознаграждение, значительно превышающее зарплату регулярных военных, их, вероятно, следует считать наемниками в соответствии с МГП, если только они не являются гражданами государства-участника или территории, или не были включены в состав вооруженных сил государства-участника. Как наемники, они могут подвергаться законным нападениям, но не имеют права на привилегии комбатантов или статус военнопленных.

С другой стороны, статус человека в соответствии с МГП имеет значение в двух областях: ведение боевых действий и защита после захвата. Вопрос о статусе определяет, является ли человек законной военной целью или защищен от прямого нападения.

Это различие соответствует различию между гражданскими лицами и военнослужащими. Гражданские лица защищены от нападения (пока они непосредственно участвуют в боевых действиях), в то время как военнослужащие являются законными военными целями (пока они не отстранены от выполнения боевых обязанностей). Следует отметить, что исключение касается непосредственного участия в боевых действиях и основывается на индивидуальном поведении, а не на статусе. В контексте боевых действий любой статус, кроме гражданского и военнослужащего, не имеет значения. Статус комбатанта также не имеет здесь значения, поскольку он лишь предоставляет комбатантам иммунитет от преследования за законные военные действия. Что касается защиты после захвата, то в зависимости от статуса в соответствии с МГП применяются различные правовые режимы.

Комбатанты не преследуются за участие в законных военных действиях, в то время как «некомбатанты» таким иммунитетом не обладают. Военнопленные могут быть интернированы до окончания военных действий только на основании своего статуса, без суда и следствия, в то время как интернированные в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. [3] не реже двух раз в год проходят процедуру индивидуально-переосвидетельствования, чтобы определить, сохраняется ли угроза безопасности, оправдывающая их интернирование и требующая продления срока интернирования. Они имеют право на индивидуальную процедуру переосвидетельствования для определения. Наконец, лица, имеющие статус «наемника», не пользуются ни статусом военнопленного, ни привилегиями комбатанта.

В этом контексте основное практическое значение вопроса о статусе ЧВК касается ведения боевых действий, разграничения законных военных целей и целей, защищенных от преследования законом. МГП, регулирующее немеждународные вооруженные конфликты, не предписывает отдельных категорий или статусов, но дает право всем лицам, которые не принимают или уже не принимают непосредственного участия в боевых действиях, на базовую защиту в виде гуманитарного обращения и судебных гарантий.

Поэтому с практической точки зрения наиболее актуальным является вопрос о привлечении персонала ЧВК в обстановку, близкую к непосредственным боевым действиям, и именно в этой области присутствие тысяч сотрудников ЧВОК вносит большую путаницу. Смещение негосударственных вооруженных формирований с гражданским населением является проблематичным на протяжении десятилетий, поскольку различие между гражданским населением и комбатантами размывается. Однако государство само во многом усугубляет эту проблему, все больше втягивая персонал ЧВК в «серую зону» между военными и гражданскими функциями. Хотя трудно предсказать долгосрочные последствия такой политики, необходимость создания международным сообществом полноценной системы регулирования деятельности и статуса ЧВК, интегрированной в МГП, становится все более насущной, даже если это не запрещено законом.

Список использованных источников

1. Международный кодекс корпоративной этики частных поставщиков услуг безопасности [Электронный ресурс] // URL: https://www.icoca.ch/sites/all/themes/icoca/assets/icoc_russian3.pdf (дата обращения: 28.04.2024).

2. Конвенция о защите гражданского населения во время войны, от 12 августа 1949 года [Электронный ресурс] // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 28.04.2024).

3. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года [Электронный ресурс] // URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_gus.pdf (дата обращения: 28.04.2024).

УДК 336.22

К.А. Ерофеев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Рассматривается налог на добавленную стоимость как важный инструмент функционирования государственного бюджета. Проанализирована основная проблематика касательно преступлений в сфере налогообложения, отмечена важность своевременного выявления фактов уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость.

В современном мире, где экономические отношения развиваются с беспрецедентной скоростью, налоги играют ключевую роль в финансовой стабильности государства. Они составляют основной сегмент доходов государственной казны, при этом их доля может достигать от общего объема поступлений. Это подчеркивает важность системы налогообложения как одного из главных механизмов государственного управления.

Несмотря на то что система государственного контроля кажется жесткой и достаточно урегулированной, проблема уклонения от уплаты налогов остается актуальной. Криминогенная обстановка, связанная с неуплатой налогов в бюджет, продолжает оставаться сложной и многогранной. Это вызывает необходимость постоянного совершенствования механизмов контроля и усиления ответственности за нарушения налогового законодательства.

Важно понимать, что налоги – это не просто обязательные платежи, это инструмент, который позволяет государству функционировать и развиваться. Они финансируют образование, здравоохранение, социальную инфраструктуру и многие другие важные сферы жизни общества.

Поэтому каждый гражданин, платя налоги, вносит свой вклад в развитие своей страны. Именно поэтому так важно бороться с налоговыми преступлениями и стремиться к созданию справедливой и эффективной системы налогообложения.

Налог на добавленную стоимость (НДС) является косвенным республиканским налогом. Это означает, что он взимается с потребителей, а не с производителей товаров и услуг. НДС играет важную роль в общем объеме дохода государственного бюджета Республики Беларусь.

Государственный бюджет, в свою очередь, используется для решения множества общегосударственных вопросов. Большая часть бюджета расходуется на финансирование национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности. Это включает в себя поддержку вооруженных сил, органов внутренних дел, судебной системы и других органов, обеспечивающих безопасность граждан.

Кроме того, значительная часть бюджета расходуется на поддержку национальной экономики. Это может включать в себя инвестиции в инфраструктуру, поддержку отраслей промышленности, сельского хозяйства и других ключевых секторов экономики.

Бюджет также финансирует важные социальные службы, образование, здравоохранение и социальную политику. Это включает в себя школы, больницы, программы социального обеспечения и многое другое [1, с. 134].

В экономической теории важно понимать, что увеличение налоговых ставок не всегда приводит к пропорциональному увеличению фактических налоговых поступлений. Это было доказано американским экономистом А. Лаффером, который установил, что рост налоговых доходов замедляется после достижения определенного уровня налоговых ставок, и в конечном итоге останавливается.

Эта теория показывает, что если с рыночных субъектов изымается более 35–40 % прибыли, расширение производства и инвестиции становятся невыгодными. Другими словами, чрезмерное налоговое бремя снижает стимулы к производству у экономических агентов, их активность уменьшается, и, следовательно, уменьшается налоговая база.

При слишком большом налоговом бремени эффект от сокращения налоговой базы (экономический эффект) может перекрыть эффект от роста налоговых ставок (арифметический эффект). Иными словами, стимулирующая функция налоговой системы, которая влияет на активность рыночных субъектов, нейтрализуется фискальной функцией, целью которой является пополнение бюджета.

Из этого следует, что уголовно-правовые характеристики соответствующих преступлений, которые отражают общественную опасность уклонения от уплаты налогов, должны соответствовать реальной экономической политике государства. Согласно современным доктринальным взглядам на криминальные характеристики преступлений против экономического порядка к ним следует отнести такие характеристики, как обман, злонамеренное поведение, незаконный и преднамеренный характер действий. Эти типы криминальных характеристик не вызывают сомнений (обманный характер действий) и могут обоснованно рассматриваться (злонамеренный характер действий) как основа для установления уголовного запрета. Важным вопросом, по нашему мнению, является отнесение неуплаты налогов к обманным действиям, а также определения границ и критериев честной минимизации налоговых обязательств (налоговой оптимизации). При этом действующее законодательство не содержит четких критериев для разграничения незаконной и законной налоговой минимизации. Кажется, что решение этой проблемы может быть только на уровне применения права при оценке тех или иных обстоятельств в каждом конкретном случае. Незаконный характер действий проявляется через указание на конкретные формы и способы минимизации налогов, которые исключают достижение целей, предусмотренных налоговым законодательством. Злонамеренность, которая присуща уголовно наказуемому уклонению от уплаты налогов и которая отсутствует в административных правонарушениях против порядка налогообложения, проявляется в специфических «обманных» способах, преднамеренной природе, а также в большом (в широком смысле этого слова) объеме неуплаченных налогов [2, с. 73–74].

В связи с этим своевременная и правильная уплата НДС хозяйствующими субъектами имеет первостепенное значение. Это означает, что государственный бюджет получает необходимые средства для финансирования всех этих значимых функций. Поэтому важно, чтобы все хозяйствующие субъекты осознали свою ответственность и уделяли должное внимание уплате НДС.

Существует множество способов уклонения от уплаты НДС. Наиболее распространенными из них являются:

непредставление налоговой декларации. Один из самых простых способов уклонения от уплаты налогов. Налогоплательщик просто не представляет налоговую декларацию, игнорируя свои обязательства перед государством;

включение в налоговую отчетность фиктивных сведений;

занижение доходов и (или) искажение данных о расходах (один из самых распространенных способов);

сокрытие объектов налогообложения или занижение суммы налога другими способами;

непредставление бухгалтерской отчетности;

внесение в документы бухгалтерско-финансовой отчетности фиктивных сведений, что включает в себя подделку финансовых документов и внесение в них недостоверных данных.

Все эти способы уклонения от уплаты НДС наносят ущерб государственному бюджету и подрывают экономическую стабильность страны. Поэтому борьба с налоговыми преступлениями является важной задачей для государственных органов [3, с. 225].

Несмотря на отсутствие прямого уголовного запрета и официальных разъяснений по незаконному возмещению НДС, включая случаи внешнеэкономической деятельности, для глубокого понимания этого преступления необходимо провести его уголовно-правовую характеристику.

Понимание и определение понятия «объект» не может быть недооценено. Это ключевой элемент, который позволяет нам правильно ответить на множество других теоретических и практических вопросов, связанных с данной темой.

Объект преступления – это общественные отношения, которые преступление нарушает или создает угрозу их нарушения. Определение объекта преступления – это важный шаг в анализе преступного посягательства, который определяет дальнейший выбор группы смежных составов.

Родовой объект преступлений в сфере экономики – это экономические отношения, связанные с производством, обменом, распределением и потреблением благ. Это определение, предложенное А.Г. Безверховым, полно отражает содержание родового объекта преступлений в сфере экономики [4, с. 93–94].

Непосредственный объект уклонения от уплаты сумм налогов, сборов – это общественные отношения в сфере формирования государственного бюджета Республики Беларусь, отношения по поводу налоговых платежей и сборов в государственные бюджеты всех уровней. Доходы бюджета каждой административно-территориальной единицы Республики Беларусь формируются за счет налогов, сборов и других обязательных платежей, а также иных поступлений в соответствии с законодательством Республики Беларусь [5].

Важно отметить, что процесс возмещения НДС осуществляется в двух различных формах: зачет и возврат. Каждая из этих форм имеет свои особенности и влияет на государственный бюджет разными способами.

В случае возврата сумм НДС, процесс происходит следующим образом: суммы НДС возвращаются на расчетный счет налогоплательщика.

Это означает, что государственный бюджет теряет часть своего дохода. Другими словами, деньги, которые ранее были частью бюджета, возвращаются обратно налогоплательщику.

С другой стороны, при зачете в государственный бюджет не поступают суммы государственных налогов, которые были уменьшены за счет налоговых вычетов по НДС. Это означает, что доходная часть бюджета сокращается. В этом случае государство, по сути, само себе уплачивает налог за налогоплательщика.

Объективная сторона преступления, связанного с незаконным возмещением НДС, это внешняя сторона общественно опасного посягательства. Налоговые преступления могут быть совершены как путем действия, так и путем бездействия. Среди способов налоговых преступлений имеются активные и пассивные виды, направленные на уклонение от уплаты налогов. Уклонение от уплаты налогов путем включения искаженных данных в декларацию является примером «смешанного бездействия». Применительно к незаконному возмещению НДС, преступление характеризуется неисполнением обязанности по уплате налогов, сопровождаемым активными действиями по включению ложных сведений в налоговую декларацию. Эта позиция спорна, поскольку возмещение НДС осуществляется на основании документов, представляемых налогоплательщиком. Составление этих документов осуществляется путем активных действий [6, с. 21].

Стоит отметить, что многие ученые сходятся на том, что для квалификации действий налогоплательщика как незаконного получения налоговых льгот, контролирующий орган должен подтвердить:

умысел налогоплательщика на неуплату обязательных платежей;

отсутствие реальности совершения сделки;

причинную связь между действиями налогоплательщика и искажениями в отчетности;

реальные потери государства и других органов [7, с. 262].

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях значительного налогового бремени для бизнес-сообщества крайне важно адекватно оценивать общественную опасность уклонения от уплаты налогов при разработке уголовной политики по борьбе с налоговой преступностью в сфере налогообложения НДС. Следовательно, принципы криминализации различных действий по минимизации налогов как преступлений должны учитывать социально-экономическую реальность. Это означает, что важность поддержания устойчивости и стабильности экономической ситуации в целом должна преобладать над исключительно фискальными интересами государства по пополнению бюджета.

Кроме того, предоставление государством налоговых льгот является важным элементом государственного регулирования экономической деятельности. Поэтому предполагается, что они экономически целесообразны для воздействия на определенные рыночные процессы. Это подчеркивает важность налоговых льгот как инструмента для стимулирования экономической активности и достижения стратегических целей государства.

Список использованных источников

1. Свинухова, А.А. Особенности построения криминалистических версий при расследовании преступлений, связанных с уклонением от уплаты НДС / А.А. Свинухова // Юридические науки: вопросы теории и практики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 окт. 2020 г. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 134–136.
2. Дроздова, Е.А. Налог на добавленную стоимость: проблемы профилактики незаконного возмещения / Е.А. Дроздова, О.В. Волкова // Проблемы экономики и юрид. практики. – 2018. – № 5. – С. 225–226.
3. Розовская, Т.И. Незаконное возмещение НДС – налоговое преступление / Т.И. Розовская, Р.Ф. Шайхетдинов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и упр. – 2015. – № 3. – С. 93–98.
4. Преступления против бюджетной системы (комментарий к ст. 243 «Уклонение от уплаты сумм налогов, сборов» главы 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] / Консультация юриста. – Режим доступа: <https://bypravo.ru/prestupleniya-protiv-byudzhetnoj-sistemy-kommentarij-k-st-243-uklonenie-ot-uplaty-summ-nalogo-vmoshennichestvo-glavy-25-prestupleniya-protiv-poryadka-osushhestvleniya-ekonomicheskoy-deyatelnosti-ugolovnogo-ko/>. – Дата доступа: 05.02.2024.
5. Березин, И.Г. Расследование преступлений, связанных с незаконным возмещением НДС : учеб.-практ. пособие / И.Г. Березин, Т.И. Розовская, В.Г. Стаценко. – М. : Кредо, 2011. – 211 с.
6. Руденя, Ю.Е. Основы уголовно-правовой охраны налоговой системы в контексте правового регулирования экономических процессов / Ю.Е. Руденя // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 21 окт. 2021 г. : в 2 ч. / редкол.: Н.Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2021. – Ч. 2. – С. 70–75.
7. Эриашвили, Н.Д. Мошенничество в налоговой сфере: дилемма для правоприменителя / Н.Д. Эриашвили, А.И. Григорьев, В.А. Мочалова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2022. – № 6. – С. 259–267.

В.В. Жилинин, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматульский*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Ю.М. Юбка*

ОРГАНИЗАЦИЯ И ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА И ОЧНОЙ СТАВКИ

В составе следственных действий, проводимых в ходе расследования преступлений, важное значение имеют допрос и очная ставка. Раскрывается сущность производства допроса и очной ставки, целью и задачей которых является получение полной и объективной информации по уголовному делу.

Тактика проведения допроса и очной ставки, безусловно, зависит от ряда обстоятельств и факторов, которые сложились перед проведением указанных процессуальных действий. В качестве таковых выступают: процессуальный статус допрашиваемых лиц, занимаемая ими позиция по делу, желание давать показания, участие защитника, конфликтная, либо бесконфликтная ситуация, сложившаяся по делу, и др.

Допрос и очная ставка – это следственные действия. Допрос – это в первую очередь получение некоторых сведений. Под тактикой нужно понимать рекомендации, которые основываются на процессуальных нормах и которые определяют приемы правильных отношений с допрашиваемым [1, с. 133].

В соответствии с ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

Следовательно, доказательства нужны для разрешения уголовного дела по существу и принятия уголовно-процессуальных решений. Среди доказательств, устанавливающих факт совершения преступления, виновность того или иного лица, мотив, наличие или отсутствие смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также иные обстоятельства, характеризующие событие преступления (время, место, способ, орудие), особое место занимают показания. Их могут давать подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, а также могут быть даны показания

иными участниками уголовного процесса при необходимости. Все эти показания следователь может получить путем проведения допроса вышеперечисленных лиц, а в случае имеющихся противоречий в показаниях между вышеуказанными участниками уголовного процесса – путем проведения очной ставки.

Допрос играет одну из главных ролей в расследовании преступлений, что подчеркивается во многих научных работах, посвященных рассматриваемой проблематике. Так, А.Н. Васильев и Л.М. Карнеева указывают, что именно в ходе допроса почти по каждому делу добывается наибольшее количество доказательств, позволяющих получить полную и объективную информацию. В этом смысле допрос можно считать основным источником получения доказательств [2, с. 79].

В период свободного рассказа тактические приемы применимы для получения полных и объективных показаний, таких как напоминание, детализация и уточнение. В период постановки вопросов необходимо выбирать тактические приемы согласно характеру допроса, конфликтный он или нет. После того как получены новые улики, пусть и незначительные, но обязательно не фигурировавшие ранее, можно использовать такой тактический прием, как повторный допрос [3, с. 16].

Следует выделить и нетрадиционные тактические приемы, которые может использовать следователь при допросе. Хотя сделаем акцент на том, что данные методы и приемы не нужно считать «панацеей от всех бед», ибо эффективность допроса будет зависеть в первую очередь не от конкретного тактического приема, а от грамотности и опыта следователя, их применяющего, поскольку каждый допрос по-своему индивидуален. Одним из нетрадиционных методов допроса можно считать полиграф, который как таковой не является источником доказательства.

Проведение допроса, как и любого другого следственного действия и всего следствия в целом, должно отвечать требованиям закона. Законность допроса – это, во-первых, обоснованность его проведения, во-вторых, соблюдение процессуальных правил его производства. Порядок проведения допроса регулируется ст. 215–221 УПК.

Применение тактических приемов во время допроса позволяет провести его целенаправленно, установить психологический контакт с допрашиваемым, выяснить, какие именно обстоятельства, факты ему известны, принять меры к нейтрализации его негативной позиции и получить от него показания, в которых содержится объективная информация. На допросе различные по содержанию тактические приемы могут применяться последовательно по определенной системе либо объединенными в комплексы с целью получения в полном объеме достоверных показаний. Тактический прием допроса – это определенная линия

поведения следователя либо его наиболее оптимальные, эффективные действия. В отличие от процессуальных норм тактические приемы не регламентируются законом. Их применение в процессе допроса зависит, по усмотрению следователя, от процессуального положения и позиции допрашиваемого, его психофизиологических свойств, других личностных качеств. Непременным условием применения тактического приема является его правильный выбор с учетом конкретных обстоятельств, следственных ситуаций.

Следователь использует в процессе проведения допроса такие способы установления контакта с допрашиваемым, которые позволяют ему установить психологический контакт, избавиться от негативных предубеждений или настроя и оказать на него определенное воздействие, для того чтобы допрашиваемый мог вспомнить все, что он знает или мог видеть. Такие способы называются тактическими приемами допроса. Данную точку зрения подтверждает М.П. Малютин, который дает следующее определение: «тактический прием – это наиболее рациональный и эффективный способ действия, свободно избираемый лицом, осуществляющим расследование, в конкретных следственных и судебных ситуациях, с целью создания условий, обеспечивающих максимальную результативность производства отдельных следственных и судебных действий» [4, с. 17].

С целью устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц следователь, лицо, производящее дознание, вправе провести очную ставку между двумя ранее допрошенными лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия [5, с. 88].

Очная ставка является специальным видом допроса. Перед началом очной ставки следователь, лицо, производящее дознание, разъясняют ее участникам их права и обязанности, предусмотренные УПК, а также порядок производства этого следственного действия. Если очная ставка проводится с участием потерпевшего и свидетеля, они предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, о чем делается отметка в протоколе.

При допросе подозреваемых (обвиняемых) следует учитывать, что они, как правило, редко признают свою вину, заявляя, что у них не было умысла на совершение преступления, что все выявленные недостатки обусловлены ошибками в проведении иных следственных действий. Для эффективного проведения допроса следователь должен иметь хорошие знания как в юридической области, так и в психологии, для того чтобы он мог уметь взаимодействовать с разными личностями, устанавливать с ними наиболее практичный контакт, уметь вовремя понять, что допрашиваемый заблуждается или преднамеренно говорит лживую информацию, или для того, чтобы вести диалог в правильном направлении. Поэтому

тщательная подготовка к допросу подозреваемых и обвиняемых является необходимым условием для результативного проведения этого следственного действия [6, с. 80]. Все показания необходимо предельно детализировать. При этом в протоколах допроса нескольких подозреваемых необходимо фиксировать все, даже, на первый взгляд, незначительные детали событий. Это поможет выявить противоречия в их показаниях, которые можно будет потом использовать для получения полной и объективной информации путем проведения очных ставок, и т. п.

В зависимости от процессуального статуса допрашиваемого перечень вопросов, степень их конкретизации и последовательность определяется следователем. Так или иначе, при производстве допросов следователь обязан оперировать материалами уголовного дела, которые предварительно должны быть систематизированы по группам. Здесь можно сочетать имеющиеся документальные доказательства и документы, используемые с целью оказания зрительно-психологического воздействия.

Проведение очной ставки регламентировано ст. 222 УПК. Это следственное действие проводится с целью устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

Наряду с общей целью – установлением достоверности показаний при проведении очной ставки – могут быть поставлены и следующие конкретные задачи: разоблачение лжи, преодоление добросовестного заблуждения, самооговора, проверка собранных по делу доказательств, разоблачение инсценировок.

Вопрос о существенности противоречий решает лицо, проводящее расследование. Противоречия являются существенными, если они возникают по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию, согласно ст. 89 УПК, а также по фактам, имеющим значение для дела.

При подготовке к проведению рассматриваемого следственного действия всегда возникает вопрос, надо ли даже при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц проводить по тактическим соображениям очную ставку [7, с. 91].

Перед очной ставкой необходимо тщательно изучать показания допрашиваемых, учесть их взаимоотношения, выяснить сущность возникших противоречий, наметить вопросы, которые должны быть заданы, их последовательность и решить вопрос о том, кто будет первым допрашиваться на очной ставке. Обычно первым допрашивается лицо, дающее, по мнению следователя, правдивые показания, хотя в некоторых ситуациях можно поступить и наоборот в расчете на то, что ложные показания, затрагивающие интересы другого допрашиваемого, вызовут у него возмущение. Касательно тактических приемов, которые могут быть использованы в процессе проведения данного следственного действия, то

они идентичны тем, которые применяются или могут применяться при проведении допроса.

Проведение очной ставки – право, а не обязанность следователя. Ее результаты могут иметь различные последствия. Не исключена возможность склонения одним из участников очной ставки другого к даче выгодных для себя ложных показаний.

Нецелесообразно проведение очной ставки, если один из ее участников хотя и дает правдивые показания, но неохотно соглашается на участие в ней и есть основания полагать, что под воздействием другого участника очной ставки он может изменить свои показания.

Фиксация хода и результатов очной ставки имеет свои особенности. Во время ее производства можно делать черновые записи, а протокол составлять по окончании данного следственного действия.

Существуют два способа составления протокола. Первый способ заключается в том, что при протоколировании каждая страница протокола разделяется вертикальной чертой, на левой стороне записываются вопросы и ответы лица, допрашиваемого первым, а на правой – вторым. Преимуществом этой формы протоколирования является ее наглядность. Второй способ предполагает запись вопросов и ответов поочередно в полную строку. При этом следует каждый раз отмечать, кому задается вопрос и кем дается ответ. Для фиксации показаний как на допросе, так и при проведении очной ставки может быть использована звуко-, видеозапись.

В настоящее время актуальность проведения таких следственных действий, как допрос и очная ставка, является неотъемлемым атрибутом в уголовном процессе. Согласно исследованиям, допрос является наиболее распространенным следственным действием. В среднем около 66 % протокольных материалов уголовных дел составляют протоколы допросов. Следователи проводят около 25 % своего времени на допросах. Это объясняется высокой информационной емкостью каждого отдельного опроса, его гносеологическим значением [8, с. 4].

Таким образом, можно говорить о важности проведения допроса и очной ставки, которые по своему содержанию являются сложными следственными действиями, требующими должного опыта и подготовки, зависящими в правильном выборе линии поведения со стороны следователя, для полного, объективного и всестороннего расследования уголовного дела. Очная ставка и допрос являются важными инструментами в правоохранительной деятельности. Они позволяют органам уголовного преследования собрать дополнительные доказательства и информацию от подозреваемых и свидетелей. За счет очной ставки и допроса следователь может получить ценные сведения, которые могут

помочь в расследовании преступлений. Однако важно обеспечить права подозреваемых и свидетелей на время проведения этих следственных действий, чтобы избежать неправомерных методов допроса или принуждения. Вывод можно сделать такой: очная ставка и допрос играют важную роль в правоохранительной деятельности, но их проведение должно быть тщательно контролировано, чтобы обеспечить справедливость и защиту прав каждого участника процесса.

Список использованных источников

1. Соловьева, Н.А. Психологические основы допроса лиц, признающих свою вину в совершении преступления / Н.А. Соловьева // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. – 2010. – № 1. – С. 133–139.
2. Васильев, А.Н. Тактика допроса при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. – М. : Юрид. лит., 1970. – 208 с.
3. Куак, С.Т. Тактика допроса и очной ставки / С.Т. Куак // Моя проф. карьера. – 2020. – Т. 1, № 11. – С. 14–18.
4. Малютин, М.П. Тактические приемы в расследовании преступлений : монография / М.П. Малютин. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 184 с.
5. Покроева, Л.А. Понятие допроса и очной ставки в криминалистической тактике / Л.А. Покроева // Провинц. науч. зап. – 2019. – № 1. – С. 85–89.
6. Прокурова, С.В. О значении психологических знаний, навыков и умений при проведении допроса / С.В. Прокурова // Приклад. юрид. психология. – 2019. – № 2. – С. 79–87.
7. Ерахмилевич, В.В. О криминалистическом обеспечении расследования преступлений в условиях деятельного раскаяния / В.В. Ерахмилевич, Д.А. Казанцев // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2017. – № 6. – С. 88–91.
8. Пронин, К.В. Тактика допроса в суде: процессуальные и криминалистические аспекты : учеб. пособие для вузов / К.В. Пронин. – М. : Юстицинформ, 2006. – 160 с.

УДК 343.2

Д.В. Карзанова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тут*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Осуществлен теоретико-правовой анализ такой меры уголовно-правового воздействия на общественные отношения в Республике Беларусь, как восстановительное правосудие. Показано, что восстановительное правосудие является

наиболее перспективным направлением совершенствования концепции реализации уголовной ответственности. Вместе с тем его имплементации в национальное законодательство препятствует недостаточное научное осмысление в доктрине уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права ключевых положений восстановительного правосудия.

В настоящее время институт восстановительного правосудия является новым направлением для реализации уголовной ответственности и, таким образом, четкого правового закрепления в законодательстве норм, определяющих порядок возмещения ущерба потерпевшему от совершенного преступления нет. Восстановительное правосудие – это форма реализации уголовной политики государства, предполагающая восстановление общественных отношений, которым нанесен ущерб совершенным преступлением. Для наиболее эффективного осуществления восстановительных процедур восстановительное правосудие должно содержать наряду с существующими мерами уголовно-правового воздействия на осужденных некоторые необходимые элементы.

В первую очередь для предотвращения причинения какого-либо вреда гражданам необходимы изучение и выявление причин и условий совершения преступлений социальным обследованием лица, совершившего его. Совершение любого преступления является цепочкой развития событий, где изначально, в социуме, создаются условия для совершения преступления, затем формируются причины, которые воздействуют на желание лица совершить преступление. Таким образом, совершенное преступление – это результат воздействия социальных реалий на участников преступления: непосредственно самого субъекта, потерпевшего, свидетелей [1, с. 80]. Изложенное подводит нас к мысли о том, что совершение преступления вытекает из совокупности общественных отношений, которые вследствие различного рода объективных и субъективных причин приняли характер социально-конфликтных.

Ученый-юрист Х. Зер, один из первых, кто обратил внимание на проблематику восстановительного правосудия, отмечал: «Чтобы восстановить правильный порядок вещей, порой необходимо не столько вернуться к исходной ситуации, сколько пойти дальше. Например, в случаях бытового насилия не всегда достаточно простого восстановления ущерба. Нельзя говорить о подлинной справедливости, если люди и отношения не претерпевают изменений в лучшую сторону, изменений, в результате которых случаи насилия больше не повторялись бы. Движение в новом направлении может оказаться гораздо более эффективным в достижении справедливости, нежели возврат к прежнему состоянию» [2, с. 91]. Таким образом, выявив детерминанты, которые

сделали возможным совершение преступления, можно ставить вопрос о восстановлении общественных отношений, которые нарушены совершением преступления, в противном случае, с большей долей вероятности, оно будет совершено снова.

В соответствии со ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) устанавливается обязанность у органов уголовного преследования выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления, организационно-правовой механизм сбора информации отсутствует. Выявление причин и условий совершенного преступления целесообразно осуществлять в рамках социального обследования лица, совершившего преступление, и составления на основе проведенного исследования досудебного доклада. Социальное обследование лица, совершившего преступление, должны проводить специально-уполномоченные должностные лица, работающие в специально созданных для этого отделениях управления надзорно-исполнительной деятельности Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Касаемо определения следующего элемента восстановительного правосудия, следует отметить, что защита граждан от преступных посягательств является первостепенной целью Республики Беларусь. В соответствии со ст. 21 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства». В соответствии со ст. 25 Конституции «Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности». В случае если преступлением нанесен ущерб гражданину Республики Беларусь, можно констатировать, что права гражданина могут быть нарушены и он может в соответствии с гл. 17 УПК предъявить гражданский иск к лицу, которое совершило преступление.

При этом на практике нередки ситуации, когда лицо, осужденное за преступление, не в силах выплатить суммы, которые ему предъявляются в иске. Таким образом, часто бывает так, что лицо, потерпевшее от преступления, остается, по сути, один на один с проблемой взыскания ущерба, который причинен обвиняемым.

Для возмещения вреда, причиненного потерпевшему вследствие преступления, национальным законодательством предусмотрен искивный порядок взыскания ущерба. Однако в том случае, если у обвиняемого (либо осужденного) нет денежных средств и имущества для погашения ущерба, то возмещение ущерба происходит в рамках исполнительного производства. Это подразумевает, что окончательный расчет лица, виновного в причинении ущерба, может растянуться на годы ожидания,

пока вся сумма ущерба не будет перечислена потерпевшему. Особенно указанный факт актуален, если виновное в причинении ущерба лицо осуждено к длительному сроку лишения свободы и у него отсутствует мотивация к погашению ущерба. Таким образом образуется ситуация, когда нарушенные в результате совершенного преступления права гражданина Республики Беларусь не восстановлены.

Из изложенного можно сделать промежуточный вывод о том, что одним из элементов института восстановительного правосудия является закрепление возможности гарантированного восстановления закрепленных в Конституции прав граждан, потерпевших от совершенного преступления. Право на возмещение ущерба, причиненного потерпевшему вследствие преступления, является одним из фундаментальных элементов правового статуса гражданина, соответственно возмещение ущерба должно быть гарантировано государством.

Само закрепление права на возмещение ущерба потерпевшему от совершенного преступления является фундаментальным элементом правового статуса гражданина. Порой, к сожалению, нарушенные преступлением права гражданина остаются не восстановленными. Соответственно, возмещение ущерба должно быть гарантировано и закреплено правовыми нормами на законодательном уровне.

Очень важное значение с позиций формирования основ восстановительного правосудия имеет необходимость расширения возможностей проведения примирительных (медиативных) процедур за пределами судебной стадии реализации уголовной ответственности.

Национальным законодательством предусмотрен ряд возможностей, которые позволяют лицу, причинившему ущерб своими преступными деяниями, примириться с потерпевшим (в том числе посредством возмещения вреда последнему). Так, в соответствии с ч. 5 ст. 301 УПК «В случае достижения примирения обвиняемого с потерпевшим по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях производство по уголовному делу может быть прекращено». В данном случае законодателем закреплена стимулирующая для обвиняемого возможность совершить реабилитирующие поступки и погасить ущерб, причиненный совершенным преступлением.

Примирение с потерпевшим, как стимулирующий обвиняемого способ погашения ущерба, зависит от двух обстоятельств: категории совершенного преступления (не представляющее большой общественной опасности и менее тяжкое) и наличия материальной возможности у обвиняемого компенсировать ущерб. В случае если категория совершен-

ного преступления относится к тяжкому, либо особо тяжкому, то процедуру примирения потерпевшего и обвиняемого, закрепленную в ст. 301 УПК, формально нельзя осуществить.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что возможность проведения медиативных процедур между осужденным и потерпевшим на пенитенциарной стадии реализации уголовной ответственности позволит осужденному примириться с потерпевшим, а также возместить вред, причиненный совершенным преступлением.

Медиацию, как важный элемент восстановительного правосудия, можно считать одним из основных элементов института восстановительного правосудия, но не более того. Поясняя свою точку зрения, отметим, что медиация является институтом, основным принципом которого, в соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), является добровольное участие в процессе примирения сторон как потерпевшего, так и обвиняемого. На добровольность, как основу не только в участии в медиативных процедурах, но также и в исполнении решений медиативного решения, указывается также и в ч. 3 ст. 15 Закона о медиации, где закреплено, что «Медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон...». На добровольность процесса примирения сторон указывают также положения ст. 301 УПК, где в ч. 1 указанной статьи говорится следующее: «Примирение обвиняемого с потерпевшим осуществляется на основе добровольного волеизъявления по урегулированию возникшего в связи с совершением преступления конфликта (спора) между ними, в том числе путем заключения медиативного соглашения».

Отталкиваясь от изложенного, можно выделить еще один элемент восстановительного правосудия – осуществление медиативных процедур потерпевшего и обвиняемого (на добровольной основе обеих сторон).

Ранее мы отмечали, что в ряде случаев потерпевшие не могут по ряду объективных причин возместить ущерб, причиненный совершенным преступлением. Вместе с тем потерпевший должен нести расходы на медицинское обеспечение, на необходимость проходить переподготовку в случае частичной утраты трудоспособности, осуществление захоронения лицом, признанным потерпевшим, убитого родственника и т. д., к которым он может быть не готов финансово. В связи с этим целесообразно предусмотреть в национальном законодательстве положения, предусматривающие обязанность государства осуществлять выплаты потерпевшим фиксированных денежных сумм.

Выплаты потерпевшим сумм уголовно-правовой компенсации ущерба за вышеуказанные виды преступлений необходимо осуществлять из

специального Республиканского фонда возмещения вреда потерпевшим. Финансирование Республиканского фонда возмещения вреда потерпевшим должно осуществляться не из средств государственного бюджета Республики Беларусь, а из внебюджетных источников: сумм, поступающих от уплаты уголовно-правовой компенсации, сумм залога по уголовным делам, обращенных в доход государства по судебному решению; добровольных взносов физических и государственных лиц; прибыли, полученной от инвестирования временно свободных денежных средств фонда в ликвидные ценные бумаги, либо процентов от размещения денежных средств, арестованных в процессе рассмотрения уголовного дела на банковских вкладах [3, с. 84]. Кроме указанных здесь источников финансирования предлагается также рассмотреть в качестве источника финансирования фонда облигации социального воздействия [4, с. 166], выпуск которых можно производить в рамках осуществления программ противодействия рецидивной преступности, а также суммы, взысканные с лица, причинившего преступлением ущерб, в порядке регресса на основании ст. 950 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Подводя итоги, мы делаем выводы о необходимых элементах для функционирования института восстановительного правосудия, а именно:

взыскание с лица, совершившего преступление, ущерба, причиненного преступлением, в порядке регресса с перечислением взысканных средств в фонды возмещения ущерба лица, пострадавшего от преступления;

проведение медиативных процедур между потерпевшим от преступления и лицом, его совершившим, как на судебной стадии реализации уголовной ответственности, так и на пенитенциарной стадии;

создание специального фонда выплаты ущерба лицам, пострадавшим от совершенного преступления, – Республиканский фонд возмещения ущерба лицам, пострадавшим от преступлений, выплачивающий потерпевшим от совершенных преступлений фиксированных гарантированных денежных выплат. Указанный фонд должен производить выплаты для возмещения материального и морального видов ущерба потерпевшим.

Список использованных источников

1. Ткачев, В.Н. Становление и развитие идеи восстановительного правосудия за рубежом / В.Н. Ткачев // *Философия права*. – 2006. – № 3. – С. 78–81.
2. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой, коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. – М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
3. Бушкевич, Н.С. О целесообразности создания государственного целевого внебюджетного фонда возмещения вреда потерпевшим / Н.С. Бушкевич // *Предварит. следствие*. – 2018. – № 4. – С. 82–86.

4. Тит, А.А. Государственно-частное партнерство в борьбе с рецидивной преступностью / А.А. Тит // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2020. – № 1. – С. 164–168.

УДК 343.985.8

И.В. Козырев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Тукало*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСВОЕНИЯ ЛИБО РАСТРАТЫ

Определяется сущность оперативно-розыскной характеристики присвоения либо растраты, рассматриваются ее структурные элементы (уголовно-правовая характеристика, личность преступника, типичные способы совершения, обстановка совершения преступления, следы преступления).

Преступления против собственности представляют собой преступления, при которых нарушаются права собственников или имущественные интересы государства, общественных организаций или граждан. Они имеют серьезные негативные последствия для общества и экономики, так как нарушают предусмотренные законодательством права, подрывают доверие к правопорядку и справедливости, способствуют распространению коррупции и организованной преступности, снижают инвестиционную привлекательность Республики Беларусь.

Одним из преступлений против собственности, выявляемых сотрудниками подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, является присвоение либо растрата (ст. 211 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК)), заключающееся в том, что лицо, которому вверено имущество, незаконно присваивает его себе или расходует его вопреки воле собственника.

Анализ практики оперативных подразделений органов внутренних дел показывает, что в настоящее время у оперативных сотрудников возникают сложности при выявлении данного преступления, ввиду чего представляется обоснованным рассмотреть основные аспекты его выявления и раскрытия с точки зрения оперативно-розыскной характеристики.

По мнению В.Г. Боброва, оперативно-розыскная характеристика является информационным пространством, связанным с преступлениями, и включает в себя криминалистическую, криминологическую, этико-психологическую, уголовно-правовую и другие характеристики [1, с. 45–47].

Сходную точку зрения высказывает Р.Ю. Плугин, который определяет оперативно-розыскную характеристику как комплексный научный конструкт, который объединяет элементы различных юридических дисциплин, таких как криминалистика, криминология, уголовное право, уголовный процесс, социология и др. [2, с. 17–18].

Несколько по-иному отмечает В.Д. Ларичев, полагая, что оперативно-розыскная характеристика представляет собой комплекс всех доступных данных о преступлении, которые дают возможность воссоздать образ преступления с момента его планирования до исполнения и сокрытия, что обосновывает создание оперативно-розыскных версий [3, с. 76].

Она является, по мнению М.В. Кондратьева, своеобразной информационной моделью, которая дает оперативному сотруднику возможность находить источники информации о конкретном типе преступления для дальнейшего применения в обнаружении, предотвращении, прекращении и раскрытии преступлений, а также выявлению лиц, которые их готовят, совершают или совершили [4].

Назначение оперативно-розыскной характеристики, по мнению Р.Р. Насырова, состоит в решении стоящих перед оперативными аппаратами задач по раскрытию преступлений [5, с. 110].

Отличную точку зрения имеют Е.Ф. Новиков, полагающий, что предназначение оперативно-розыскной характеристики применительно к хищениям – в эффективном планировании и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий по оперативно-розыскному обеспечению предупреждения хищений [6], а также С.И. Колесников, который отмечает, что цель оперативно-розыскной характеристики в контексте оперативно-розыскной деятельности не сводится только к выявлению или предотвращению преступлений, поскольку оперативно-розыскная деятельность имеет более широкий спектр задач, которые указаны в законе [7, с. 117].

Анализируя мнения приведенных авторов, можно сделать вывод, что общее назначение оперативно-розыскной характеристики состоит в том, чтобы аккумулировать сведения, формирующие полную картину преступного деяния. В этой связи оперативному сотруднику целесообразно обращаться к оперативно-розыскной характеристике того или иного преступления, ввиду того что она содержит информацию, которая может быть использована для планирования, прогнозирования, организации и тактики деятельности оперативных сотрудников. Например, на ее основе можно предсказывать поведение лиц, а также оценивать сложность их раскрытия и выявления конкретного преступного деяния. Помимо этого, в ряде случаев с помощью оперативно-розыскной харак-

теристики можно оптимально распределять ресурсы и принимать организационные решения.

Основываясь на подходах, сложившихся в теории оперативно-розыскной деятельности, можно констатировать, что оперативно-розыскная характеристика имеет свое специфическое системно-структурное построение, включающее следующие компоненты: уголовно-правовая характеристика; личность преступника; типичные способы совершения; обстановка совершения преступления; следы преступления. Рассмотрим каждый из них более подробно применительно к данному преступлению:

Уголовно-правовая характеристика. Как было отмечено ранее, данное преступление предусмотрено ст. 211 УК. Эта статья состоит из четырех частей. Квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 211 УК является совершение повторно либо группой лиц по предварительному сговору. Часть 3 ст. 211 УК предусматривает крупный размер (сумма, в двести пятьдесят и более раз превышающая размер базовой величины), а ч. 4 ст. 211 УК – действия, совершенные организованной группой, либо в особо крупном размере (сумма, в тысячу и более раз превышающая размер базовой величины).

Объектом преступления в таком случае являются общественные отношения в области собственности.

Объективная сторона рассматриваемого преступления представляет собой совокупность объективных признаков, которые позволяют отличить преступное деяние. Объективная сторона состоит из общественно опасного деяния, возникшего в результате совершения, последствий и причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями [8, с. 104]. Объективная сторона указанного преступления характеризуется общественно опасным деянием в форме действия, а именно завладением вверенным имуществом или другим объектом.

Субъект данного преступления общий, а именно физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Рассматриваемое преступление может быть совершено только с прямым умыслом, при котором виновный сознает общественную опасность своего деяния, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Цель совершения данного преступления, т. е. результат которого хочет достичь субъект, – получение материальной выгоды.

Стоит учитывать, что сходным преступлением является кража, предусмотренная ст. 205 УК, которая представляет собой тайное хищение имущества. Главное отличие состоит в том, что при присвоении либо

растрате имущество вверено лицу, после чего лицо его присваивает или распоряжается им, а при краже имущество находится у другого лица.

Личность преступника. Первоначальными данными, от которых можно отталкиваться при проведении оперативно-розыскных мероприятий, являются социально-демографические данные злоумышленника – пол, возраст, материальное благосостояние, род занятий и т. п. Изучение статистических сведений показывает, что преступниками выступают люди зрелого возраста, имеющие стаж работы в определенной отрасли, занимающиеся определенной деятельностью. С возрастом у человека изменяются социальные роли, привычки, способы реагирования на конкретные ситуации, он приобретает профессиональный и криминальный опыт, с использованием которого и совершает хищение. Поэтому при проведении оперативно-розыскных мероприятий кроме возраста целесообразно учитывать историю трудовой деятельности фигуранта, стаж работы на конкретных должностях, объем и область приобретенных знаний, умений и навыков.

Как показывает анализ практической деятельности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, основными субъектами присвоения либо растраты являются:

1) лица, ответственные за учет и контроль товарно-материальных ценностей (ТМЦ) (например, бухгалтеры);

2) лица, обязанные обеспечивать сохранность ТМЦ при их приеме и отпуске в соответствии с нормами и правилами, а также фиксировать приход и расход ТМЦ в первичных документах (например, кладовщики, продавцы, кассиры и т. д.);

3) лица, занимающиеся закупкой, доставкой, перевозкой ТМЦ для коммерческой организации или к покупателю, а также получением и сдачей наличных денег за закупленный или реализованный товар (например, менеджеры по закупкам и сбыту, водители-экспедиторы).

Отдельно стоит упомянуть, что для организации и тактики проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий в отношении злоумышленников важны знания о психологических особенностях личности человека (темперамент, характер, интересы, склонности, способности), психическом состоянии (биологические особенности психики, физическое состояние, среда (условия), в которой вырос преступник, и другие сведения.

Типичные способы совершения. Способ совершения преступления представляет собой действие или определенный порядок (систему) действий, которые совершаются в процессе преступления и направлены на достижение преступного результата. Способ характеризует преступление, выявляет его качественное своеобразие и индивидуальные особенности.

Анализ судебной практики по делам, связанным с присвоением либо растратой, свидетельствует, что существуют способы совершения данного преступления, которые можно объединить в отдельные группы:

1) формирование неучтенного резерва имущества (например, недобросовестное поведение с поставщиком при принятии товара путем обчета или обвеса, завышение процента естественной убыли сырья, нарушения технологии производства продукции, рецептуры изготовления продукции);

2) составление бестоварных накладных с дальнейшей продажей товара поставщиком в сотрудничестве с получателем, доставкой товара получателю без оформления документов, вывозом имущества с территории без документов или по подложным документам, под видом отходов и т. д. В данном случае денежные средства присваиваются по фиктивным документам путем перечисления несуществующим лицам [9, с. 51];

3) непосредственное завладение вверенным материально-ответственному лицу имуществом (например, должностное лицо, уполномоченное на получение какого-либо имущества, поступающего от отдельных граждан (уплата штрафа, плата за услуги и т. п.), при получении этого имущества не передает его по назначению, а обращает в свою пользу).

Обстановка совершения преступления. Обстановка совершения преступления является сложной научной категорией, состоящей из разных компонентов. К ним относятся объекты, явления и процессы, которые описывают место, время, вещественные, природно-климатические, производные, бытовые и другие факторы окружающей среды [7, с. 120].

Обстановка совершения присвоения или растраты может быть различной в зависимости от вида, характера и тяжести преступления, а также от личности и мотивов преступника. Так, обстановка совершения присвоения или растраты денежных средств может отличаться от обстановки совершения присвоения или растраты материальных ценностей, а обстановка совершения присвоения или растраты в коммерческой организации может отличаться от обстановки совершения присвоения или растраты в государственном учреждении. Поэтому для установления обстановки совершения присвоения или растраты необходимо учитывать все факторы, влияющие на деяние преступника, и сопоставлять их с имеющимися доказательствами.

Анализ практической деятельности сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями свидетельствует, что присвоение либо растрата могут быть совершены как в отношении государственного, так и частного имущества, а также в различных сферах деятельности, таких как финансы, банки, торговля, производство, транспорт и др.

Следы преступления. Как показывает практика, довольно часто присвоение либо растрата характеризуется изменением документов, что может выражаться в интеллектуальном и материальном подлоге. Под интеллектуальным подлогом подразумевается документ, который выглядит правильным по форме (имеет все необходимые реквизиты), но содержит заведомо ложную информацию. Примером такого документа может быть фиктивная товарно-транспортная накладная, оформленная на доставку товара, который не был законно произведен или учтен [10, с. 281]. Такой подлог выявляется посредством проведения различных оперативно-розыскных мероприятий (оперативный осмотр, оперативный опрос, наведение справок), а также в ряде случаев с помощью конфидентов.

Однако, когда в документе, который изначально был настоящим, заменяют правильную информацию на ложную, имеет место материальный подлог. Документы, которые имеют признаки материального подлога, делятся на полную и частичную подделку. При полной подделке происходит замена оригинального документа на ложный. При полной подделке часто применяют струйные принтеры, которые могут печатать с высоким разрешением. При частичной подделке происходит изменение в первоначальное содержание документов. Это достигается путем подчистки, травления, смывания и посредством других способов [10, с. 292].

Объекты, на которых остаются материальные следы преступления, являются самыми информативными. С их помощью можно получить множество информации о преступлении, способе его совершения, установить соучастников и др. К таким объектам относятся: рабочее место лица, совершившего данное преступление, другие помещения организации, объекты, на которых проводились работы или предоставлялись услуги, а также объекты (предметы), которые применялись при совершении присвоения либо растраты.

Подводя итог рассмотрению оперативно-розыскной характеристики присвоения либо растраты, можно сделать следующие выводы.

1. Оперативно-розыскная характеристика представляет собой сведения о личности, деятельности, социальных связях и других важных данных, которые могут быть использованы оперативными сотрудниками в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Эта информация позволяет оперативному сотруднику более эффективно и результативно выполнять задачи по предотвращению и раскрытию преступлений, обеспечению безопасности общества и защите прав и свобод граждан.

2. Присвоение либо растрата является одной из форм хищений и состоит в том, что лицо, которому вверено имущество, присваивает его себе или распоряжается им. Данное деяние имеет ряд особенностей,

основное отличие состоит в субъектах, способах совершения, а также обстановке совершения данного преступления.

Список использованных источников

1. Бобров, В.Г. Проблемные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.Г. Бобров // Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью : материалы науч.-практ. конф. (Калининград, 24–25 июня 1997 г.). – Калининград : Калинингр. ВШ МВД России, 1997. – С. 1–10.

2. Плугин, Р.Ю. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с торговлей людьми с целью эксплуатации рабского труда / Р.Ю. Плугин // Рос. следователь. – 2010. – № 4. – С. 17–20.

3. Ларичев, В.Д. Оперативно-розыскная характеристика преступлений экономической направленности (на примере хищений в строительной сфере) : монография / В.Д. Ларичев, Б.В. Борин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 392 с.

4. Кондратьев, М.В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: к описанию понятия [Электронный ресурс] / М.В. Кондратьев // Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-292X_2012_5-1_19.pdf. – Дата доступа: 24.01.2024.

5. Насыров, Р.Р. Оперативно-розыскная характеристика преступления: проблема содержания / Р.Р. Насыров // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. – 2012. – № 3. – С. 104–110.

6. Новиков, Е.Ф. Оперативно-розыскная характеристика хищений с объектов транспорта: понятие, сущность, значение [Электронный ресурс] / Е.Ф. Новиков // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknaya-harakteristika-hischeniy-s-obektov-transporta-ponyatie-suschnost-znachenie/viewer>. – Дата доступа: 24.01.2024.

7. Колесников, С.И. Оперативно-розыскная характеристика преступления: от теории к практике // С.И. Колесников // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2021. – № 2. – С. 116–121.

8. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / С.В. Ананич [и др.] ; под общ. ред. А.Л. Савенка, В.С. Яловика ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 387 с.

9. Данькова, Т.Н. Следовая картина злоупотребления властью или служебными полномочиями как элемент криминалистической характеристики / Т.Н. Данькова // III Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 15 дек. 2022 г.) / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Р.М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 45–49.

10. Криминалистическая техника : учеб. пособие / В.М. Логвин [и др.] ; под общ. ред. В.М. Логвина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 399 с.

А.С. Комкова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.Ю. Березнев*

КРИПТОВАЛЮТА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рассматриваются вопросы использования криптовалюты в различных сферах экономической деятельности. Выделяются основные признаки криптовалюты как объекта гражданских правоотношений, особенности ее правового режима в Республике Беларусь и государствах – участниках Евразийского экономического союза.

Денежные отношения в современном обществе играют важную роль и являются ключевым элементом экономической системы. Правовое регулирование денежных отношений имеет большое значение, поскольку создает необходимые рамки для взаимодействия между участниками рыночных отношений и обеспечивает их правомерность и законность. Все инновации в сфере новых форм денежного выражения общественных отношений подлежат обязательному регулированию со стороны государства, в том числе и криптовалюта.

В то же время глобальные тенденции развития криптовалюты свидетельствуют о том, что «криптографическая валюта, являющаяся прорывом финансовых и информационных технологий XXI в., все более популярна и активно внедряется в повседневную жизнь людей по всему миру.оборот электронной наличности уже измеряется миллиардами долларов». Утверждение, приведенное С.А. Оборовым в 2017 г., подтверждается крупнейшим объемом транзакций, зафиксированным 4 декабря 2019 г. в блокчейне биткоина – \$8,9 млрд [1, с. 44].

В качестве причин возрастающей популярности криптовалют, включая биткоин как наиболее востребованную из них, можно выделить следующие:

- децентрализация учета благодаря технологии блокчейн;
- быстрота операций;
- возможность осуществления транзакций без преград по всему миру;
- минимальные или отсутствующие комиссии;
- конфиденциальность и анонимность переводов;

невозможность контроля государством создания и оборота криптовалюты, а следовательно, невозможность налогообложения доходов, полученных субъектами при создании и обмене криптовалюты на территории Республики Беларусь в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [2].

Следует отметить, что исключение операций по созданию криптовалюты и ее обмену на официальные денежные единицы из системы налогообложения, в отношении Республики Беларусь, противоречит нормам ст. 13 Конституции Республики Беларусь, которая устанавливает обязанность каждого гражданина участвовать в обеспечении расходов государства, а именно уплате налогов.

Разработка полноценного регулирования криптовалюты в рамках гражданского законодательства Республики Беларусь и других государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) позволила бы более точно определить правовой статус криптовалюты и установить обязательства граждан и организаций в отношении ее использования. Это могло бы способствовать стабильности и устойчивости этой новой формы электронной наличности в контексте современного экономического развития.

Граждане Республики Беларусь, согласно Налоговому кодексу Республики Беларусь (Особенная часть), обязаны уплачивать подоходный налог со всех видов доходов, полученных как в денежной, так и в натуральной форме, за исключением граждан, создающих криптовалюту и обменивающих ее на белорусские рубли или иностранную валюту.

Аналогичное утверждение применимо и к белорусским организациям со статусом юридического лица, действующим в рамках Парка высоких технологий. Следует отметить, что экономика Республики Беларусь, Российской Федерации и других государств – участников ЕАЭС не является закрытой, как в целом единое экономическое пространство ЕАЭС. Как государства, так и их национальные экономики функционируют в условиях мировых экономических тенденций, подвержены влиянию различных внешних факторов и при этом стремятся интегрироваться в мировое экономическое пространство, что предполагает необходимость учета вектора развития экономик, как минимум, сопредельных государств.

Одной из таких мировых тенденций является стремительное развитие электронных платежных систем, проводящих операции с криптовалютой, определяемой учеными как:

«...цифровые валюты, эмиссия и учет которых основаны на криптографических методах» [3, с. 85];

«...электронные платежные средства, учет операций с которыми происходит децентрализованно на основе заранее установленных правил» [4];

«новая форма электронных денег» [5, с. 33].

По сути, криптовалюту сегодня, применимо к мировым экономическим процессам, можно с уверенностью назвать инновационным инструментом финансового рынка, признанного многими государствами.

Так, относительно государств, в которых криптовалюты имеют официальный статус (товара, финансового актива, платежного средства и прочего инструмента), можно перечислить около 40 стран. Среди них Австралия, Аргентина, Великобритания, Германия, Дания, Канада, США, Саудовская Аравия, Сингапур, Франция, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония и др. Однако не во всех указанных государствах криптовалюта является средством платежа, и во многих из них профессиональная деятельность с использованием криптовалюты подлежит лицензированию или другому государственному контролю, что связано с возможной угрозой национальной безопасности государства, принявшего криптовалюту на свой финансовый рынок.

Основная угроза национальной безопасности в случае официального признания криптовалюты средством платежа на государственной территории состоит в том, что «...биткоин является открытой электронной валютной системой, неподконтрольной государству», введение национального финансового рынка в оборот криптовалюты «затрагивает традиционную функцию государства: речь идет о возможности децентрализации денежных потоков, что нарушает эксклюзивное право государства на эмиссию денежной массы». При этом избыток у населения незаработанных денег, как правило, приводит к последующим виткам инфляционных процессов. «...постоянно вбрасывая деньги в экономику, мы давно живем в условиях абсолютно неприемлемой инфляции, которая, даже по официальным данным, составляла всегда двусмысленные величины...», а свободный, неподконтрольный государству майнинг (создание) криптовалюты и законодательное закрепление за ней функции денег, т. е. официального средства платежа при расчете за товары, работы, услуги, приведет к «вбрасыванию денег в экономику» [6, с. 154].

Следует также отметить, что инвестирование в криптовалюты связано с большим финансовым риском в силу отсутствия какого-либо обеспечения ее стоимости, государственного регулирования курса криптовалюты и других гарантий защиты инвесторов.

В любом случае, до тех пор, пока на государственном уровне, т. е. путем принятия соответствующего нормативного правового акта, криптовалюта не будет признана в качестве средства платежа, она (крипто-

валюта) в качестве средства платежа применяться не может. При этом, как уже отмечалось выше, система гражданского права Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Казахстан, других государств – участников ЕАЭС, как таковая, несмотря на то, что основана на нормативно ограниченной диспозитивности, понимаемой как предусмотренное нормами гражданского права изменение юридических последствий гражданско-правовых обязательств, в соответствии с их инициативами и собственное суммирование ограничены формально-диспозитивными нормами, а правовые возможности неподконтрольны юридическим формам, комбинируемым с активными деятельными мероприятиями, их также учитывают неясные правовые основания для индивидуальной формы, как договора обмена.

Однако с момента вступления в Республике Беларусь в силу Декрета № 8 на территории белорусского государства операции с криптовалютой ограничены и допускаются в пределах и способом, предусмотренным указанным выше декретом.

Так, нормы Декрета № 8, во-первых, констатировали тот факт, что на территории Республики Беларусь до его вступления в силу обращение цифровых знаков (криптовалюты) не было урегулировано законодательством и, соответственно, они не являлись объектом правоотношений, что является не верным как с позиции цивилистической доктрины, так и исходя из содержания Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), во-вторых, на этом основании ввели ограниченный перечень операций, разрешаемых с криптовалютой на государственной территории, т. е., по сути, существенно ограничили гражданский оборот криптовалюты.

Гражданское право Республики Беларусь, а также других государств – участников ЕАЭС и, в частности, нормы ст. 7 ГК Республики Беларусь, ст. 10 Гражданского кодекса Республики Армения (далее – ГК Армении), ст. 7 Гражданского кодекса Республики Казахстан, ст. 7 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации допускают возможность возникновения гражданских прав и обязанностей из действий граждан и организаций с юридическим статусом, которые хотя и не предусмотрены ими, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности, а нормы ст. 128 ГК Республики Беларусь (аналогичные статьи ГК Армении, Казахстана, Кыргызстана, России) к объектам гражданских прав относят иное, не предусмотренное ГК, имущество и имущественные права (любые, в том числе неизвестные к моменту вступления ГК в силу).

Система гражданского права допускает возможность совершения любых действий, не запрещенных правовыми нормами и направленных на достижение экономического результата. Такая конструкция гражданского права, что неоднократно отмечалось в наших исследованиях, предопределена широким спектром экономических отношений, практической невозможностью, в силу этого, их детального правового регулирования, стремительным развитием технического прогресса, вводящего в экономический оборот новые, неизвестные в момент принятия правовых норм, объекты экономических интересов граждан, в том числе и такие, как различные виды криптовалют.

Изложенное позволяет утверждать, что до принятия Декрета № 8 экономический оборот криптовалюты между гражданами на уровне оборота имущества (за исключением денег и ценных бумаг (именных и ордерных)) и имущественных прав, не подлежащих государственной регистрации нормами гражданского права допускался, а нормами административного и уголовного права запрещен не был.

Несмотря на то что Декрет № 8 существенно ограничил экономический оборот криптовалюты на территории Республики Беларусь, мировые тенденции развития крипторынка и стремление Беларуси интегрироваться в международное экономическое пространство требуют пересмотра правового режима криптовалюты, установленного Декретом № 8, с целью легализации ее применения в более широком диапазоне экономических отношений. Однако, принимая решение о допуске криптовалюты в гражданский оборот, необходимо учесть все как позитивные, так и негативные стороны этого процесса.

Итак, к положительным сторонам включения криптовалюты в свободный гражданский и, соответственно, экономический оборот, как отмечалось выше, относятся следующие условия ее применения: контроль за «денежной массой» осуществляется при помощи открытого алгоритма и не зависит от денежной политики «Центрального банка»; проверка всех сделок имеет децентрализованный и публичный характер; электронные кошельки непосредственно не связаны с идентификационной информацией об их владельцах, а также другие, указанные выше преимущества, в частности, быстрые переводы по всему миру, отсутствие комиссии банков, анонимность переводов и другие положительные стороны операций с криптовалютой, вытекающие из перечисленных, в том числе отсутствие возможности у государственного регулятора устанавливать ограничения транзакций с криптовалютой, что имело, в относительно недавнее время, место в банковской системе Беларуси в отношении операций с иностранной валютой.

Следует отметить, что указанные характеристики процедуры платежей с использованием криптовалюты являются положительными, прежде всего для частных лиц, которые либо располагают доходами, полученными преступным путем, и (или) желают приобрести запрещенные к гражданскому и, следовательно, экономическому обороту объекты (например, наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры, запрещенное к обороту вооружение, яды, другие аналогичные объекты).

Для частных хозяйств, располагающих легальными доходами и не участвующих в противоправных экономических операциях, такие преимущества криптовалюты, как анонимность, отсутствие контроля за транзакциями криптовалюты со стороны государства, отсутствие администрирования, децентрализация учета, отсутствие возможности отмены проведенной операции и т. д., не могут представлять какого-либо реального интереса.

Вместе с тем применение криптовалюты частными хозяйствами связано с рядом существенных негативных факторов, и в первую очередь с безопасностью системы и возможностью хищения криптовалюты вследствие хакерских атак.

Статистические данные и другие негативные аспекты использования криптовалют указывают на то, что внедрение их в качестве средства платежа и накопления в платежной системе государства сопряжено с рядом неестественных рисков, включая для наполняемости исполнения государственного бюджета. В случае принятия положительного решения, необходимо сопровождать введение криптовалюты комплексом правовых мер, направленных на максимальное снижение возможных угроз национальной безопасности. При этом, применительно к Республике Беларусь и другим государствам – участникам ЕАЭС, решение необходимо принимать на межгосударственном уровне и вводить общие правовые условия использования криптовалюты в рамках единого экономического пространства ЕАЭС, что позволит максимально предотвратить возможность совершения спекулятивных сделок с криптовалютой.

Так, в настоящее время основным вектором и стратегической целью развития экономики государств – членов ЕАЭС является переход к цифровой экономике, понимаемой как внедрение цифровых технологий в экономику, государственное управление и повседневную жизнь, что, в том числе, связано с введением в национальные финансовые системы такого финансового инструмента, как криптовалюта.

Несмотря на существенные недостатки криптовалюты, процесс ее включения в экономический оборот следует рассматривать как неизбеж-

ный, если только запретительными мерами, в том числе введением в Уголовный кодекс Республики Беларусь соответствующих составов преступлений, не запретить экономический оборот криптовалюты на государственной территории, что будет противоречить мировым экономическим тенденциям и сдерживать процесс интеграции национальной экономики в мировое экономическое пространство. Следовательно, с точки зрения углубления экономической интеграции со странами ЕАЭС и другими государствами, допустившими криптовалюту в экономический оборот, ее включение в национальную экономику следует признать необходимым. «Государство должно не запрещать новые виды денег, а использовать их в своих интересах для стимулирования экономического развития».

Однако, учитывая вышеназванные угрозы, необходимо планомерное поэтапное создание правовых условий применения в национальной экономике цифровых знаков (токенов), причем, изначально, исключив запретительные меры в частном секторе национальной экономики, оставив разрешительный порядок применения криптовалюты для субъектов государственного сектора.

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что развитие на государственной территории цифровой экономики и допуск в экономический оборот криптовалюты предопределяют необходимость разработки гражданско-правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений, складывающихся в области экономического оборота нового финансового актива.

Разработка эффективной правовой основы экономического оборота криптовалюты возможна только в условиях взаимодействия цивилистической науки как с экономической наукой, так и с экономической практикой, что особенно важно в условиях, когда криптовалюта становится инструментом финансового рынка.

Таким образом, в настоящее время требует детальной научной проработки возможность включения в систему гражданского права новой модели уже существующих фактически экономических отношений, связанных с приобретением и отчуждением прав на различные виды криптовалют. Данная проблема особенно актуальна в условиях участия Беларуси в ЕАЭС и движении в направлении легализации криптовалюты остальными государствами-участниками. При этом следует учитывать уже действующие в Беларуси нормы Декрета № 8, согласно которым криптовалюта, имеющая в настоящее время экономическую ценность и способная выполнять функции средства накопления и даже, применительно к мировым торговым интернет-площадкам, функции денег, с точки зрения правового регулирования, не является деньгами

на территории Беларуси, а ее гражданский оборот необходимо ограничить рамками Парка высоких технологий и перечнем сделок, которые разрешено совершать субъектам предпринимательской деятельности в рамках Парка высоких технологий и гражданам.

Список использованных источников

1. Начарова, А.Н. Цифровые права в системе объектов гражданского права / А.Н. Начарова, В.С. Смирнова, А.С. Оборов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-v-sisteme-obektov-grazhdanskogo-prava/viewer>. – Дата доступа: 14.11.2023.
2. Перспективы, тренды и почему растет интерес к криптовалюте [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.trusteeglobal.com/ru/perspektivy-trendy-i-pochemu-rastet-interes-k-kriptovalyute/>. – Дата доступа: 14.11.2023.
3. Оборов, С.А. К вопросу о необходимости правового регулирования криптовалюты / С.А. Оборов // Учен. зап. – 2017. – № 4. – С. 85.
4. Итоги недели в мире криптовалют и блокчейна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://letknow.news/news/itogi-nedeli-v-mire-kriptovalyut-i-blokcheyna-2-6-dekabrya-34017.html>. – Дата доступа: 14.11.2023.
5. Степанова, Д.И. Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем / Д.И. Степанова, Т.Е. Николаева // Финансы и кредит. – 2016. – № 10. – С. 33.
6. Коваленко, Д.А. Преимущества, риски и актуальные проблемы криптовалют / Д.А. Коваленко, Е.В. Миллер // Актуальные вопросы развития экономики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Омск, 16 нояб. 2017 г. / Финансов. ун-т при Правительстве Рос. Федерации, Омск. фил. – Омск : Финансов. ун-т при Правительстве Рос. Федерации, 2017. – С. 154.

УДК 343.8

В.М. Куницкий, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Яловик*

Рецензент – кандидат юридических наук *В.Р. Меерсон*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматриваются содержание наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, предусмотренного ст. 115 Уголовного кодекса Республики Беларусь, и особенности его применения. На основе опубликованных

данных уголовной статистики за 2010–2014 гг. и 2023 г. анализируются уровень и динамика преступности несовершеннолетних. Проанализированы изменения и дополнения норм уголовного закона, а также обоснованы предложения по совершенствованию этого вида наказания и практики его применения в отношении несовершеннолетних.

В современном мире преступления, являющиеся наиболее опасным видом среди всех совершаемых правонарушений, получили достаточно широкое распространение среди подростков и молодежи, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Примером тому могут служить часто совершаемые ими компьютерные преступления и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, и др. Особенности психологической характеристики несовершеннолетних (недостаток жизненного опыта, невысокий уровень критичности мышления; стремление подражать старшим, чтобы казаться взрослым; повышенная внушаемость; незавершенность формирования привычки сдерживаться, всесторонне оценивать ситуацию и т. п.) обуславливают их податливость к негативным воздействиям со стороны взрослых лиц и, следовательно, необходимость особой правовой защиты.

Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, составило в 2010 г. – 4 777 случаев, 2011 г. – 3 886, 2012 г. – 3 220, 2013 г. – 2 557, 2014 г. – 2 654 [1, с. 27]. В 2023 г. за совершение преступлений осуждены 692 несовершеннолетних, что на 25,4 % меньше, чем в 2022 г., в котором осуждены 927 несовершеннолетних [2]. Анализ данных уголовной статистики показывает очевидную положительную динамику снижения преступности несовершеннолетних в 2010–2024 гг.

Как отмечает И.Я. Козаченко «преступность – это социальная болезнь, эффективные рецепты лечения которой человечество за все время своего существования так и не смогло выработать» [3, с. 8]. Но, несмотря на это, государство дает отпор преступности несовершеннолетних, используя различные механизмы, самым эффективным из которых является применение мер уголовно-правового воздействия – наказания, самым строгим из которых является лишение свободы на определенный срок.

Понятие, содержание и общие положения назначения наказания в виде лишения свободы закреплены в ст. 57 «Лишение свободы на определенный срок» Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). Однако применение лишения свободы в отношении несовершеннолетних ввиду их психо-физиологических особенностей нашло свое закрепление в специальной норме, предусмотренной ст. 115 «Лишение свободы»

разд. V «Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет» УК.

Сущность данного наказания заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в определенный вид исправительно-го учреждения и содержание в нем под охраной и надзором в целях его исправления, предупреждения совершения новых преступлений, а также способствования восстановлению социальной справедливости.

Лишение свободы является одним из самых распространенных и эффективных наказаний, удельный вес которого составляет около 25 %. Так, в 2010 г. удельный вес лишения свободы среди всех осужденных составил 24,9 %, в 2015 г. – 31,3 %, 2016 г. – 30,7 %, 2017 г. – 27,9 %, 2018 г. – 23,7 %, 2019 г. – 24,3 %, 2020 г. – 22,4 %, 2021 г. – 22,2 %, 2022 г. – 21,1 % [4, с. 147].

При этом отмечается достаточно высокий удельный вес лишения свободы несовершеннолетних, что подтверждают данные судебной статистики за 2023 г. об осужденных несовершеннолетних. Так, за совершение различных преступлений осуждены 692 несовершеннолетних, из которых 140 назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок (20,2 %); применена отсрочка исполнения наказания к 99 лицам (14,3 %); условное неприменение наказания применено к 32 несовершеннолетним (4,6 %); к 157 лицам применены принудительные меры воспитательного характера (22,7 %); 5 лиц (0,7 %) освобождены по приговору суда от отбывания наказания; к 259 лицам (37,4 %) применены иные меры наказания [2].

Наказание в виде лишения свободы, применяемое к несовершеннолетним, имеет определенные отличия от этого наказания в отношении взрослых лиц. Так, лицу, впервые совершившему в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначается (ч. 1 ст. 115 УК). В случае совершения несовершеннолетним менее тяжкого преступления срок лишения свободы не может превышать 3 лет, тяжкого преступления – 7 лет, особо тяжкого преступления – 10 лет (ч. 2 ст. 115 УК), в то время как для взрослых максимальный срок лишения свободы составляет 25 лет, а при назначении наказания по совокупности приговоров – 30 лет (ч. 1 ст. 57, ч. 3 ст. 73 УК).

За период действия нормы, предусмотренной ст. 115 УК, законодатель неоднократно обращался к ее совершенствованию, вносил изменения и дополнения. Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» ч. 2 ст. 115 УК была дополнена

п. 4, в соответствии с которым срок наказания в виде лишения свободы за особо тяжкое преступление, сопряженное с умышленным посягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, не может превышать 12 лет. Этим же законом в ст. 116 УК в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 и от 16 до 18 лет повышены максимальные пределы лишения свободы, назначаемого по совокупности преступлений, включающих хотя бы одно тяжкое или особо тяжкое преступление, – соответственно, до 13 и 15 лет. По совокупности приговоров максимальный срок лишения свободы несовершеннолетнему не может быть назначен более 17 лет (ч. 5 ст. 116 УК).

Отметим, что в уголовно-правовой литературе встречаются разные мнения по совершенствованию практики применения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет. В основном они касаются вопросов о максимально допустимых сроках лишения свободы в отношении несовершеннолетних и необходимости их снижения.

Заслуживает внимания мнение В.М. Хомича, который предложил предельные сроки лишения свободы несовершеннолетним сократить и установить в пределах трех лет за совершение менее тяжкого преступления, за совершение тяжкого преступления – пять лет, особо тяжкого – семь лет [5, с. 37]. Такого же мнения придерживается В.С. Яловик, который отмечает, что «система мер наказания для лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, является достаточно строгой. Законодатель до настоящего времени не предусмотрел специальных видов наказаний, применяемых только к несовершеннолетним. Если несовершеннолетний не имеет самостоятельного заработка, то к нему могут быть применены лишь три вида наказания – арест, ограничение свободы и лишение свободы, т. е. наказания, связанные с изоляцией несовершеннолетнего от общества. Очевидно, что сроки лишения свободы к несовершеннолетним следует снижать и далее, что соответствует провозглашаемому нормам международного права» [6, с. 250].

Будет ли уровень карательного и воспитательного воздействия предлагаемых авторами сроков лишения свободы необходимым и достаточным для достижения целей уголовной ответственности в отношении несовершеннолетнего? Думается, да, поскольку в обществе есть на это запрос, а в УК существует определенный резерв для снижения границ применения лишения свободы к несовершеннолетним.

В обоснование нашей позиции приведем следующие аргументы.

Во-первых, эта тенденция обеспечивается нормами международного права. Так, согласно Минимальным стандартным правилам ООН, ка-

сающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. ограничение личной свободы несовершеннолетнего должно быть по возможности сведено до минимума (правило 17.1). Это же правило указывает на то, что несовершеннолетнего правонарушителя не следует лишать личной свободы, если только он не признан виновным в совершении серьезного деяния с применением насилия против другого лица или в неоднократном совершении других серьезных правонарушений, а также в отсутствие другой соответствующей меры воздействия [7]. Кроме этого, Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. (ст. 37) и Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г. (правило 2) предписывают, что лишение свободы используется только в качестве крайней меры и в течение минимально необходимого периода времени [8, 9].

Во-вторых, негативные последствия, связанные с лишением свободы, сказываются на несовершеннолетнем в большей степени, чем на взрослом, так как они затрагивают несовершеннолетнего на начальной стадии его развития и становления. Необходимо стремиться к максимальному ограничению стигматизации несовершеннолетнего – закон должен играть роль «заслона» этому явлению в обществе.

В-третьих, при определении срока лишения свободы должны преобладать, по нашему мнению, интересы обеспечения будущего развития несовершеннолетних. Уголовный закон, предусматривая меру наказания таким лицам, должен руководствоваться необходимостью и возможностью достижения целей уголовной ответственности. Если в качестве одной из основных целей уголовной ответственности предусматривается предупреждение совершения новых преступлений осужденным несовершеннолетним, следует избегать назначения наказания в виде лишения свободы. Практика исполнения наказания в виде лишения свободы показывает, что длительная изоляция несовершеннолетнего осужденного может вызывать ослабление его социальных связей, способствовать формированию негативных личностных качеств, усвоению стандартов преступного мира, вызывать озлобленность и агрессивность по отношению к окружающим, и тем самым препятствовать успешной ресоциализации.

Отметим также то, что в ст. 23 Уголовного кодекса БССР 1960 г. было закреплено, что при назначении наказания лицу, не достигшему 18-летнего возраста на момент совершения преступления, срок лишения свободы не может превышать 10 лет [10]. А в ст. 96 Модельного Уголовного кодекса для государств – участников СНГ рекомендовано лишение свободы назначать несовершеннолетним, совершившим тяж-

кое или особо тяжкое преступление в возрасте от 16 до 18 лет, на срок до 10 лет [11].

В связи с рассматриваемыми в статье вопросами следует обратить также внимание на то, что Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» уточнено название наказания в виде лишения свободы, предусмотренного ст. 57 УК (общая норма), которое в новой редакции именуется как «Лишение свободы на определенный срок». На наш взгляд, такое же изменение необходимо внести в название ст. 115 УК, являющейся по отношению к ней специальной нормой.

Таким образом, нами предлагается внести в УК следующие изменения:

В ст. 115: название статьи изложить в следующей редакции:

«Статья 115. Лишение свободы на определенный срок»;

часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Лицу, совершившему преступление в возрасте до восемнадцати лет, срок наказания в виде лишения свободы не может превышать:

1) за менее тяжкое преступление – трех лет;

2) за тяжкое преступление – пяти лет;

3) за особо тяжкое преступление – семи лет;

4) за особо тяжкое преступление, сопряженное с умышленным посягательством на жизнь человека либо с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, – десяти лет.»

Список использованных источников

1. Правонарушения в Республике Беларусь (2011–2014 гг.) : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И.В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2015. – 174 с.

2. Данные судебной статистики за 2023 год об осужденных несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь ; Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www/court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/88d875_b0009641f4.html. – Дата доступа: 10.04.2024.

3. Козаченко, И.Я. Модели противодействия преступности: уголовно-правовой и криминологический аспекты / И.Я. Козаченко // Общество и право. – 2018. – № 1. – С. 8–13.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь за 2023 год [Электронный ресурс] / И.В. Медведева [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. – 322 с.

5. Хомич, В.М. О стандартах и перспективах введения ювенальной юстиции в Республике Беларусь / В.М. Хомич // Перспективы создания ювенальной

юстиции в Республике Беларусь : сб. ст. и материалов / под общ. ред. Г.М. Леонхой. – Минск, 2004. – С. 16–41.

6. Ялович, В.С. Эффективность правосудия в отношении несовершеннолетних в Республике Беларусь в контексте уголовно-правовой политики и международно-правовых стандартов / В.С. Ялович // Стратегия развития современной науки : Междунар. сб. науч. ст. – Т. : Акад. МВД Респ. Узбекистан, 2019. – 477 с.

7. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : [приняты резолюцией 40/33 Генер. Ассамблеи ООН от 29 нояб. 1985 г.] // Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних / М-во внутр. дел Рос. Федерации и др. ; предисл. Ю.М. Колосова. – М. : Интердиалект, 1998. – 128 с.

8. Конвенция о правах ребенка : [принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН от 20 нояб. 1989 г.]. – М. : Астрель, 2024. – 32 с.

9. Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы : [приняты резолюцией 45/113 Генер. Ассамблеи ООН от 14 дек. 1990 г.] // Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних / М-во внутр. дел Рос. Федерации и др. ; предисл. Ю.М. Колосова. – М. : Интердиалект, 1998. – 128 с.

10. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР 1960 г. : (на бел. і рус. мовах). – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, рэд. навук.-тэхн. літ., 1961. – 212 с.

11. Модельный Уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств // Информ. бюл. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ. – 1996. – № 10. – Приложение.

УДК 343.985

Д.А. Лех, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ УБИЙСТВ

Рассматриваются организационные и тактические аспекты раскрытия отдельных видов убийств, выдвигаются рекомендации по совершенствованию методов расследования и раскрытия, а также повышению эффективности борьбы с преступностью.

Статья 24 Конституции Республики Беларусь гласит, что каждый имеет право на жизнь, которая является самым ценным человеческим благом [1]. Право на жизнь – естественное право человека, возникаю-

щее с момента его рождения. Оно охраняется государством в процессе всей жизни человека.

Преступления против жизни – это общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом и непосредственно посягающие на безопасность жизни человека. Преступления против жизни являются необратимыми по своим последствиям. Наибольшую опасность среди преступлений, направленных против личности, представляет убийство. Согласно ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) убийством является умышленное противоправное лишение жизни другого человека [2].

В соответствии с краткими статистическими данными о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 г. общее число осужденных лиц составило 33 777 человек. За преступления против жизни и здоровья осуждено 2 261 лицо, из них за убийство (ст. 139 УК Республики Беларусь) – 237 лиц. В целях сравнения отметим, что в 2022 г. общее число осужденных лиц составило 38 206, за преступления против жизни и здоровья – 2 620, из них за убийство (ст. 139 УК Республики Беларусь) – 227 лиц [3].

Изучение статистических данных, отражающих количество совершенных убийств за период с 2018 г. по 2023 г., свидетельствует, что в настоящее время сохраняется динамика снижения совершения таких противоправных деяний. Одновременно процент раскрываемости указанных преступлений составляет не менее 95 %, что свидетельствует об эффективности мер, принимаемых сотрудниками подразделений уголовного розыска органов внутренних дел.

Вместе с тем в настоящее время по ряду преступлений указанного вида преступники остаются неустановленными, ввиду чего определенную важность приобретают организационно-тактические аспекты раскрытия данных преступлений.

Изучение практической деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел свидетельствует, что среди убийств наиболее распространены убийства, совершенные на бытовой почве; убийства, маскируемые под безвестное исчезновение жертвы, и убийства, связанные с расчленением трупа. Рассмотрим их более подробно.

При раскрытии убийств, совершенных на бытовой почве, сотрудникам оперативных подразделений следует обращать внимание на то, что обнаружение трупа в большинстве случаев происходит по месту жительства потерпевшего. В этой связи лица, совершившие убийство на бытовой почве, как правило, принимают все возможные меры по противодействию раскрытию указанного преступления, сокрытие его сле-

дов. Довольно часто преступники пытаются инсценировать несчастный случай либо самоубийство, ввиду чего оперативному сотруднику следует обращать внимание на возможные следы волочения трупа, а также на его перемещение.

Кроме того, убийству, совершенному на бытовой почве, нередко предшествуют продолжительные конфликты в кругу семьи. В этой связи сотрудникам оперативных подразделений целесообразно проводить такие оперативно-розыскные мероприятия, как: оперативный опрос лиц, проживающих по соседству, с целью установления взаимоотношений в семье жертвы; наведение справок, посредством проведения которого можно получить сведения об обращениях жертвы в учреждения здравоохранения по вопросам оказания медицинской помощи вследствие совершения в отношении ее насильственных действий. Установить характер взаимоотношений в семье в ряде случаев можно посредством изучения профилей, аккаунтов в социальных сетях жертвы, использования различных банков данных, оперативных и справочных учетов. Помимо этого, в раскрытии дел об убийствах на бытовой почве большое значение имеет осмотр места обнаружения трупа, изучение обстановки места происшествия, обнаружение, фиксация и изъятие различных следов и иных вещественных доказательств, а также проведение иных мероприятий.

Раскрытие убийств, маскируемых под безвестное исчезновение жертвы, представляет определенную сложность для сотрудников оперативных подразделений, ввиду того что, как правило, преступник принимает меры по сокрытию трупа, поэтому довольно часто уголовные дела возбуждаются по факту безвестного исчезновения гражданина.

Проблема раскрытия убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан, в настоящее время имеет довольно актуальный характер. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что количество без вести пропавших граждан растет и удерживается на достаточно высоком уровне. В связи с этим возникает необходимость формирования и систематизации тактических приемов, форм и методов раскрытия указанного преступления.

Непременными условиями успешного раскрытия убийств, замаскированных под безвестное исчезновение граждан, являются определение особенностей и признаков указанного вида преступления, проведение первоначальных и последующих оперативно-розыскных мероприятий, выдвижение и проверка как общих, так и частных оперативно-розыскных версий и др. Изучение практической деятельности подразделений уголовного розыска органов внутренних дел свидетельствует, что повыше-

нию результативности в раскрытии рассматриваемой категории убийств способствует определение оперативно-розыскных ситуаций, исходя из которых выдвигаются оперативно-розыскные версии и определяется проведение первоначальных действий, которые в последующем станут отправной точкой раскрытия преступления.

Процесс построения и проверки оперативно-розыскных версий неразрывно связан с планированием раскрытия обстоятельств (фактов) безвестного исчезновения граждан. Данная связь настолько тесна, что их самостоятельное существование друг без друга невозможно: план выступает формой проверки выдвинутой версии, версия, в свою очередь, – необходимой предпосылкой (основой) для составления плана.

По мнению Р.С. Белкина, с содержательной стороны процесс планирования представляет собой определенную многоуровневую систему, элементы которой тесно связаны между собой. К данным элементам следует отнести: а) анализ исходной информации; б) выдвижение версий и определение задач расследования; в) определение путей и способов решения поставленных задач; г) составление письменного плана и иной документации по планированию расследований; д) контроль за исполнением и корректировку плана расследования. Так, этапы планирования, по мнению ученого, совпадают с элементами расследования и проведения оперативно-розыскных мероприятий [4, с. 435].

Одним из первых общие версии безвестного исчезновения граждан обозначил в 1949 г. Н.В. Терзиев, по мнению которого эти лица могут: а) стать объектом преступного посягательства; б) покончить жизнь самоубийством; в) оказаться жертвой несчастного случая; г) быть детьми, заблудившимися, оставшими от родителей, сбежавшими из дома [5, с. 183].

Одним из оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в местах жительства и работы потерпевшего, его частого пребывания, жительства его близких и друзей, является оперативный осмотр. Осмотру, как правило, подлежат: помещения, где проживал пропавший; рабочее место, служебный кабинет; автотранспорт, в первую очередь личный, а также служебный, используемый по доверенности; принадлежащий ему (родственникам) дачный дом, территория приусадебного участка с находящимися на нем хозяйственными постройками, гаражом, колодцем, мусорной ямой; при необходимости иные помещения, участки, местности и водоемы.

При проведении оперативного осмотра оперативному сотруднику необходимо:

установить соответствует ли действительности предоставленная заявителем информация об исчезновении лица фактической обстановке, наблюдаемой в жилище пропавшего;

изучить условия, в которых проживало пропавшее лицо, а также осуществить сбор идентификационной информации *дневники, записные книжки, письма пропавшего, отдельные записи, свидетельствующие о конфликтных отношениях пропавшего с родственниками; фотографии исчезнувшего, групповые снимки, которые могут установить круг его общения; фотографии, где отчетливо изображены особые, бросающиеся в глаза шрамы, татуировки);

выявить следы возможного преступления (следы крови, обнаруженные в квартире исчезнувшего или в месте его последнего пребывания);

осуществлять поиск как непосредственно трупа, так и его частей либо следов уничтожения (осколки костей, кусочки тканей, мозгового вещества), следов крови на предметах обстановки, в щелях помещения, например, между половицами, возле плинтусов, на одежде, обуви, других вещах подозреваемого. Важное доказательственное значение могут иметь следы сжигания трупа (фрагменты обгоревших костей, сожженных вещей в печи, куче мусора во дворе).

Довольно часто на первоначальном этапе проводится оперативный опрос. Целью указанного оперативно-розыскного мероприятия является получение в ходе общения с гражданином сведений, необходимых для раскрытия преступления, важно установить точную дату исчезновения лица.

При этом объектами опроса могут быть любые лица, располагающие или могущие располагать оперативно значимой информацией. Подлежат обработке, а при получении значимой информации, допросу в качестве свидетелей:

пожилые люди, имеющие привычку постоянно находиться во дворе жилого дома или смотреть в окна;

соседи и лица, слышавшие подозрительный шум, в чердачных помещениях, гаражных массивах и т. д.;

соседи, обратившие внимание на шум, крики и угрозы, доносившиеся из квартиры пропавшего накануне его исчезновения и в дальнейшем наблюдавшие, как родственники выносили из квартиры ковры, мешки, мебель; рабочие, проводившие ремонтные работы в жилище, включая подсобные помещения, пропавшего после его исчезновения. В беседе с наемными рабочими необходимо уточнить, замечали ли они странности в поведении лиц, нанявших их для осуществления работы, а также в процессе работы следы, похожие на кровь, в труднозаметных местах (в швах напольной плитки, на поверхности мебели, обоях [6, с. 90–91];

дети, игравшие во дворе или районе проживания пропавшего;

лица, регулярно занимающиеся спортом либо выгуливающие собак в парковой зоне, которые незадолго до исчезновения в парке ребенка или женщины (как правило, в вечернее время) видели подозрительных лиц;

При проведении оперативного опроса родственников, знакомых пропавшего необходимо выяснить, когда он с ними в последний раз выходил на связь, каким образом они поддерживали отношения (переписка в социальных сетях, использование программ для обмена мгновенными сообщениями (мессенджерами), посредством электронной почты, телефонных переговоров, почтовой переписки).

Важным оперативно-розыскным мероприятием, проводимым на последующем этапе раскрытия указанного преступления, является наведение справок. Практика показывает, что письменные запросы направляются в различные учреждения, организации и предприятия, с целью сбора необходимой информации, в том числе возможной идентификации без вести пропавшего в случае обнаружения неопознанного трупа, расширения круга опрашиваемых лиц, установления причин и условий, приведших к исчезновению и др. Следует направлять запросы:

в учреждения здравоохранения (не поступал ли для оказания медицинской помощи и не находится ли на лечении в условиях стационара);

службу «102» с целью получения информации о возможном выбытии скорой помощи в район исчезновения пропавшего; госпитализации в учреждения здравоохранения неизвестных больных; лицах со сходными установочными данными с пропавшим; лицах одной возрастной группы с пропавшим;

отделы общих экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз (о наличии трупа исчезнувшего либо неустановленных, невосстановленных родственниками трупов).

Определяющим фактором для оперативного сотрудника является организация поиска потерпевшего на местности, где предположительно (либо по имеющейся оперативной информации) сокрыт труп (его части), либо по предполагаемому пути следования потерпевшего, с привлечением дополнительных сил (сотрудников смежных подразделений, военнослужащих, общественности, поисково-спасательных отрядов). При проведении поисковых мероприятий особое внимание должно уделяться заброшенным колодцам и строениям, строящимся объектам, подвалам и чердакам, лесопарковым зонам и территории вблизи водоемов.

При получении информации о конкретном районе (местности), где видели пропавшего человека, для поисковых мероприятий целесообразно привлекать к его поиску приданные силы. Необходимо также обратиться за помощью к общественности и волонтерским организациям.

Немаловажным способом действия также является ориентирование личного состава ведомства (составление информационных писем, ориентировок, ходатайств).

Наиболее существенными для раскрытия преступления являются сведения о способах сокрытия убийства.

Сокрытие факта убийства может включать в себя:

- сокрытие трупа;
- уничтожение или расчленение трупа;
- обезображивание лица;
- инсценировку убийства под самоубийство;
- перемещение трупа в другое место;
- уничтожение орудий убийства, следов преступления на месте убийства и др.

К сокрытию факта убийства преступник прибегает в случаях, когда у него нет возможности инсценировать самоубийство либо несчастный случай.

Анализ следственной практики позволяет выделить основные способы сокрытия трупа:

- перемещение трупа с места преступления без укрытия, уничтожения, расчленения, обезображивания;
- перемещение трупа с последующим его укрытием, уничтожением, расчленением, обезображиванием;
- частичное или полное уничтожение, обезображивание, расчленение трупа на месте преступления;
- приемы сокрытия, препятствующие получению сведений в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий и производстве следственных действий.

Еще одним способом сокрытия факта убийства является инсценировка, под которой понимается совокупность действий, направленных на сокрытие виновности определенного лица в совершении данного преступления путем создания ложной видимости иного события [7].

Способ сокрытия преступления нередко позволяет выявить связь между преступником и жертвой. Место убийства, если оно связано с личностью виновного, может указывать на него. Так, если жертва не знакома с преступником или их знакомство носит случайный характер, а место убийства не имеет отношения к преступнику, последний, как правило, стремится как можно быстрее покинуть его и не скрывает труп совсем либо маскирует его случайными предметами, находящимися рядом (ветки, трава), или перемещает его на небольшое расстояние туда, где труп будет менее заметен (канава, подвал).

Преступник, знакомый с жертвой или совершающий убийство в месте, связанном с ним (жилище, гараж, дача), чаще всего принимает тщательные меры для сокрытия трупа. Например, сжигает или сбрасывает его в водоем, прикрепляя груз. Такой преступник может переместить труп в место, находящееся на значительном расстоянии от места убийства, довольно часто способен распространять слухи об отъезде жертвы или прибегать к инсценировкам, пытаясь представить причиной смерти самоубийство, несчастный случай или болезнь [8, с. 23–24].

Рассматривая убийства, сопровождающиеся расчленением трупа, стоит добавить, что данный тип преступления совершается в тех случаях, когда преступнику необходимо затруднить установление личности убитого, скрыть причины его смерти, мотивы и орудия убийства, различные следы воздействия на потерпевшего. Убийцы, стараясь скрыть следы преступления, прячут части тела в различные места, часто отдаленные друг от друга, закапывают отдельные части трупа, бросают в водоемы или сжигают. Раскрытия убийств, связанных с расчленением трупа, осложнено также и тем, что к моменту обнаружения частей трупа неизвестна личность жертвы, место убийства и расчленения.

На первоначальном этапе раскрытия данного вида убийства сотруднику уголовного розыска предстоит решить задачу по идентификации личности жертвы, что в последующем станет базисом разработки оперативно-розыскных версий совершения вышеуказанного преступления. Установить личность жертвы возможно посредством выполнения судебно-медицинских исследований, проведения оперативно-розыскных мероприятий, использования оперативных, криминалистических и иных учетов. Затем следует собрать первоначальную информацию о жертве, выяснить увлечения, интересы и хобби.

Немаловажным мероприятием является оперативный осмотр места обнаружения частей трупа, поскольку собранные данные позволят установить способы и методы, время и место совершения убийства и расчленения трупа.

Во многих случаях части расчлененного трупа завернуты или упакованы в различные материалы, часто сопровождаются завязыванием снаружи веревкой, проводом, шпагатом. В таких случаях необходимо изучить способ завязывания узлов и сам материал, в который помещена часть трупа. Для лучшего розыска частей трупа, орудий преступления, предполагаемого места расчленения, убийства, а также задержания преступника целесообразно использовать служебно-розыскных собак.

После конструируются и проверяются оперативно-розыскные версии о личности преступника, которым в данной оперативно-розыскной

ситуации чаще всего оказывается близкий родственник или знакомое лицо жертвы.

Последствия убийства необратимы и некомпенсируемы, именно поэтому раскрытие данных преступлений является одной из основополагающих задач, стоящих перед сотрудниками оперативных подразделений. Совершаемые в настоящее время убийства отличаются многообразием особенностей, которые связаны с выбором преступником способа и орудия совершения преступления. Совокупность указанных особенностей усложняет процесс раскрытия данного вида преступлений. Определение и проверка общих и частных оперативно-розыскных версий напрямую зависит от знания теоретических и практических аспектов организации и тактики раскрытия убийств. Одновременно значительная общественная опасность убийства формирует повышенные требования, предъявляемые к профессиональным навыкам, что подразумевает необходимость совершенствования профессиональных основ сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г., одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/69694c4d3e774d6e.html. – Дата доступа: 01.05.2024.
4. Белкин, П.С. Курс криминалистики = Course of criminalistics : учеб. пособие / П.С. Белкин. – 3-е изд., доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 837 с.
5. Настольная книга следователя / Прокуратура СССР ; под общ. ред. Г.Н. Сафонова. – М. : Гос. изд. юрид. лит., 1949. – 880 с.
6. Методика расследования безвестного исчезновения граждан : монография / А.И. Гигевич ; под науч. ред. В.М. Логвина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2022. – 203 с.
7. Руководство по расследованию убийств / С.И. Гусев [и др.]. – М., 1977. – 400 с.
8. Криминалистическая методика [Электронный ресурс] : учеб. пособие для обучающихся учреждений высш. образования М-ва внутр. дел Респ. Беларусь : в 2 ч. : ч. 1 / М.П. Шруб [и др.] ; под общ. ред. М.П. Шруба ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2018. – 295 с.

В.И. Лис, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Рассматриваются проблемные вопросы предотвращения вреда экономическим интересам государства в сфере государственных закупок Республики Беларусь, также предложены пути повышения эффективности оперативных подразделений по предотвращению вреда в вышеизложенной сфере.

Анализ практики уполномоченных субъектов на проведение государственных закупок свидетельствует, что при проведении процесса закупки довольно часто допускаются нарушения, связанные с незнанием требований законодательства в указанной сфере, неправильным его толкованием, несоблюдением организационных и процедурных аспектов проведения закупок и др. Вместе с тем отдельные нарушения проведения процедуры государственных закупок могут являться следствием преступных действий лиц, их осуществляющих, что, в свою очередь, должно стать объектом внимания сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями (БЭП).

Тем не менее возникает необходимость в предотвращении вреда от коррупционных преступлений в сфере государственных закупок. Это можно осуществить путем анализа объективных факторов, которые выражаются в совершении правонарушений на разных стадиях государственной закупки.

В самом общем виде, правонарушения в сфере государственных закупок – это правонарушения, выражающиеся в нарушении нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу государственных закупок и влекущих за собой дисциплинарную или административную ответственность.

Анализ законодательства, регламентирующего процесс проведения государственных закупок, позволяет выделить основные нарушения, допускаемые при проведении государственных закупок: нарушения при организации государственной закупки, нарушения при проведении процедуры государственной закупки, нарушения при работе конкурсной комиссии.

При нарушении организации государственной закупки характерны такие правонарушения, как: предмет закупки описан с нарушением, установление заведомо невыполнимого для добросовестного поставщика срока поставки, неполное описание предмета закупки, его особенностей и технических характеристик, выполнение работ еще до проведения процедуры закупки, в то время как процедура приведена с целью выбора заведомо известного претендента.

При нарушении работы комиссии характерны такие правонарушения, как: состав комиссии не соответствует приказу; не все члены комиссии присутствуют при проведении торгов; протокол не подписан всеми членами комиссии; высказывание особого мнения либо голосования против выбора победителя, проведения процедуры не отображены в протоколе [1, с. 227].

Из этого следует, что с целью предотвращения, выявления и пресечения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок необходимо осуществлять мониторинг не только выбора победителя конкурентной процедуры закупки, но и результатов исполнения договорных обязательств.

Таким образом, выявляя правонарушения в каждой из процедур государственных закупок, оперативные сотрудники смогут предотвратить ущерб экономическим интересам государства в сфере государственных закупок.

Изучение практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел свидетельствует, что в сфере государственных закупок довольно часто совершаются коррупционные преступления.

Субъектами коррупционных преступлений являются лица, уполномоченные на осуществление юридически значимых действий. К юридически значимым действиям следует относить принятие решений, входящих в компетенцию лица, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений, а также получение взяткодателем или представляемыми им лицами выгоды имущественного или иного характера. Кроме того, принятие должностным лицом материальных ценностей или приобретение выгод от подчиненных или подконтрольных ему лиц за покровительство или попустительство по службе, за благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных

полномочий является фактом получения взятки. При этом следует учитывать, что проявление покровительства по службе может выражаться в действиях, связанных с незаслуженным поощрением, продвижением (повышением) по должности, установлением персональной надбавки к заработной плате, созданием льготного режима работы и т. п.

К попустительству в интересах дающего взятку, в частности, относятся бездействие по фактам упущений по службе или неисполнения служебных полномочий, сокрытие фактов, свидетельствующих об отсутствии у работника должной квалификации, непринятие мер по аттестации. Благоприятное решение вопросов в интересах взяткодателя предполагает совершение действий, направленных на удовлетворение просьбы в интересах взяткодателя или представляемых им лиц, в обеспечение которой получена взятка.

Так, одним из распространенных преступлений, совершаемых при проведении государственных закупок, является взяточничество, проявляющееся, как правило, в том, что должностное лицо с целью получения материальной либо иной выгоды для себя или своих близких создает определенные условия, гарантирующие победу конкретному участнику. Например, должностным лицом заказчика может предоставляться информация, использование которой позволит конкретному участнику составить документы по закупке таким образом, чтобы гарантировать победу в конкурсе или аукционе. Исходя из этого можно сделать вывод, что коррупционная взаимосвязь между должностным лицом заказчика и представителем коммерческой организации, как правило, возникает еще до заключения договора и основывается на обещании предоставить денежное вознаграждение в размере определенной части от суммы, указанной в договоре.

Еще одним способом совершения преступлений в сфере государственных закупок является заключение договора по завышенной цене с целью последующего хищения и распределения разницы между должностными лицами заказчика и исполнителя. Необходимо отметить, что при указанных обстоятельствах обязательства по заключенному договору могут исполняться в полном объеме, частично либо не исполняться вовсе.

Предполагаемый исполнитель государственной закупки также может предложить заказчику приобрести товары (работы, услуги) по наибольшей с целью передачи фиксированного процента с суммы государственной закупки, что подталкивает обе стороны к повышению суммы государственной закупки. Этот способ хищения денежных средств, как правило, характерен для закупки из одного источника, так как в случае с

данным видом государственной закупки проще всего привлечь аффилированное лицо к участию в процедуры государственной закупки.

Помимо этого, оперативными подразделениями БЭП были выявлены случаи приобретения должностными лицами государственных организаций за счет средств республиканского бюджета заведомо неисправных товаров либо уже введенных в эксплуатацию ранее товаров по цене новых.

Кроме того, стороной заказчика возможны ограничения доступа к оформлению и подачи заявки. Часто ограничение доступа к оформлению и подачи заявки осуществляется на основе написания документации заказа в нераспространенных текстовых редакторах и защиты документации от чтения паролем, ограничения возможности поиска и копирования информации в документации заказчика. Ограничение времени исполнения заказа также встречается довольно часто.

Например, срок исполнения заказа сокращается так, что без готового решения контракт не может быть исполнен. Другими словами, доверенный исполнитель должен сначала практически выполнить контракт и, когда он будет на финальной стадии работ, объявить конкурс с нереально маленьким сроком исполнения. Ограничение доступа к исполнению заказа малых и средних предприятий может осуществляться за счет того, что однотипные работы по контракту необходимо выполнить на большом количестве объектов, т. е. создается ситуация, когда закупщик вступает в сговор с крупным исполнителем на огромный объем однотипных работ, которые попросту не смогут выполнить небольшие компании.

В ходе анализа документов на государственную закупку также были выявлены факты «специфических» технических описаний, которые, по своей сути, ограничивали круг субъектов, участвующих в государственной закупке. Так может происходить завышение определенных требований, наличие определенного опыта в оказании определенных работ (услуг), наличие специального разрешения, сертификатов и т. д., не относящихся к сути контракта. При этом имеют место случаи отклонения заявки на участие в процедуре государственной закупки определенного субъекта по формальным признакам. Например, в связи с отсутствием документов, которые не указаны в минимальной номенклатуре сведений, необходимых для заключения контракта.

Таким образом, полученная информация о допущении нарушений в сфере государственного заказа может свидетельствовать о совершении хищения бюджетных денежных средств, а также ограничении принципа конкуренции, связанного с совершением преступлений коррупционной направленности.

Одним из нарушений, напрямую указывающих на коррупционную взаимосвязь заказчика с конкретным поставщиком, является указание в документации заказа конкретной торговой марки, товара, работы или услуги, которую необходимо получить.

Сущность такой схемы заключается в том, что в подготовленной документации государственного заказа определяется единственный поставщик – конкретная торговая марка, без указания возможности поставки товара-эквивалента. Данные действия приводят к ограничению конкуренции в определенном секторе рынка, в рамках которого и осуществляется государственная закупка.

В документации может быть указан также неполный перечень требований к заказу, что препятствует формированию предложений исполнителей.

Суть данного нарушения заключается в сокрытии части требований для «обычных» заказчиков, что преграждает путь к подаче заявки. Часто не указывается регламент поставки товара, не полностью описываются технические характеристики, техническое задание. Указанные действия приводят к формированию неполной документации у поставщиков товаров, что не позволяет им участвовать в выполнении государственного заказа, и, как следствие, к ограничению конкуренции и возможности увеличения заказчиком общей стоимости контракта. Как и ранее рассмотренный способ хищения бюджетных денежных средств, данный вид может быть выявлен в документации заказа: сложные в техническом исполнении государственные заказы без технических требований к их выполнению или без технических заданий являются объектом поиска правоохранительных органов в данном случае.

О фактах коррупционной направленности и нецелевого расходования бюджетных средств часто свидетельствуют краткая формулировка и описание государственного заказа на большую денежную сумму.

Немаловажным вопросом является выявление и документирование данных преступлений оперативными сотрудниками. Коррупционные преступления в сфере государственных закупок выявляются путем анализа документации, отражающей признаки коррупционных преступлений. Такими документами являются: годовой план закупок организации; задания на закупки; учредительные документы организации; документы кадровой службы проверяемой организации; положения о структурных подразделениях, осуществляющих закупки; приказ о создании комиссии по закупкам; справки о процедурах закупок; списки участников процедур закупок, переписку с ними; документы, представляемые участни-

кам для подготовки предложений (в том числе приглашения; проекты договоров и иные документы). Исследование вышеперечисленных документов, в том числе проведенное негласно, позволяет сотрудникам подразделений БЭП получить представление о создающихся либо уже созданных условиях для совершения уголовно наказуемых деяний.

Помимо изучения документов, целесообразно провести комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий. Так, в ряде случаев целесообразно провести такие оперативно-розыскные мероприятия, как оперативный опрос, наведение справок, контроль в сетях электросвязи, наблюдение и т. д. Немаловажным аспектом выявления преступлений в сфере государственных закупок является также работа с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. Для наиболее эффективной работы с данными лицами необходимо провести анализ ранее заключенных контрактов на проведение закупки определенной продукции (оказание услуг), с целью выявления лиц, потерпевших материальный или иной ущерб от коррупционных действий лица, представляющего оперативный интерес. Помимо этого, следует использовать возможности сети Интернет, осуществлять взаимодействие с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. В ряде случаев целесообразно получать консультации у лиц, обладающих специальными знаниями в области проведения процедуры государственных закупок [2].

Данный комплекс мероприятий даст наилучший результат в том случае, если оперативным сотрудником будут проанализированы все вышеперечисленные причины и условия совершения коррупционных преступлений, а также субъективные и объективные факторы, формирующие внешнее выражение преступного деяния лица в сфере государственных закупок.

Список использованных источников

1. Хмель, Н.Н. Основные нарушения при проведении государственных закупок / Н.Н. Хмель // Совершенствование деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью и коррупцией : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Минск, 4 июня 2021 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2021. – С. 226–228.

2. Мартынов, А.О. Консультационно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности / А.О. Мартынов // III Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 15 дек. 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Р.М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 433–436.

В.А. Молодыхов, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.Г. Каразей*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.А. Егоров*

О ПРИМЕНЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ К ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ГРАЖДАН, СОВЕРШИВШИМ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Рассматриваются основные черты административного взыскания в виде общественных работ. Проводится сравнительно-правовой анализ с законодательством стран ближнего зарубежья, исследуются труды отечественных ученых. Обосновываются предложения по корректировке законодательства.

Основную часть человеческой деятельности занимает труд. В постоянном движении лицо не только приобретает новые знания, навыки и опыт, но и приспосабливается к правомерному ритму жизни. Справедливо закреплено в ст. 41 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), что труд является наиболее достойным способом самоутверждения человека.

Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП), принятым от 6 января 2021 г., введено ранее неизвестное административно-деликтному законодательству административное взыскание в виде общественных работ.

Необходимо отметить, что дискуссия по закреплению данного вида административного взыскания велась еще с 2015 г., когда в рамках научного семинара «О необходимости и путях совершенствования законодательства об административных правонарушениях» представителями Генеральной прокуратуры было заявлено, что общественные работы будут очень хорошо дополнять существующую систему наказаний, потому что к объявлению предупреждения люди не относятся с должным пониманием его серьезности, административный арест порой слишком строгая мера, а штрафы исполняются далеко не в полном объеме [1].

В соответствии со ст. 6.5 КоАП общественные работы заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей сроком от восьми до шестидесяти часов, и выполняются не более четырех часов в день. Однако согласно ч. 3 ст. 22.5 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь

об административных правонарушениях (ПИКоАП) по ходатайству лица, на которое наложено административное взыскание, максимальное время выполнения общественных работ в течение одного дня может быть увеличено до восьми часов в день в выходные дни и иные дни, когда такое лицо не занято на основной работе, службе или учебе.

Наряду со штрафом и административным арестом общественные работы отнесены законодателем к основным видам административных взысканий (ч. 1 ст. 6.3 КоАП). При этом общественные работы в рамках обеспечения законности ограничения конституционного права на труд налагаются исключительно судом, иные органы, ведущие административный процесс, таким правом не наделены.

По статистическим данным Верховного Суда Республики Беларусь в 2022 г. судами наложены административные взыскания в отношении свыше 178 тыс. лиц. При этом общественные работы применены лишь в отношении 1,7 тыс. граждан, что составляет менее 1 % от общего количества взысканий. За первое полугодие 2023 г. судами подвергнуто административной ответственности 84,6 тыс. лиц, в том числе общественным работам – 1,4 тыс. (1,6 %) [2].

Таким образом, наблюдается тенденция активизации применения судами общественных работ. Несмотря на то что их удельный вес в структуре налагаемых административных взысканий небольшой, важно констатировать, что санкции лишь 37 составов административных правонарушений предусматривают данное взыскание.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) также предусматривает аналогичное наказание. В силу общественной опасности преступлений, за их совершение установлена более строгая ответственность по сравнению с КоАП: ч. 2 ст. 49 УК общественные работы налагаются в количестве от шестидесяти до трехсот шестидесяти часов.

Общественные работы закреплены в системе административных взысканий (наказаний) ряда постсоветских стран: Молдовы, Азербайджана, Кыргызстана, Туркменистана и Украины. При этом в каждой стране применение общественных работ имеет особенности правового регулирования.

Например, Кодекс Республики Молдова о правонарушениях (далее – Кодекс) раскрывает содержание «неоплачиваемого труда в пользу общества» фактически аналогично белорусским общественным работам, однако определяет их срок от десяти до шестидесяти часов [3]. В Украине установлено более строгое наказание: от ста двадцати до трехсот шестидесяти часов [4].

В то же время некоторые страны отказываются от такого подхода и не закрепляют данное наказание: Россия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан.

Важной особенностью белорусского закона является то, что общественные работы налагаются только при наличии согласия лица, привлекаемого к административной ответственности. В иных странах такая опция отсутствует и суд на свое усмотрение принимает решение о необходимости применения данного взыскания. Исключением является лишь Молдова, которая также учитывает согласие на исполнение такого наказания, за исключением отдельных административных правонарушений, предусмотренных ст. 78.1 «Насилие в семье» и 318.1 «Неисполнение незамедлительного ограничительного предписания» Кодекса, по которым согласие лица не требуется [3].

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» разъяснено, что согласие на наложение административного взыскания в виде общественных работ может быть выражено, например, в отдельном заявлении лица, совершившего административное правонарушение, приобщаемом к материалам дела, непосредственно в судебном заседании и т. д.

В литературе неоднозначно понимают введение согласия на применение общественных работ. Так, Д.П. Семенюк отмечает, что «наличие согласия на применение административного взыскания можно считать важной новеллой КоАП 2021 г., которая может быть использована и при применении других мер административной ответственности» [5, с. 95].

В подтверждение А.П. Гасанов пишет, «что закрепление данной нормы сделано законодателем с учетом возможных мнений о незаконности введения общественных работ в качестве меры административного взыскания по причине, что их выполнение можно признать разновидностью принудительного труда, который согласно Конституции, запрещен» [6].

Существует и альтернативная точка зрения, по мнению С.Г. Василевича, «общественные работы (ранее исправительные работы), несут в себе мощный элемент профилактики: лицо получает такое наказание, исполнять которое бывает весьма стыдно. За рубежом, особенно в США, «наказание стыдом» практикуется довольно часто» [7, с. 953].

Полагаем возможным согласиться с мнением С.Г. Василевича по поводу того, что получение согласия лица на применение к нему общественных работ лишает суд права выбора меры взыскания. При этом для урегулирования данного вопроса, по нашему мнению, препятствий нет.

Так, на момент принятия КоАП в 2021 г. часть четвертая ст. 41 Конституции Республики Беларусь содержала положение о запрете принудительного труда, кроме работы или службы, определяемой приговором суда. Только суд по итогам рассмотрения уголовного дела имел право в

принудительном порядке побудить лицо работать. В этой части принуждение к труду в рамках административного процесса противоречило бы Основному Закону. Недопустимость этого и выразилась в закреплении законодателем в ч. 3 ст. 6.5 КоАП альтернативной нормы, предусматривающей согласие лица на применение взыскания.

С учетом принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. поправок в Конституцию Республики Беларусь, рассматриваемое положение видоизменено и вместо приговора речь идет о судебном постановлении как основании для применения принудительного труда. Таким образом законодатель расширил возможности применения принудительного труда, так как постановления суд выносит в том числе и по результатам рассмотрения дел об административных правонарушениях.

В соответствии с вышеизложенным полагаем целесообразным исключить из КоАП согласие лица как условие применения административного взыскания в виде общественных работ, что будет способствовать реализации таких принципов административно-деликтного права, как справедливость (ст. 1.4 КоАП), равенство перед законом (ст. 1.6 КоАП).

Полагаем также необоснованным, что законодатель в ч. 3 ст. 6.5 КоАП запрещает применять общественные работы к лицам в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Согласно ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь заключение трудового договора допускается с шестнадцати лет, а с письменного согласия одного из родителей – вообще с четырнадцати лет. Иными словами, для своей выгоды, чтобы подзаработать денежных средств, несовершеннолетний может трудиться, а исполнять взыскание, направленное на достижение общественно полезных целей, не допускается.

Более того, данная норма, по нашему мнению, не коррелируется с положениями гл. 9 КоАП, предусматривающей возможность применения к несовершеннолетним такой меры воспитательного воздействия, как обязанность загладить причиненный вред.

Из ч. 3 ст. 9.5 следует, что обязанность загладить причиненный вред заключается в фактическом возмещении несовершеннолетним вреда, причиненного административным правонарушением. При применении такой меры воспитательного воздействия учитываются имущественное положение несовершеннолетнего и его родителей или лиц, их заменяющих, наличие у него соответствующих трудовых и иных навыков. Несмотря на отсутствие подробной регламентации содержания данной меры, именно указание на наличие трудовых навыков указывает на то, что речь идет о работе. Получается, что при освобождении от административной ответственности несовершеннолетнего можно заставить трудиться, а при наложении взыскания – нет.

Следует отметить, что в ч. 4 ст. 49 УК реализуются положения, позволяющие назначать общественные работы лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Сходные предписания предусмотрены в рамках административного процесса в Молдове, Азербайджане, Кыргызстане и Украине.

Полагаем, что урегулирование данного вопроса в отечественном законодательстве не будет противоречить Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), где закреплено, что государства должны стремиться к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая, в тот период жизни, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению, будет благоприятствовать процессу развития личности [8].

То же касается и лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста, – трудиться после его достижения разрешается трудовым законодательством.

В этой связи считаем необходимым исключить несовершеннолетних и пенсионеров из перечня лиц, на которых не могут быть наложены общественные работы (ч. 3 ст. 6.5 КоАП), однако предусмотреть именно для них истребования согласия на применение данного вида административного взыскания.

Таким образом, подводя итог анализу нового административного взыскания в виде общественных работ, можно констатировать ряд положительных сторон, позволяющих правоприменителю использовать дискреционные полномочия при вынесении постановлений по делам об административных правонарушениях. Однако существуют отдельные проблемы его применения, не позволяющие в полной мере реализовать потенциал рассматриваемого вида административного взыскания.

Предлагаемые подходы к корректировке КоАП будут учитывать отечественный и международный опыт регулирования сходных общественных отношений, способствовать укреплению общественных работ в системе административных взысканий.

Список использованных источников

1. В КоАП следует ввести наказание в виде общественных работ – Генпрокуратура [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://www.belta.by/amp/society/view/v-koop-sleduet-vvesti-nakazanie-v-vidе-obshchestvennyh-rabot-genprokuratura-153914-2015/>. – Дата доступа: 04.11.2023.

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/. – Дата доступа: 04.11.2023.

3. Кодекс Республики Молдовы о правонарушениях [Электронный ресурс] // ИС «Континент». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30395669. – Дата доступа: 08.11.2023.

4. Кодекс Украины об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // ИС «Континент». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418317. – Дата доступа: 08.11.2023.

5. Семенюк, Д.П. *Общественные работы в системе административных взысканий / Д.П. Семенюк // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 мая 2023 г.) : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]*. – Минск, 2023. – С. 94–95.

6. Гасанов, А.П. *Общественные работы как вид административного взыскания [Электронный ресурс] / А.П. Гасанов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.*

7. Василевич, С.Г. *Общественные работы – новый вид административных взысканий / С.Г. Василевич // Государство и право в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, 26–27 нояб. 2020 г., г. Минск / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак. ; редкол.: Т.Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]*. – Минск : БГУ, 2021. – С. 951–953.

8. Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи Объедин. Наций Орг., 29 нояб. 1985 г., № 40/33 // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml. – Дата доступа: 05.10.2023.

УДК 342.95

В.А. Молодыхов, курсант факультета
милиции общественной безопасности

И.В. Козырев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.Г. Каразей*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.В. Гвоздев*

О ПРОБЛЕМАХ НАЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ДЕПОРТАЦИИ

Посвящается проблемным вопросам наложения административного взыскания в виде депортации, вытекающим из несовершенства существующих

правовых предписаний. С учетом анализа положений отечественного законодательства об административных правонарушениях и зарубежных нормативных правовых актов вносятся и обосновываются конкретные предложения по изменению Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Количество туристов на территории Беларуси за 2023 г. стало рекордным. Примерно 6 млн иностранных граждан посетили нашу страну. Весомую часть из них составляют граждане Российской Федерации, к тому же реализуется безвизовый порядок въезда с Литвой, Латвией и Польшей [1].

Вместе с тем, согласно данным Единого банка данных о правонарушениях, в 2023 г. иностранцами совершено 164 тыс. административных правонарушений, а за 2022 г. – около 214 тыс. административных правонарушений. При этом меры административной ответственности являются эффективным способом воздействия на правонарушителей. Так, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) предусмотрено административное взыскание в виде депортации.

В соответствии со ст. 6.8 КоАП депортация – административное выдворение за пределы Республики Беларусь – применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства. Как показывает анализ, в КоАП предусмотрено 16 составов административных правонарушений, за которые может быть наложено административное взыскание в виде депортации.

К слову сказать, согласно КоАП 1984 г., депортация не входила в систему административных взысканий. Устанавливалось лишь, что законодательством Советского Союза Социалистических Республик может быть предусмотрено административное выдворение за пределы страны иностранных граждан и лиц без гражданства за совершение административных правонарушений, грубо нарушающих советский правопорядок.

И сейчас данное взыскание применяется в отношении только иностранных граждан и лиц без гражданства. Это обусловлено частью первой ст. 10 Конституции, согласно которой гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами. Однако в советский период, как отмечал С.Г. Василевич, депортация иногда практиковалась и по отношению к лицам, обладающим советским гражданством [2, с. 70].

Наряду с лишением права заниматься определенной деятельностью, депортация может применяться в качестве как основного, так и дополнительного административного взыскания. Согласно данным Информационного центра МВД Республики Беларусь за 2022 г., депортация как основное административное взыскание применялась 2 572 раза, а в качестве дополнительного – 3.

В свою очередь, порядок исполнения депортации регламентируется 21-й главой Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПКИоАП) и Положением о порядке депортации иностранных граждан и лиц без гражданства, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2007 г. № 333 (далее – Положение).

В ст. 21.2 ПКИоАП указано, что административное взыскание в виде депортации приводится в исполнение органом, вынесшим постановление о наложении административного взыскания. Также иностранные граждане или лица без гражданства, в отношении которых вынесено административное взыскание в виде депортации могут обратиться с заявлением в суд, орган, вынесшие данное постановление, с ходатайством о предоставлении им права добровольно и за счет собственных средств покинуть пределы Республики Беларусь.

В то же время исполнение административного взыскания в виде депортации в добровольном порядке не допускается, если имеются основания полагать, что иностранный гражданин или лицо без гражданства могут уклониться от исполнения постановления о наложении административного взыскания в виде депортации. В случае уклонения иностранного гражданина или лица без гражданства от добровольного выезда в установленный срок орган, вынесший постановление о наложении административного взыскания в виде депортации, с санкции прокурора принимает меры по задержанию иностранного гражданина или лица без гражданства на срок, необходимый для исполнения постановления о наложении административного взыскания в виде депортации.

Между тем на практике возникает ряд спорных ситуаций при применении норм, регулирующих административное взыскание в виде депортации. К примеру, в п. 7 ч. 3 ст. 10.3 и ч. 7 ст. 12.10 ПКИоАП указано, что должен быть решен вопрос о сроке запрета въезда в Беларусь в случае принятия решения о депортации. При этом в нормах КоАП и ПКИоАП про них ничего не сказано. Положения об определении срока запрета въезда в Республику Беларусь депортируемому лицу содержатся в законодательстве о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.

Так, в соответствии с п. 4 Положения срок запрета въезда в Республику Беларусь (от шести месяцев до пяти лет) устанавливается с учетом обстоятельств, послуживших основанием для принятия решения о депортации, а также иных сведений, характеризующих личность иностранца и связанных с его пребыванием в Республике Беларусь.

А как же быть, когда иностранцы совершают два и более административных правонарушений, образующих совокупность, и органы, ве-

душие административный процесс, рассматривая оба правонарушения после соединения дел в одном процессе, за каждое из них принимают решение о наложении административного взыскания в виде депортации? Чем руководствоваться при принятии окончательного решения, если минимальный срок запрета для депортации устанавливается шесть месяцев? В каких пределах определять итоговый срок запрета на въезд, есть ли необходимость его слагать?

В соответствии с ч. 1 ст. 7.4 КоАП предусмотрено, что окончательное административное взыскание при совершении совокупности административных правонарушений определяется путем полного или частичного сложения. Однако в этой же части ничего не сказано о максимальном сроке запрета въезда при сложении взысканий. Как, допустим, говорится о других административных взысканиях.

Так как в КоАП не ведется речи об установлении срока запрета въезда в Беларусь, соответственно, указанное ограничение нельзя рассматривать как структурный элемент данного административного взыскания. В этой связи правила наложения административного взыскания при совершении нескольких административных правонарушений, установленные ст. 7.4 КоАП, не распространяются на порядок установления срока запрета въезда в Республику Беларусь.

В некоторых государствах данный пробел в определенной степени разрешен. В ст. 48 Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях закреплено, что «административное выдворение за пределы Туркменистана иностранных граждан и лиц без гражданства, а также временное ограничение их въезда в Туркменистан как меры административного взыскания налагается в случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, и при этом срок временного ограничения на въезд в Туркменистан не может превышать пяти лет» [3].

Наряду с этим Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках также определяет срок запрета на въезд как составной компонент административного взыскания. В ст. 29.3 указано, что «право посещения Азербайджанской Республики иностранцами или лицами без гражданства, выдворенных за пределы Азербайджанской Республики в административном порядке, ограничивается сроком от 1 до 5 лет». Одновременно, в ст. 29.4 перечислены категории лиц, в отношении которых не применяется данное взыскание: лица, имеющие статус беженца или получивших политическое убежище со стороны Азербайджанской Республики, а также детей, являющихся жертвами торговли людьми [4].

Следует отметить, что сходных положений в отечественном КоАП нет. При этом в п. 5 ч. 1 ст. 14.3 ПИКоАП определено, что орган, ведущий

административный процесс, прекращает исполнение постановления о наложении административного взыскания в случае предоставления лицу, в отношении которого вынесено постановление о наложении административного взыскания в виде депортации, статуса беженца, дополнительной защиты, убежища или временной защиты в Республике Беларусь. В то же время в ст. 21.3 ПИКоАП указано, что в случае обращения иностранного гражданина или лица без гражданства с ходатайством о предоставлении статуса беженца, дополнительной защиты или убежища в Республике Беларусь исполнение административного взыскания в виде депортации приостанавливается на срок до принятия решения по такому ходатайству и истечения установленного законодательством срока для обжалования принятого по такому ходатайству решения либо до вступления в законную силу решения суда об отказе в удовлетворении жалобы.

Не стоит забывать и об обжаловании. Ввиду того, что сейчас срок запрета въезда в Республику Беларусь не является структурным элементом депортации, возникает вопрос: возможно ли его обжаловать? Например, к иностранному гражданину за совершение правонарушения применена депортация с запретом въезда в Республику Беларусь сроком на пять лет. Будучи в целом согласным с принятым решением, данный иностранный гражданин считает, что вредность совершенного правонарушения, отсутствие вредных последствий не требуют столь длительно запрета на въезд в страну, в которой у него есть семья, бизнес и т. д.

Как указано в ч. 1 ст. 13.5 ПИКоАП, постановление о наложении административного взыскания в виде депортации может быть обжаловано в течение пяти суток со дня объявления такого постановления. Как бы то ни было, но отсутствие прямой нормы, определяющей срок запрета въезда в КоАП, не позволяет полноценно трактовать о возможности его обжалования.

Исходя из вышеуказанного видится обоснованным внести следующие изменения в КоАП:

1. Статью 6.8 изложить в следующей редакции:

«Статья 6.8. Депортация

1. Депортация – административное выдворение за пределы Республики Беларусь – применяется в отношении иностранного гражданина и лица без гражданства.

2. Право посещения Республики Беларусь иностранными лицами или лицами без гражданства, депортированных за пределы Республики Беларусь, ограничивается сроком от шести месяцев до пяти лет.

3. Срок запрета въезда в Республику Беларусь устанавливается с учетом обстоятельств, послуживших основанием для принятия решения о депортации, а также иных сведений, характеризующих личность иностранца и связанных с его пребыванием в Республике Беларусь.»

2. Часть 1 статьи 7.4 дополнить пунктом 5 следующего содержания:
«5) срок запрета въезда в Республику Беларусь в случае принятия решения о депортации – пяти лет.».

3. Абзац четвертый статьи 7.5 после слова «деятельностью» дополнить словами «, срока запрета въезда в Республику Беларусь в случае принятия решения о депортации».

Подводя итог проведенному анализу, важно отметить, что предложенные дополнения позволят исключить существующие проблемы при вынесении постановления о наложении административного взыскания в виде депортации, а также усовершенствуют действующее законодательство об административных правонарушениях.

Список использованных источников

1. «Пандемийный период уходит в прошлое». В Минспорте рассказали о том, сколько туристов посещает Беларусь [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/pandemijnyj-period-uhodit-v-proshloe-v-minsporte-rasskazali-o-tom-skolko-turistov-poseschaet-belarus-605471-2023/>. – Дата доступа: 17.02.2024.

2. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 928 с.

3. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // ИС «Континент». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31443571. – Дата доступа: 17.02.2024.

4. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках [Электронный ресурс] // ИС «Континент». – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36865427. – Дата доступа: 17.02.2024.

УДК 340.1

Т.А. Некрашевич, магистрант факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.А. Воронаев*

Рецензент – кандидат юридических наук *Е.И. Стабровский*

ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Посвящается теоретическому исследованию сути и содержания правового воздействия, его основных элементов. Рассмотрены признаки, детерминирующие устранение разногласий по поводу разнонаправленных трактовок опреде-

ления указанного понятия. Обосновывается заключение, что правовое воздействие обладает значительным теоретическим и практическим потенциалом в регулировании общественных отношений.

Результатом глубокой интеграции права в социальную систему стало создание прочных социокультурных и коммуникативных механизмов, которые позволяют праву воздействовать на сознание и поведение людей. Однако до настоящего времени вопрос об эффективности правового регулирования общественных отношений и средствах ее повышения остается открытым. По этой причине длительное время в научной литературе интенсивно обсуждается проблема правового воздействия, как одного из перспективных направлений совершенствования механизма правового регулирования общественных отношений.

Понятие «воздействие» в большинстве словарей определяется как оказание влияния на что-либо с целью достижения необходимого результата. Д.Н. Ушаков в толковом словаре русского языка определяет воздействие в качестве системы действий, имеющих целью повлиять на кого-нибудь или что-нибудь. Одновременно с этим, разделяет воздействие на моральное и физическое [1, с. 89]. Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, воздействие – действие, направленное на кого-нибудь либо что-нибудь с целью добиться чего-нибудь, внушить что-либо [2, с. 134]. Воздействие также понимается как влияние, действие, операция, стимулирование, побуждение [3, с. 96]. В соответствии с Большим толковым словарем русского языка различают физическое, идеологическое, эстетическое, моральное и педагогическое воздействие [4, с. 121].

Хоть воздействие и означает определенную направленность на результат, однако не всегда такая цель достигается. Понятие «воздействие» обозначает весь процесс влияния на объекты материального мира и поведение человека, но не гарантирует достижение поставленной цели либо результата.

Понятие «правовое воздействие» имеет особую значимость для теории права. Признаки и своевременность его определения в зависимости от вкладываемого смысла устанавливают допустимые формы и способы влияния на общественные отношения.

В свою очередь, категория «правовое воздействие» в науке теории государства и права является одной из недостаточно изученных, данное понятие трактуется исследователями не всегда единообразно.

Основоположником изучения данной категории является Л.И. Петражицкий, который полагает, что право исходит из духовной природы, а его содержание обуславливается культурной средой общества.

Он полагал, что право, как нравственность и другие социальные регуляторы, воздействует на развитие психики человека, изменяет его характер. Одновременно с этим, право тоже трансформируется под воздействием человеческой психики.

Мотивы поведения человека с эмоциональной точки зрения лежат в основе учения Л.И. Петражицкого о праве и нравственности. Чувство справедливости оказывает более глубокое влияние на сознание и поведение людей, чем исключительно императивное соблюдение правовых норм. По его мнению, юридической науке следует учитывать психическую составляющую человека, и, исходя из наблюдений, формировать соответствующие правовые и этические нормы.

В процессе правотворчества государство не всегда учитывает психическое состояние людей в определенный исторический период, а больше считается с политическим и экономическим состоянием [5, с. 512].

Л.И. Петражицкий полагал, что правомерное поведение людей напрямую зависит от воспитания и окружающей среды. Данная теория позже нашла отражение в бихевиористическом подходе в психологии.

Правовое воздействие имеет системный характер и трактуется как эмоционально-психологическое и воспитательное воздействие права на человека, которое включает в себя такие составные элементы, как принуждение, убеждение, правовые ценности, нормативные факты, правовое сознание, правовая мотивация и правовое воспитание [6, с. 26].

Психологическая концепция Л.И. Петражицкого отражает влияние психологических особенностей людей на восприятие права и, соответственно, правовой политики. Он комплексно исследовал воздействие права на поведение и психологию личности, а также способность общества к правовой саморегуляции.

Е.А. Лукашова трактует правовое воздействие как воплощение установленной или санкционированной государством системы правовых норм в конкретные общественные отношения с помощью специально юридических или неюридических средств в целях создания стабильного динамичного правопорядка [7, с. 10].

По мнению С.С. Алексеева, правовое воздействие – широкое понятие, характеризующее все направления влияния права на общественные отношения, в том числе функционирование права по направлениям – информационному и ценностно-ориентационному [8, с. 5].

Л.Н. Берг рассматривает правовое воздействие как динамический, изменяющийся во времени и пространстве процесс влияния социально-нормативных регуляторов, в результате которого возникают упорядоченные связи между коллективными и индивидуальными субъектами,

т. е. процесс влияния на сознание субъектов через потоки правовой информации [9, с. 15].

М.Ф. Орзих полагает, что правовое воздействие выполняет роль логического синтеза категорий правообразования, сущности и содержания права, структуры права. Правовое воздействие – сложная и целостная система управлением, формированием и деятельностью людей, которая интегрирует все механизмы социального функционирования права и связывает (прямой и обратной связью) право с его непосредственным объектом – личностью [10, с. 53].

Относительно рассматриваемой категории «правовое воздействие» Б.М. Емельянов и С.А. Правкин отмечают, что правовое воздействие обозначает единство общего влияния права на социальную жизнь и поведение людей, выступает как нормативно-организационное влияние права на социальные процессы, включая влияние правовых и неправовых средств [11, с. 118].

С.А. Комаров определяет правовое воздействие в качестве результативного, нормативно-организационного влияния на общественные отношения специальной системы как собственно правовых средств, так и иных явлений права [12, с. 413].

В противовес определению С.А. Комарова, Р.Т. Мухаевым дается сходное понятие, однако в более узком варианте, без указания на «иные явления права». Утверждается, что правовое воздействие основывается на специфических юридических инструментах: нормах права, договорах, актах применения права, субъективных правах и обязанностях [13, с. 172]. В данном варианте воздействие рассматривается в качестве результативного влияния формально-юридического источника права на поведение индивидуальных и коллективных субъектов.

Такая позиция определения правового воздействия дает указание только на юридические инструменты, средства и формально-юридические источники, которые характеризуют иную правовую категорию – правовое регулирование. Игнорирование неправовых средств воздействия ведет к утрате самой идеи правового воздействия на человека и общество в целом.

В.В. Груздев справедливо конкретизирует, что правовое воздействие осуществляется не только посредством специальных правовых средств, которые предусматриваются правовыми нормами, но и с помощью других правовых явлений, т. е. тех, которые напрямую к механизму правового регулирования не относятся, а служат его базой и результатом [14, с. 301].

Обращаясь к опыту зарубежных правовых исследований, следует отметить, что ученые западных правовых школ определяют правовое

воздействие в общем контексте взаимодействия права и общества, без акцентирования внимания на отдельном научном статусе понятия «правовое воздействие». Как итог, в зарубежном правоведении теория правового воздействия как целостная концепция на сегодня не сформирована.

Правовое воздействие – это прежде всего влияние правовых ценностей на социальную жизнь, сознание и поведение человека и общества в области построения социально полезных целей, а также поддержания устойчивого правопорядка.

Изложенное наглядно показывает очевидность того, что правовое воздействие выходит далеко за пределы процесса, осуществляемого лишь посредством правовых норм. К тому же, сама природа права, которая включает в себя естественные и позитивные элементы, первоначально предполагает более широкий круг влияния на сознание и поведение людей, что обусловлено духовной культурой общества. Многогранность права как явления общественной жизни выражается в процессе правового воздействия.

В большинстве приведенных определений присутствует понимание правового воздействия через процесс влияния права и правовых средств на общественные отношения, поведение и сознание людей. Но не только влияние специальных юридических средств, но и, как справедливо акцентируют внимание С.С. Алексеев, Л.Н. Берг, В.В. Груздев, влияние неюридических средств, отраженных в праве (информационных, психологических, воспитательных, организационных), а также таких правовых явлений, как правосознание, правовая культура, правовые принципы, которые определяют особенности сознания и мотивов поведения человека в их действиях и социально значимых ситуациях.

В соответствии с точкой зрения широкого толкования понятие «правовое воздействие» следует понимать в широком значении, как с позиции объектов его воздействия (общественные отношения, поведение людей, сознание), так и с позиции средств и методов, при помощи которых осуществляется правовое воздействие (специальные юридические средства и общесоциальные правовые средства).

Для всестороннего понимания и исследования правового воздействия необходимо обратиться к выявлению признаков, характеризующих предмет исследования.

Е.К. Щербакова к основным признакам правового воздействия относит следующие:

- 1) правовое воздействие – системный феномен, включающий в себя ряд правовых явлений, которые условно можно разделить на специальные юридические средства и общесоциальные правовые явления;

- 2) посредством правового воздействия осуществляется влияние на поведение и сознание людей, т. е. на внешнюю и внутреннюю стороны;
- 3) правовое воздействие направлено на установление правопорядка и стабилизацию общественных отношений [15, с. 76].

В отличие от сторонников расширительного толкования категории «правовое воздействие», Н.Г. Александров не включал в данное явление такие элементы, как правовая культура и правосознание, доказывая, что основным элементом правового воздействия являются именно правовые нормы. В связи с этим к отличительным признакам воздействия он относил установление:

- 1) правовой связи между участниками общественных отношений;
- 2) запретов на совершение определенных действий;
- 3) правового статуса граждан и юридических лиц;
- 4) компетенции органов государственного управления, правосудия [16, л. 89].

Данная позиция в отношении признаков правового воздействия содержит указание только на юридические средства, инструменты и формально-юридические источники, характерные для иной правовой категории – правового регулирования. При игнорировании ключевых общесоциальных признаков утрачивается сама идея правового воздействия и его влияния на человека.

Правовое воздействие проявляет себя в различных сферах общественной жизни, в том числе отражается в сфере правового регулирования. В связи с этим следует предложить первый признак правового воздействия, а именно, его социально-юридический характер. Л.Н. Берг согласна с данной позицией и полагает, что характерной чертой категории «правовое воздействие» является ее двойственный характер, выражающийся в том, что она принадлежит и миру социальных отношений и миру правовых явлений [17, с. 97].

Выделение этого признака является вполне обоснованным, так как нельзя отрицать наличие у правового воздействия дуальной природы. Правовое воздействие преследует цели социально значимого характера, используя при этом нормативную основу управления обществом, оказывая влияние на правовую культуру и правосознание субъектов социума. Именно правовое воздействие создает сферу социально-правового взаимодействия человека с правом, в которой они проходят правовую социализацию и обретают свою правовую идентичность.

Особое внимание необходимо акцентировать на втором признаке правового воздействия – добровольности и осознанности со стороны граждан, их заинтересованности в усвоении правовой информации.

Необходимо отметить, что сложноорганизованное общество, которое состоит из множества социальных отношений, выстраиваемых между разнообразными социальными слоями и группами населения, имеющими несовпадающие интересы, нуждается в своем упорядочении для создания стабильности в развитии социальных связей, что достигается через управление. Обращение к правовому воздействию неизбежно в рамках функционирования правового государства. Так как правовое воздействие связывает право с различными сферами общественной жизни, необходимо отметить, что в данном случае оно воспринимается как вид социального управления.

В связи с этим нужно рассмотреть в качестве третьего признака властно-управленческую природу рассматриваемого явления. Сразу следует отметить, что управление обществом является закономерным и необходимым процессом, с помощью которого можно согласовать и организовать совместную деятельность людей, а также их отношения между собой.

Д.А. Керимов к определяющим признакам любого управления относит поддержание определенного порядка, выполнение общих функций в процессе совместного труда, согласование индивидуальной и коллективной деятельности [18, с. 78].

На наличие направленного и целевого характера правового воздействия указывает советский ученый М.Ф. Орзих. Он отмечает, что субъект воздействия уже изначально прогнозирует результат, достижение которого обеспечивается средствами контроля за поведением человека, его проявления в правовом пространстве. В данном контексте правовое воздействие является направленным воздействием на личность, целью которого является превращение юридической возможности в юридическую действительность [10, с. 54].

Исходя из вышеизложенного, следует рассмотреть в качестве четвертого признака правового воздействия его социально-ценностную направленность. Социальная ценность правового воздействия заключается в его возможности защищать истинные ценности общества, а в рамках международного права – ценности, обеспечивающие стабильное международное пространство и безопасность. Для выполнения данной задачи право должно отобрать исключительно необходимые ценности, отграничив их от ложных.

Пятый признак выражается в том, что правовое воздействие влияет не только на поведение в правовой сфере, но и оказывает влияние на сознание людей в принятии правовых ценностей в целях создания устойчивого правопорядка в государстве.

На основании вышеизложенного следует подытожить, что правовое воздействие проявляет себя в социально-правовой сфере в качестве властной, организующей деятельности, направленной на достижение социально полезных целей, которые обусловлены динамичными потребностями и социально-историческими условиями развития конкретного общества.

Таким образом, к его основным признакам необходимо отнести следующие:

- 1) социально-юридический (дуальный) характер;
- 2) добровольность и осознанность со стороны граждан;
- 3) властно-управленческая природа;
- 4) социально-ценностная направленность;
- 5) влияние на поведение и сознание человека.

Эти признаки отличают правовое воздействие от иных правовых явлений, дают возможность подробно исследовать его природу, а также содействуют пониманию его социально-юридической значимости.

На данный момент современный этап развития белорусской государственности тесно связан с признанием конституционных прав и свобод человека как высшей ценности, а также признанием Республики Беларусь в качестве правового, демократического и социального государства, для которого характерны средства созидательного характера.

Ценность права заключается в его социально значимой нагрузке, выполнении которой невозможно без правового воздействия и его средств. Ключевым является то обстоятельство, чтобы ценности были в самом деле социальными, они должны, по крайней мере, не отвергаться обществом. Только в данном случае можно вести речь о таком феномене, как правовое воздействие.

Список использованных источников

1. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
3. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / отв. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 836 с.
4. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – 2-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2003. – 943 с.
5. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. / Л.И. Петражицкий. – 2-е изд. – СПб. : Слово, 1907. – 2 т.
6. Бухарова, И.В. Психологическая теория правового воздействия Л.И. Петражицкого: теоретико-методологический анализ / И.В. Бухарова. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2018 – 73 с.

7. Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. – М. : Юрид. лит., 1973. – 344 с.
8. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1966. – 187 с.
9. Берг, Л.Н. Отечественная юридическая наука о феномене правового воздействия / Л.Н. Берг // Наука и новые технологии. – 2015. – № 12. – С. 14–18.
10. Орзих, М.Ф. Право и личность / М.Ф. Орзих. – Киев : Одесса, 1978. – 456 с.
11. Емельянов, Б.М. Теория государства и права : конспект лекций / Б.М. Емельянов, С.А. Правкин. – М. : Эксмо, 2004. – 289 с.
12. Общая теория государства и права : учеб. пособие / отв. ред. С.А. Комаров. – СПб. : Питер, 2006. – 510 с.
13. Мухаев, Р.Т. Теория государства и права / Р.Т. Мухаев – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2014. – 558 с.
14. Груздев, В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования / В.В. Груздев // Вестн. КГУ им. Некрасова. – 2011. – № 2. – С. 297–310.
15. Щербакова, Е.К. О проблеме соотношения правового воздействия и правового регулирования / Е.К. Щербакова // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. – 2018. – № 1. – С. 74–82.
16. Сорокин, Б.В. Теоретико-правовые концепции Н.Г. Александрова : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б.В. Сорокин ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2010. – 161 л.
17. Берг, Л.Н. Об основных гносеологических проблемах формирования модели правового воздействия / Л.Н. Берг // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 97–101.
18. Керимов, Д.А. Методология права : предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов // РАН, Ин-т государства и права. – М. : Аванта+, 2000. – 484 с.

УДК 347.189

Я.С. Нестерович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.Ю. Березнев*

ПСЕВДОНИМ (ВЫМЫШЛЕННОЕ ИМЯ) КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Рассматриваются использование псевдонима как средства индивидуализации участников гражданских правоотношений, его правовое закрепление, положительные аспекты и существующая проблематика.

Право на имя – неотъемлемое и неотчуждаемое право любого человека. История имен людей насчитывает ни один десяток, сотню и даже тысячу лет. Имена, которые изначально являлись прозвищами, существуют столько, сколько существует человек. В Республике Беларусь имя гражданина как гражданско-правовой институт получило свое легальное нормативное закрепление в Гражданском кодексе (ГК) Республики Беларусь. В соответствии с п. 1 ст. 18 ГК Республики Беларусь каждый гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем, включающим фамилию, собственное имя и отчество (если таковое имеется), если иное не вытекает из законодательства.

Вместе с тем всегда существует риск совершения противоправных деяний, направленных на причинение вреда чести, достоинству, деловой репутации посредством неправомерного использования чужого имени. Принимая во внимание современные вызовы и угрозы, а также развитие информационных технологий, свою популярность набирают так называемые псевдонимы или вымышленные имена. Возникает целый ряд закономерных вопросов: что же из себя представляют эти вымышленные имена? Возможно ли их использование как средств индивидуализации участников гражданских правоотношений? Как гражданин может приобрести псевдоним и его использовать? Для чего это нужно? Какая существует проблематика в использовании псевдонима гражданином? Именно поиском ответа на данные вопросы и обусловлена актуальность данной статьи.

Если рассуждать об истории возникновения псевдонимов, то, например, в Древней Руси была распространена практика скрывать настоящие имена от посторонних. Этот обычай имел свои глубокие корни и был обусловлен различными социокультурными и суеверными убеждениями. Одной из основных причин сокрытия настоящих имен было стремление защитить людей от злых духов и порчи. В традиционной славянской вере считалось, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель, который присутствует в его имени. Поэтому, если злоумышленник узнает настоящее имя человека, он может использовать его для наложения проклятия. Потому секретность в этом вопросе являлась способом самозащиты от таких негативных воздействий. Сокрытие имени также имело социальные аспекты. В древние времена имена могли свидетельствовать о социальном статусе или происхождении человека. Иногда это делалось в связи с желанием сохранить анонимность или избежать преследования в случаях, если, например, носитель имени был важным и состоятельным чином или, наоборот, был преступником, стремящимся избежать от наказания.

На сегодня в соответствии с абзацем вторым п. 1 ст. 18 ГК Республики Беларусь в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя). Следует отметить, что 27 февраля 2023 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято постановление № 155 «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь», которым были внесены изменения в Положение о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния. Так, согласно п. 1 данного постановления, если теперь у гражданина имеется желание носить фамилию, собственное имя в соответствии с используемым псевдонимом, то становится возможным перемена фамилии и собственного имени.

Однозначного ответа на то, что же такое псевдоним, ГК Республики Беларусь фактически не дает, ограничиваясь лишь указанием в скобках словосочетания-синонима – «вымышленное имя». Что же означает сам термин «псевдоним (вымышленное имя)» как таковой? Справочно-энциклопедические издания дают следующие определения термину «псевдоним»: так, в Большой советской энциклопедии псевдоним трактуется как подпись или имя, которыми автор или артист заменяют свое настоящее имя, а под партийными псевдонимами нередко называли так называемые партийные клички [1, с. 228]. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова называет псевдонимом вымышленное имя писателя, артиста, политического деятеля [2, с. 643].

Если говорить о роли псевдонима в гражданских правоотношениях, то на доктринальном уровне споры об этом между учеными продолжаются до сих пор. Так, например, М.М. Агарков признает «неправильным мнение, что пользование псевдонимом не есть принятие нового имени, а просто способ сохранения анонима» [3, с. 201]. В свою очередь, А.Х. Ульбашев рассматривает право на псевдоним как «правомочие лица анонимно участвовать в гражданских правоотношениях» [4, с. 6]. Для нас же научный интерес представлен изучением возможности использования псевдонима как средства индивидуализации участников гражданских правоотношений.

Отличительным аспектом обычного имени от имени вымышленно-го является момент его обретения. Так, п. 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., провозглашает наличие права на имя у ребенка с момента его рождения [5], что также находит свое отражение в ст. 69 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КобС). Отметим, что в данном случае речь идет об основном имени собственном ребенка, которое для

него выбирают его родители. Важно подчеркнуть, что в соответствии с вышеупомянутой статьей КоБС орган, регистрирующий акты гражданского состояния, не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями собственного имени, если только оно не противоречит нормам общественной морали, национальным традициям. Псевдоним же избирается гражданином лично, как правило, по достижению дееспособности в полном объеме, в случаях и порядке, предусмотренных законодательством.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано. Объем такой информации, которую можно отнести к персональным данным, достаточно широк. В целом он раскрывается через дефиницию «физическое лицо, которое может быть идентифицировано». Это физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Таким образом, вымышленное имя может быть отнесено к персональным данным, так как через него возможна идентификация гражданина. Следует отметить, что персональные данные являются объектом правовой охраны в нашей стране. В частности, ст. 203¹ и 203² Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривают уголовную ответственность за незаконные действия (т. е. сбор или предоставление) в отношении информации о частной жизни и персональных данных и несоблюдение мер по защите таковых, а ст. 23.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства о защите персональных данных в части незаконного сбора, обработки, хранения или предоставления персональных данных физического лица.

В чем же состоят преимущества использования псевдонима?

На наш взгляд, одним из таковых является, в первую очередь, конфиденциальность. Так, граждане могут использовать псевдонимы для защиты своей личной информации [6; 7, с. 37].

С каждым днем вектор межличностного общения все более смещается в сеть Интернет: это разнообразные социальные сети, форумы, а также иные ресурсы, где граждане общаются, излагают свою точку зрения

и мнения. Потому, чтобы защитить себя от нежелательного внимания либо навязчивых вопросов, предотвратить нежелательное преследование либо же возможное наступление неблагоприятных последствий для гражданина в случае раскрытия реальной личности, некоторые из них предпочитают использовать вымышленные имена (также известные как никнеймы), что фактически соответствует дефиниции псевдонима. Некоторые исследователи и вовсе полагают целесообразным выделение отдельной правовой категории в данных ситуациях – так называемый виртуальный псевдоним, который граждане формулируют, регистрируют и применяют только в информационно-коммуникационных сетях [8, с. 13]. Этим обеспечиваются такие понятия, как «приватность», «анонимность» и «безопасность».

Нельзя забывать, что конфиденциальность также подразумевает и защиту данных. В век информационных технологий использование псевдонима может помочь защитить персональные данные от хакерских атак и утечек баз данных в сети Интернет. Следует отметить, что через призму использования псевдонима могут также обеспечиваться и конституционные права граждан: например, в соответствии со ст. 25 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции) государство обеспечивает неприкосновенность личности, а ст. 28 Конституции декларирует право на защиту каждого от незаконного вмешательства в его частную жизнь.

Кроме использования вымышленных имен в сети Интернет, псевдонимы могут быть использованы для защиты прав, например, при подписании договоров, контрактов, заключении сделок, так как этим может обеспечиваться защита от нежелательного воздействия со стороны третьих лиц.

Еще одной сферой использования псевдонима может быть создание коммерческого бренда или идентификация товаров и услуг. В данном случае псевдоним фактически соответствует понятию товарного знака. Согласно п. 1 ст. 1017 ГК Республики Беларусь товарным знаком признается обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг одного лица от однородных товаров, работ и (или) услуг других лиц. В подобной ситуации возникают правоотношения по поводу использования псевдонима как объекта интеллектуальной собственности. Ввиду этого товарный знак должен быть в установленном порядке зарегистрирован в патентном органе. Необходимо отметить, что в силу ст. 1019 ГК Республики Беларусь владелец товарного знака имеет исключительное право использовать такой знак и распоряжаться этим исключительным правом, а также право запрещать использование товарного знака другим лицам.

Отметим также, что ряд граждан используют псевдонимы для своего художественного выражения. Так, некоторые выбирают вымышленные имена в качестве выражения своего творчества или художественной идентичности, что наиболее распространено в области объектов авторского права, таких как литература, творческая деятельность, искусство. Причины и мотивы для его использования могут быть самые разнообразные, будь-то создание интриги и привлечение интереса, либо же опасение негативного воздействия критики или же ухода от неблагоприятного звучания [1, с. 228]. Они могут указывать национальность автора, место его рождения или жительства, его общественное положение, профессию, убеждения, черту его характера или творчества. Яркие примеры тому – Максим Горький (настоящее имя – Алексей Пешков), Максим Танк (Евгений Скурко), Мэрилин Монро (Норма Бейкер), Леся Украинка (Лариса Косач-Квитка), Якуб Колас (Константин Мицкевич), Янка Купала (Иван Луцевич). Таким образом, псевдоним для указанной категории граждан является частью их творческого образа и имиджа и позволяет идентифицировать их как правообладателей какого-либо из объектов авторского права.

Вместе с тем, несмотря на целый ряд положительных аспектов использования псевдонима в гражданских правоотношениях, существуют и отдельные неразрешенные вопросы.

Так, возвращаясь к тезису об использовании псевдонима в сети Интернет, следует отметить, что ввиду отсутствия как такового правового регулирования правоотношений в такой среде любой гражданин может использовать случайную комбинацию букв, которая даст совпадение с псевдонимом, который уже используется кем-то из граждан. Единственным из препятствий в описанном казусе на данный момент может являться лишь техническое ограничение интернет-ресурса возможности использовать уже ранее зарегистрированный гражданином псевдоним. В этом случае необходимо предусмотреть процедуру верификации, т. е. подтверждения путем предоставления доказательств исключительного права на использование конкретного псевдонима. Кроме того, интернет-ресурсы, как правило, не устанавливают технического ограничения в вопросе регистрации более чем одного псевдонима. Таким образом, граждане могут регистрировать неограниченное количество аккаунтов с самыми различными псевдонимами на одном интернет-ресурсе.

Из предыдущей проблемы одновременно вытекает следующая – идентификация и аутентификация при использовании псевдонима [7, с. 37]. Так, если гражданин уже использует псевдоним, однако не зарегистрировал его в установленном порядке, он может столкнуться с

целым рядом трудностей в вопросе подтверждения своей личности, поскольку у него отсутствуют какие-либо официальные документы, подтверждающие регистрацию его вымышленного имени.

Кроме того, несмотря на положительный аспект в вопросах конфиденциальности при использовании псевдонима в сети Интернет, он может нести в себе и отрицательное значение. Так, псевдоним может использоваться в противоправных целях. В связи с этим могут возникать определенные сложности в идентификации правонарушителя, поскольку прямой связи между его вымышленным именем и непосредственно самой личностью может попросту не существовать.

Таким образом, псевдоним или вымышленное имя как средство индивидуализации участников гражданских правоотношений представляет собой средство индивидуализации, которое позволяет гражданину использовать имя, отличное от его официального. Псевдоним может обеспечивать участникам правоотношений комфорт и защиту. По своей сущности псевдоним тесно коррелирует с понятиями интеллектуальной собственности и авторского права.

Тем не менее на сегодня существует несколько проблем в сфере защиты права использования псевдонима. Одной из них является нарушение авторских прав и пиратство в сети Интернет. Второй проблемой является сложность обеспечения защиты в цифровой среде, где легко копировать и распространять информацию в цифровом формате. Решение этих проблем требует сбалансированного подхода, который будет учитывать как интересы граждан в их конфиденциальности, так и потребности в обеспечении безопасности общества.

Необходим комплексный подход, включающий правовые, организационные, технологические и образовательные меры. В частности, следует совершенствовать законодательство и правоприменительную практику в области защиты права на использование псевдонима, разработать эффективные механизмы защиты в цифровой среде, а также проводить информационные кампании и образовательные мероприятия по противодействию нарушениям гражданских прав. В этой связи считаем целесообразным выработать на государственном уровне автоматизированную информационную систему (АИС) регистрации, учета и использования гражданами псевдонимов. Этот банк данных позволил бы решить вопрос, связанный с верификацией, идентификацией и аутентификацией граждан, которые хотят либо уже используют вымышленное имя. Следует отметить, что в нашей стране накоплен достаточный опыт для создания такого уровня АИС. Яркие примеры тому – АИС «Паспорт»,

Единая государственная система регистрации и учета правонарушений, Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и др. Необходимо на законодательном уровне предусмотреть случаи, когда кому-либо по каким-то причинам (например, заключение контрактов, сделок, оказание финансовых и банковских услуг и т. п.) нужна информация из указанной АИС для идентификации граждан. Следует предусмотреть также процедуру передачи, получения и обработки такой информации в контексте защиты персональных данных. Формирование, ведение, техническое обеспечение указанной АИС считаем целесообразным поручить органам ЗАГС. В этом контексте правовое регулирование должно быть гибким и учитывать быстро изменяющиеся технологические и социальные реалии. Для решения вопросов безопасности правоохранительные органы должны применять различные методы и технологии, а также активно участвовать в разработке и внедрении законодательства, которое регулирует использование псевдонимов и предусматривает ответственность в случае их противоправного употребления.

Список использованных источников

1. Большая советская энциклопедия : [в 51 т.] / редкол.: Б.А. Введенский (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1950–1958. – Т. 35. – 672 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
3. Агарков, М.М. Право на имя : в 2 т. / М.М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву. – М. : Статут, 2012. – Т. 1. – 428 с.
4. Ульбашев, А.Х. Право на псевдоним и «борьба с безродным космополитизмом» / А.Х. Ульбашев // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 8. – С. 6–10.
5. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 18.03.2024.
6. Овчинников, С.А. Угрозы и риски этико-правового характера при интернет-исследованиях [Электронный ресурс] / С.А. Овчинников, А.В. Россошанский. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-i-riski-etiko-pravovogo-haraktera-pri-internet-issledovaniyah/viewer>. – Дата доступа: 05.04.2024.
7. Омарова, Ю.А. О гражданско-правовых средствах индивидуализации граждан / Ю.А. Омарова // Рос. право: образование, практика, наука. – 2017. – № 4. – С. 36–40.
8. Тарасов, М.В. Субъекты и объекты гражданских правоотношений в информационно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.В. Тарасов ; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. – М., 2015. – 24 с.

Я.С. Нестерович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.Ю. Березнев*

ИМЯ ГРАЖДАНИНА КАК СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Через призму историко-правового аспекта рассматривается процесс становления и развития имени гражданина как важнейшего гражданско-правового института. Анализируются особенности правового регулирования данного института в различные периоды времени: от древних времен до его современного положения в гражданском праве Республики Беларусь.

Имя человека – его неотъемлемый атрибут индивидуализации как субъекта социальных отношений и взаимодействий. Оно является его неотчуждаемым личным благом. Сегодня невозможно представить, чтобы кто-либо из участников гражданского оборота не обладал своим личным именем. На это ориентирует п. 1 ст. 18 Гражданского кодекса (ГК) Республики Беларусь – гражданин приобретает и осуществляет права и обязанности под своим именем.

В гражданском законодательстве Республики Беларусь под именем гражданина понимается фамилия, собственное имя и отчество (если таковое имеется). Какова же история возникновения, существования и развития имен как гражданско-правового института на разных исторических этапах? Содержат ли они в себе какой-то иной смысл и значение, нежели как атрибут для индивидуализации людей в социальных отношениях? Именно поиском ответов на данные вопросы и обусловлена актуальность работы.

Научный интерес к этому вопросу со стороны ученых привел к тому, что сегодня в лингвистике принято выделять раздел, именуемый ономастикой, изучающий любые собственные имена, историю их возникновения и трансформации. Вместе с тем необходимо констатировать тот факт, что ономастика изучает имена через призму лингвистики, тогда как для нас интерес обоснован изучением имен как гражданско-правового института.

Принято традиционно считать, что исторической основой романо-германской правовой семьи является римское право, которое, в свою очередь состояло из частного и публичного права. Ученые также отме-

чают связь Римской империи с появлением фамилий [1; 2, с. 85]. Изначально под фамилией (лат. familia – семья) в Древнем Риме понимали общность, состоящую из семьи хозяев и их рабов. Она наследовалась по мужской линии или приобреталась чужеродцами посредством их установления. Следует отметить, что факт безосновательного присвоения чужого имени квалифицировался как противоправное действие, за которое полагалось суровое наказание [3, с. 44].

Если говорить конкретно про историю формирования имен славянских народов, и, в частности, восточных славян, то в данном случае выделяют три периода [4]:

дохристианский;

период после введения христианства на Руси;

период после Октябрьской революции 1917 г.

Нельзя отрицать то, что на заре появления личных имен не было существенного различия между личным именем в том значении, как мы его понимаем сегодня, и прозвищем, которое в значительной степени подразумевает именование человека в связи с тем или иным поводом, событием, сопутствующим жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии [5, с. 14].

Люди воспринимали имена материально, как неотъемлемую часть человека. Они скрывали свои имена от врагов, считая, что одного звания имени достаточно для того, чтобы навредить кому-нибудь. Иногда писали у себя на пятках имена своих врагов, чтобы при ходьбе попирать их и тем самым делать зло носителям этих имен. Данные имена раскрывают всю «палитру» народного языка, показывают широту фантазии, наблюдательность и сметливость, доброту и общительность, порой грубоватую простоту и язвительность, когда дело касается нравственных пороков или физических недостатков.

Славянские имена, сформировавшиеся в этот исторический период, были весьма разнообразными. Популярными были имена, данные по цвету волос и кожи, по другим внешним признакам – росту, особенностям телосложения. Существовали имена, которые присваивались в зависимости от характера и поведения ребенка. Были и другого порядка имена, восходящие к древним поверьям: это «плохие» имена, которые якобы способны были отвращать злых духов, болезни, смерть. Среди славянских имен того исторического периода были и те, которые дошли до наших дней, такие как Вадим и Всеволод.

Широкая распространенность этих имен, сохранявшаяся вплоть до XVI в., дала толчок к созданию различных дополнительных к ним форм – сокращенных, уменьшительных, ласкательных, которыми было удобнее пользоваться внутри семьи.

Кроме того, с этим историческим периодом также связывают и появление отчеств у славян. Как уже было упомянуто выше, в Древнем Риме круг лиц, состоявших в родстве, обозначался фамилией. У славян же это родство подчеркивалось по восходящей отцовской линии – патронимами, либо же на современный манер – отчествами. Фактически, отчество у древних славян служило для более точной идентификации человека в обществе, выполняя функцию, аналогичную фамилиям у древних римлян.

Стоит отметить, что в указанный исторический промежуток традиционных источников права, таких как нормативный правовой акт, нормативный договор и т. п., попросту не существовало. Люди руководствовались традициями и обычаями, которые не подразумевали письменных источников. Само собой разумеется, что положение об имени, как гражданско-правовом институте, не было закреплено нигде.

Переломным моментом стало принятие восточными славянами в 988 г. христианства, в связи с чем выделяют второй исторический период в формировании личных имен. С того момента входят в практику так называемые календарные имена. В течение всего времени своего существования они давались людям по церковным календарям, в которых распределялись по всем дням года. Каждый восточный славянин получал от священника крестильное имя. Крестильные имена, по церковным преданиям, были именами подвижников и мучеников, погибших за утверждение данной религии.

С этого момента коренные славянские имена начинают вытесняться именами церковными. Сотни древних славянских мужских и женских имен выходят из употребления. Будет корректно отметить, что почти все личные имена, которые используются сегодня, попали к нам из древней Византии именно после 988 г. [6, с. 27]. Это видоизмененные греческие, латинские и некоторые восточные имена.

Считаем необходимым упомянуть, что древнеславянские имена не сразу сдали свои позиции в жизни и канули в лету. Памятники письменности показывают, что вплоть до XVII в. у русских людей параллельно с христианскими именами, дававшимися церковью, существовали и древнерусские, так называемые мирские имена. В дальнейшем они перешли на прозвища.

Однако к XVIII–XIX вв. древнерусские имена были уже полностью забыты и вышли из употребления. Ученые отмечают, что закат старой традиции календарной двуименности приходится на петровское и послепетровское время [7, с. 181]. Календарная христианская двуименность угасала под давлением общей тенденции к унификации во всех

сферах государственной и общественной жизни. Постепенно вторые имена уходили из сферы публичного и официального. В известном смысле календарная христианская двуименность перестала вмещаться в новую, официально приемлемую модель номинации подданного Российской империи – неприемлемой, в частности, оказывалась столь естественная для допетровской Руси возможность одному лицу именоваться в разных ситуациях, и в разных документах, по-разному.

Следует отметить, что в данный исторический период у восточных славян появляются фамилии в привычном нам понимании данного слова. Они образовывались из имен и прозвищ предков. Первыми в XIV–XV вв. приобрели фамилии князя и бояре. Впрочем, и в XVI в. наследование не княжеских боярских фамилий было весьма неустойчивым. Потом стали приобретать фамилии купцы и духовенство. В середине XIX в., после отмены крепостного права в 1861 г., формируются фамилии крестьян.

Несмотря на то что в указанный исторический период у людей уже четко сформировано представление об имени, происходит зарождение и развитие нормотворчества и, в частности, юридической техники, как такового юридического закрепления имен, как гражданско-правового института, в правовых актах не происходит. Связано это с тем, что в данный период имя понимается как само собой разумеющееся, присущее каждому человеку, как средство индивидуализации в процессе социальных взаимоотношений.

Следующий переломный момент в истории имен связан с событиями 1917 г., а именно с большевистской Октябрьской революцией. С этого момента начинается следующий исторический период, который в связи с развитием юридической техники наконец закрепляет имя гражданина как гражданско-правовой институт.

Существенные изменения условий жизни людей после Октябрьской революции привели к своеобразному и необычному «взрыву» в системе личных имен. Так, необходимо отметить, что в начале февраля 1918 г. Советом народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (СНК РСФСР) был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Таким образом разрывалась связь между любыми публично-правовыми установлениями и религиозными обрядами. Это затронуло в том числе и церковные имена, тем самым таинство Крещения, сопровождавшееся наречением именем, перестало быть юридическим актом: право регистрировать факт присвоения имени перешло к органам гражданской власти – загсам.

В 1917 г. согласно Декрету СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» всем духовно-

административным учреждениям, которые осуществляли регистрацию браков, рождений и смерти по каким-либо обрядам, предписано было передать регистрационные книги для дальнейшего их хранения в соответствующие отделы записей браков и рождений при городских, уездных, волостных и земских управах для регистрации браков и рождений детей.

16 сентября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР принял Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, который окончательно утвердил положение о том, что акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записей актов гражданского состояния.

Таким образом, на первых этапах истории Советского государства были приняты все необходимые правовые акты, регулирующие сферу регистрации актов о рождении, браке, смерти. К концу 1910-х – началу 1920 гг. народ фактически сам стал имятворцем, создателем новых, ранее не существовавших в русском языке имен.

В советское время под именем понимали наименование лица, которое дано ему при рождении (индивидуальное имя), отчество (родовое имя) и фамилия (прозвище) [8, с. 607]. Советские ученые также отмечали, что имя индивидуализирует гражданина в общественной жизни как строителя коммунистического общества, а трудовые достижения советского человека прославляют его имя [8, с. 607].

В период расцвета в Советском Союзе моды на неологизмы и аббревиатуры появился целый ряд самостоятельных «советских» имен. Это, например, Арлен – Армия Ленина, Видлен – Великие идеи Ленина, Владилен – Владимир Ильич Ленин, Мэл – Маркс-Энгельс-Ленин, Нинель – обратное прочтение фамилии Ленин, Ренат – революция-наука-труд, и многие другие. Нельзя не отметить, что самым распространенным именем до 1950-х гг. в Советском Союзе было имя Владимир – в честь вождя революции Владимира Ленина [9, с. 202].

В этот же исторический период принимаются основополагающие нормативные правовые и международные акты. Так, в 1922 г. был принят Гражданский кодекс (ГК) РСФСР, действие которого постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР), как высшего органа государственного управления, в 1923 г. было распространено и на Беларусь. Если сравнить отдельные положения данного нормативного правового акта с действующим ГК, то как таковых положений об имени гражданина, как о гражданско-правовом институте, в ГК РСФСР 1923 г., а также ГК БССР 1927 и 1964 гг. не содержится. Тем не менее

в ГК БССР 1964 г. в ст. 7 содержится положение о защите чести и достоинства, что теснейшим образом связано непосредственно с именем гражданина, хотя, как было отмечено ранее, прямого упоминания в ГК БССР оно не нашло.

Неотъемлемое право каждого человека на имя декларировано п. 2 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. [10]. Аналогично содержание п. 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка, которая была принята также Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., провозглашает наличие права на имя у ребенка с момента его рождения [11].

Таким образом, к началу 1990-х гг. имя гражданина, как гражданско-правовой институт, получает закрепление на международном уровне. Вершиной юридической техники и нормотворчества стало принятие в 1998 г. ГК Республики Беларусь. С принятием ГК Республики Беларусь в национальной правовой системе происходит окончательное закрепление имени гражданина.

Вместе с тем, помимо ГК Республики Беларусь, существует ряд иных нормативных правовых актов, затрагивающих имя гражданина. Отдельно следует упомянуть такое понятие, как «персональные данные». Так, в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано.

Объем такой информации, которую можно отнести к персональным данным, достаточно широк. В целом он раскрывается через дефиницию «физическое лицо, которое может быть идентифицировано». Это физическое лицо, которое может быть прямо или косвенно определено, в частности через фамилию, собственное имя, отчество, дату рождения, идентификационный номер либо через один или несколько признаков, характерных для его физической, психологической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности.

Таким образом, имя гражданина относится и к персональным данным, которые в том числе являются объектами правовой охраны в нашей стране. В частности, ст. 203 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за незаконные действия (т. е. сбор или предоставление) в отношении информации о частной жизни и персональных данных.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с вымышленными именами. Так, в ч. 2 п. 1 ст. 18 ГК Республики Беларусь содер-

жится положение, что в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, гражданин может использовать псевдоним (вымышленное имя). 27 февраля 2023 г. Советом Министров Республики Беларусь было принято постановление № 155 «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь», которым были внесены изменения в Положение о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния.

Согласно п. 1 данного постановления, если теперь у гражданина имеется желание носить фамилию, собственное имя в соответствии с используемым псевдонимом, то становится возможным перемена фамилии и собственного имени. Стоит отметить, что сфера использования псевдонимов многогранна. Так, например, псевдоним может использоваться в отношениях по поводу интеллектуальной собственности. В то же время вымышленное имя может использоваться в уголовном процессе – с целью сокрытия личности свидетеля, потерпевшего либо иного участника процесса. Так или иначе, функционально псевдоним является тем же именем, однако в случае имени – оно присваивается человеку с момента рождения, тогда как псевдоним – имя вымышленное – дело и выбор каждого.

Таким образом, имя гражданина является неотъемлемым элементом его индивидуализации в рамках социальных отношений. Имена прошли длительный период возникновения, формирования и развития. В них отражается быт, верования, фантазии, творчество народов. В каком-то смысле, имена – это история народов. Вместе с тем имя гражданина как гражданско-правовой институт является относительно новым объектом правового регулирования. Полагаем, что дальнейшее совершенствование гражданско-правового законодательства в рассматриваемой плоскости целесообразно осуществлять в различных направлениях с учетом требований динамично изменяющихся общественных отношений. Так, более детальной правовой регламентации требуют особенности использования гражданином псевдонима (вымышленного имени) в гражданском обороте, в частности: случаи свободного, ограниченного использования, а также недопущение использования псевдонимов; особенности регистрации (введения в гражданский оборот) псевдонима; ответственность за разглашение персональных данных лица, использующего псевдоним, и т. п.

Список использованных источников

1. Бодров, Р.И. Эволюция средств индивидуализации физических лиц [Электронный ресурс] / Р.И. Бодров. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/evolyutsiya-sredstv-individualizatsii-fizicheskikh-lits/viewer. – Дата доступа: 02.11.2023.

2. Федорова, Е.В. Введение в латинскую эпитафику / Е.В. Федорова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 256 с.

3. Муромцев, С.А. Гражданское право Древнего Рима / С.А. Муромцев. – М. : Статут, 2003. – 685 с.

4. Вильгельм, Е.Е. История происхождения русских имен / Е.Е. Вильгельм // Актуал. исслед. – 2020. – № 20. – С. 7–10.

5. Петровский, Н.А. Предисловие / Н.А. Петровский // Словарь русских личных имён. – М. : Совет. энцикл., 1966. – С. 6–21.

6. Суперанская, А.В. Какие бывают имена / А.В. Суперанская, А.В. Суслowa // О русских именах. – 5-е изд., перераб. – СПб. : Авалонъ, 2008. – С. 7–48.

7. Литвина, А.Ф. Месяцеслов в руках Петра Великого: Крещение детей А.Д. Меншикова и традиция русской христианской двуименности / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Складчина : сб. ст. к 50-летию проф. М.С. Макеева / под ред. Ю.И. Красносельской и А.С. Федотова. – М. : ОГИ, 2019. – С. 171–185.

8. Большая советская энциклопедия : [в 51 т.] / редкол.: Б.А. Введенский (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1950–1958. – Т. 17. – 631 с.

9. Щетинин, Л.М. Русские имена / Л.М. Щетинин. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1972. – 229 с.

10. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 18.11.2023.

11. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 18.11.2023.

УДК 343.985

А.С. Сакович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Т.Л. Щерба*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.А. Шаматкульский*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УМЫШЛЕННОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ И МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДАННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Анализируется исторический путь установления ответственности за умышенное причинение тяжких телесных повреждений, проводится обзор научной литературы, посвященной методике расследования рассматриваемого

вида преступлений, а также определяются перспективные направления дальнейшего совершенствования данной методики.

Сегодня охрана человека как высшей ценности общества и государства от преступных посягательств обозначена в качестве одной из основных задач уголовного закона. Преступления против здоровья, прав и свобод граждан занимают одно из главных мест в системе преступлений, совершенных в Республике Беларусь. Среди преступлений против жизни и здоровья особое место как по распространенности, так и по степени общественной опасности занимает умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, предусмотренное ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). Обращение к историческому опыту теоретико-правового освоения уголовной ответственности за данное преступление и методики его расследования позволяет выстроить определенную систему прецедентов, анализ которой необходим для определения оптимальных путей совершенствования борьбы с таким видом преступлений в Республике Беларусь.

В связи с этим целесообразным представляется рассмотреть генезис ответственности за умышленное причинение телесных повреждений в белорусском уголовном законе.

На территории Беларуси в XIII в. действовала система неписанных правил поведения. Проанализировав привилей Великого князя Витовта 1388 г., Статуты Великого Княжества Литовского (ВКЛ) можно отметить, что он был первым документом в Беларуси, который содержал уголовно-правовые нормы, охраняющие здоровье человека. В нем была прописана ответственность за причинение телесных повреждений. Однако этот документ не содержал конкретизацию степени тяжести причиненных повреждений и предусматривал принцип талиона «око за око, зуб за зуб» за совершение данного преступления. Спустя время был создан первый законодательный сборник уголовного права под названием «Судебник Казимира» (1468), однако проведя анализ указанного документа, можно отметить, что в нем не были закреплены нормы о преступлениях, посягающих на здоровье человека. В последующем был принят Статут ВКЛ 1529 г., хоть в нем и не было прописано понятие тяжкого телесного повреждения, но были упомянуты некоторые виды телесных повреждений – обрезание ноги, уха, руки, которые можно разделить по степени причиненного вреда здоровью. За совершение данного преступления была предусмотрена ответственность в виде штрафа [1].

Впервые деление деяний на умышленные, неосторожные и случайные было упомянуто в XVI в. в уголовно-судебном уложении Священной Римской империи, принятом в 1532 г. Преступления были разделе-

ны на четыре группы. К этим группам относились преступления против религии и нравственности, против государства, против личности, против имущества. Особое внимание уделялось преступлениям против личности, так как эти преступления вызывали огромный резонанс при решении судьбы человека, совершившего преступление этой категории. К преступлениям против личности относились: убийство, самоубийство, дуэль, телесные повреждения. Под убийством подразумевалось неправомерное лишение жизни человека, ответственностью за которое была смертная казнь. Отдельно выделялось вытравление плода, что являлось умышленным умерщвлением плода в утробе матери, а также аборт и сокрытие беременности, что каралось смертной казнью.

В Статуте ВКЛ 1566 г. также несколько изменился подход к определению субъективной стороны исследуемого преступления, было введено понятие «злой умысел», который влиял на ответственность и за причинение тяжких телесных повреждений (арт. 18 разд. 11). О причинении тяжких телесных повреждений по неосторожности в Статуте ВКЛ 1566 г. не упоминалось вообще. Была установлена общая норма о возрасте наступления уголовной ответственности – 14 лет, возрастной дифференциации в зависимости от видов преступлений акт не содержал [2].

Согласно Статуту ВКЛ 1588 г. субъектом преступления могло быть только лицо, достигшее возраста 16 лет на момент совершения преступления. Данные положения были, безусловно, прогрессивными для своего времени, поскольку памятники права эпохи феодализма все еще содержали положения о раннем возрасте привлечения к уголовной ответственности. Применительно к рассматриваемому преступлению, как и к другим, разграничений по возрасту Статут ВКЛ 1588 г. не предусматривал.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривалась ответственность за причинение «тяжких увечий или иных важных в здоровье или телесных способностей повреждений», к которым законодатель относил лишение зрения, языка, слуха, руки, ноги, детородных органов, обезображивание лица.

Вопрос об ответственности за преступления, посягающие на здоровье человека, в российском уголовном законодательстве XX в. решался неодинаково. По Уголовному уложению 1903 г. (далее – Уложение) преступлениям, причиняющим вред здоровью, была посвящена гл. 23 «О телесном повреждении и насилии над личностью». В отличие от ранее действовавшего уголовного законодательства, данное Уложение придерживалось определенных критериев при конструировании составов преступлений, в том числе и преступлений против здоровья. Устанавливая ответственность за причинение телесного повреждения, Уложение не раскрывало его понятие, но делило на виды по степени тяжести: вель-

ма тяжкое телесное повреждение: «расстройство здоровья, опасное для жизни; душевную болезнь; потерю слуха, руки, ноги зрения или языка; производительной способности (способности к оплодотворению и зачатию); неизгладимое обезображивание лица», тяжкое телесное повреждение, предполагающее расстройство здоровья, не опасное для жизни, но нарушившее функции органа, легкое телесное повреждение, повлекшее всякое иное расстройство здоровья. Ответственность за причинение телесных повреждений разделялась в зависимости от вины и других обстоятельств, влияющих на смягчение или усиление ответственности за них. Уложение устанавливало ответственность как за неосторожное, так и умышленное причинение телесных повреждений [3].

Исследуя законодательство советского периода, можно отметить, что в первом советском УК РСФСР 1922 г. преступления против здоровья были помещены в гл. 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В данном кодексе предусматривалось трехчленное деление телесных повреждений: тяжкие, менее тяжкие и легкие. К тяжким телесным повреждениям были отнесены такие, которые повлекли опасное для жизни расстройство здоровья, потерю зрения, слуха, или какого-либо органа, душевную болезнь. Менее тяжким признавалось телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья или длительное нарушение функций какого-либо органа.

В УК РСФСР 1926 г. была существенно изменена система телесных повреждений. Все преступления, посягающие на жизнь, здоровье, честь и достоинство, личную свободу, и иные были помещены в шестую главу, без какого-либо подразделения на разделы. По данному кодексу телесные повреждения делились на два вида по степени тяжести: тяжкие и легкие. Такая классификация создавала условия для необоснованного смягчения ответственности за те серьезные повреждения, которые не могли быть отнесены к разряду тяжких. В последующем степень утраты трудоспособности использовалась и в УК РСФСР 1960 г., и в действующем УК Республики Беларусь и Российской Федерации.

Соответственно закреплению нормы в УК, отражающей ответственность за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, ученые-юристы стали формировать свои взгляды касательно методики расследования данного преступления.

Одними из первых проблемы расследования умышленного причинения телесных повреждений затронули И.Е. Быховский, Н.И. Гуковская; В.А. Свешников, А.П. Филиппов, которые в своей работе рассмотрели вопросы возбуждения уголовного дела и первоначальных следственных действий, назначения судебно-медицинской экспертизы, особенностей расследования после установления подозреваемого [4].

Дальнейшему исследованию проблем, связанных с расследованием умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в той или иной степени посвящены работы В.С. Бурдановой, В.А. Ледацева, М.Г. Матвеева, Р.С. Маны, А.А. Каревой, М.С. Гурева, А.Я. Гутмана, Л.А. Лях, В.Г. Коломацкого, Р.Г. Амирова, Г.Н. Мудыюгина, Р.Д. Мусабинова, О.В. Старкова, Н.Г. Шурухнова, Н.П. Яблокова и других ученых-юристов.

Так, В.С. Бурданова раскрыла криминалистическую характеристику, признаки, первоначальные следственные действия при расследовании исследуемого преступления, а также способы выявления следователем причин и условий, способствовавших причинению телесных повреждений и мероприятия, направленные на их устранение [5].

Проблемы расследования тяжких телесных повреждений исследовал и В.А. Ледацев. В подготовленном автором учебном пособии внимание уделено телесным повреждениям, совершенным на почве бытовых отношений [6].

Данная проблематика была рассмотрена также и на диссертационном уровне. М.Г. Матвеев [7] и Р.С. Мана [8] исследовали проблему расследования телесных повреждений. А.А. Карева уделила внимание рассмотрению особенностям расследования умышленного причинения вреда здоровью и тактики отдельных следственных действий при расследовании данного преступления [9]. Л.А. Лях рассмотрела особенности допроса потерпевшего и основные направления расследования с учетом типичных следственных ситуаций [10]. Ф. Тахиров в своей работе выделил основные проблемы борьбы с телесными повреждениями [11].

О.В. Беспечный рассмотрел различные аспекты расследования уголовных дел по факту причинения тяжких телесных повреждений, предложил научно обоснованные рекомендации по совершенствованию тактики производства отдельных следственных действий и расследования в целом [12].

Следует также отметить, что Р.Г. Амиров в научных статьях рассмотрел вопрос расследования причинения тяжкого телесного повреждения, он исследовал особенности тактики проведения допроса в расследовании причинения тяжкого вреда здоровью [13].

Н.П. Яблоков отметил, что при расследовании данного вида преступления особую важность приобретает правильное установление обстоятельств совершенного преступления, в том числе механизм травмобразования, особенно при групповых действиях, или действиях, когда оспаривается умысел на умышленное причинение тяжких телесных повреждений, или действиях, связанных с причинением телесных повреждений с разрывом во времени [14].

Таким образом, основное внимание рассматриваемой проблематике уделили российские ученые. Изучив и проанализировав литературу в сфере криминалистики, констатируем, что в Республике Беларусь не исследовалась методика расследования умышленного причинения тяжких телесных повреждений в многостороннем и комплексном аспекте. Незначительное количество научных статей, публикаций по данному вопросу свидетельствует о редком обращении белорусских авторов к вышеуказанной тематике, хотя практика расследования такого вида преступления требует обратного. Особенности уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, а также правоприменительной практики определяют необходимость проведения комплексного исследования организации расследования умышленного причинения тяжкого телесного повреждения.

Так, недостаточно изучены и подлежат дальнейшему изучению вопросы уголовно-правовой и криминалистической характеристик умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, особенности возбуждения уголовных дел, вопросы взаимодействия с органами дознания, порядок осуществления следственных и иных процессуальных действий, тактические приемы, использование специальных знаний при расследовании умышленного причинения тяжкого телесного повреждения.

Список использованных источников

1. Издание «Статут Великого княжества Литовского 1529 года» / Акад. наук Беларус. ССР, Отд. правовых наук ; под ред. К.И. Яблонскиса. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 253 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо. – Мінск : Тэсей, 2003. – 250 с.
3. Шаргородский, М.Д. Преступления против жизни и здоровья / М.Д. Шаргородский ; Всесоюз. ин-т юрид. наук М-ва юстиции СССР. – М. : Юрид. изд-во, 1947. – 512 с.
4. Расследование и предупреждение телесных повреждений / И.Е. Быховский [и др.] ; под ред. Н.И. Гуковской ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М. : Юрид. лит., 1964. – 99 с.
5. Бурданова, В.С. Расследование причинений телесных повреждений : учеб. пособие / В.С. Бурданова ; Ин-т усовершенствования следств. работников. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград : Ин-т усовершенствования следств. работников, 1989. – 77 с.
6. Ледашев, В.А. Расследование и предупреждение телесных повреждений, причиненных на почве бытовых отношений : учеб. пособие / В.А. Ледашев. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977. – 56 с.
7. Матвеев, М.Г. Расследование умышленного нанесения телесных повреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.Г. Матвеев. – Свердловск, 1985. – 24 с.

8. Мана, Р.С. Расследование и предупреждение убийств и причинения тяжких телесных повреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.С. Мана. – М., 1985. – 24 с.

9. Карева, А.А. Расследование преступлений по уголовным делам об умышленном причинении вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Карева. – М., 2006. – 216 л.

10. Лях, Л.А. Первоначальный этап расследования умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Лях. – Краснодар, 2005. – 191 л.

11. Тахиров, Ф. Уголовно-правовые проблемы борьбы с тяжкими телесными повреждениями: по материалам УзССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф. Тахиров ; Ин-т философии и права им. И.М. Муминова. – Ташкент, 1989. – 26 с.

12. Беспечный, О.В. Теоретические и практические проблемы расследования преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Беспечный. – Барнаул, 2003. – 24 с.

13. Амиров, Р.Г. Особенности тактики проведения допроса в расследовании причинения тяжкого вреда здоровью / Р.Г. Амиров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1. – С. 28–34.

14. Яблоков, Н.П. Криминалистическая методика расследования / Н.П. Яблоков. – М. : Изд-во МГУ, 1985. – 97 с.

УДК 343.8

В.А. Самойло, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.Л. Боровик*

Рецензент – кандидат юридических наук *С.В. Пилюшин*

**АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОВЕДЕНИЮ
ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ
В ХОДЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ
И ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ**

Посвящается проблеме противодействия легализации («отмыванию») доходов, полученных преступным путем, посредством использования криптовалют. Рассматриваются правоприменительные аспекты проблемы проведения некоторых следственных и иных процессуальных действий в ходе следственной проверки и возбуждения соответствующих уголовных дел. На основе обоб-

щения научной литературы, деятельности органов дознания и предварительного следствия представлены криминалистические подходы и рекомендации, связанные с их проведением.

Аспекты проблемы проведения следственных и иных процессуальных действий в ходе доследственной проверки и возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией преступных доходов с использованием криптовалют, исследованные в научных публикациях по рассматриваемой проблеме (В.А. Абаканова, А.И. Алешкин, Д.Б. Жамбалов, Р.В. Жубрин, М.Г. Жук, Я.М. Злоченко, А.В. Коляда, Ю.В. Крачун, С.К. Крепышева, И.И. Лузгин, О.В. Маркова, Н.М. Сологуб, А.М. Хлус, Е.В. Щеглова и др.), основывались на общих подходах без учета специфики использования криптовалют в процессе «отмывания» этих доходов. Это объясняется тем, что свои научные изыскания указанные ученые осуществляли в период времени, когда криптовалюты еще не получили достаточно широкого распространения в преступной среде (2002–2014 гг.). Их исследования чаще всего основываются на устаревшем законодательстве и не учитывают современные способы подготовки, совершения и сокрытия преступления, объекты-носители следовой информации, личностные данные преступников, мотивы и цели криминального деяния.

Указанные обстоятельства обосновывают актуальность обозначенной темы и определяют необходимость рассмотрения актуальных подходов к проведению следственных и иных процессуальных действий по делам рассматриваемой категории.

Специфика возбуждения уголовных дел рассматриваемого вида состоит в том, что процессу «отмывания» криминальных доходов с использованием криптовалют обычно предшествует иное уголовно наказуемое деяние, суть которого заключается в преступном приобретении материальных активов, ценных бумаг, электронных денег, иного имущества или имущественных прав. Поэтому при расследовании преступлений, связанных с отмыванием преступных доходов с использованием криптовалют, важное значение приобретает анализ поступившей первичной информации, исследование которой, как отмечает О.В. Маркова, осуществляется в следующих вариантах направлений:

от выявления основного (предикатного) преступления, формирующего теневые капиталы, – к установлению фактов легализации «грязных» денег;

от выявления фактов «отмывания» преступных доходов – к установлению основного (предикатного) преступления, источника возникновения криминальных денег;

от фактов «отмывания» преступных доходов – к основному (предикатному) преступлению и наоборот одновременно. Работа ведется по двум встречным направлениям, когда представляется возможность одновременной реализации обоих вариантов [1, л. 91].

Из предлагаемых в литературе подходов к выделению следственных ситуаций и обусловленных ими перечней следственных действий при расследовании легализации преступных доходов (в том числе с использованием криптовалют) А.М. Хлус считает возможным выделить следующие наиболее типичные следственные ситуации и наборы соответствующих им следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий:

1) факт совершения легализации выявлен в результате расследования основного преступления (общественно опасное деяние, в результате которого были получены средства и которое предшествует легализации). В такой сложившейся ситуации представляется возможным выполнение следующих первоначальных следственных действий:

следственные действия, направленные на установление признаков основного преступления и одновременное установление признаков легализации, путем допроса подозреваемых, обвиняемых;

проведение осмотра документов, в которых отражены факты активного движения средств (с одной организации в другую, с одного счета на другой в зависимости от механизма и способа совершения предполагаемого отмывания), других предметов, в том числе компьютерной техники, проведение осмотра компьютерной информации;

выемка документов, предметов, в том числе компьютерной техники;

проведение обысков в помещениях организаций, в других местах, где могли осуществляться незаконные действия, направленные на «отмывание» преступных средств, по месту работы, по месту жительства, а также иного законного владения в отношении подозреваемых, с целью установления сведений, которые могут относиться к делу, а также с целью обнаружения документов, предметов, в том числе компьютерной техники, которые в последующем могут стать вещественными доказательствами факта отмывания;

назначение и проведение криминалистических экспертиз (почерковедческой, технико-криминалистической, компьютерно-технической и др.);

2) факт легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, выявлен с признаками основного преступления одновременно. В этом случае возможно проведение следующих первоначальных следственных и иных процессуальных действий:

осмотр места совершения основного преступления, с целью обнаружения сведений, свидетельствующих о цели predания преступным средствам законной природы;

осмотр мест (фирмы, банки, иные организации), где предположительно были совершены сделки, операции, направленные на легализацию «отмывание» средств, полученных преступным путем;

при наличии достаточных оснований произвести задержание на месте происшествия, а также произвести личный обыск в отношении этих лиц (задержанных);

осмотр, выемка документов, свидетельствующих о легализации, предметов, в том числе компьютерной техники, осмотр компьютерной информации;

назначение и проведение криминалистических экспертиз (технико-криминалистической, компьютерно-технической и др.);

допрос в отношении подозреваемых, а также свидетелей, которыми могут являться сотрудники фирм, банковских учреждений, иных организаций, где предположительно совершены факты отмывания;

3) факт легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем, выявлен в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности. В такой ситуации наблюдается специфика, которая заключается в том, что правоохранительные органы должны воспользоваться методом обратной очередности, т. е. от факта совершения легальной сделки, операции к противозаконному внедрению преступных средств в оборот, а также проложить путь к выявлению основного преступления. В такой ситуации подлежащими проведению первоначальными следственными действиями могут быть:

выемка из организаций документов, свидетельствующих о легализации, предметов, в том числе компьютерной техники;

осмотр документов, предметов, в том числе компьютерной техники, осмотр компьютерной информации;

допрос сотрудников организаций, где в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий были обнаружены факты легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем;

при возможности установления личности преступника необходимо произвести задержание, личный обыск в отношении его, а также произвести обыск по месту его жительства, работы. В данной следственной ситуации особенно применимыми и эффективными будут оперативно-розыскные мероприятия, произведенные органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [2, с. 102–103].

Характер следственных действий, производимых следователем при расследовании уголовных дел о легализации доходов, полученных преступным путем с использованием криптовалют, позволяет утверждать, что наиболее эффективным следственным действием для процессу-

альной фиксации доказательственных сведений о применении именно криптовалюты в «отмывании» преступных доходов, является *осмотр компьютерной информации*, регламентируемый ст. 204¹ Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК), введенной Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» [3].

Осмотр по делам о преступлениях, связанных с легализацией доходов с использованием криптовалют, позволяет установить ряд важных обстоятельств, а именно:

наличие следов криминального события (в том числе подготовки и сокрытия);

сведения об участниках совершенного преступления и их ролевых функциях;

информация о программно-технических средствах, используемых злоумышленниками.

К основным объектам, подлежащим осмотру, следует отнести помещения, где расположены средства компьютерной техники (персональные компьютеры, периферийные устройства, машинные носители информации), информационно-коммуникационное оборудование (коммутаторы, маршрутизаторы, кабели и пр.), различные мобильные устройства (смартфоны, планшеты). При осмотре помещения важно обращать внимание на различные записи, выполненные на небольших листках бумаги, нередко прикрепляемых к монитору компьютера или находящихся в непосредственной близости от них. Они могут содержать важные пометки, имеющие ключевое значение для следствия (например, коды доступа, логины и пароли к зашифрованным ресурсам и т. п.).

Специфика осмотра компьютерной информации по делам рассматриваемой категории заключается в осмотре системных журналов событий (лог-файлов), программных кошельков, используемых для проведения криптовалютных транзакций, а также файлов типа `wallet.dat`, содержащих сведения о кошельках криптовалюты.

Ключевым источником важной криминалистической информации, учитывая специфику совершаемых преступлений, является персональный компьютер, который непосредственно использовался в ходе совершения уголовно наказуемого деяния. Так, информация о специализированном программном обеспечении, используемом для операций с криптовалютами, таких как программы-кошельки и программы для майнинга, обычно хранится на жестком диске.

Осмотр компьютерной информации может быть применен и для исследования страниц интернет-сайтов, использованных преступниками

для добычи или оборота криптовалют в процессе «отмывания» незаконных доходов. Многие пользователи криптовалют используют их для доступа к специализированным криптовалютным сайтам, регистрации онлайн-кошельков, посещения бирж и обменников. Особое внимание следует уделить Tor-браузеру, если он установлен. Этот браузер используется для анонимного просмотра веб-сайтов и скрытия следов активности пользователя в сети Интернет. Применение Tor-браузера указывает на опытность пользователя и (или) его желание скрыть свои действия.

При анализе любого веб-браузера важно соблюдать осторожность и следовать определенным правилам: не закрывать текущие вкладки (это может прервать работу сервисов, требующих ввода пароля) и переходить по гиперссылкам, используя функцию «открыть на новой вкладке». Особое значение приобретает информация, полученная из истории просмотра веб-страниц и закладок в браузере. При этом следует обратить внимание на следующие аспекты:

1) социальные сети (например, «ВКонтакте», Facebook, «Одноклассники» и др.). Анализ соответствующих страниц может помочь выявить факты передачи или получения закрытых ключей криптовалютных кошельков для дальнейшего использования или адреса криптовалюты для проведения транзакций. Важно также проверить, является ли подозреваемый или обвиняемый членом сообществ (групп), связанных с криптовалютами;

2) информация с различных веб-сайтов, которые посещал подозреваемый или обвиняемый и содержат данные о криптовалютах, могут содержать сведения о методах анонимизации (например, миксерах) и использовании сети Tor;

3) информация о других электронных платежных системах. Анализ данных браузера может позволить выявить использование различных электронных платежных систем, таких как Qiwi, WebMoney, ЮMoney и других, помимо операций с криптовалютами. Эти системы могут использоваться как посредники при обмене криптовалюты на фиатные деньги и наоборот.

Исследование электронной почты может предоставить значительное количество информации. С помощью нее можно определить:

1) историю переписки, которая может содержать информацию о незаконной деятельности и преступных связях подозреваемого, а также контакты с другими лицами;

2) доступ к различным сетевым сервисам. Это позволяет восстановить пароли для форумов, онлайн-кошельков криптовалют, бирж, интернет-казино и других сайтов, связанных с работой криптова-

лют. Работа с электронной почтой может осуществляться через веб-страницу или специальные приложения, такие как Microsoft Outlook, Mozilla Thunderbird и др.

В процессе осмотра также необходимо изучить средства синхронизации данных и облачные хранилища. Помимо локального хранения файлов, средства синхронизации позволяют синхронизировать файлы между несколькими компьютерами и в облаке (например, Dropbox, OneDrive, «Яндекс.Диск»). В таких хранилищах могут находиться файлы кошелька криптовалюты wallet.dat, которые могли быть удалены с компьютера, а также контакты и другая информация. Важно отметить, что синхронизация может происходить автоматически, например, при подключении к интернету с мобильного телефона. Так, например, для доступа к облаку Dropbox необходимо удостовериться, что соответствующее приложение запущено (значок в виде открытой коробки отображается рядом с часами в правом нижнем углу экрана компьютера). Для доступа к «Яндекс.Диску» требуется ввод пароля от электронной почты на сайте yandex.ru. Криминалистическая ценность исследования средств синхронизации заключается в том, что они могут содержать данные, сохраненные на других устройствах подозреваемого (например, смартфоне, ноутбуке, планшете) или удаленные им, но сохранившиеся в таких хранилищах.

Во время осмотра необходимо минимизировать воздействие на носители информации: не следует копировать на них новые файлы, особенно большие, и не запускать программы, которые требуют большой объем памяти, или программы для обслуживания носителей информации, чтобы избежать потери возможности восстановления недавно удаленных файлов.

Надежным способом получения и фиксации сведений о транзакциях с криптовалютами может служить компьютерно-сетевая экспертиза. В ходе ее проведения эксперт устанавливает на свой компьютер специальное программное обеспечение, с его помощью получает и проверяет базу данных транзакций с криптовалютами, например, в системе биткойн, а затем выявляет те транзакции, которые представляют интерес для следствия (по номерам кошельков, указанных в постановлении о назначении экспертизы). Как отмечают П.В. Галушин и А.Л. Карлов, именно проведение компьютерно-сетевой экспертизы в данном случае может обеспечить достоверность доказательств, полученных по уголовному делу [4, с. 98].

Согласно ст. 204¹ УПК осмотр компьютерной информации проводится на месте производства следственного действия. Осмотр компьютер-

ной информации, доступ к которой осуществляется посредством аутентификации пользователя либо которая содержит информацию о частной жизни лица, сведения, составляющие охраняемую законом тайну, или иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, проводится только с согласия обладателя информации и в его присутствии или по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя, если иное не предусмотрено ч. 5 ст. 204¹ УПК. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр компьютерной информации может быть проведен по постановлению следователя, органа дознания без санкции прокурора с последующим направлением ему в течение 24 часов сообщения о проведенном осмотре. Кроме того, в ч. 5 ст. 204¹ УПК определено, что осмотр компьютерной информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, изъятых при производстве процессуальных действий, санкционированных прокурором, проводится без санкции прокурора.

О проведении осмотра компьютерной информации составляется протокол с соблюдением требований ст. 193 и 194 УПК. В протоколе осмотра компьютерной информации должны быть указаны использованные научно-технические средства, оборудование, аппаратура, приборы, компьютерные программы и описаны порядок осуществления доступа к компьютерной информации, произведенные в ходе осмотра действия, и полученные результаты.

Список использованных источников

1. Маркова, О.В. Теоретико-правовые и прикладные аспекты расследования легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Маркова. – Минск, 2004. – 140 л.

2. Хлус, А.М. Типичные следственные ситуации и программа расследования легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем / А.М. Хлус // Судебная экспертиза и криминалистика: от теории к практике : сб. науч. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. ; отв. ред. Е.И. Иванова. – Коломна : Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2018. – С. 96–103.

3. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2021 г., № 112-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

4. Галушин, П.В. Сведения об операциях с криптовалютами (на примере биткойна) как доказательство по уголовному делу / П.В. Галушин, А.Л. Карлов // Учен. зап. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 90–100.

Н.А. Сапонов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

РОЛИ СОУЧАСТНИКОВ И СПОСОБЫ СОКРЫТИЯ ПРИ СБЫТЕ НАРКОТИКОВ

Рассматриваются различные способы сокрытия сбыта наркотиков, используемые преступниками при сбыте как в сети Интернет, так и при контактном сбыте наркотиков. Приведен перечень наиболее распространенных ролей в различных по составу преступных группах, занимающихся незаконным оборотом наркотиков.

Практика оперативной работы показывает, что преступная деятельность наркомагазинов структурно организована. Имеются различные региональные группы потребителей наркотических средств. Эти группы контактируют между собой и со сбытчиками наркотиков.

Как известно, в большинстве случаев наркотические средства, прежде чем попасть к их потребителю, проходят через руки ряда преступников, образующих своеобразную конспиративную цепь. Эти лица знают только тех, у кого берут и кому передают наркотики.

Исходя из анализа практики, наркомагазины можно разделить на три категории.

Первая категория – высокоорганизованные группы. Основными признаками группы этой категории являются:

наличие устойчивых и длительных связей между участниками группы; преступная специализация входящих в группу лиц; элементы иерархической структуры, включающей в себя лидеров, их ближайшее окружение, состоящее из наиболее активных участников группы, а также второстепенных участников, выполняющих различные поручения;

высокая техническая оснащенность;

жесткий взаимоконтроль (применение материальных и физических мер воздействия);

многочисленность, разветвленность, межрегиональный характер преступной деятельности;

длительность функционирования (в течение нескольких лет);

наличие преступного опыта у многих участников группы.

Вместе с тем выделить организатора, исполнителя, пособника, подстрекателя в такой группе очень сложно из-за узкой преступной спе-

циализации. Члены таких преступных групп в большинстве своем осведомлены о методах оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов.

Вторая категория – относительно организованные преступные группы. По сравнению с высокоорганизованными сообществами сбытчиков наркотиков масштабы противоправной деятельности данных групп ограничиваются, как правило, одним регионом (районом или областью). Сбыт наркотиков проводится относительно мелкими партиями (несколько десятков доз разового потребления). По форме сбыта преобладает купля-продажа, но может встречаться и сбыт наркотиков в форме дарения или обмена.

Для подобных групп характерна разноплановая криминальная деятельность, т. е. их участники занимаются не только распространением наркотиков, но и совершают другие уголовно наказуемые деяния (кражи государственного и личного имущества граждан, мошенничество, вымогательство, нарушение правил валютных операций и т. д.).

В данных группах отсутствует четкая иерархия, хотя для большинства характерно наличие организаторов (лидеров), а также наиболее активных участников, между которыми сложились устойчивые связи.

Третья категория – слабоорганизованные преступные группы. Это сообщества, стихийно сложившиеся на почве совместного времяпрепровождения и потребления наркотиков. Они состоят, как правило, из нескольких человек, преступная деятельность носит эпизодический характер, функционируют непродолжительное время, масштабы противоправной деятельности ограничиваются местом жительства участников группы. Деятельность таких групп может быть главным или дополнительным источником средств существования. Подавляющая часть таких сбытчиков наркотиков является их же потребителями.

Иерархия в сфере незаконного оборота наркотиков может варьироваться в зависимости от конкретной организации, группы преступников, а также вида сбываемого наркотика. Ниже приведен общий список ролей, которые могут существовать в подпольной организации, занимающейся незаконным сбытом наркотиков.

1. Организатор. Владельцы организации, руководящие всеми операциями. Они принимают стратегические решения, обеспечивают поставку товара и устанавливают контакты с поставщиками. Организатор координирует работу одного или нескольких интернет-магазинов, осуществляет оплату услуг интернет-площадки, заказ и поставку оптовых партий наркотиков, руководит совершением незаконного сбыта и часто располагает существенными денежными средствами, которые расходует

на расширение преступного бизнеса и приобретение коррумпированных связей. Как правило, он имеет опыт ведения преступной деятельности, сам не потребляет наркотики, не осуществляет контактов с рядовыми членами, непосредственно не совершает преступления, при которых его можно задержать с поличным, а сбыт наркотиков осуществляет через посредников, часто сам находясь за границей. Организатор подбирает и нанимает работников интернет-магазина, оплачивает их деятельность, принимает от них и хранит гарантийные депозиты. Организаторы преступных групп с межгосударственными связями стремятся максимально сузить круг участников, хотя каждый из них знает только минимальное, строго ограниченное (необходимое только для выполнения своих непосредственных обязанностей) количество информации. Выход за эти строго установленные пределы рассматривается как нарушение дисциплины и часто карается. Они нередко имеют личную охрану, куда подбираются физически крепкие люди из числа бывших спортсменов, чаще всего дисквалифицированных за аморальные проступки, а также лица без определенного места жительства и занятий, лица, ранее отбывавшие наказания. Организаторы преступных групп, как правило, сами нигде не работают и имеют возможность свободно выезжать в различные страны. Они хитры, инициативны, умеют налаживать личные связи, легко устанавливают полезные знакомства, входят в доверие к людям.

2. Изготовитель (выращиватель) осуществляет выращивание наркосодержащих растений, приготовление наркотика из концентрата, полуфабриката или растительного сырья и передает полученный продукт оптовому курьеру через тайники.

3. Поставщик является крупной фигурой в преступной группе. Его роль заключается в нелегальном изготовлении или приобретении больших партий наркотиков для последующей их передачи остальным звеньям преступной группы. В случаях продажи интернет-магазином наркотиков, попавших в незаконный оборот из легального оборота, в роли поставщика могут выступать представители медицинского персонала, которые по роду своей деятельности непосредственно связаны с производством, учетом, хранением и использованием наркотических лекарственных средств.

4. Химики ответственны за производство или обработку наркотиков. Они могут выполнять химические процессы, чтобы создать или усилить действие наркотиков (создание аналогов). В качестве такого сотрудника магазином могут вербоваться лица, имеющие определенные познания в химии, а также профессора и ученые.

5. Складмены управляют хранилищами, где хранятся наркотики и другие связанные с ними материалы, в том числе прекурсоры. Они отвечают за хранение, учет и дистрибуцию наркотиков внутри преступной организации. В некоторых магазинах эту роль могут выполнять и другие соучастники преступления.

6. Диспетчер (менеджер) или оператор координирует передачу наркотиков из тайников с оптовыми партиями розничным курьерам, принимает заказы от покупателей, координирует размещение розничных партий наркотика в тайники (клады, «мины»), контролирует поступление денег за наркотики. Диспетчер является посредником между розничными курьерами («минерами») и покупателями, контактируя с ними напрямую. Он принимает заказы от покупателей, передает розничным курьерам («минерам») информацию о необходимом количестве наркотика для размещения тайника (клада), получает от них фотографии тайников с наркотиками и передает эти фотографии покупателям после подтверждения произведенной ими оплаты. Диспетчер осуществляет поддержку клиентов через мессенджер, разрешает споры в случае, если покупатель не обнаружил наркотик в указанном месте. Данное лицо выполняет функции обеспечения безопасности розничной ветви бизнеса, например прекращает контакты с курьером при подозрении в его задержании правоохранительными органами или нарушении им условий работы.

На диспетчера возлагаются следующие задачи:

- ведение основного аккаунта интернет-магазина на форумах (общение с клиентами, решение большинства проблем);

- взаимодействие с администрацией форумов (общение с модераторами и гарантами, разбор проблем в личных сообщениях);

- ведение работы и общение с клиентами в мессенджерах (skype, telegram, @mail, jabber);

- предоставление реквизитов клиентам и прием оплаты за сделки, проверка платежей;

- выдача адресов и информации по заказанным наркотикам, решение проблем с товаром («ненаходы», ошибки в заказе);

- развитие и продвижение магазина;

Часто один оператор работает сразу и на форуме и во всех мессенджерах.

Некоторые наркомагазины разделяют операторов на три категории: младший, средний и старший оператор.

Младший оператор обладает минимальным уровнем допуска. Работать может только в команде. На форуме часто работает не с основного аккаунта магазина, а с побочного. У него нет доступа к финансам

магазина, он не подбирает реквизиты, не проверяет чеки и не смотрит оплаты (в этом ему помогают иные соучастники). Младший оператор не требует личного знакомства и большого контроля, поэтому здесь привлекают даже малознакомого человека.

Средний оператор обладает повышенным доверием и уровнем допуска. Он имеет доступ к основному аккаунту магазина на форуме, а также к мессенджерам и может принимать решения средней сложности. Часто у него есть односторонний доступ к реквизитам.

Старший оператор. Данная должность подразумевает полное доверие организатора магазина к данному «сотруднику». Этот человек имеет доступ ко всей информации магазина и оперативно принимает решения повышенной важности, имеет прямой доступ к рабочим счетам магазина, доступ ко всем мессенджерам и аккаунтам на форуме. Помимо этого, он состоит на связи со всей командой магазина и может управлять всей деятельностью магазина на протяжении недель и даже месяцев.

7. Дропы это посредники, за вознаграждение предоставляющие оформленные на свое имя реквизиты электронных кошельков, банковские платежные карточки для осуществления финансовых транзакций, сим-карты сотовых телефонов, использующиеся для снятия наличных денежных средств с чужих банковских платежных карточек, отправку и получение посылок с наркотиками, а также совершающие от своего имени различные юридические значимые действия.

8. Дроповоды – лица, отыскивающие «дропов», организующие совершение ими таких юридически значимых действий, как заключение договоров, получение банковских платежных карточек, снятие наличных денег, получение посылок и др., а также продающие оформленные на сторонних лиц реквизиты, банковские платежные карточки и сим-карты.

9. Финансисты – лица, осуществляющие финансовые операции с деньгами, электронными деньгами, криптовалютой, полученными от продажи наркотиков, вывод денег на пластиковые карточки.

10. Оптовый курьер перевозит крупные партии наркотиков от изготовителя (выращивателя), сообщая места расположения закладок диспетчеру. Как правило, они прячут крупные партии наркотиков, которые на дальнейшем этапе забирает розничный курьер.

11. Розничный курьер («минер», или закладчик, кладмен) – самая уязвимая фигура наркомагазинов, поскольку именно он чаще всего задерживается сотрудниками правоохранительных органов. Розничный курьер забирает наркотик из тайника с оптовой партией, делит ее на розничные партии, размещает их в тайники, фотографирует и направляет фотографии с координатами диспетчеру. Для исключения хищений или

иных злоупотреблений со стороны розничного курьера последний, как правило, получает наркотики лишь после перечисления всей стоимости «товара» в гарантийный залог (депозит) интернет-магазина. Трудоустройство начинается, как правило, с предложения отсканировать свой паспорт, прислать фотографию или проавансировать первую партию товара. К слову, потом эти персональные данные могут быть использованы в случаях, если человек решит «кинуть» интернет-магазин. Новички проходят стажировку, им разъясняют способы конспирации. И только после испытательного срока дают первую серьезную партию наркотика.

Средний возраст минеров – 25 лет. В курьеры не всегда идут наркоманы, хотя и такие тоже есть, но зависимые считаются ненадежными работниками. Большинство закладчиков – обычные молодые люди из средних слоев населения, которые хотят быстро и легко заработать.

12. Спортвики – коллекторы, задача которых – любой ценой выбить деньги из должника или проучить закладчика. Методы работы у них поистине варварские: жертвам ломают кости, наносят множественные гематомы по всему телу, отрезают пальцы рук и состригают волосы.

Для каждого из соучастников наркошопа, независимо от его роли, проводится «инструктаж» или представляется инструкция (электронный документ) о мерах предосторожности при ведении преступной деятельности. С этой целью могут создаваться группы в мессенджерах (Telegram, jabber и др.), где периодически публикуются новые способы конспирации и сокрытия сбыта наркотиков, а также информация об актуальности опубликованных способов.

Современные способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков отличаются разнообразием, динамизмом, непрерывной изменчивостью, высокой степенью приспособляемости к новым вариантам противодействия. Современные технологии обеспечивают преступникам анонимность и позволяют создавать законспирированные сообщества. Кроме того, виртуальные серверы, алгоритмы шифрования и иные информационные технологии дают возможность сокрытия информации от правоохранительных органов.

В зависимости от наличия непосредственного контакта между участниками наркопреступления выделяют контактный и бесконтактный способы совершения. При контактном способе предмет преступления (наркотик) передается лично, а при бесконтактном используется система посредников и тайников, исключая непосредственный физический контакт. Бесконтактный способ часто предполагает использование возможностей сети Интернет [1, с. 64–69].

При контактном способе основные усилия преступников направлены на сокрытие факта подготовки и совершения преступления и его обстоя-

тельств. При бесконтактном способе совершения многие следы совершаемого (совершенного) наркопреступления не скрываются. Интернет-магазины и торговые площадки присутствуют в глобальной сети, активно рекламируют себя и способы осуществления связи с ними [2, с. 65].

В процессе изобличения сбытчика наркотиков при помощи сети Интернет правоохранительным органам необходимо установить его личность. В целях сокрытия следов в сети Интернет преступником могут использоваться:

- специальное программное обеспечение и веб-сервисы для изменения или сокрытия данных об устройстве, например: VPN, Proxu;

- специализированный браузер TOR, позволяющий получать доступ к обще-, недоступным веб-ресурсам, скрыть физическое местоположение пользователя и список сайтов, которые им посещаются;

- удаленный доступ к устройству (преступник может управлять своим устройством при помощи другого посредством специального программного обеспечения, установленного на обоих компьютерах. Например: TeamViewer, AnyDesk и пр.);

 - мессенджеры, социальные сети, не требующие строгой верификации;

 - функции автоматического удаления сообщений (медиафайлов) после прочтения или по истечению установленного пользователем времени в мессенджерах и социальных сетях;

- веб-ресурсы, позволяющие размещать медиафайлы, доступ к которым предоставляется только по специальной Web-ссылке;

- удаление или фальсификация EXIF данных медиафайлов, позволяющих правоохранительным органам установить дату, время, место и иную значимую информацию о камере устройства, используемого для съемки;

- программы и онлайн-ресурсы, позволяющие автоматически размещать на фото координаты, добавлять какие-либо элементы на фото (например, GeoCam, GeoTag);

- второе пространство на мобильном устройстве. Преступники разграничивают информацию на «чистую» и «преступную». Доступ ко второму пространству предоставляется при помощи пароля, биометрической и иных средств защиты от несанкционированного доступа;

 - шифрование медиафайлов, находящихся на устройстве;

- программное обеспечение, позволяющее создавать сценарии операционной системы для уничтожения данных на устройстве. Особенно актуально при задержании организатора или соучастника, обеспечивающего работу магазина в сети Интернет;

- криптовалюта, банковские платежные карточки и счета, оформленные на других лиц, а также использование электронных кошельков, не требующих строгой верификации;

SIM-карты, не зарегистрированные оператором или оформленные на подставных лиц;

одноразовые номера телефонов при регистрации учетных записей в сети Интернет;

смена IMEI мобильного устройства или попеременное пользование неопределенным количеством устройств;

известный определенному кругу лиц сленг при ведении переписки с соучастниками, что затрудняет конкретизацию полученной оперативным сотрудником информации;

заранее обозначенные условные знаки на предусмотренные случаи (например невыход на связь в заранее установленное время, в результате чего соучастник получает сигнал о возможном вмешательстве правоохранительных органов).

На этапе подготовки к сбыту преступник может замаскировать наркотик под вид лекарственных средств, пищевых добавок, сигарет и иных предметов.

При непосредственном сбыте наркотиков помимо вышеперечисленных наркосбытчик может использовать:

автотранспорт (наркотакси), а также каршеринг (таким образом преступник ограничивает видимость правоохранительным органам его действий по передаче наркотиков, а также может быстро покинуть место совершения преступления);

посредников, которые могут быть лично не знакомы с организатором (даже при задержании посредника могут возникнуть трудности по изолированию верхнего звена преступной группы – организатора);

меры отвлечения внимания, как пример – присутствие супруги или детей при сбыте наркотиков.

После осуществления сбыта преступнику необходимо, как правило, обналичить и легализовать («отмыть») полученные денежные средства. Для достижения этих целей сбытчик может:

снять деньги со счета при помощи третьих лиц;

перевести денежные средства на банковский счет иностранного банка и затем обналичить деньги там, в том числе при помощи соучастников, находящихся за границей;

использовать счет в онлайн-играх с последующей маскировкой, например под видом проигрыша;

обналичить криптовалюту у юридических лиц, предоставляющих такие услуги, в том числе с предварительным использованием «криптомиксеров»;

перевести денежные средства на электронный кошелек, не требующий строгой верификации [3, с. 135–136].

Оперативным работникам важно знать, что в связи с привлечением к уголовной ответственности изготовителей, мелких распространителей и потребителей канал поступления наркотиков не прекратит своего существования, а места выбывших рано или поздно займут другие. Именно поэтому основной целью правоохранительных органов являются организаторы преступных групп и оптовые скупщики.

Представление о распределении ролей и учет указанных способов сокрытия сбыта необходим для повышения эффективности решения задач оперативно-розыскной деятельности в сфере борьбы со сбытом наркотиков.

Список использованных источников

1. Алейников, Д.П. Современные технологии анонимизации в сети Интернет / Д.П. Алейников, А.В. Зык // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 223–224.

2. Харевич, Д.Л. Сокрытие наркопреступлений, совершенных бесконтактным способом: современные тренды и направления совершенствования тактики правоохранительных органов в Республике Беларусь / Д.Л. Харевич // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. семинара, г. Красноярск, 4–5 апр. 2019 г. / Сибир. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации ; редкол.: Н.Н. Цуканов (отв. ред.). – Минск, 2019. – С. 64–69.

3. Харевич, Д.Л. О распределении ролей при сбыте наркотиков в сети Интернет / Д.Л. Харевич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – С. 135–136.

УДК 343.1

Д.В. Шаповалов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.А. Шаматкульский*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Ю.М. Юбко*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ С ОРГАНОМ ДОЗНАНИЯ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Исследуются подходы к пониманию сущности и форм взаимодействия следователя и правоохранительных органов. Рассматриваются различные трактовки и взгляды на понятие взаимодействия следователя и правоохранительных органов в Республике Беларусь, его формы, конкретные примеры такого взаимодействия при осуществлении предварительного следствия, а также

основные положения и термины на примере взаимодействия с органами дознания. Акцентируется внимание на сущности взаимодействия следователя и органа дознания, а также практическое выражение такого взаимодействия, его этапы. Рассматриваются проблемы подхода к пониманию дефиниции, форм взаимодействия и компетенции правоохранительных органов на стадии предварительного расследования.

Раскрытие и расследование преступлений зависит от множества факторов, главным из которых является взаимодействие следователя с другими правоохранительными органами, участниками предварительного следствия. Именно от совместных и согласованных действий всех субъектов раскрытия и расследования во многом зависит успех всего процесса. Вместе с тем понятие «взаимодействие» на законодательном уровне не определено, однако в научной литературе существует несколько мнений по поводу указанного термина.

Так, по мнению Н.П. Яблокова, «взаимодействие следователей с правоохранительными органами – это основанная на законе и согласованная по всем принципиальным условиям деятельность указанных лиц и органов, направленная на раскрытие преступления и решение всех остальных задач их расследования и предупреждения» [1, с. 363].

Р.С. Белкин полагал, что «взаимодействие субъектов доказывания – это одна из форм организации расследования преступлений, заключающаяся в основанном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени, в пределах их компетенции в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела» [2, с. 31].

Следует отметить, что всем приведенным определениям присущи следующие общие черты: соответствие требованиям закона; согласованность по целям, месту, времени; осуществление взаимодействия в целях раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Вышеуказанное показывает, что при различии в понимании отдельных ученых, взаимодействие большинством авторов понимается как основанная на законе согласованная деятельность органов предварительного следствия и дознания в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Следовательно, взаимодействие – это основанная на законе, согласованная по цели, месту и времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов, которая выражается в наиболее целесообразном сочетании присущих этим органам средств

и методов, используемых ими при расследовании преступлений. Указанная деятельность выражается в наиболее эффективном сочетании функций правоохранительных органов с процессуальными и непроцессуальными действиями следователя, направленными на быстрое и полное расследование преступлений, розыск подозреваемого, возмещение вреда, причиненного преступлением.

В зависимости от целей взаимодействие может носить разовый характер или осуществляться на постоянной основе – по конкретному уголовному делу или по группе дел определенного вида [3].

На наш взгляд, стоит также отметить, что понятие «взаимодействие» включает в себя две обширные сферы: уголовно-процессуальную и организационную. Практика раскрытия и расследования преступлений в Республике Беларусь показывает, что сегодня успешно бороться с уголовно наказуемыми деяниями только уголовно-процессуальными средствами невозможно. В связи с этим особое значение приобретает использование в борьбе с преступностью возможностей оперативных подразделений органов внутренних дел, специальных знаний подразделений Государственного комитета судебных экспертиз (ГКСЭ). По нашему мнению, потребность в сотрудничестве следователя с правоохранительными органами обусловлена прежде всего требованиями уголовно-процессуального законодательства, которое, с одной стороны, устанавливает единые цели деятельности этих субъектов, а с другой – наделяет их различной компетенцией. Вопросы взаимодействия возникают еще и потому, что следователи, оперативные сотрудники, сотрудники ГКСЭ являются представителями различных правоохранительных органов, их деятельность основана на разных принципах и подходах к получению криминалистически значимой информации.

Несмотря на это, по нашему мнению, нецелесообразно отделять уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты в рамках взаимодействия правоохранительных органов. Несмотря на структурные различия и отнесения субъектов, чья деятельность непосредственно связана, к различным правоохранительным органам, их взаимодействие должно происходить на более качественном уровне, так как «формализм» взаимодействия в большинстве случаев не способствует наиболее быстрому и полному расследованию преступлений в современных условиях.

Говоря о конкретных примерах взаимодействия следователя и правоохранительных органов, стоит отметить именно орган дознания, так как от качества и полноты взаимодействия следователя и органа дознания зависят ход и результат всего процесса предварительного расследования. Если рассматривать компетенцию органов дознания в уголовном

процессе, важным моментом исследования является определение дефиниции «дознание».

На наш взгляд, необходимо отметить, что в уголовном процессе указанный термин рассматривается с двух сторон:

дознание как деятельность органов дознания;

дознание как форма предварительного расследования.

Таким образом, если рассматривать дознание как деятельность органов дознания, то становится ясно, что это понятие шире, в отличие от дознания как формы предварительного расследования. Деятельность органов дознания включает в себя оперативно-розыскные мероприятия, административное управление. В свою очередь, такой вид деятельности не является дознанием как формой предварительного расследования, так как дефиниция «дознание» используется лишь с началом уголовно-процессуальных отношений и не имеет отношения к оперативно-розыскной деятельности и административной сфере [4].

Перечень органов, уполномоченных осуществлять дознание, согласно ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь, показывает, что к ним отнесены различные по своим функциональным характеристикам государственные органы и должностные лица. Так, для одних производство дознания вытекает из иных функций (охраны общественного порядка, борьбы с преступностью, обеспечения безопасности дорожного движения и т. д.) и является их обязанностью, а для других дознание носит случайный, эпизодический характер (органы государственного пожарного надзора, капитаны морских и речных судов и т. д.) [5, с. 150].

На орган дознания возлагаются различные задачи, однако наиболее важным в рамках взаимодействия является то, что орган дознания выполняет поручения следователя о проведении следственных и иных процессуальных действий.

Так, говоря о первоочередной задаче органов уголовного преследования, стоит отметить, что к ней относится обязанность этих органов реагировать на полученную информацию о преступлении. Так, согласно ч. 1 ст. 172 УПК Республики Беларусь орган уголовного преследования обязан принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление (сообщение) о преступлении. Данное положение с учетом особенностей деятельности того или иного органа нашло отражение в ст. 22 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», ст. 15 Закона Республики Беларусь от 3 декабря 1997 г. № 102-З «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь», ст. 11 Закона Республики Беларусь от 16 июля

2008 г. № 414-З «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» и других нормативных правовых актах. Непосредственный порядок принятия, регистрации и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях установлен ведомственными нормативными правовыми актами [6, с. 35].

Немаловажным также является то, что согласно ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь при наличии признаков преступления орган дознания имеет право на возбуждение уголовного дела и производство по нему неотложных следственных и других процессуальных действий, после чего обязан передать дело следователю. Перечень неотложных следственных и других процессуальных действий является исчерпывающим и включает в себя: осмотр, обыск, выемку, наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления, прослушивание и запись переговоров, предъявление для опознания, освидетельствование, задержание, применение меры пресечения и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей, получение образцов для сравнительного исследования, назначение экспертиз.

Однако некоторые ученые в своих исследованиях пришли к выводу, что вышеуказанный перечень чрезмерно ограничен для установления и закрепления следов преступления по возбужденному органом дознания уголовному делу.

П.В. Мытник считает, что «в законе не следовало давать перечень неотложных следственных действий, поскольку на практике возникает необходимость в проведении очной ставки, проверки показаний на месте. Закрытый перечень неотложных следственных и процессуальных действий ограничивает возможность органа дознания по собиранию и проверке доказательств, а в некоторых случаях может повлечь безвозвратную утрату доказательств» [7, с. 13].

Л.И. Кукреш также считает, что нормы, регламентирующие полномочия органа дознания, требуют корректировки, подчеркивая, что перечень неотложных следственных и других процессуальных действий расширительному толкованию не подлежит. Однако это не согласуется с отдельными нормами УПК Республики Беларусь. В частности, в перечне следственных действий, на проведение которых имеет право лицо, производящее дознание, или орган дознания, не упоминаются очная ставка, следственный эксперимент. В нормах, регламентирующих порядок проведения этих следственных действий, указывается наряду со следователем и лицо, производящее дознание, и орган дознания, причем в отношении не только подозреваемых, но и обвиняемых [8, с. 311].

Таким образом, на наш взгляд, объем полномочий органа дознания по уголовному делу требует разрешения. Вместе с тем, наблюдая

из практики тенденцию к минимизации процессуальной деятельности органов дознания и совокупность мнений о том, что следователь должен как можно раньше включаться в сферу уголовно-процессуальных отношений, чтобы иметь возможность непосредственно исследовать все детали происшедшего события, стоит отметить, что указанная минимизация процессуальной деятельности органов дознания должна выражаться не в сокращении перечня их процессуальных полномочий, а в предоставлении возможности осуществления этих полномочий лишь в случаях, требующих незамедлительных действий по установлению и закреплению следов преступления.

Рассматривая полномочия следователя, закрепленные ст. 36 УПК Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что на него возлагаются обязанности принимать все меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела; осуществлять уголовное преследование лица, в отношении которого собраны достаточные доказательства, указывающие на совершение им преступления, путем привлечения его в качестве обвиняемого, применения в отношении его меры пресечения, передачи дела прокурору для направления в суд. Следователь по находящимся в его производстве делам также вправе вызывать любое лицо для допроса или дачи заключения в качестве эксперта, производить осмотры, обыски и другие следственные действия.

По нашему мнению, стоящей внимания также является исключительная компетенция следователя. Так, согласно ч. 2 ст. 174 УПК Республики Беларусь принятие решений по поступившим заявлениям или сообщениям о преступлениях: связанных со смертью человека; предусмотренных ст. 161, 162, 165, 302, 303, 305, 306 и 362–366 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК); против половой неприкосновенности или половой свободы, предусмотренных ст. 166–170 УК; совершенных депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, должностными лицами, занимающими ответственное положение, указанными в ч. 5 ст. 4 УК; совершенных должностными лицами прокуратуры, Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь в связи с их служебной или профессиональной деятельностью, относится к исключительной компетенции органов предварительного следствия и прокурора с учетом особенностей, установленных гл. 49 УПК Республики Беларусь [9].

Говоря о компетенции следователя, на наш взгляд, наиболее важным является то, что следователь, в отличие от лица, производящего дозна-

ние, обладает широкой процессуальной самостоятельностью. Исходя из мнения С.В. Борико – «все решения о производстве следственных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора, а в случае несогласия следователя с указаниями прокурора о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, он вправе предоставить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений, при этом приостановив исполнение указаний прокурора» [10, с. 48].

Вместе с тем при осуществлении своих полномочий следователь постоянно взаимодействует с органами дознания. Он имеет право в любой момент принять дело к своему производству и приступить к его расследованию, при этом не дожидаясь выполнения органом дознания неотложных следственных действий. Кроме того, следователь вправе знакомиться с оперативно-розыскными материалами органов дознания, относящимися к расследуемому уголовному делу, рассматриваемому заявлению или сообщению, давать органам дознания поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий и требовать от них содействия в производстве следственных действий. Такие поручения следователя даются в письменной форме и являются для органов дознания обязательными.

Безусловно, взаимодействие следователя с органом дознания не ограничивается только одной стадией, а существует на протяжении всего предварительного расследования. Существуют также и непроцессуальные формы взаимодействия, такие как: совместное планирование расследования; взаимный обмен информацией следователя и оперативных сотрудников; совместное обсуждение результатов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, выдвижение и проверка версий; совместные выезды следователя и оперативных сотрудников в другую местность; совместное дежурство в составе следственно-оперативной группы (СОГ).

В целом взаимодействие следователя и органа дознания можно разделить на четыре этапа, которые имеют общую цель и сменяющие друг друга в зависимости от следственной ситуации.

Первый этап начинается от «доследственной» проверки материалов о преступлении и продолжается до момента возбуждения уголовного дела. Чаще всего такую проверку проводит оперативный сотрудник. Он истребует необходимые материалы, получает объяснения, документирует отдельные факты, принимает меры к пресечению преступления. Инструкцией о порядке взаимодействия оперативному сотруднику ре-

комендуется консультироваться со следователем, совместно анализировать материалы, оценивать факты, имеющиеся в заявлении или сообщении, для того чтобы сделать верный вывод.

Нередко первый этап взаимодействия начинается с выезда на место происшествия в составе СОГ. Во время осмотра следователь дает оперативным сотрудникам указания по сбору информации, изъятию следов, установлению очевидцев, потерпевших, свидетелей, о розыске похищенного имущества, орудий преступления. Таким образом, следователь организывает и координирует работу для наиболее эффективного расследования преступлений.

Таким образом, на стадии возбуждения уголовного дела перед направлением в орган предварительного следствия материалов проверки по заявлению, сообщению о преступлении, орган дознания принимает меры к обнаружению похищенного имущества, а также имущества, на которое может быть наложен арест. Сведения о наличии и месте нахождения такого имущества передаются в Следственный комитет вместе с материалами проверки.

Заявления, сообщения о преступлениях с материалами проверки по ним, а также уголовные дела, возбужденные органом дознания, передаются в соответствующее подразделение Следственного комитета по правилам делопроизводства в подшитом и пронумерованном виде с описью имеющихся в них документов, изъятими предметами, документами, вещественными доказательствами или с указанием места их хранения.

При наличии оснований к возбуждению уголовного дела материалы проверки по заявлениям, сообщениям о преступлениях, представляются органом дознания в соответствующее подразделение Следственного комитета (за исключением заявления, сообщения об исчезновении лица) не позднее трех суток до истечения установленного срока рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях [11].

Второй этап по своей сути совпадает с первоначальным этапом предварительного следствия и длится до предъявления обвинения лицу.

Здесь вырабатывается совместный план или два скорректированных плана расследования с указанием конкретных исполнителей и сроков исполнения. Производство некоторых следственных действий следователь поручает органу дознания. Следователь также знакомится с протоколами оперативно-розыскных мероприятий, оценивая их с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. На практике имеют место случаи, когда следователь лично участвует в проведении оперативно-розыскных мероприятий, таких как проверочная закупка, оперативный эксперимент, значение которых часто имеет ключевую

роль в раскрытии преступлений. Контроль за реализацией следственных и оперативно-розыскных мероприятий и оказание практической помощи осуществляют начальник следственного подразделения и начальник органа дознания.

Третий этап взаимодействия начинается после установления обвиняемого, предъявления ему обвинения и заканчивается с завершением последующих следственных действий. На этом этапе устанавливаются такие вопросы, как: будет ли обвиняемый продолжать преступную деятельность, не намерен ли он скрыться от следствия и суда, какова его характеристика, семейное и финансовое положение, в рамках решения вопроса о выборе меры пресечения. В случае если избирается мера пресечения, не связанная с лишением свободы, принимаются меры в целях предупреждения уклонения обвиняемого от следствия и суда.

Четвертый этап – завершение расследования. Следователь решает, все ли версии проверены, соблюдены ли все требования закона, достаточно ли доказательств для изобличения виновного, устранены ли противоречия, правильно ли применен уголовный закон. Для устранения возможных пробелов и недоработок следователь дает поручения, в том числе и оперативным сотрудникам.

Осуществляя взаимодействие на заключительном этапе, следователь совместно с сотрудниками органа дознания выполняют мероприятия в той части совместных планов, которая относится к комплексным мероприятиям по профилактике правонарушений. Следователь подготавливает и выносит представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, подготавливает уголовное дело для направления прокурору для передачи в суд.

Таким образом, эффективность борьбы с преступностью во многом зависит и от профессиональных качеств следвателя и оперативного сотрудника. Фундаментальная основа раскрытия и расследования преступлений – это совместная деятельность, предполагающая объединение усилий и возможностей всех правоохранительных органов. В ином случае, отсутствие межличностных взаимоотношений между следвателем и органом дознания приводит к тому, что решение задач уголовного процесса каждым из них происходит изолированно друг от друга. Переоценка следвателем и сотрудником органа дознания своей значимости приводит к тому, что преступники незаслуженно избегают уголовной ответственности. Исходя из изложенного, на наш взгляд, совершенствование действующего законодательства, а также практики совместного сотрудничества данных органов позволит устранить существующие пробелы в осуществлении предварительного расследования.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. – М. : Юристь, 1999. – 784 с.
2. Белкин, Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М. : Мегатрон XXI, 2000. – 2-е изд., доп. – 334 с.
3. Юсупкадиева, С.Н. Этапы и формы взаимодействия следователя с другими службами ОВД при раскрытии и расследовании преступлений [Электронный ресурс] / С.Н. Юсупкадиева // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. – 2014. – № 10 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-i-formy-vzaimodeystviya-sledovatelya-s-drugimi-sluzhbami-ovd-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy>. – Дата доступа: 02.01.2024.
4. Нечаева, В.А. О нормативной дефиниции дознания в уголовном процессе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / В.А. Нечаева // Электронная библиотека. – Режим доступа: http://elibrpsu.by/bitstream/123456789/16359/1/Нечаева%20ВА_2015-14_c%20192-196.pdf. – Дата доступа: 03.01.2024.
5. Уголовный процесс. Общая часть : учебник / И.В. Данько [и др.] ; под общ. ред. И.В. Данько ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 478 с.
6. Уголовный процесс. Особенная часть : учеб. пособие : в 2 т. / т. 1 : Досудебное производство / И.В. Данько [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2017. – 265 с.
7. Мытник, П.В. Следственные действия : курс лекций / П.В. Мытник. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 135 с.
8. Кукреш, Л.И. Некорректность законодательного регламентирования полномочий органа дознания ставит под сомнение законность решений по уголовному делу / Л.И. Кукреш // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию милиции Беларуси, Минск, 10 февр. 2017 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2017. – С. 311–312.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. № 285-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
10. Борицо, С.В. Уголовный процесс : учебник / С.В. Борицо. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 408 с.
11. Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства [Электронный ресурс] : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, М-ва по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь, М-ва обороны Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь, Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь, Гос. та-

мож. ком. Респ. Беларусь и Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 26 дек. 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 / КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

УДК 343.98

В.С. Шмотко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.С. Кудрявцев*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СО СПЕЦИАЛИСТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Посвящается актуальным вопросам взаимодействия сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел со специалистами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при выполнении уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных задач; рассмотрено понятие взаимодействия, конкретизированы его признаки и составляющие элементы.

Раскрытие и расследование преступлений представляет собой целенаправленную деятельность государственных органов, в первую очередь правоохранительных, по установлению обстоятельств его совершения и причастных к нему лиц. Безусловно, достичь в этом успеха в одиночку ни следователю, ни органу дознания в лице оперативных подразделений органов внутренних дел (ОВД), как правило, невозможно, что обуславливает необходимость их взаимодействия между собой, а также со специалистами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ).

На необходимость поддержания хороших деловых отношений следователя с полицией, со специалистами в различных областях знания обращал внимание еще Г. Гросс, что, по мнению ученых, нашло отражение в названии его первого труда «Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции», где было отмечено, что раскрытие преступлений является единой задачей государственных органов [1].

Оказываемое преступниками и связанными с ними лицами противодействие раскрытию и расследованию уголовно наказуемых деяний убедительно свидетельствует о том, что решение поставленных перед правоохранительными органами задач невозможно без глубокого про-

никновения в их замыслы, прогнозирования и упреждения действий по реализации своего умысла, использования при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) новейших достижений науки и техники, позволяющих выявлять, изымать и исследовать следы преступления, фиксировать действия преступников.

Несмотря на важность качественной совместной деятельности для решения задач борьбы с преступностью термин «взаимодействие» в законодательстве нашей страны отсутствует. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» и другие законодательные акты (в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК)) содержат лишь нормативные предписания, регламентирующие общие основы взаимоотношений субъектов раскрытия и расследования преступлений.

В самом общем виде под взаимодействием понимаются «взаимная связь явлений; взаимная поддержка». Очевидно, что необходимость в совместной работе возникает тогда, когда встает проблема решения какой-либо сложной задачи либо проведение тех или иных мероприятий невозможно осуществить в одиночку.

В русском языке слово «взаимодействие» обозначает взаимную связь двух явлений, взаимную поддержку [2, с. 68]. В философском значении взаимодействие рассматривается как форма влияния друг на друга двух и более объектов или явлений, в котором обеспечивается согласованность и единство функционирования отдельных ее элементов в процессе достижения общих целей [3, с. 250]. Такое определение позволяет сделать вывод, что взаимодействие означает обоюдную, касающуюся обеих сторон, взаимозаинтересованную деятельность, осуществляемую с помощью взаимной поддержки. В узком понимании, применительно к процессу раскрытия и расследования преступлений, под взаимодействием понимаются взаимоотношения конкретных субъектов. В нашем случае – оперативных подразделений ОВД и специалистов ГКСЭ.

Анализ литературы по криминалистике и уголовному процессу показывает, что понятие взаимодействия, определение его сущности рассматривались многими авторами: Р.С. Белкиным, А.Ф. Вольтским, И.М. Гуткиным, В.А. Михайловым, А.А. Чувилевым и др. При этом одни из них (В.Т. Томир, И.Б. Воробьева) рассматривают его в широком и узком смыслах. В широком смысле взаимодействие понимается как воздействие и взаимовлияние взаимодействующих субъектов друг на друга в процессе осуществления определенной деятельности. В узком толковании рассматриваемое понятие представляет собой совместную или согласованную деятельность нескольких субъектов по достижению определенной цели [4].

Другие (Г.Г. Зуйков) одним из основных его критериев считают отсутствие соподчиненности между органами, осуществляющими деятельность по раскрытию и расследованию преступлений [5].

Представители третьей группы (С.Д. Оспанов, А.П. Пацкевич) полагают, что в основе взаимодействия лежат согласованность действий его субъектов и оптимальное сочетание оперативно-розыскных, процессуальных и административных функций [6].

В некоторых публикациях взаимодействие рассматривается как один из аспектов управления в сфере правопорядка. Например, К.И. Бурдин представляет взаимодействие как процесс прямой двухсторонней связи, в результате которой происходит сближение точек зрения и выработка совместных позиций в ходе принятия управленческого решения [7, с. 14].

В Республике Беларусь проблеме взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений в разное время уделялось внимание такими белорусскими учеными-криминалистами, как Н.И. Порубов, В.М. Логвин, А.П. Пацкевич, А.В. Матюк и др. В основном их исследования касались взаимодействия следователя (органа дознания) с представителями иных правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью. Вопросы сотрудничества оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ рассматривались фрагментарно и преимущественно в контексте процессуальной деятельности соответствующих субъектов расследования.

На наш взгляд, наиболее емкое понятие взаимодействия приводит А.Ф. Волинский, который полагает, что взаимодействие является частью (элементом) в целом организации раскрытия и расследования преступлений и определяется прежде всего как осуществление совместных, а не только согласованных по месту, времени и целям действий [8, с. 100–101]. В этой связи несколько иной представляется сама организация взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений, необходимость регламентации, в первую очередь в уголовно-процессуальном законодательстве, порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД), возможностей специалистов и использования ими научных достижений в целях собирания, исследования и использования доказательств по уголовным делам.

Взаимодействие оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ может осуществляться по следующим направлениям:

- 1) при их совместной работе на местах происшествий;
- 2) при разрешении сотрудниками оперативных подразделений ОВД (уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, противодействия киберпреступности и др.) заявлений и сообщений о преступлениях (как правило, посредством проведения экспертизы);

3) при подготовке и проведении ОРМ, в том числе в рамках дел оперативного учета;

4) при необходимости проведения исследований в ходе ОРД.

Действия субъектов раскрытия и расследования преступлений на местах происшествий регламентируются совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел и иных государственных органов от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства». Основная задача специалиста ГКСЭ в таких случаях заключается в оказании содействия, в первую очередь следователю в проведении осмотра места происшествия и составлении по его результатам протокола.

В случаях если такой осмотр осуществляется сотрудником оперативного подразделения ОВД, специалист ГКСЭ кроме оказания содействия в обнаружении, фиксации и предварительном исследовании следов, предметов, документов и иных объектов, имеющих отношение к обстоятельствам происшедшего, также предоставляет информацию, способствующую в последующем наметить необходимые оперативно-розыскные и иные мероприятия по установлению лица, совершившего преступление, либо к нему причастного. Чаще всего это происходит посредством предварительного изучения обнаруженных на месте происшествия отпечатков следов пальцев рук предполагаемого злоумышленника и информирования оперативного сотрудника о результатах их проверки по АДИС «Дакто-2000». Это, в свою очередь, позволяет оперативно провести мероприятия по установлению его местонахождения и в последующем раскрыть преступление.

На этапе доследственной проверки (при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях) спектр взаимодействия сотрудников оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ гораздо шире, чем при их работе в составе следственно-оперативных групп (СОГ). Это как участие специалиста в процессуальных действиях, проверке финансово-хозяйственной деятельности, так и производстве экспертиз.

Проведение экспертизы является наиболее распространенной формой использования специальных знаний в уголовном процессе. В отдельных случаях ее результаты играют определяющую роль в установлении наличия состава преступления, что дает право проводить необходимые исследования до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 173 УПК). В результате проведения исследований (экспертизы) появляется новая

информация, имеющая доказательственное значение, которая не может быть получена другими средствами.

Например, подразделениями уголовного розыска криминальной милиции территориальных ОВД по находящимся на рассмотрении заявлениям и сообщениям о преступлениях чаще всего назначаются судебно-медицинские, дактилоскопические, трасологические, генотипоскопические, биологические и иные экспертизы, что связано с особенностями раскрытия тех или иных уголовно наказуемых деяний (как правило, общеуголовных). Их задачами в этой связи являются:

сбор необходимых для дачи заключения материалов;

получение необходимых образцов для последующего исследования;

определение предмета экспертизы и формулирования ее задач;

выбор экспертного учреждения или эксперта;

подготовка (сбор) необходимых документов для проведения исследования (вынесение постановления и предоставление копий имеющихся материалов).

При раскрытии преступлений против порядка осуществления экономической деятельности достаточно распространенной формой взаимодействия является использование оперативными подразделениями ОВД помощи специалистов, в первую очередь консультационной, в финансово-бухгалтерских вопросах. Это связано с тем, что изучение хозяйственной, бухгалтерской, производственной и иной документации требует значительного времени, а из-за довольно коротких процессуальных сроков доследственной проверки порой крайне затруднительно качественно и всесторонне провести необходимые мероприятия, результаты которых позволяют принять решение о возбуждении уголовного дела.

В то же время необходимо обратить внимание, что согласно ст. 62 УПК, специалист может быть привлечен для оказания содействия в проведении следственных и иных процессуальных действий, однако не отражены аспекты, связанные с началом его участия в уголовном процессе, объемом предоставляемой помощи, формой ее реализации и т. п. В УПК не содержится прямого указания на обязанность специалистов оказывать содействие правоохранительным органам на стадии разрешения заявлений и сообщений о преступлениях.

При решении задач ОРД специальные знания используются в непроцессуальной форме. Это, например, участие специалистов ГКСЭ в проведении ОВД ведомственных проверок, предварительном исследовании предметов и документов, полученных в ходе ОРД, оказание технической и иной помощи при осуществлении ОРМ.

В ОРД помощь специалистов ГКСЭ чаще всего используется при проведении таких ОРМ, как «исследование предметов и документов,

компьютерной информации», «сбор образцов», «оперативный осмотр», «проверочная закупка», когда требуется отобрать образцы для проведения сравнительных исследований, выполнить иные действия, входящие в круг полномочий указанных лиц. Такие специалисты должны обладать достаточными компетенциями по тем вопросам, для решения которых они привлекаются, чтобы ОРМ были проведены качественно и надлежащим образом.

Пожалуй, самым показательным ОРМ с точки зрения взаимодействия оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ при осуществлении ОРД является «исследование предметов и документов, компьютерной информации». Фактически, оно проводится указанными лицами и заключается в исследовании предметов, документов, компьютерной информации, полученных в результате других ОРМ, проводимое с целью выявления признаков преступной деятельности и причастности к ней конкретных лиц.

Это ОРМ является логическим продолжением таких мероприятий, как «сбор образцов», «проверочная закупка» и состоит в изучении полученных объектов с целью получения информации, представляющей интерес для органов, осуществляющих ОРД.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что в основе взаимодействия оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ лежит совместность их действий в целях раскрытия преступлений, а не только их согласованность по времени, месту и целям.

Полнота и доказательственное значение результатов проводимых ОРМ напрямую зависят от участия в них специалистов, что позволяет рассматривать это обстоятельство в качестве одной из основных форм взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений.

Основными направлениями сотрудничества оперативных подразделений ОВД со специалистами ГКСЭ являются их совместная работа в составе СОГ, при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях и при проведении ОРМ, где возможности применения специальных знаний для решения задач ОРД максимально широки.

Список использованных источников

1. Матюк, А.В. Взаимодействие следователя Следственного комитета Республики Беларусь с органом дознания при раскрытии и расследовании преступлений против порядка осуществления экономической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Матюк. – М., 2019. – 195 л.

2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под ред. Н.Ю. Шведовой, 1986. – 795 с.

3. Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. – М. : Совет. энцикл., 1960. – Т. 1. – 504 с.

4. Томин, В.Т. Проблемы оптимизации среды функционирования органов внутренних дел : учеб. пособие / В.Т. Томин. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1978. – 112 с.

5. Зуйков, Г.Г. Научная организация управления и труда в следственном аппарате ОВД / Г.Г. Зуйков. – М. : ВШ МВД СССР, 1976. – 286 с.

6. Пацкевич, А.П. Актуальные проблемы взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и органов дознания системы МВД при расследовании преступлений / А.П. Пацкевич // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Серия Д, Эконом. и юрид. науки : науч.-теорет. журн. – 2013. – № 14. – С. 186–192.

7. Бурдин, К.И. Социологические и организационно-правовые аспекты взаимодействия руководителя органа внутренних дел с общественными объединениями сотрудников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / К.И. Бурдин. – М., 1997. – 24 с.

8. Волынский, А.Ф. Мифы и предубеждения как барьеры на пути совершенствования организации расследования преступлений / А.Ф. Волынский // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Междунар. конф. к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки Рос. Федерации В.В. Николюка. – Орел, 2016. – С. 99–107.

УДК 348.9

К.А. Шустерман, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тут*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-КОРРУПЦИОНЕРА

Исследуются и анализируются характерные особенности и отличительные черты личности преступника-коррупционера. Рассматриваются классификации указанной категории правонарушителей, основанные на мотивах совершения коррупционных преступлений, способе совершения правонарушения и эмоционально-психологической характеристике коррупционера.

Преступление является результатом деятельности человека. В каждом конкретном случае сама личность принимает решение о совершении преступления. Безусловно, все мы индивидуальны и имеем свои качества и особенности. Но многочисленные исследования показывают, что личность преступника отличается от личности законопослушного

человека. В первую очередь жизненными установками, взглядами, интересами, что часто и побуждает их к совершению преступлений. Однако преступники не только отличаются от законопослушных людей, но и различаются между собой по определенным критериям. На наш взгляд, глубокое детальное изучение личности преступника поможет определить причины совершения преступлений, выявить особенности, характерные отдельным категориям правонарушителей, что в совокупности сможет поспособствовать предупреждению преступности.

Начнем с того, что под личностью коррупционного преступника понимается набор качеств, особо значимых в обществе и приобретенных в процессе занимаемой должности, служебного положения, а также использование их для достижения корыстных, личных целей [1, с. 101].

Для личности преступника-коррупционера, как и для большинства лиц, совершающих преступления, характерны глубокие искажения нравственности и морали, негативное отношение к уголовно-правовым запретам на совершение преступлений и деформация сознания.

Итак, рассмотрим, какие же особенности свойственны личности коррупционера:

в общей массе лиц, совершающих коррупционные преступления, доминирующее положение занимают преступники мужского пола (исключение составляют сферы образования, здравоохранения и фарминдустрии, где традиционно в профессиональном плане преобладают женщины);

преобладают лица в возрасте старше 30 лет;

преступники имеют высокий образовательный уровень;

большинство лиц имеют семью, детей, т. е. социально-благополучное семейное положение;

лиц, ранее судимых, в том числе тех, у кого судимость снята или погашена, немного;

у преступников преобладают мотивы личного обогащения, стремления занять в жизни более высокое социальное и должностное положение;

лица, совершающие коррупционные преступления, отличаются властолюбием, корыстолюбием, неуважением к закону [2, с. 197].

Вышеперечисленные особенности подтверждаются современной статистикой и анализом лиц, совершивших преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Рассмотрим некоторые из них.

Многолетние исследования коррупционной преступности показывают, что среди коррупционных преступников мужчин значительно больше, чем женщин. Эта тенденция наблюдается и в актуальных статистических показателях Республики Беларусь за последнее годы

(2020–2023). По половому признаку коррупционные преступники распределились следующим образом: мужчины – 75 %, женщины – 25 %. Возможно, такое распределение коррупционеров мужчин и женщин больше связано не с криминальной активностью, а со степенью участия женщин в сфере социального управления. В тех сферах жизнедеятельности, где женщины представлены больше, там и уровень их коррупционной активности выше.

Среди наиболее значимых социально-демографических параметров коррупционных преступников выделяют их возрастные характеристики. За последние годы возрастная структура коррупционеров в среднем такова: в возрасте от 20 до 24 лет – 4 %; от 25 до 29 лет – 7 %; от 30 до 34 лет – 7 %; от 35 до 39 лет – 14 %; от 40 до 44 лет – 16 %; от 45 до 49 лет – 14 %; свыше 50 лет – 38 %. Средний возраст составил 44 года. Данное положение можно объяснить тем, что возможность принятия определенных решений, за которые люди будут платить незаконное вознаграждение, приобретает человек лишь с занятием им высокой должности, а представители более молодого возраста не имеют соответствующего должностного положения [3, с. 46]. Назначению на высокую должность, как правило, предшествуют получение образования, карьерный рост, что требует продолжительного стажа трудовой деятельности. Вместе с тем стоит отметить, что лица старшего поколения имеют уже сформированную личность с устоявшимися жизненными установками и мировоззрением, большой профессиональный опыт, знания, связи, что создает условия для совершения коррупционного преступления и помогает им более обдуманно выстроить свое противоправное поведение, в том числе с точки зрения возможных негативных последствий. В ряде случаев это позволяет им избежать огласки и ответственности.

Среди преступников преобладают лица с высшим образованием. На фоне других категорий преступников образовательный уровень коррупционеров был всегда высок. И этот факт объясняется тем, что аппарат органов власти и управления комплектуется квалифицированными специалистами. За те же последние годы лица, имеющие высшее образование, в числе совершивших данный вид преступления составляют 79 %; среднее специальное – 21 %.

Следует упомянуть и статистические данные, касающиеся семейного положения указанной категории правонарушителей. Большинство из них оказались женаты/замужем – 67 %; разведены – 20 %; холосты/не замужем – 13 %.

Немаловажным является вопрос признания вины осужденным. Свою вину в совершенном коррупционном преступлении признали более по-

ловины из них, а именно – 52 %; не признали вину – 30 %; признали частично – 18 %. Стоит отметить, что признание обвиняемым своей вины значительно упрощает работу правоохранительных органов, поскольку сокращает усилия по раскрытию и расследованию преступлений, облегчает процесс доказывания и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, позволяет экономить материальные затраты и сократить сроки предварительного расследования [3, с. 47].

Помимо вышеперечисленных особенностей коррупционерам свойственны такие качества, как уравновешенность, индивидуализм, стремление к улучшению своего материального положения любым путем, в том числе преступным, безразличие к национальным интересам, отчужденность от устремлений и целей большинства граждан, общества, знание психологии людей, приспособленчество, зависть, жадность, нигилистическое отношение к законам, извращение общественных принципов и нравственных начал, отсутствие самокритики и завышенная самооценка, предприимчивость, алчность, цинизм, наличие привычек и интересов, требующих материальных затрат [4, с. 35].

Выделяемые исследователями особенности личности отражают комплекс специфических черт преступника и позволяют не только спрогнозировать варианты его поведения в конкретной ситуации, но и обеспечить выработку предупредительных и профилактических мероприятий антикоррупционного характера.

При исследовании личности коррупционера необходимо обратить внимание на мотив преступления. Личностью коррупционера при совершении преступного посягательства движут мотивы самооправдания своего поведения, предполагающие отрицание своей вины, отсутствие раскаяния за содеянное деяние при нарушении уголовно-правовых запретов, отсутствие барьеров сдерживающего нравственно-правового контроля. Личности такого преступника свойственна сообразительность, умение быстро реагировать при возникновении сложных ситуаций, интеллектуальная мыслительная активность в преступном направлении, что выступает свидетельством наличия у субъекта игрового мотива посягательства [5, с. 100].

Исходя из мотивов совершаемых преступлений, выделяются следующие типы личности коррупционера: корыстолюбивый, престижный и игровой. Корыстолюбивый тип последовательно, целеустремленно и постоянно стремится к удовлетворению своих материальных и иных потребностей, наращивает свое личное благосостояние, используя должностное положение, полномочия и связи. Престижный тип основные

усилия направляет на использование криминальных денег для поддержания своего личного статуса, имиджа в так называемых элитарных сферах общения, проведения досуга и т. п. У игрового типа на первом месте не власть и деньги, а сам процесс использования власти. Особенности его коррупционного поведения связаны с чувством балансирования на грани законопослушного и преступного поведения, созданием благоприятных условий для того, чтобы нарушать закон, находясь при должности [6, с. 87].

На основании данных типов личности коррупционера можно выделить еще одну отличительную особенность субъекта коррупционной преступности: наличие корыстной мотивации, однако необходимо понимать, что встречаются и иные мотивы преступлений: повышение авторитета, обладание властью, корпоративная солидарность, месть за несправедливость действий со стороны руководства.

Перейдем к рассмотрению следующей классификации коррупционных преступников. Основным критерием здесь выступает способ совершения преступлений, по которому можно условно разделить всех коррупционных преступников на несколько самостоятельных групп, в свою очередь образующих небольшие подгруппы. В криминологии выделяются следующие виды преступников-коррупционеров:

1) коррупционеры-расхитители, т. е. лица, совершающие преступления коррупционной направленности (присвоение чужого имущества), при помощи своего служебного положения либо статуса или полученной власти;

2) коррупционеры-взяточполучатели (их обычно именуют «коррупционерами», придавая узкий смысл этому термину, ведь эта категория считается наиболее часто встречаемой);

3) корруптеры (взятодатели) – лица, передававшие взятку коррупционерам для решения каких-либо дел и решения своих интересов;

4) лица, на определенных должностях в государственных органах власти и местного самоуправления, которые используют власть, находящуюся в их руках, служебное положение для удовлетворения личных целей корыстной направленности, причиняя тем самым существенный вред в экономической, политической, социальной сфере, государству и обществу. Их еще называют «коррупционерами-злоупотребителями» [3, с. 46].

Стоит упомянуть и классификацию личности коррупционера, основанную на эмоционально-психологической характеристике правонарушителя.

Во-первых, исследователи выделяют «инициативный» тип. Для него характерны следующие психологические особенности: искаженное

представление об общественных ценностях; стойкая убежденность в собственной исключительности и вседозволенности; вера в то, что цель в виде достижения необходимого уровня собственного благосостояния оправдывает использование любых, в том числе аморальных и противоправных средств; властность, целеустремленность и решительность. Используя свое должностное положение, они могут создавать искусственные трудности и иные негативные условия для граждан и организаций с целью последующего решения возникающих проблем за индивидуальное вознаграждение. Коррупционная деятельность данных лиц является неотъемлемой частью их профессиональной деятельности, а потому носит, как правило, затяжной продолжительный характер.

Этот тип видится нами наиболее общественно опасным, так как его представители изначально настроены на использование своих служебных полномочий для совершения корыстных противоправных действий, а значит уже изначально обладают корыстной мотивацией и негативными качествами, присущими коррупционерам, чего нельзя сказать о следующих типах правонарушителей.

Второй тип в предлагаемой классификации получил название «конформный». Представители данного типа характеризуются, преимущественно, следующими чертами характера: покладистость и неконфликтность; безынициативность; внушаемость. Особенность данных преступников заключается в их стремлении придерживаться тех устоев и традиций, которые уже сформированы коллективом, в составе которого они осуществляют профессиональную деятельность. Изначально представители конформного типа не стремятся к совершению должностных преступлений, а, возможно, и осуждают тех, кто осуществляет коррупционную деятельность. Однако, попадая в сформировавшуюся коррупционную среду, они начинают совершать коррупционные правонарушения, в большей степени, руководствуясь корпоративной, а не корыстной мотивацией. Страх потерять псевдоуважение и доверие со стороны сослуживцев-коррупционеров, а впоследствии стать изгоем и быть уволенным под каким-либо предлогом оказывают на данное лицо гораздо большее мотивационное воздействие, нежели стремление к незаконному обогащению.

Третий тип представленной классификации определяется в качестве «вынужденного». Для представителей такой типологической группы характерны следующие черты: слабовольность; низкий уровень интеллекта и неспособность к аналитическому мышлению; доверчивость; заниженная самооценка; трусость. Коррупционер данного типа в отличие

от вышеназванных вообще не имеет коррупционных установок. Совершение корыстных преступлений и иных правонарушений осуществляется спонтанно и, как правило, по ярко выраженной инициативе третьих лиц. Такого человека относительно легко запугать якобы грозящими ему негативными последствиями отказа от коррупционного поведения и содружничества с взяточдателем или его представителем [6, с. 89].

Несмотря на многообразие классификаций и подходов к рассмотрению личности преступника-коррупционера, широкий круг особенностей и качеств указанной категории правонарушителей, различные мотивы совершения коррупционных преступлений, их объединяет наличие общественной опасности; способность причинить вред отношениям, охраняемым нормами закона; неудовлетворенность личности своим социальным статусом и положением; отстранение от общепринятых правил поведения, ценностей и норм, существующих в обществе; отсутствие упорства и желания удовлетворения потребностей законным способом и трудом; низкий уровень правового сознания.

Таким образом, изучение, рассмотрение и анализ вышеперечисленных особенностей, классификаций личности преступника-коррупционера имеют огромное значение в предупреждении и пресечении коррупционных преступлений, чем подтверждается необходимость всестороннего детального исследования рассматриваемой темы.

Список использованных источников

1. Криминология : учебник / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2019. – 394 с.
2. Ахмедханова, С.Т. Особенности личности преступника-коррупционера в системе образования / С.Т. Ахмедханова // Теория и практика обществ. развития. – 2023. – № 8. – С. 195–199.
3. Казакевич, С.М. Изучение личности коррупционного преступника как источник криминологической информации (на примере Республики Беларусь) / С.М. Казакевич // Вестн. Белгород. юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. – 2023. – № 3. – С. 45–49.
4. Волконская, Е.К. Типология личности преступника-коррупционера / Е.К. Волконская // Рос. следователь. – 2013. – № 14. – С. 33–34.
5. Глазкова, Л.В. Личность коррупционера как компонента системы коррупции / Л.В. Глазкова, Н.С. Грудинин // Современ. право. – 2017. – № 2. – С. 98–102.
6. Яворский, М.А. Социально-криминологический портрет современного коррупционера / М.А. Яворский, М.Е. Степанов // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 5-2. – С. 86–90.

УДК 343.1(476)

Е.А. Юшкевич, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Бачила*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Мелешко*

ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Посвящается проблеме обращения граждан в Конституционный Суд Республики Беларусь посредством подачи конституционной жалобы. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства в вопросе процедуры рассмотрения конституционной жалобы в Конституционном Суде Республики Беларусь. Вносятся конкретные предложения и дополнения в Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-3 «О конституционном судопроизводстве».

Одним из основополагающих прав человека, которое носит универсальный характер, является право на судебную защиту.

Правовую основу обращения граждан в Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд) составляют: Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. (Решение от 17 ноября 2004 г. № 1), в редакции Закона Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-3, Решения республиканского референдума от 4 марта 2022 г.); Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-3 «О Всебелорусском народном собрании»; Закон Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-3 «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства»; Закон Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. № 285-3 «Об изменении кодексов по вопросам судостроительства и статуса судей»; Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-3 «Об обращении граждан и юридических лиц» (в редакции законов Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 306-3, от 17 июля 2020 г. № 50-3, от 28 июня 2022 г. № 176-3, от 17 июля 2023 г. № 284-3) и иные нормативные правовые акты. Кроме того, Конституционным Судом подготовлен проект Решения «О регламенте Конституционного Суда Республики Беларусь».

В ст. 60 Конституции говорится: «Каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом. Решения и действия (без-

действие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суд» [1].

В свою очередь, в Кодексе Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей конституционные гарантии судебной защиты определены как важнейшая задача судов, конкретизировано право граждан и организаций на судебную защиту от посягательств на их законные права и интересы.

Конституционный Суд как орган судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве, обеспечивая верховенство Конституции и ее непосредственное действие, тем самым, во-первых, защищает конституционные права и свободы граждан, во-вторых, обеспечивает полноту реализации конституционного права каждого на судебную защиту.

Реализация права граждан на судебную защиту зависит от многих условий, важнейшим из которых выступает доступ к правосудию.

До последнего времени белорусская модель доступа граждан к конституционному правосудию не предусматривала возможность их прямого обращения в Конституционный Суд и допускала не прямое или казуальное [2, с. 120].

Следует отметить, что в соответствии со ст. 116¹ Конституции (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. (Решение от 17 ноября 2004 г. № 1), в редакции Закона Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-З, Решения республиканского референдума от 4 марта 2022 г.) появилась возможность обращения в Конституционный Суд напрямую, посредством подачи конституционной жалобы, любым гражданином, организацией или иным юридическим лицом, имеющим интерес в проверке конституционности закона или иного акта.

Подобное обращение может быть необходимым в случаях, когда граждане считают, что их права и свободы были нарушены в результате действий органов государственной власти, а суды или административные органы при этом считают, что законность данных действий не вызывает вопросов.

По мнению судьи Конституционного Суда О. Сергеевой: «В Беларуси в соответствии с обновленной Конституцией установлен институт конституционной жалобы – это наиболее распространенная форма защиты прав и свобод граждан в странах постсоветского пространства и большинстве европейских государств. С ее помощью гражданин может непосредственно обратиться в Конституционный Суд с жалобой на нарушение, по его мнению, его конституционных прав и свобод при применении определенного закона. Мы вправе принимать решения по

таким жалобам, проверяя конституционность закона, примененного в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты. Конституционный Суд последовательно, в том числе в посланиях Президенту и палатам Национального собрания, отстаивал необходимость введения индивидуальной конституционной жалобы, так как она дает возможность исключить искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле, а также повысить эффективность конституционного контроля и реальной судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина» [3].

Важность данного вида обращения граждан в Конституционный Суд подчеркнул и Т. Воронович: «Конституционная жалоба обеспечивает прямой доступ граждан к конституционному правосудию, дает возможность исключить искажение конституционно-правового смысла норм закона при применении в конкретном судебном деле, расширяет гарантии защиты прав и свобод граждан. Решение Конституционного Суда о неконституционности закона повлечет пересмотр судами общей юрисдикции судебного постановления в отношении гражданина, обратившегося в Конституционный Суд, в предусмотренных законом случаях» [4].

Согласно абзацу первому части пятой ст. 116¹ Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Процедурные вопросы рассмотрения дел на основании конституционной жалобы регламентированы Законом Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон о конституционном судопроизводстве).

В соответствии со ст. 152 указанного закона конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, нарушены законом, примененным в конкретном деле.

Большое значение имеет вопрос допустимости конституционной жалобы. Статьей 153 Закона о конституционном судопроизводстве установлено, что конституционная жалоба допустима, если:

имеются признаки нарушения конституционных прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием;

конституционная жалоба подана в срок не позднее одного года со дня принятия судебного постановления (решения), которым исчерпываются все другие средства судебной защиты по соответствующей категории дел;

исчерпаны все другие средства судебной защиты конституционных прав и свобод гражданина при разрешении конкретного дела.

Под исчерпанием всех других средств судебной защиты понимаются:

1) по гражданским делам – последовательное обжалование (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке) судебных постановлений, в том числе соблюдение одного из следующих условий:

наличие в совокупности следующих обстоятельств: отказ судьи Верховного Суда в передаче дела на рассмотрение Президиума Верховного Суда, оставление без удовлетворения Председателем Верховного Суда или его заместителем надзорной жалобы на определение судьи Верховного Суда о таком отказе, отказ Генерального прокурора или его заместителя в принесении протеста в порядке надзора;

оставление надзорной жалобы (протеста в порядке надзора) Президиумом Верховного Суда без удовлетворения;

2) по уголовным делам – последовательное обжалование (в апелляционном, кассационном и надзорном порядке) судебных постановлений, в том числе соблюдение одного из следующих условий:

наличие в совокупности следующих обстоятельств: отказ судьи Верховного Суда в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда, оставление без удовлетворения Председателем Верховного Суда или его заместителем надзорной жалобы на постановление судьи Верховного Суда о таком отказе, отказ Генерального прокурора или его заместителя в принесении надзорного протеста;

оставление надзорной жалобы (надзорного протеста) Президиумом Верховного Суда без удовлетворения;

3) по делам об административных правонарушениях – оставление Верховным Судом без удовлетворения жалобы (протеста) на вступившее в законную силу постановление по делу об административном правонарушении [5].

К содержанию конституционной жалобы Законом о конституционном судопроизводстве предъявляются определенные требования. Так, согласно ст. 154 указанного закона в конституционной жалобе указываются:

фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) гражданина, адрес его места жительства (места пребывания);

данные о представителе, если гражданин имеет представителя, и его полномочия;

название примененного в конкретном деле закона, конституционность которого подлежит проверке, дата принятия и регистрационный номер закона;

нормы Конституции, Кодекса, закрепляющие соответствующее полномочие Конституционного Суда и право гражданина на подачу конституционной жалобы;

позиция гражданина по поставленному в конституционной жалобе вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции;

сведения, подтверждающие, что гражданин исчерпал все другие средства судебной защиты;

требование гражданина, обращенное к Конституционному Суду в связи с подачей конституционной жалобы;

перечень прилагаемых к конституционной жалобе документов и иных материалов [5].

Введение конституционной жалобы, безусловно, является значительным шагом вперед на пути усиления юридических гарантий должного обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Вместе с тем полагаем, что закрепление в качестве условия допустимости исчерпания всех средств судебной защиты в форме обязательного последовательного обжалования судебных постановлений по гражданским и уголовным делам в апелляционном, кассационном и надзорном порядке является чрезмерным требованием. Такой порядок обязывает гражданина инициировать рассмотрение его дела в судах всех инстанций: районном (городском), областном (Минском городском), Верховном. Это займет достаточно большой промежуток времени, и не у всех граждан может хватить терпения, организационных и материальных ресурсов, чтобы защитить свои права последовательно во всех судебных инстанциях. Поэтому предлагаем в качестве условия допустимости подачи конституционной жалобы предусмотреть вступление в законную силу постановления по гражданскому или уголовному делу, вынесенного районным (городским) судом, а по делу об административном правонарушении вступление в законную силу постановления суда, органа, ведущего административный процесс, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях.

Такой подход, безусловно, повлечет увеличение количества конституционных жалоб, подаваемых в Конституционный Суд. Чтобы обеспечить рассмотрение конституционных жалоб в приемлемые сроки, полагаем возможным предусмотреть возможность заседания Конституционного Суда не только в полном составе – 12 судей, но и в составе двух коллегий – по шесть судей. На наш взгляд, это позволит оптимизировать сроки исключения из правовой системы неконституционных норм и усилит правовые гарантии защиты конституционных прав граждан.

В этой связи полагаем возможным изложить ст. 6 «Коллегиальность» Закона о конституционном судопроизводстве в следующей редакции:

«Статья 6. Коллегиальность

Дела рассматриваются и разрешаются Конституционным Судом правомочным составом коллегиально в пленарном заседании, а также в заседаниях двух коллегий».

Следует дополнить Закон о конституционном судопроизводстве статьей следующего содержания:

«Статья 161¹. Рассмотрение дела

Дела о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле, по конституционной жалобе могут рассматриваться Конституционным Судом в пленарном заседании в правомочном составе судей либо в заседаниях двух коллегий, состоящих из шести судей каждая.

Персональный состав коллегий, а также председательствующие на заседаниях коллегий определяются Председателем Конституционного Суда».

Кроме того, необходимо в ст. 153 «Допустимость конституционной жалобы» внести следующие изменения:

Так, подп. 2.1 п. 2 изложить в следующей редакции:

«2.1. по гражданским и уголовным делам – вступление судебных постановлений в законную силу;».

Подп. 2.2 п. 2 изложить в следующей редакции:

«2.2. по делам об административных правонарушениях – вступление в законную силу постановления суда, органа, ведущего административный процесс, уполномоченного рассматривать дела об административных правонарушениях».

Таким образом, конституционная жалоба – это правовой механизм, при котором гражданин может обратиться в Конституционный Суд с заявлением о нарушении его конституционных прав и свобод высшими органами государственной власти, органами местного самоуправления или должностными лицами.

Следует отметить, что сегодня обращение граждан в Конституционный Суд возможно путем прямой подачи конституционной жалобы.

Институт конституционной жалобы в законодательстве закреплен совсем недавно, поэтому отсутствует практика рассмотрения таких жалоб. Следовательно, можно утверждать о том, что вопрос об обращениях граждан в Конституционный Суд будет являться предметом обширной правовой дискуссии в белорусской науке и нормотворческой деятельности.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г.

(Решение от 17 нояб. 2004 г. № 1) : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.10.2021 г. № 124-3, Решения респ. референдума от 04.03.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Масловская, Т.С. Перспективы развития казуального конституционного контроля в Республике Беларусь / Т.С. Масловская // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 1. – С. 113–121.

3. Сергеева, О. Институт конституционной жалобы – наиболее распространенная форма защиты прав и свобод граждан [Электронный ресурс] / О. Сергеева // sb.by : сайт. – URL: <https://yandex.by/turbo/sb.by/s/articles/sergeeva-institut-konstitutsionnoy-zhaloby-eto-naibolee-rasprostranennaya-forma-zashchity-prav-i-svo.html?sign=> (дата обращения: 14.04.2023).

4. Воронович, Т. Как расширились полномочия Конституционного Суда согласно обновленному Основному Закону [Электронный ресурс] / Т. Воронович. – URL: <https://yandex.by/turbo/pravo.by/s/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/mart/73556/?sign=> (дата обращения: 23.10.2023).

5. Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2023 г., № 284-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

УДК 348.9

Т.А. Ясинская, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тут*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.С. Шабаль*

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проводится анализ возможностей совершенствования деятельности органов внутренних дел по осуществлению профилактической и предупредительной работы, направленной на предупреждение насильственной преступности в Республике Беларусь. Аргументируется необходимость увеличения интенсивности вышеуказанной работы в информационной среде, в частности в социальных сетях.

Правоохранительные органы являются одним из главных субъектов, который способен воздействовать на преступность. В их задачу входят различные мероприятия, как профилактического характера, так и комплекс мероприятий, направленных на пресечение, выявление и устранение преступлений. К таким, в частности, можно отнести: восстановление нарушенной законности, установление причин и условий,

способствующих совершению преступлений, их устранение, выявление и привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, все это входит в компетенцию правоохранительных органов.

Одним из эффективных способов предупреждения преступлений насильственного характера является профилактическая деятельность этих органов, направленных на данную область. Указанный факт подтверждается словами Ч. Беккариа: «Лучше предупреждать преступления, чем наказывать» [1, с. 98]. Лучший способ предупреждения преступлений насильственного характера – недопущение их совершения. Этот факт акцентирует наше внимание на проблеме анализа наилучших шагов по формированию организационно-правового механизма профилактической деятельности насильственной преступности [2, с. 108].

Чаще всего сотрудники органов внутренних дел (ОВД) в рамках своей профилактической деятельности используют методы разъяснения законодательства, регламентирующего правомерное поведение, оказание консультативной помощи и проведение профилактических бесед с гражданами, т. е. применение мер убеждения. Применение данной меры довольно эффективно с точки зрения недопущения противоправных действий впоследствии. В основе системы мер предупреждения насильственной преступности находится широкий комплекс организационно-управленческих, экономических и социальных мер, направленных на выявление, устранение причин и условий, способствующих совершению насильственной преступности. Тем не менее направления профилактической деятельности необходимо ранжировать с учетом общего, специально-криминологического и индивидуального уровня подхода [3, с. 115]. Для организации качественной работы по предупреждению насильственной преступности целесообразно проводить учет и мониторинг, на постоянной основе, различной поступающей информации о состоянии, динамике, структуре насильственных преступлений, а также, что будет немаловажным, внедрить практику криминологических прогнозов. Однако для более эффективной работы и повышения профилактической деятельности данной области следует привлекать представителей администрации района или города для обсуждения различных вопросов профилактической деятельности. Накопление опыта ОВД в указанной области позволит более эффективно и точно выстраивать работу с потенциальными и реальными правонарушителями.

Как известно, ряд преступников, совершающих преступления насильственного характера, чаще всего становятся такими из-за неблагоприятной обстановки дома, сопряженной с насилием в семье, издевательствами и др. Поэтому для недопущения правонарушений, пре-

ступлений в сфере домашнего насилия и предотвращения развития у ребенка антисоциального поведения ОВД следует проводить ряд комплексных мероприятий, направленных на работу с такими категориями граждан. Для более эффективного предупреждения преступлений в данной области сотрудникам правоохранительных органов необходимо комплексно выполнять действия, направленные на профилактику правонарушений в семейно-бытовой сфере, которые включают в себя проведение определенных, специальных воспитательных мероприятий по месту жительства вышеуказанных категорий лиц.

Следует проводить также ряд мероприятий, которые будут способствовать выявлению проблемных семей, имеющих острые бытовые конфликты, которые могут завершиться негативными последствиями для членов семейства. Проводить воспитательную работу с лицами, которые имеют склонность к преступному поведению в быту, а также осуществлять надлежащее профилактическое наблюдение за лицами, ранее судимыми и отбывшими наказание за бытовые преступления. Немаловажным будет также посещение по месту жительства граждан, которые состоят на профилактическом учете, и пожилых граждан, лиц, проживающих с семейными скандалистами, с которыми ранее уже были проведены профилактические беседы. Многие граждане совершают насильственные преступления в состоянии алкогольного опьянения [4, с. 48]. Такой категории лиц следует уделить особое внимание, ведь чрезмерное употребление алкоголя превращается, в своего рода, болезнь, с которой справиться самостоятельно проблематично.

Таким образом, существует ряд мер по устранению причин и условий, способствующих совершению насильственных преступлений. К ним относятся: выявление и устранение отрицательных факторов в семье и быту, которые способствуют формированию у личности тех качеств, которые типичны для насильственных преступников; нейтрализация различных бытовых и семейных конфликтов, на почве которых могут возникать насильственные действия; усиление контроля за соблюдением социальных правил гражданами и другими категориями лиц; принятие мер, затрудняющих совершение насильственных преступлений в общественных местах, а также обеспечение надлежащего освещения и периодические обходы мест, районов с повышенной криминологической активностью; правильное и разумное распределение сил и средств ОВД с учетом мест, имеющих наибольшую частоту совершения насильственных преступлений различных категорий граждан [5, с. 66].

Сегодня ОВД представляют собой высокопрофессиональный государственный орган, эффективно развивающийся в русле мировых

тенденций правоохранительной деятельности. ОВД занимаются предупреждением преступности, как на общем, так и на индивидуальном уровне. Работа проводится в основном по следующим направлениям: ограничение влияния негативных социальных факторов, связанных с причинами и условиями преступности; непосредственное воздействие на причины и условия, способствующие данному виду преступности; непосредственное воздействие на граждан, от которых можно ожидать совершения преступлений; воздействие на группы с антиобщественной направленностью, способные совершить или совершающие преступления [6, с. 60]. Предупредительная деятельность, организованная с учетом этих направлений, должна обеспечивать всестороннее профилактическое воздействие на людей, склонных к совершению преступлений, на микросреду и социальные условия, в которых они находятся.

В процессе предупреждения преступности ОВД должны направлять свои усилия на выявление причин, условий, способствующих совершению преступлений, а также на их устранение, ограничение и нейтрализацию. Полагаем, лишь тогда работа ОВД будет иметь положительные результаты. Несомненно, эффективность профилактики и предупреждения преступлений будет выше. Прямое отношение к предупреждению преступлений имеют также своевременное возбуждение уголовного дела, быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, а также правильное применение мер пресечения. Вместе с тем, очевидно, что без привлечения общества эффективное противодействие преступности невозможно. В этих целях ОВД организуют взаимодействие с государственными, общественными и иными организациями и учреждениями, участвующими в предупредительной деятельности, проводят комплексные операции, рейды, целевые проверки и другие мероприятия.

Большое значение имеет предупредительное воздействие на личность правонарушителя, т. е. индивидуальная профилактика. Индивидуальная профилактика по своей сути является комплексом мероприятий, которые направлены на выявление, устранение причин и условий формирования антисоциальной личности преступника, выявление внутренних причин и условий формирования данного вида поведения. Эти меры индивидуальной профилактики должны воздействовать как на саму личность преступника, так и на окружающую ее среду [7, с. 106]. Воздействие на лиц, обладающих склонностью к совершению насильственной преступности или совершивших в прошлом данный вид общественно опасного деяния, позволит оказать благоприятное влияние на криминологическую ситуацию в этой области и снизить количество рецидивов или новых преступлений.

Процесс индивидуальной профилактики складывается из ряда этапов, которые связаны между собой. Во-первых, это выявление лиц, которые ведут антиобщественный образ жизни и склонные к совершению преступлений насильственного характера. Далее необходимо поставить вышеуказанную категорию лиц на учет в ОВД, что позволит контролировать поведение таких граждан. Во-вторых, следует определить причины антиобщественного поведения, а также условия, которые способствуют этому поведению, что позволит подобрать более эффективные программы для конкретного лица. В-третьих, нужно принять меры для устранения указанных причин и условий, толкающих лицо на совершение того или иного деяния. Это позволит нейтрализовать все триггерные факторы, что может облегчить работу в дальнейшем [8, с. 67]. В-четвертых, необходимо применение разнообразных форм и методов профилактического воздействия, предусмотренных действующим законодательством. Выявление лиц, нуждающихся в индивидуальной профилактике, определяется на основе информации, которую получают ОВД от различных категорий граждан, медицинских учреждений, административных предприятий, учреждений образования, суда, прокуратуры, служб социальной защиты и др.

Нами видится одним из наиболее перспективных направлений совершенствования профилактической деятельности по предупреждению насильственной преступности предоставление ОВД широких возможностей по использованию социальных сетей. Учитывая динамичное развитие информационных технологий, сегодня практически каждый член нашего общества так или иначе погружен в виртуальную среду, откуда он черпает информацию. Данный шаг позволит осуществить предупредительное информационное воздействие практически на всех людей, проживающих на территории Республики Беларусь.

Таким образом, основной задачей системы предупреждения является недопущение совершения новых насильственных преступлений путем оказания профилактического воздействия на лиц, которые ранее уже нарушили уголовный закон и понесли за это наказание, путем бесед с категорией лиц, ведущих антисоциальный образ жизни. Однако на практике применение мер предупреждения и профилактики до сих пор имеет ряд вопросов, которые требуют ряд изменений и дополнений. К одним из них можно отнести недостатки в осуществлении индивидуально профилактического воздействия на лицо, имеющее антисоциальное поведение, а также мягкость наказания за совершенное преступление, предусмотренное законодательством. Так, например, многие исследователи данной области отмечают, что наказание за насильственные преступления небольшой тяжести является достаточно мягким, что

обусловливает дальнейший рост тяжких и особо тяжких насильственных преступлений, а лица, в отношении которых не применяются меры исправления со стороны государства, как правило, совершают более тяжкие преступления. При этом следует учитывать, что большая часть насильственных преступлений возникают вследствие семейно-бытовых конфликтов, злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами и психоактивными веществами и требуют комплексного подхода к их профилактике.

К тому же, несмотря на принимаемые ОВД меры по предупреждению насильственной преступности, в большей степени, система предупреждения носит формальный характер. Это во многом связано с нагрузкой на сотрудников ОВД, которые в большей степени занимаются расследованием, розыском преступников. Следствием формального подхода является рост преступности, повторное совершение преступлений осужденными лицами. Таким образом, данный вопрос требует более тщательного анализа для выявления более эффективного использования мер предупреждения правоохранительными органами.

Подведем итог. Существует ряд мер правоохранительных органов, которые направлены на профилактику и предупреждение насильственных преступлений. Данные мероприятия способствуют улучшению общественной безопасности населения. Пренебрежение этими мерами ОВД могут привести к повторному совершению преступлений насильственного характера, а также поспособствовать вовлечению новых участников в совершение преступлений. Следовательно, меры, направленные на профилактику насильственных преступлений, играют важную роль в нашем обществе. Для наибольшей эффективности предупреждения насильственных преступлений нами предлагается активно использовать социальные сети, которые позволят осуществить предупредительное информационное воздействие на граждан Республики Беларусь. Это также даст возможность донести суть профилактической сентенции до каждого члена общества.

Список использованных источников

1. Исупова, Е.А. Правовые взгляды Беккариа / Е.А. Исупова, Ю.А. Гаврилова // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». – 2019. – № 7. – С. 98–102.
2. Чубукова, А.А. Предупреждение насильственной преступности и хулиганства / А.А. Чубукова, Д.В. Жих // Проблемы науч. мысли. – 2024. – Т. 1, № 1. – С. 107–112.
3. Насильственная преступность: новые угрозы : сб. науч. тр. / Акад. права и упр. Минюста России, Ин-т гуманитар. образования ; под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко. – Рязань : Акад. права и упр. Минюста России, 2004. – 246 с.

4. Тимошина, Е.М. Теоретические и правовые основы понятий «семейное насилие» и «семейная насильственная преступность» / Е.М. Тимошина // Рос. следователь. – 2022. – № 1. – С. 47–50.

5. Ондар, Ю.О. Насильственная преступность: понятие, причины и условия / Ю.О. Ондар // Студенч. форум. – 2019. – № 28. – С. 66–67.

6. Терещенко, М.А. Состояние и основные тенденции насильственной преступности в семье / М.А. Терещенко // NovaInfo.Ru. – 2020. – № 115. – С. 59–60.

7. Золотухин, С.Н. Уличная насильственная преступность: понятие, криминологическая характеристика и виктимологические аспекты предупреждения : учеб. пособие / С.Н. Золотухин, К.В. Михайлов ; Челябин. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Челябинск : Челябин. юрид. ин-т МВД России, 2006. – 106 с.

8. Куковский, А.В. Специфика мотивации насильственной преступности и роль конкретной жизненной ситуации в совершении насильственной преступности / А.В. Куковский, Т.Ю. Наумова, О.В. Шляпникова // Интернаука. – 2023. – № 17-4. – С. 66–68.

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2024 г.

Статьи победителей и призеров

УДК 343.2

А.О. Азаренко, студент факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.А. Реутская*

УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ

Правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, представляет собой сложный и многогранный вопрос в науке уголовного права. Данный вопрос требует глубокого анализа, так как затрагивает фундаментальные права и свободы граждан, принципы законности и справедливости, а также эффективное функционирование правоохранительной системы. Комплексное исследование условий правомерности причинения вреда при задержании необходимо для обеспечения баланса между защитой общественных интересов и правами подозреваемых, что обусловило актуальность проводимого исследования.

В теории уголовного права с учетом положений ст. 35 УК выработан ряд условий, характеризующих основания возникновения права на причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. При этом следует отметить, что одни признаки, заложенные в исследуемых условиях, четко сформулированы в законе, а другие по своему характеру оценочны ввиду отсутствия законодательного закрепления. Грамотное применение уголовного закона при установлении этих признаков во многом зависит от их единообразного толкования в правоприменительной практике.

Заложенные законодателем в ст. 35 УК условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, можно разделить на две группы:

условия, которые относятся к правомерности задержания лица, совершившего общественно опасное деяние;

условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние.

Важнейшие условия правомерности задержания предусмотрены в ч. 1 ст. 35 УК: «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, при его задержании для передачи органам власти и пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, когда оно пытается или может скрыться от следствия или суда, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер».

Из приведенного определения, которое регламентирует условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, можно выделить условия, относящиеся к правомерности самого задержания:

совершено преступление, а не иное правонарушение;

задерживается именно то лицо, которое совершило это преступление;

своевременность задержания;

необходимость задержания.

Для правомерности действий по задержанию преступника требуется, чтобы они совершались в отношении лица, о котором достоверно известно, что именно оно совершило общественно опасное деяние. Об очевидном общественно опасном характере деяния могут свидетельствовать следующие ситуации: лицо застигнуто на месте совершения преступления или непосредственно после его совершения; очевидцы, в том числе потерпевшие, прямо указывают на лицо, совершившее преступление; вынесено постановление о розыске и др. Если предположение задерживающего о лице, подлежащем задержанию, основано только на ничем не обоснованных догадках, то применение насильственных мер задержания недопустимо, так как оно может привести к нарушению конституционных прав граждан. И поэтому соблюдение данного условия необходимо для защиты граждан от насильственных действий, вызванных необоснованным подозрением в совершении преступления.

Уголовное законодательство Республики Беларусь рассматривает задержание лица, осуществляющего задержание преступника, которое по обстоятельствам дела не должно или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, как мнимое задержание, и предполагает оценивать подобные действия как ошибку (ст. 37 УК). Из-за отсутствия специального нормативного правового акта, разъ-

ясняющего особенности задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, ч. 1 ст. 37 УК содержит общую формулировку «обстоятельств дела», смысл которой не совсем понятен при буквальном толковании. Если обратиться к законодательству Российской Федерации, а именно к постановлению Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», то можно найти описание данных «обстоятельств дела». Так, в соответствии с п. 24 к ним могут относиться: заблуждение лица относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, когда за преступление принимается административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо невменяемого лица.

Третьим условием, которое носит оценочный характер, является своевременность задержания, т. е. его реализация в определенных временных рамках. Оно возникает с момента начала осуществления приготовления к преступлению. Конечной временной границей права на задержание выступает следующее: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, исполнение обвинительного приговора, декриминализация деяния, вынесение оправдательного или отмена обвинительного приговора, издание соответствующего акта амнистии или помилования. Однако нерассмотренным остается аспект, связанный с влиянием поведения задерживаемого на момент окончания права на задержание. Так, например, не может продолжаться существование права на задержание в случае, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, после неудачной попытки скрыться дает согласие на добровольное следование в органы власти. Данная ситуация вполне возможна в объективной действительности, поэтому таким критерием следует пополнить перечень обстоятельств окончания права на задержание. О намерении злоумышленника сдать могут свидетельствовать следующие действия: снижение скорости движения вплоть до остановки, поднятие над головой рук и оружия, устные заявления о добровольной сдаче и следованию в правоохранительные органы и иное.

Четвертое условие правомерности причинения вреда при задержании связано с поведением лица, совершившим общественно опасное деяние.

Возвращаясь к положению ч. 1 ст. 35 УК, причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, может иметь место лишь в том случае, когда оно пытается или может скрыться от следствия или суда. К таким ситуациям можно отнести попытку злоумышленника скрыться с места преступления или когда тот совершает бегство от задерживаемого лица.

Ко второй группе условий на основе анализа ч. 1 ст. 35 УК можно отнести следующие:

- вред причиняется преступнику, а не третьим лицам;
- вред причиняется с целью доставления преступника в органы власти;
- вред является вынужденным;
- вред соответствует опасности совершенного преступления и обстановке задержания.

Первое условие предусматривает причинение вреда только лицу, совершившему общественно опасное деяние, а не третьим лицам. Исходя из этого ни при каких условиях не может быть оправдано причинение вреда не лично злоумышленнику, а третьим лицам (например, захват родных и близких с целью побудить его сдаться властям). Такие действия будут квалифицироваться как преступление на общих основаниях.

Вторым условием правомерности института задержания является направленность действий задерживающего на достижение целей доставления лица, совершившего общественно опасное деяние, в органы власти, а также пресечения возможности совершения им новых общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом. На основании вышеуказанного можно предположить, что если задерживаемое лицо не удалось доставить в органы власти и ему была причинена смерть, то на подобные последствия не будут распространяться положения обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако на практике все гораздо сложнее. Так, например, в 2015 г. в г. Орша при задержании сотрудниками правоохранительных органов был убит мужчина, который с угрозами о расправе пытался ворваться в квартиру своей бывшей жены [1].

В уголовно-правовой литературе некоторые авторы (Ю.М. Ткачевский и А.Г. Кибальник) придерживаются позиции, что цель доставления лица, совершившего преступное посягательство, органам власти исключает возможность причинения смерти задерживаемому. В случае причинения смерти при задержании указанные действия в любом случае будут являться противоправными [2, с. 231]. По мнению Э.Л. Сидоренко и М.И. Камбамбетова, в ряде случаев возможно причинение смерти злоумышленнику при задержании, но такие действия должны подлежать рассмотрению по правилам необходимой обороны [3, с. 40].

В связи с отсутствием пояснения на законодательном уровне и наличием различных мнений по данному вопросу автор придерживается мнения о том, что закон не ставит обязательное условие для достижения цели задержания. Следовательно, причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, будет признаваться

правомерным и в тех случаях, когда задерживаемый не был доставлен в правоохранительные органы. Таким образом, следует установить, что ключевое значение ч. 1. ст. 35 УК придается наличию соответствующей цели, а не фактическому ее достижению.

Третьим условием правомерности института причинения вреда при задержании является вынужденность такого причинения вреда, когда иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным. Из данного условия можно выделить два вопроса, на которые уголовным законодательством не дано никаких разъяснений: что относится к иным средствам и в чем проявляется невозможность задержания иными средствами?

Представляется, что «иные средства задержания» можно охарактеризовать так: их осуществление возможно только перед началом применения силовых мер, данные средства не сопряжены с причинением вреда. При рассмотрении первой особенности следует акцентировать внимание на том, что применение силовых мер осуществляется в определенном порядке, согласно которому в качестве обязанности значится предупреждение об их применении. Такое основание можно наблюдать в Законе Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 390-3 «Об органах государственной безопасности», где ст. 19 закреплено, что применению физической силы, специальных средств, боевой и специальной техники, оружия должно предшествовать четко выраженное и очевидное для лица, против которого они могут быть применены, предупреждение о намерении их применить с предоставлением достаточного времени для выполнения законных требований, за исключением случаев, когда промедление в их применении создаст непосредственную опасность для жизни сотрудника органов государственной безопасности или иных граждан либо может повлечь иные тяжкие последствия.

Однако проблемным выступает тот факт, что законодателем в уголовном законе не предусмотрена обязанность предупреждения о намерении применить силовые средства, так как такое предупреждение может выражаться как в устной форме, так и в виде конклюдентных действий. Например, предупреждением в устной форме будет считаться голосовая фраза: «Выпускаю собаку!» или «Буду стрелять!». О предупреждении в форме конклюдентных действий свидетельствуют демонстрация специальных средств, обнажение оружия, предупредительный выстрел [4, с. 66]. Правовое закрепление термина «предупреждение о намерении применить силовые средства» позволит судебным органам при осуществлении правосудия отнести такое предупреждение к доказательствам невиновности субъекта задержания, если вследствие пред-

варительного применения этих мер в установленном законом порядке вред был все-таки причинен.

Проанализировав и раскрыв первый вопрос, приступим к рассмотрению второго. Ответ на данный вопрос можно найти, вернувшись к положению вышеуказанной ст. 19. Фраза «за исключением случаев, когда промедление в их применении создаст непосредственную опасность для жизни сотрудника органов государственной безопасности или иных граждан либо может повлечь иные тяжкие последствия» является примером ситуации, когда невозможно произвести задержание иными средствами.

Рассматривая допустимость причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние при его задержании как условие правомерности, отметим, что причинение вреда непосредственно связано с превышением мер, необходимых для задержания такого лица, которые указываются в ч. 2 ст. 35 УК.

Резюмируя изложенные положения об условиях правомерности причинения вреда при задержании лица, следует отметить следующее:

1. Комплексное исследование условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, является важным и актуальным направлением в современной юридической науке.

2. Оценочные понятия играют ключевую роль в определении условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Правильное понимание и применение этих понятий необходимо для формирования единообразной правоприменительной практики и укрепления правопорядка.

3. Целесообразно разработать отдельный нормативный правовой акт на уровне постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, регламентирующего условия и пределы причинения вреда в процессе задержания лица, совершившего общественно опасное деяние. Оно будет способствовать улучшению правоприменительной практики, защите прав граждан и повышению эффективности деятельности правоохранительных органов.

Список использованных источников

1. В Орше при задержании был убит мужчина, страдающий психическим расстройством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.21.by/incident/2014/10/05/999109.html>. – Дата доступа: 09.02.2024.

2. Уголовное право : с 2 т. Т. 1. Общая часть : учеб. для акад. бакалавриата / А.В. Наумов [и др.]. – М. : Юрайт, 2017. – 410 с.

3. Агафонов, В.В. Факторы, которые влияют на квалификацию убийства при превышении мер задержания лица, совершившего преступление / В.В. Агафонов // Полицейская и следственная деятельность. – 2023. – № 2. – С. 38–47.

4. Плэмэдялэ, И.Г. Актуальные проблемы ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» / И.Г. Плэмэдялэ // Рос. следователь. – 2021. – № 5. – С. 64–68.

УДК 343.985

Е.В. Борисевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КВАРТИРНЫМ КРАЖАМ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ

Обратившись к вехам исторического развития нашего государства, маловероятно, что нам удастся узнать точную дату факта выявления кражи чужой вещи, которая была бы зафиксирована. Однако если в какой-либо определенный момент развития общественных отношений на территории нынешнего белорусского государства столь распространенный порок не рассматривался с точки зрения общественно опасного деяния, за совершение которого на официальном уровне установлена ответственность, то такое положение дел в корне изменилось с течением времени.

Сегодня на законодательном уровне особое место отводится вопросам права собственности – центральному элементу любой правовой системы. И поэтому оно защищается посредством закрепления положений в нормативных правовых актах страны, как и иные принадлежащие гражданам блага. Важность отмеченного аспекта подчеркивается в первую очередь в Основном законе Республики Беларусь – Конституции. Ее положения устанавливают следующее: государство гарантирует каждому право собственности и содействует ее приобретению. Неприкосновенность собственности охраняется законом. Обозначим, что в нашем случае мы рассматриваем вопросы проникновения в жилище, которое охраняется Конституцией Республики Беларусь, в частности гарантируется неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Такое преступление, как кража с проникновением в жилище, влечет за собой нарушение сразу двух конституционных принципов.

Следует отметить, что невозможность правоохранительных органов обеспечить неприкосновенность жилища граждан и предотвратить пре-

ступные посягательства на их имущество подрывает доверие к государству. Противодействие квартирным кражам на протяжении многих лет остается проблемным вопросом в деятельности органов внутренних дел, так как заставляет снова и снова возвращаться к поиску современных подходов к организации и тактике борьбы с указанными преступлениями.

Возрастающее с каждым годом развитие научно-технического прогресса влечет за собой значительные изменения во многих сферах жизнедеятельности общества. Современные разработки упрощают производство определенных действий, повышают эффективность их выполнения, открывают новые горизонты осуществляемой работы в тех или иных направлениях.

Не является исключением и правоохранительная деятельность, процессы внедрения технологий и достижений науки в которую уже запущены, но развиваются не такими быстрыми темпами, как того требует действительность. Органы внутренних дел предпринимают попытки действовать на упреждение, вместе с тем часто удается только поспевать следить за изменениями в структуре и деятельности преступного мира (используемыми средствами, способами, методами, приемами и т. п.) в лучшем случае.

Наиболее подвержены кражам с проникновением в жилище крупные города, что является вполне естественным из-за их большой населенности. Здесь необходимо упомянуть, что положительную роль в профилактике и раскрытии краж из квартир г. Москвы сыграло внедрение на ее территории единой системы городского видеонаблюдения, создание информационно-аналитических отделов, занимающихся изучением видеозаписей. Это позволило получать оперативно-значимую информацию о преступниках, их приметах, используемом автотранспорте, маршруте передвижений и ином. На территории Республики Беларусь в том числе внедрена подобная система, однако она требует беспрекословного совершенствования и улучшения, так как на данный момент даже камер видеонаблюдения в столице недостаточно для получения эффекта, сопоставимого с Москвой. При достаточном финансировании эта проблема поддается решению, так как наша страна не располагает на столь обширной территории, как Российская Федерация. Порой просмотр записей с камер видеонаблюдения выступает наиболее быстрым, менее затратным и эффективным способом раскрытия указанной категории общественно опасных деяний. Подобные изменения повлекут за собой следующее: преступления данного вида из крупных городов переместятся в регионы.

Следовательно, на данном этапе развития нашего суверенного государства, с учетом совершенствования способов подготовки и соверше-

ния квартирных краж, сотрудники подразделений уголовного розыска должны повышать свой профессиональный уровень, грамотно проводить работу по сбору доказательной базы как на первоначальном этапе – после обнаружения факта хищения, так и в процессе дальнейшего оперативного сопровождения уголовного дела. Указанные выше обстоятельства подтверждают то, что в настоящее время органам внутренних дел необходимо решать вопросы, непосредственно возникающие в их деятельности, из года в год снижающие производительность как таковую, при этом не оставляя всестороннего внедрения в нее достижений научно-технического прогресса. В силу того, что внедрение современных технологий требует достаточного количества финансов и времени, остановимся на рассмотрении более узких проблем.

Для повышения в перспективе эффективности деятельности органов внутренних дел в сфере борьбы с кражами из квартир граждан представляется возможным принять ряд организационно-управленческих и организационно-тактических мер оперативно-розыскного характера.

Раскрытие преступления во многом зависит от качества проведенной работы на месте происшествия составом следственно-оперативной группы. Если профессиональный уровень оперативного состава в группе является низким, то и результаты будут соответствующими. Достаточно сложно обеспечить выезд на место происшествия по факту совершения квартирной кражи только опытных сотрудников (в отдельных регионах количество молодых сотрудников, склонных допускать ошибки и недочеты в своей деятельности, преобладает). Представляется возможным обеспечить изучение сотрудниками уголовного розыска территориальных подразделений алгоритма действий после получения информации о совершении квартирной кражи и перечня вопросов, подлежащих выяснению.

Необходимо наладить эффективное взаимодействие со следственными подразделениями в процессе расследования уголовных дел по фактам краж, связанных с незаконным проникновением в жилище. Отмечается ненадлежащая организация исполнения поручений следователей районных отделов Следственного комитета. Отсутствует целенаправленная и планомерная работа по проверке информации о причастности к совершению преступлений конкретных лиц. Поручения следователей по уголовным делам, например, в части проверки на причастность к их совершению лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, нередко исполняются формально, о чем свидетельствуют факты проверок, проводимых в территориальных органах внутренних дел. Рапорты о результатах мероприятий идентичны, меняется только дата их составления, что ставит под сомнение сам факт их проведения. Важным выступает обеспечение предварительного расследования, а именно, про-

ведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на сбор информации, содержащей совокупность фактических данных об обстоятельствах расследуемого преступления.

Отметим, что в случае возникновения трудностей в раскрытии кражи с проникновением в жилище имеющимся оперативным составом органа внутренних дел должна иметь место практика откомандирования сотрудников вышестоящих органов, например, управления внутренних дел области, которые окажут соответствующую помощь.

Не следует упускать из виду и активизацию взаимодействия с участковыми инспекторами милиции либо сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции. Ими осуществляется контроль за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, ранее судимыми за совершение квартирных краж. Данное взаимодействие будет направлено на выявление и предупреждение преступлений, совершаемых поднадзорными, а также лицами, ведущими асоциальный образ жизни.

Целесообразно организовать своевременное поступление информации от соответствующих органов уголовно-исполнительной системы о лицах, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за совершение квартирных краж, находящихся в местах лишения свободы и намеревающихся продолжить преступную деятельность после освобождения, а также об их преступных связях с лицами, находящимися на свободе и занимающихся противоправной деятельностью.

Через средства массовой информации и официальные сайты МВД Республики Беларусь важно осуществлять информирование населения о способах и средствах правомерной защиты от преступных посягательств, а также использовать средства массовой информации и интернет-площадки в вопросах организации поиска лиц, совершающих квартирные кражи, и похищенного имущества граждан. На постоянной основе необходимо осуществлять просветительскую работу среди населения, направленную на соблюдение элементарных способов обеспечения безопасности своих жилищ, в том числе возможности установки системы охранной сигнализации. В современных реалиях для преступников облегчилась задача выбора предмета посягательства. Стремительное развитие высоких технологий повлекло за собой частичный переход быта людей в информационную сферу. Стало проще самоутверждаться, публикуя определенные достижения, которыми есть желание поделиться, в социальных сетях. Социальной сетью, содержащей в себе наибольшее количество информации о быте граждан, можно назвать Instagram, так как ее изначальное предназначение связано именно с размещением на личных страницах пользователей предпочитаемого фото- и видеоконтента, а не с осуществлением переписки. Преступники осуществляют

поиск интересующих сведений и на иных интернет-ресурсах («ВКонтакте», Viber, Telegram, «Одноклассники» и др.). По итогам анализа указанных источников квартирные воров могут получить представление о хозяевах, жилище, в котором они проживают, ценностях, которыми владеют и др. Такой способ сбора информации позволяет злоумышленникам проводить подготовку к совершению преступления еще быстрее и качественнее, минимизируя свои появления в предполагаемом районе совершения преступления до начала осуществления активных действий. Для органов внутренних дел данное обстоятельство влечет за собой постановку задачи проведения профилактической работы, учитывающей современные тенденции.

Криминолог Р.А. Семенюк отдельно рассматривает вопрос приобретения похищенного имущества. По итогам совершенной квартирной кражи, которую не удалось своевременно пресечь, преступник завладевает желаемым имуществом и решает, как ему распорядиться им в дальнейшем. Это посткриминальное поведение приобретает решающее значение в процессе осуществления подразделениями уголовного розыска действий, направленных на раскрытие общественно опасного деяния – производство первоначальных, неотложных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Само по себе имущество часто не будет являться конечным результатом, ведь преступнику понадобятся денежные средства, либо выбор способа сокрытия следов преступления, выражающегося в хранении имущества в надежном месте на время активной деятельности правоохранительных органов с последующим его сбытом. Определение мест хранения или сбыта похищенного рассматривается как один из наиболее результативных способов раскрытия преступлений, сопряженных с хищением. Имущество является чем-то определенным, существующим в реальной действительности, следовательно, после совершения общественно опасного деяния оно также не исчезнет бесследно (за исключением его уничтожения). Без установления причинно-следственной связи между деянием, похищенным имуществом и преступником затруднительно собрать достаточную доказательственную базу для привлечения виновного к уголовной ответственности.

Так, отметим важный аспект – слабую работу по возмещению похищенного имущества. В большинстве случаев после установления лица, совершившего преступление, и его задержания похищенное имущество и ценности потерпевшим не возвращаются. Необходимо, чтобы похищенное имущество устанавливалось и возвращалось подразделениями уголовного розыска, а при невозможности этого обязательно компенсировалось преступниками потерпевшим. Для исследуемой темы ука-

жем, что в докладе на республиканском координационном совещании по борьбе с преступностью и коррупцией заместитель МВД – начальник криминальной милиции Г.А. Казакевич обозначил, что большинство уличенных в повторных злодеяния составляют неработающие. Для минимизации рисков совершения очередных преступлений с их стороны подразделения внутренних дел совместно с органами по труду и социальной защите должны обеспечивать надлежащий контроль в течение года трудовой деятельности судимых, воспользовавшихся помощью службы занятости. В случае увольнения таких лиц определен порядок взаимодействия заинтересованных госорганов для повторного решения вопроса их трудоустройства. Законом предусмотрена обязанность виновного возместить нанесенные потери, однако выполнить данное требование он сможет только в случае наличия заработка как такового. Именно поэтому порядок контроля трудовой деятельности судимых выступает достаточно эффективной мерой.

На основании изложенного представляется возможным сделать соответствующий вывод. Ретроспективный анализ показал, что факты кражи личного имущества граждан из домов и квартир известны с глубокой древности, искоренить их человечеству вряд ли удастся. Достичь такого эффекта в настоящее время выглядит утопией, хотя двигаться в этом направлении стоит. В силах органов внутренних дел свести количество нераскрытых краж с проникновением в жилище к минимуму, в чем им поможет оптимизация уже проводимой работы, выведение ее на новый организационный уровень с учетом достижений научно-технического прогресса и разработкой новых средств, приемов и методов профилактики, пресечения и раскрытия указанных преступлений.

УДК 342.9

В.И. Буданов, слушатель факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.Н. Крюков*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ В СИСТЕМЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ВЗЫСКАНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В 2021 г. в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) появился новый для административно-деликтного законодательства вид взыскания – общественные работы. По задумке

законодателя он должен был стать альтернативой административному аресту и штрафу.

Согласно ч. 1 ст. 6.5 КоАП общественные работы заключаются в выполнении физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных работ, направленных на достижение общественно полезных целей.

Рассматриваемая мера ответственности также известна административно-деликтному законодательству стран СНГ и западной Европы. Так, в КоАП Российской Федерации она появилась в 2012 г., Кыргызстана – в 2015 г., Узбекистана – в 2023 г. При этом в ее правовом регулировании существует ряд значительных отличий.

В КоАП Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ вместо понятия «общественные работы» используется термин «обязательные работы». Порядок их применения урегулирован ст. 3.13 Кодекса. Обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Они назначаются судьей и устанавливаются на срок от 20 до 200 часов. Постановление судьи о назначении обязательных работ исполняется судебным приставом-исполнителем.

В случае уклонения лица, которому назначено административное наказание в виде обязательных работ, от их отбывания, выразившегося в неоднократном отказе от выполнения работ, и (или) неоднократном невыходе такого лица на обязательные работы без уважительных причин, и (или) неоднократном нарушении трудовой дисциплины, подтвержденных документами организации, в которой лицо отбывает обязательные работы, судебный пристав-исполнитель составляет протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 20.25 КоАП Российской Федерации. Уклонение от отбывания обязательных работ влечет за собой наложение административного штрафа в размере от пятидесяти тысяч до трехсот тысяч российских рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток.

Порядок применения общественных работ в Кыргызской Республике урегулирован Кодексом о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128. Согласно ст. 30 названного правового акта общественные работы заключаются в выполнении правонарушителем в свободное от основной работы или учебы время бесплатного труда в пользу общества и государства. Они назначаются судом на срок от восьми до 40 часов, а несовершеннолетним от шестнадцати до восемнадцати лет – от четырех до 20 часов. Общественные работы не могут применяться к женщинам в возрасте

свыше пятидесяти пяти лет и мужчинам свыше шестидесяти лет, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, лицам с ограниченными возможностями по здоровью, имеющим инвалидность первой и второй групп. Запрещается также привлечение к общественным работам в ночное время. При привлечении правонарушителя к общественным работам не должны использоваться токсические, радиоактивные и другие вещества, наносящие вред здоровью и жизни правонарушителя. Статьей 51 предусмотрено право суда в случае уклонения от общественных работ более двух раз заменить взыскание арестом на срок до пяти суток (если за основное взыскание предусмотрен арест), в остальных случаях – штрафом.

Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности претерпел ряд изменений в 2023 г. Так, ч. 1 ст. 23 дополнена п. 4¹ – обязательное привлечение к оплачиваемым общественным работам. Статьей 28¹ Кодекса установлено, что обязательное привлечение к оплачиваемым общественным работам заключается в принудительном привлечении правонарушителя к выполнению общественно полезных общественных работ и назначается судом на срок от восьми до 240 часов. Если правонарушитель учится, общественные работы будут выполняться в свободное от учебы время. Места (объекты), на которых правонарушители могут отбывать оплачиваемые общественные работы, и вид оплачиваемых общественных работ определяются органами, ведающими исполнением данного наказания, – подразделениями пробацции органов внутренних дел. Оплачиваемые общественные работы не применяются к лицам, достигшим пенсионного возраста, не достигшим восемнадцати лет, беременным, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, лицам с инвалидностью первой и второй групп, лицам, имеющим постоянную работу, военнослужащим. Пятьдесят процентов заработной платы лиц, привлекаемых к оплачиваемым общественным работам, направляется на погашение задолженности по алиментным обязательствам. В случае уклонения правонарушителя от отбывания наказания суд заменяет не отбытый срок оплачиваемых общественных работ наказанием из расчета один день административного ареста за четыре часа оплачиваемых общественных работ либо штрафом в размере одной базовой расчетной величины за восемь часов оплачиваемых общественных работ. При этом срок административного ареста не должен превышать пятнадцати суток, а размер штрафа не должен превышать двадцатикратного размера базовой расчетной величины.

Кодекс Республики Молдова от 24 октября 2008 г. № 218-XVI о правонарушениях в ст. 37 закрепил меру ответственности – неоплачиваемые

мый труд в пользу общества. Взыскание состоит в привлечении правонарушителя – физического лица в свободное от основной работы или учебы время к работам, определенным органом местного публичного управления. Неоплачиваемый труд в пользу общества назначается на срок от 10 до 60 часов и отбывается от двух до четырех часов в день. В случае неработающего правонарушителя, не занятого в основной деятельности или учебой, по его просьбе или с его согласия наказание может отбываться до восьми часов в день. Неоплачиваемый труд в пользу общества может быть применен только к лицам, давшим согласие на исполнение такого наказания. Подобное согласие не требуется в случае привлечения лица к ответственности по статьям «Насилие в семье» и «Неисполнение незамедлительного ограничительного предписания». После вынесения судебного решения председательствующий в судебном заседании разъясняет суть наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества, о чем делается отметка в протоколе судебного заседания. С правонарушителя, которому назначено наказание в виде неоплачиваемого труда в пользу общества, берется письменное обязательство явиться в 10-дневный срок в орган пробации по месту жительства. В случае уклонения от неоплачиваемого труда в пользу общества это наказание заменяется арестом за правонарушение из расчета один день ареста за два часа неоплачиваемого труда в пользу общества. Взыскание не может применяться к военнослужащим по контракту и лицам, не достигшим 16-летнего возраста. Военнослужащие срочной службы и военнослужащие сокращенной службы, которым назначено наказание в виде неоплачиваемого труда в пользу общества, исполняют данное наказание за правонарушение в воинской части.

Виды административных взысканий в Кодексе правонарушений Республики Польша от 20 мая 1971 г. значительно отличаются от ранее рассмотренных. Неоплачиваемая контролируемая работа в социальных целях не является самостоятельной мерой ответственности, а является частью взыскания в виде ограничения свободы. Согласно § 2 ст. 20 Кодекса во время отбывания наказания в виде ограничения свободы правонарушитель не может менять место постоянного жительства без согласия суда, обязан выполнять неоплачиваемую контролируемую работу в социальных целях, обязан давать объяснения по поводу хода отбывания наказания. Обязанность по неоплачиваемой контролируемой работе заключается в выполнении труда в медицинском учреждении, учреждении социального обеспечения, организации или учреждении, оказывающем помощь в целях благотворительности или на благо местного сообщества в объеме от 20 до 40 часов. В отношении работающего лица суд

вместо названного взыскания может распорядиться об удержании от 10 до 25 % заработной платы правонарушителя в пользу государственного казначейства или социальной цели, указанной органом, выносящим решение. В период отбывания наказания правонарушитель не может без согласия суда прекратить трудовые отношения. Если наказанное лицо уклоняется от отбывания наказания в виде ограничения свободы или от выполнения возложенных на него обязанностей, а также в случае, если лицо отбыло лишь часть наказания в виде ограничения свободы, суд назначает замену наказания в виде содержания под стражей в размере, соответствующем оставшейся части наказания в виде ограничения свободы, подлежащей исполнению, исходя из того, что один день заменяющего наказания в виде ареста равен двум дням ограничения свободы. Решение о замене наказания может быть обжаловано.

Среди видов взысканий Кодекс Литовской Республики об административных правонарушениях от 25 июня 2015 г. № XII-1869 также предусматривает общественные работы (п. 3 ч. 1 ст. 23). При этом, как указано в ч. 2 ст. 23 Кодекса, общественные работы назначаются в качестве альтернативного административного наказания, заменяющего штраф или его часть. Они являются неоплачиваемыми, их продолжительность исчисляется в часах. Общественные работы назначаются только трудоспособным или частично трудоспособным лицам в соответствии с Законом Литовской Республики о социальной интеграции инвалидов и не могут быть назначены беременным женщинам, если это может нанести вред их здоровью, лицам, воспитывающим ребенка в возрасте до семи лет, инвалидам, которые по состоянию здоровья не могут выполнять такие работы. При этом в случае уклонения лица от исполнения общественных работ суд или иной орган своим решением обратно заменяет общественные работы штрафом.

Разнообразие форм и условий применения общественных работ в административной практике различных стран свидетельствует об их значимости в системе правопорядка. Дальнейшие усовершенствования в нормативном обеспечении и практической реализации этого вида административного взыскания могут способствовать более эффективной борьбе с правонарушениями.

Использование зарубежного опыта может помочь избежать негативных последствий и ошибок, связанных с внедрением новых или изменением существующих мер административного взыскания. Изучение опыта других государств позволяет выявить потенциальные проблемы и недочеты в применении общественных работ, что поможет разработать более эффективные и сбалансированные механизмы их реализации.

Таким образом, изучение опыта других стран в области применения общественных работ может оказаться полезным и целесообразным для совершенствования национального законодательства, его гармонизации с международными стандартами и принципами права, что является важным аспектом для обеспечения правовой справедливости и защиты прав граждан.

УДК 343.98

Д.А. Быков, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК НОВЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКИ

Исторические предпосылки возникновения электронных доказательств в уголовном процессе находят свое начало в развитии информационных технологий и цифровизации общества, которые все активнее охватывают сферы жизнедеятельности современного человека.

К электронным доказательствам мы можем отнести различные формы информации, хранящейся на электронных устройствах, в облачных хранилищах и т. д. Так, например, электронными доказательствами можно назвать цифровые следы (местоположение, время входа в систему, история поиска и др.), электронную переписку (сообщения в электронной почте, текстовые сообщения, чаты и другие формы электронной коммуникации, которые могут содержать в себе важную информацию о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении, общении между подозреваемыми и прочие ключевые детали), метаданные файлов (время создания, изменения, отправки файлов), которые в своей совокупности позволяют установить цепочку событий и связи между различными участниками преступления.

Появление электронных видов доказательств связано с постепенным переходом к цифровой эпохе, отличительной чертой которой является то, что все больше информации хранится и передается в электронном виде. Особую актуальность электронные доказательства приобретают на фоне активного перехода преступности в цифровое поле. Так, рассматривая отдельные составы преступлений, можно говорить о том, что, ведя производство по материалам проверки, должностное лицо органа

дознания работает лишь с информацией, которая, хоть и хранится на материальных носителях, однако сама по себе не носит материального характера. В первую очередь такое положение дел касается подразделений криминальной милиции по противодействию киберпреступности, активный рост объема работы которых отмечается в последние годы.

Все вышеперечисленное наталкивает на мысль о том, что в уголовном процессе активно возрастает необходимость учитывать электронную информацию, которая может служить доказательством при раскрытии преступлений.

Так, в ч. 2 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) к источникам доказательств наряду с показаниями относятся звуко- и видеозапись показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, а также хода судебных заседаний. В то же время представляется, что результатом использования цифровых технологий – электронным (цифровым) доказательством необходимо придать статус самостоятельного источника доказательств. Хотя, используя расширительное толкование, можно говорить о том, что электронные доказательства также подходят под это определение, все равно возникают обстоятельства, препятствующие буквальному соотнесению категорий «доказательство» и «электронное доказательство».

Так, наиболее остро стоит вопрос о признании полученных электронных доказательств вещественными. В ст. 96 УПК («Вещественные доказательства») дано легальное понятие вещественных доказательств. Исходя из логики данной нормы, можно вести речь о том, что законодатель предоставляет нам исчерпывающий перечень причин, по которым что-либо может стать вещественным доказательством, а именно тогда, когда оно облечено в одну из следующих форм:

- предмет, послуживший орудием или средством совершения преступления;

- предмет, сохранивший на себе следы преступления;

- предмет, ставший объектом преступных действий;

- деньги и иные ценности, добытые преступным путем;

- другие предметы и документы, которые могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого.

Вышесказанное позволяет говорить о том, что законодатель закрепил в уголовно-процессуальном законе, что вещественным доказательством может быть что-либо облаченное в материальную форму. Данное понимание не является полным в реалиях настоящего времени, так как мы не

можем говорить о том, что информация имеет описанную законодателем форму, что, в свою очередь, создает полноценный правовой пробел.

Исследуя такое явление как электронные доказательства, стоит обратить внимание на то, что в других отраслях отечественного права мы можем наблюдать определенный прогресс в исследуемой сфере.

Так, например, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ГПК) относит звукозапись, видеозапись, кино- и видеофильмы и другие носители информации к другим средствам доказывания:

«Статья 229. Звукозапись, видеозапись, кино- и видеофильмы и другие носители информации. Суд с учетом обстоятельств дела может допустить в качестве средств доказывания звукозапись, видеозапись, кино- и видеофильмы, а также записи на иных носителях информации. Их исследование осуществляется по правилам, предусмотренным для письменных и вещественных доказательств. Лица, ходатайствующие о допуске таких средств доказывания, обязаны указать технические данные о системах записи и воспроизведения, позволяющих суду воспринять информацию.

Полученные с помощью упомянутых записей и фильмов сведения оцениваются в совокупности с другими доказательствами по делу.

Не может быть использована в качестве доказательства звуко- или видеозапись, полученная скрытым путем, за исключением случаев, когда такая запись допускается законом».

Согласно данной гражданско-правовой норме мы можем с уверенностью говорить о том, что законодатель предоставляет нам открытый перечень электронных доказательств, устанавливает правила их исследования, допуска к рассмотрению в суде, оценки судом и определенные ограничения. Однако это всего лишь общие положения, которые не предоставляют нам полноценной нормы-дефиниции.

Рассмотрев данный вопрос в системе зарубежного законодательства, а именно в системе Российской Федерации, мы можем говорить о том, что их законодатель также предусмотрел открытый перечень того, что мы можем отнести к доказательствам, однако в ст. 74 («Доказательства») УПК Российской Федерации не содержится прямого упоминания электронных доказательств (например, звуко- и видеозапись показаний).

Изучив законодательство Российской Федерации более детально, мы можем выделить перечень доказательств, которые относятся к электронным. Например, на основании ст. 71 ГПК Российской Федерации законодатель к письменным доказательствам относит в том числе и акты, договоры, справки, деловую корреспонденцию, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том

числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Кроме того, в соответствии с ч. 2.1 ст. 59 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в административном процессе доказательствами являются: сведения из открытых источников, в том числе из информационных систем, доступ к которым обеспечивается на официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

В данном случае наблюдается та же проблема, что и в отечественном законодательстве: наши российские коллеги имеют открытый перечень того, что они могут отнести к электронным доказательствам, однако легального определения электронных доказательств их законодатель не предоставляет.

Учитывая все вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в уголовном процессе зарождается институт электронных доказательств, выделение которого обусловлено рядом особенностей, которые не свойственны для других видов доказательств. К такому можно отнести:

особую форму (электронные доказательства представлены в цифровом формате, что, с одной стороны, облегчает и обеспечивает удобство их хранения, с другой, такая форма информации создает условия, при которых должностным лицам органов, ведущих уголовный процесс, необходимо обладать специальными знаниями для работы с ней);

особый способ получения (электронные доказательства изымаются при помощи использования специального программного обеспечения и с применением специальных знаний);

защищенность (как правило, информация, хранящаяся на персональных компьютерах, мобильных устройствах, планшетах и других устройствах имеет хотя бы минимальный уровень защищенности (пин-код, пароль, доступ по распознаванию лица (FaceID), доступ по отпечатку пальца (TouchID) и др.), что значительно усложняет работу с ней);

многообразие (электронные доказательства могут быть представлены в различных формах информации – фотографии, видеозаписи, электронные документы, электронные сообщения и др.);

цифровой след (электронные доказательства, как никакие другие доказательства, имеют своим свойством оставлять за собой цифровой след, отслеживание которого может сыграть ключевую роль в процессе раскрытия преступления).

Актуальность последней проблемы обуславливает необходимость дополнить уголовно-процессуальное законодательство соответствующей статьей, так как рассматриваемый нами институт имеет большое значение для должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, что явно не может положительно сказаться на их деятельности.

Исходя из упомянутых выше положений и опираясь на совокупность всех перечисленных фактов, видится необходимым ввести в действующий УПК ст. 88¹ «Электронные доказательства» со следующим содержанием: «Электронным доказательством признается информация, содержащаяся на материальных электронных носителях информации, содержащих аудио-, видеозаписи, материалы фото- и видеофиксации, а также другая информация в электронной форме, имеющая значение для производства по материалам и уголовному делу», а также ст. 96 УПК «Вещественные доказательства» дополнить частью 6 со следующим содержанием: «Информация, хранящаяся на электронных носителях информации, послужившая средством совершения преступления, либо несущая в себе сведения о преступлении, либо ставшая объектом преступного посягательства, либо добытая преступным путем, либо информация, которая может послужить средством по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого».

Важность обозначенных изменений в отечественном законодательстве объясняется рядом причин. Одной из важнейших причин необходимости проведения определенной реформы является тот факт, что использование электронных доказательств может помочь обеспечить защиту прав, свобод и законных интересов граждан, так как цифровая среда в настоящее время охватывает все больше сфер жизнедеятельности человека.

Еще одной немаловажной причиной является то, что введение электронных доказательств в УПК повысит авторитетность правоохранительной и судебной систем, что выражает собой соответствие закона современным технологическим требованиям.

Внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь позволит обеспечить эффективность производства по материалам и уголовным делам в сфере высоких технологий и обеспечить законность и справедливость при рассмотрении уголовных дел в суде, а также станет важным шагом не только для отечественной, но и для мировой юстиции.

Д.Д. Васильева, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Тум А.А.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Технология искусственного интеллекта в настоящее время признается стержневой основой, определяющей уровень социально-экономического развития государства. В опубликованном Всемирной организацией интеллектуальной собственности докладе «Тенденции развития технологий искусственного интеллекта» определены наиболее перспективные области общественных отношений, в которых использование технологий искусственного интеллекта принесет наибольшую пользу странам мирового сообщества: транспорт, медицина, банковская сфера, индустрия развлечений, промышленность, сельское хозяйство и система безопасности государства. Сегодня технологии использования искусственного интеллекта находят свое распространение в различных сферах социальной жизни. Динамичный рост возможностей использования искусственного интеллекта позволяет распространяться последнему практически во все сферы социальной жизни. Это делает искусственный интеллект одним из трендов в развитии общественных отношений на современном этапе. Проведенные исследования показывают, что использование технологий искусственного интеллекта способно оказать воздействие на рост ВВП государства до 0,9 % [1, с. 78]. Значимое место занимает потенциал использования искусственного интеллекта в социальной жизни государства: образовании, медицине, коммунальном обслуживании населения, организации работы общественного транспорта и т. д. Использование искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности позволит повысить качество работы соответствующих служб по предупреждению преступности [2, с. 768]. Интеграция в общество осужденных к лишению свободы, являясь важным элементом предупреждения преступности (в том числе и рецидивной), требует проработки вопроса относительно перспектив использования технологий искусственного интеллекта в указанной сфере общественных отношений.

Говоря о влиянии использования искусственного интеллекта в деятельности органов уголовно-исполнительной системы на интеграцию осужденных, необходимо проанализировать, что понимается под интеграцией осужденных, так как указанный институт ни в доктрине

уголовно-исполнительного права, ни в законодательстве Республики Беларусь концептуально не оформлен. Вместе с тем в научном сообществе, а также среди практических работников данный термин используется достаточно часто. Несмотря на тот факт, что в доктрине уголовного и уголовно-исполнительного права идут дискуссии о выстраивании доктринального понятия «интеграция осужденных», его суть авторами видится единообразной – процесс, включающий в себя не только усилия осужденного для становления полноправным членом общества, но и его взаимодействие с обществом. Этот процесс предполагает активное участие как освобожденного осужденного, так и общества в целом, направленное на преодоление стигматизации, создание условий для восстановления личности и взаимное стремление к примирению, чтобы обеспечить интеграцию осужденных в общество.

Таким образом, интеграция осужденных в общество является показателем проведенного исправительного и воспитательного процесса. Главным отличием института интеграции осужденных от классической модели реализации уголовно-правовой репрессии, существующей сегодня в Республике Беларусь, является учет большого количества социальных факторов, способствующих (либо препятствующих) успешной интеграции осужденного в общество после отбытия наказания. Социальными факторами могут выступать как общественные институты и организации, в которых состоял до осуждения и состоит при отбывании наказания осужденный, так и социальные группы, к которым он себя причисляет.

Значимое место в осуществлении мер социально-адаптационной направленности занимает необходимость учета указанных факторов и индивидуализация закрепленных в законодательстве социально-адаптационных мер применительно к конкретному осужденному. При этом важное значение имеют социальные условия личности как до осуждения, так и после освобождения от наказания. Иными словами, универсальных социально-адаптационных решений не существует. В любом случае, необходим индивидуальный подход с учетом всех особенностей жизни осужденного как до совершения преступления, так и после отбытия наказания. Кроме социальных условий также нельзя не учитывать и физиологические, а также психологические особенности развития личности осужденного.

Для разработки эффективного комплекса мер социально-адаптационной направленности необходимо составить комплекс индивидуальных мероприятий для конкретных осужденных.

Логично будет предположить, что данный комплекс мер будет эффективным только в случае, если осужденный будет должным образом

социально обследован. Учет данных о личности осужденного позволит выработать эффективную персональную программу его интеграции. И поэтому для оптимизации работы по разработке индивидуальных интеграционных программ представляется целесообразным использование технологий искусственного интеллекта.

Одним из главных признаков искусственного интеллекта выступает способность обучаться. При этом источниками обучения искусственного интеллекта выступают: сети Интернет, внешние датчики, «Интернет вещей», информация, вводимая в память искусственного интеллекта оператором устройства [3, с. 62]. В научной литературе отмечается, что искусственный интеллект – это система, которая способна на основе полученной информации самостоятельно принимать решения [2, с. 770]. По мнению Ю.Е. Хохлова, алгоритм работы вычислительных способностей обеспечивает построение колоссальных моделей машинного обучения, которые насчитывают миллиарды используемых искусственным интеллектом параметров [1, с. 78].

Одним из ключевых элементов развития вычислительных возможностей искусственного интеллекта является большой объем массивов данных, оперируя которыми происходит его обучение. [4, с. 87]. Именно способность обучаться и на основе полученных знаний принимать самостоятельные решения делает искусственный интеллект перспективным направлением по его интеграции в правоохранительную деятельность государства. Чем больше информации, значимой для интеграции осужденных будет загружено в систему искусственного интеллекта, тем наибольшую практическую составляющую будет содержать программа интеграции осужденного.

При этом искусственный интеллект как помощник для обработки потоков данных предлагает сотруднику системы исполнения наказаний наиболее оптимальные варианты разработки индивидуальной стратегии проведения социально-адаптационных мероприятий. В свою очередь, сотрудник может принять за основу предлагаемую стратегию либо дополнить ее мероприятиями, которые на его взгляд наиболее полно и точно будут соответствовать личности осужденного. В любом случае, сотрудник посредством использования искусственного интеллекта будет освобожден от рутинной работы по разработке стратегий интеграции в общество осужденных.

Серьезным аспектом интеграции является фиксация в системе искусственного интеллекта всех поведенческих аспектов в процессе исполнения наказаний. Значимым событием использования искусственного интеллекта при реализации уголовной ответственности стало открытие в

Гонконге в 2021 г. исправительного учреждения Тай Там Гэп, где функции охраны и надзора выполняются искусственным интеллектом, благодаря чему количество сотрудников было сокращено в три раза [5, с. 150].

Можно также привести пример внедряемого в Федеральной службе исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России) IT решения под наименованием «Система распознавания лиц, поведенческого анализа и пост-анализа собранных данных в рамках цифрового профиля осужденного для корректировки программы интеграции, построенной на базе искусственного интеллекта». Внедрение указанной системы планируется во всех исправительных учреждениях. Искусственным интеллектом на основании полученной информации об осужденном с камер видеонаблюдения в исправительном учреждении выявляется сомнительное поведение осужденного, а также круг контактов последнего [5, с. 150]. Кроме того, можно привести пример разработки «Цифровой платформы среды трудовой адаптации осужденных», разработанной для ФСИН России [6]. По замыслу ее разработчиков рассмотренные выше программные продукты должны быть объединены в одну нейросеть, где на каждого осужденного заводится цифровой профиль. Вся информация, полученная в процессе исполнения наказаний об осужденном, собирается в цифровой профиль осужденного, где нейросеть фиксирует все поведенческие аспекты осужденного в процессе отбывания наказания. Обработав информацию о поведении осужденного, нейросеть предлагает должностным лицам, ответственным за взаимодействие с осужденным, наиболее оптимальную стратегию осуществления мер уголовно-правового воздействия на последнего, а также комплекс социально-адаптационных мероприятий, где в обязательном порядке учитывается как поведение осужденного в период отбывания наказания, составляя таким образом прогноз постпенитенциарного поведения осужденного. Цифровой профиль осужденного выступает первичным и краеугольным элементом, вокруг которого должна выстраиваться работа нейросети.

Нейросеть, являясь технологией искусственного интеллекта, его математической моделью, построена на принципе функционирования биологической нейронной сети – сети нервных клеток живого организма [7, с. 217]. Иными словами, нейросеть – технология, посредством которой искусственный интеллект обучается и одновременно дает обратную связь пользователю, работающему с нейросетью.

В аспекте сказанного формирование института интеграции осужденных к лишению свободы в общество предполагает разработку нейросети «Интеграция» и имплементацию ее работы в правоохранительный блок Республики Беларусь. Использование данной сети должно осу-

ществляться с момента начала реализации уголовной ответственности (привлечения в качестве обвиняемого), когда сотрудниками правоохранительного блока заводится электронный профиль, в котором аккумулируется вся информация, имеющая значение для успешной интеграции подучетного указанного лица в общество.

Таким образом, подводя итог, отметим, что концептуальная модель искусственного интеллекта для интеграции осужденных должна предполагать сбор, накопление и обработку информации о личности лица, совершившего преступление, а также сбор информации об имеющихся в обществе возможностях социальной адаптации осужденных к лишению свободы (подбор места работы, обучающих курсов, курсов медицинской реабилитации для аддиктивных личностей и т. д.). Считаем, что для эффективного оперирования собранной информацией необходима разработка нейросети «Интеграция».

Используя накопленную в процессе досудебного исследования, процессе отбытия наказания информацию, нейросеть «Интеграция» должна предлагать субъекту интеграции наиболее оптимальные варианты проведения интеграционных мероприятий индивидуально в отношении каждого объекта проводимых социально-адаптационных мероприятий. Необходимо отметить, что использование нейросети «Интеграция» предполагает не автоматизацию деятельности сотрудников, задействованных в реализацию мер уголовной ответственности, путем устранения последних от принятия решений. Нейросеть, скорее, видится инструментом, дополняющим деятельность субъектов интеграции осужденных. Предполагается, что нейросеть будет предлагать наиболее оптимальные варианты построения интеграционных стратегий в отношении отдельного лица, состоящего на учете в системе исполнения наказаний. При этом право выбора стратегии осуществления интеграционных мероприятий остается за сотрудниками, исполняющими наказания.

Предлагаемая нами нейросеть станет значимым элементом для успешного выполнения задач правоохранительными органами и достижения целей уголовной ответственности. Необходимость в обработке большого массива информации, возникающая при интеграции осужденного в общество, будет представлена для заинтересованных субъектов в обработанном виде, что позволит оперировать ею для эффективного осуществления интеграционных мероприятий. С нашей позиции, нейросеть «Интеграция» нужно внедрить во все подразделения, обеспечивающие интеграцию осужденных. Внедрение нейросети сформирует стратегию реализации уголовной ответственности путем выявления персонализированных в отношении каждого осужденного факторов,

влияющих на интеграцию, и разработает индивидуальные интеграционные программы. При этом информация, накапливаемая нейросетью, может быть использована субъектами профилактики правонарушений, что позволит создать IT-контур правоохранительного блока государства.

Список использованных источников

1. Хохлов, Ю.Е. Стандарты работы с данными для искусственного интеллекта: ландшафт стандартизации искусственного интеллекта / Ю.Е. Хохлов // Информ. общество. – 2023. – № 3. – С. 78–96.
2. Бегишев, И.Р. Криминологические риски применения искусственного интеллекта / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова // Всерос. криминолог. журн. – 2018. – № 6. – С. 767–775.
3. Остроумов, Н.В. Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта / Н.В. Остроумов // Законность и правопорядок. – 2021. – № 3. – С. 61–66.
4. Сорокумова, С.Н. Использование Data mining в изучении динамики личностного роста курсантов ведомственного ВУЗа Федеральной службы исполнения наказаний / С.Н. Сорокумова, Д.А. Курдин / Человек: преступление и наказание. – 2022. – № 4. – С. 86–95.
5. Саргсян, А.А. Перспективы цифровизации назначения и исполнения уголовного наказания / А.А. Саргсян // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 2. – С. 146–152.
7. Унижаев, Н.В. Особенности внедрения нейросетей и систем искусственного интеллекта на предприятиях электроэнергетики / Н.В. Унижаев // Вопр. инновац. экономики. – 2023. – № 1. – С. 215–232.

УДК 343.98

Э.Э. Гасымов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – старший преподаватель *А.М. Субцельный*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, СОДЕЙСТВУЮЩИХ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Проблема государственной защиты в сфере борьбы с преступностью всегда являлась актуальной, так как связана с необходимостью сохранения жизни и здоровья граждан в связи с их содействием правоохранительным органам в решении стоящих перед ними задач.

Применительно к оперативно-розыскной деятельности (ОРД) цель государственной защиты, по сути, не отличается от соответствующих

мер, применяемых в иных сферах. Вместе с тем особый статус субъектов и участников ОРД предъявляет дополнительные требования как к правовому регулированию вопросов, связанных с обеспечением безопасности, в первую очередь граждан, оказывающих или оказывавших содействие органам, осуществляющим ОРД, и их близких, сохранности их имущества от преступных посягательств, так и к организационно-тактическим аспектам применения соответствующих мер безопасности [1, л. 136].

Необходимость создания специальной системы гарантий для защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД, обусловлена в первую очередь наличием потенциальной угрозы совершения противоправных действий в отношении их (жизни, здоровья, имущества, родных, близких и т. д.) со стороны представителей криминальной среды. Создание данной системы необходимо также в целях защиты от возможных неправомерных действий должностных лиц и граждан, вызванных сотрудничеством с этими органами.

Форма содействия граждан органам внутренних дел (ОВД) детерминирует систему мер по обеспечению безопасности защищаемых лиц в сфере ОРД. Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (Закон об ОРД) определено, что при сотрудничестве на конфиденциальной основе гражданам (помимо правовой) обеспечивается социальная защита, представляющая собой создание условий для компенсации ограничений в связи с участием лица в осуществлении ОРД и предоставления им возможностей участия в жизни общества, равных с другими гражданами, а также применение мер безопасности.

Правовая защита граждан в сфере ОРД – это совокупность правовых норм, обеспечивающих безопасность жизни, здоровья, имущества граждан в связи с их участием в осуществлении ОРД. Данная защита распространяется как на граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, так и на граждан, привлеченных этими органами к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) и (или) участию в них.

Необходимо также обратить внимание и на то, что законодательством в сфере ОРД применение мер безопасности в отношении граждан, оказывающих содействие на неконфиденциальной основе, не предусмотрено, что вытекает из смысла ст. 52 и 56 Закона об ОРД.

При этом понятие конфиденциальности законодатель не раскрывает, что с практической точки зрения вызывает определенные трудности при принятии решения о применении мер безопасности в отношении лица, вовлеченного в ОРД. Нет ответа на этот вопрос и в нормативных

актах МВД Республики Беларусь, несмотря на то, что рассматриваемое понятие достаточно часто используется в практической деятельности и специальной литературе.

В нормативных правовых актах можно найти только отдельные сведения, позволяющие вести речь о признаках конфиденциальности. Так, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» понятие конфиденциальности рассматривается как свойство информации, которая не подлежит распространению или предоставлению без согласия ее обладателя или иного предусмотренного законодательством основания. Очевидно, что в данном случае признаком конфиденциальности является обеспечение тайны чего-либо.

Позиции отдельных авторов относительно исследуемого вопроса также не дают однозначного ответа. Конфиденциальность так или иначе рассматривается как неотъемлемый элемент информации, которая в этой связи наделяется определенными признаками. К ним относятся:

- 1) предотвращение возможности ее использования лицами, которые к ней причастны (А.А. Ширевский) [2, с. 12];
- 2) доступность к ней определенного круга лиц (Д.В. Иванов) [3, с. 11];
- 3) наличие правообладателя информацией (О.С. Соколова) [4, с. 12];
- 4) фиксация информации в документе (Л.Л. Арзуманова) [5, с. 19].

На наш взгляд, правовая регламентация конфиденциальности позволила бы решить ряд вопросов, связанных с определением случаев привлечения граждан к сотрудничеству оперативными подразделениями, на которые распространялось обязательство применения мер безопасности.

Признаками, позволяющими вести речь о конфиденциальности сотрудничества лица с органами, осуществляющими ОРД, по нашему мнению, являются:

сокрытие (обезличивание) персональных данных гражданина (его близких), участвующего в ОРМ, привлеченного к его подготовке и проведению, сведений о его месте жительства, имуществе от иных лиц. Это касается неотражения соответствующей информации, в том числе, в оперативно-служебных и иных документах, составляемых для проведения ОРМ и фиксации их результатов, в ведомственных информационных ресурсах;

сохранение втайне факта связи человека с правоохранительными органами в целом, что является одним из элементов конспирации при осуществлении ОРД в самом широком смысле этого слова. Посредством нераспространения информации об оказании лицом помощи в решении задач ОРД оперативное подразделение тем самым создает условия для его привлечения к проведению ОРМ в последующем;

документальное оформление оказания лицом помощи органам, осуществляющим ОРД. Кроме указанных в Законе об ОРД форм сотрудничества (по контракту или заявлению, письменным подтверждением содействия гражданина в решении задач борьбы с преступностью) может являться, например, обязательство выполнения определенных действий в рамках проводимого ОРМ, договор аренды имущества, принадлежащего лицу, доверенность на использование того или иного объекта и пр.

Для применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц необходимо наличие повода и основания. Под поводом в данном случае следует понимать источник сведений об угрозе жизни, здоровью и сохранности имущества гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие органу, осуществляющему ОРД, или его близких, а также иных сведений, свидетельствующих о необходимости применения мер по обеспечению безопасности. Однако такие сведения должны соответствовать действительности, носить реальный, а не мнимый характер. Только в таком случае можно говорить о наличии основания для применения мер по обеспечению безопасности.

В заявлении гражданина о применении мер безопасности должна содержаться информация о форме угрозы, от кого она исходит, в каких действиях проявилась, имеются ли очевидцы угрозы. Если противоправное воздействие уже было осуществлено, к заявлению должны быть приложены материалы, подтверждающие причинение вреда (например, акт медицинского освидетельствования).

Угроза – это высказанное гражданину, оказывающему или оказывавшему содействие органам, осуществляющим ОРД, или его близким с целью устрашения намерение причинить им тот или иной вред, что воздействует на их волю, вселяет страх и неуверенность в собственной безопасности и безопасности близких. Это может быть угроза убийством, причинением телесного повреждения, уничтожения или повреждения имущества. При этом виновный может угрожать причинением вреда как непосредственно гражданину, оказывающему или оказывавшему содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, так и его близким (например, ребенку).

Формы проявления угрозы включают в себя любые способы доведения устрашающей информации до сознания гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие органам, осуществляющим ОРД, его близких: посредством жестов, демонстрации оружия или иных опасных оружий, устно, письменно, через средства связи или массовой информации.

Угроза, высказанная в адрес гражданина, сотрудничающего с органами, осуществляющими ОРД, – свидетельство того, что о содействии данного гражданина указанным органам стало известно посторонним лицам.

Таким образом, для применения к лицу, сотрудничающему с оперативными подразделениями правоохранительных органов, мер безопасности необходимо наличие реальной угрозы, а также принятое компетентным государственным органом решение (в виде соответствующего постановления) об их применении.

Решение о применении мер по обеспечению безопасности или об отказе в их применении должно быть принято в течение суток после получения заявления гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, получения сведений, свидетельствующих об угрозе жизни, здоровью и сохранности имущества этого гражданина или его близких, а также иных сведений, свидетельствующих о необходимости применения мер по обеспечению безопасности.

В течение этого срока орган, осуществляющий ОРД, должен убедиться, что имеется реальная угроза жизни, здоровью и сохранности имущества гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, членам его семьи или его близким, осуществления в отношении их других противоправных действий.

Должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, приняв решение о применении или об отказе в применении мер по обеспечению безопасности, выносит соответствующее постановление, которое должно быть мотивированным. Это означает, что в нем должны быть указаны поводы и основания для применения мер безопасности, даны ссылки на соответствующие нормы Закона об ОРД. При этом если в применении мер по обеспечению безопасности будет нуждаться не только гражданин, оказывающий или оказывавший содействие органу, осуществляющему ОРД, но и члены его семьи и близкие ему лица, то выносится только одно постановление, на основании которого может быть применена любая мера по обеспечению безопасности, предусмотренная ч. 2 ст. 55 Закона об ОРД.

В постановлении указывается только то, что должны быть применены меры по обеспечению безопасности и в отношении кого. Какая конкретно мера безопасности должна быть применена, в постановлении не указывается, так как в соответствии с вышеупомянутой нормой необходимые меры по обеспечению безопасности гражданина, его близких и их имущества, а также и иные меры, не противоречащие Закону об ОРД и иным актам законодательства, устанавливает территориальный ОВД или орган государственной безопасности, которым поручено применение мер по обеспечению безопасности.

Постановление о применении мер по обеспечению безопасности незамедлительно направляется для исполнения в территориальный ОВД или орган государственной безопасности по месту жительства, работы (службы) или учебы гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие органу, осуществляющему ОРД, и его близких, в отношении которых применяются меры по обеспечению безопасности.

Мерами по обеспечению безопасности в соответствии с Законом об ОРД являются: обеспечение конфиденциальности сведений; личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; переселение на другое место жительства; изменение данных документа, удостоверяющего личность, замена документов; перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

Основаниями для отмены мер по обеспечению безопасности в отношении гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, являются:

устранение угрозы жизни, здоровью и сохранности имущества этого гражданина и его близких;

заявление этого гражданина и его близких об отмене применяемых в отношении их мер по обеспечению безопасности;

систематическое неисполнение этим гражданином и его близкими обязанностей, возложенных на них в связи с применением мер по обеспечению безопасности.

Отмена мер по обеспечению безопасности допускается только по постановлению должностного лица органа, осуществляющего ОРД, принявшего решение об их применении. И поэтому если основания для отмены мер безопасности наступили в процессе осуществления мер безопасности, то территориальный ОВД или государственной безопасности, их осуществлявший, должен обратиться в орган, осуществляющий ОРД, принявший решение о применении мер по обеспечению безопасности, с ходатайством об отмене этих мер.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что один из важнейших элементов повышения результативности сотрудничества граждан с правоохранительными органами в сфере борьбы с преступностью – обеспечение их безопасности. Это является неотъемлемым элементом деятельности по преодолению противодействия раскрытию и расследованию преступлений. В связи с этим мы полагаем, что в настоящее время существует необходимость более предметного норма-

тивного регулирования применения мер по обеспечению безопасности в сфере ОРД. Государственной защите в самом широком смысле этого слова должны подлежать все лица, сотрудничающие с оперативными подразделениями, а не только те, кто оказывает содействие на конфиденциальной основе. Следовательно, требуют изменений отдельные нормы Закона об ОРД (ст. 52 и 56).

Список использованных источников

1. Кудрявцев, Д.С. Преодоление противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д.С. Кудрявцев. – М., 2019. – 204 л.
2. Шиверский, А.А. Защита информации: проблемы теории и практики / А.А. Шиверский. – М. : Юрист, 1996. – 112 с.
3. Иванов, Д.В. О понятии конфиденциальной информации / Д.В. Иванов // Современное право. – 2008. – № 10. – С. 7–11.
4. Соколова, О.С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / О.С. Соколова. – СПб., 2005. – 27 с.
5. Арзуманова, Л.Л. Финансово-правовое регулирование обязательного аудита в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Л.Л. Арзуманова. – М., 2006. – 26 с.

УДК 343.98

Н.И. Гизовский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – старший преподаватель *Е.Л. Лужинская*

О КЛАССИФИКАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА, СОЗДАННОГО ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТМ

В эпоху цифровой трансформации искусственный интеллект (ИИ) становится все более важным инструментом в различных областях, в том числе в создании цифрового изображения человека с дальнейшим его использованием в преступных целях. Соответственно борьба с поддельным контентом, нарушающим права и законные интересы граждан, должна иметь многоуровневый комплексный характер.

В рамках рассматриваемого вопроса интерес представляет возможности исследования внешнего облика человека, измененного с применением искусственного интеллекта, а именно дипфейк-технологий, и выделение основных аспектов, касающихся алгоритма проведения исследований

данного вида объектов и превентивных мер. Итак, к данным аспектам относятся: анализ физических характеристик; анализ цифровых следов; проверка на подлинность (верификация); контрмеры и противодействие.

Дипфейк-технологии – достаточно новое и не в полном объеме изученное явление в цифровой среде, требующее формирования классификации, категориального и понятийного аппарата и пр. Изучив соответствующие литературные источники, проведя ряд собственных экспериментов по созданию дипфейк-изображений, нами были определены основные виды дипфейк-технологий, изменяющих и создающих изображения внешнего облика человека, рассмотрено их влияние на общество и выделены основные классификационные критерии.

Таким образом, в зависимости от механизма изменения изображения/видео выделяют следующие технологии:

морфинг (замена лиц): позволяет заменить лицо одного человека на лицо другого на видео или фотографии. Такие видеоролики могут создаваться с помощью специальных программ (FaceApp [1], Face Swap [2] и др.). Данные программы используют алгоритмы машинного обучения для анализа изображений и видео для точного воссоздания движения и выражения лица. Затем они «накладывают» целевое лицо на исходное изображение/видео, создавая достаточно реалистичную картинку;

генерация (создание) лиц: позволяет создавать лица людей, на самом деле не существующих. С помощью искусственного интеллекта и нейронных сетей можно сгенерировать реалистичные изображения лиц, которые не существуют в реальности. Эти «синтетические» лица могут быть использованы: в различных областях, включая развлечения, рекламу и искусственный интеллект; для создания персонажей в видеоиграх, фильмах или виртуальной реальности; для тестирования алгоритмов распознавания лиц.

Однако наряду с другими видами дипфейк-технологий существуют опасения их использования в преступных целях. «Синтетические лица» могут быть использованы для создания «фейкового» контента или мошеннических действий, поэтому важно ориентироваться в данных технологиях и быть осведомленным о потенциальных рисках.

К таким рискам относятся:

улучшение внешнего облика (так называемая «цифровая ретушь»): с помощью различных программ и фильтров можно улучшить вид внешности человека на фотографиях или видео, скрывая недостатки или добавляя эффекты, которых на самом деле нет. Это может включать в себя улучшение качества изображения, устранение шума, коррекцию цвета, улучшение освещения, сглаживание кожи, улучшение черт лица

и др. Ретушь изображения – это процесс исправления и «улучшения изображения различными методами» [3]: путем удаления недостатков, коррекции цветов, яркости, контраста, улучшения композиции и других аспектов. Цель ретуши – сделать изображение более привлекательным, но без изменения его сути;

синтез речи и движений: позволяет синтезировать речь и движения человека, чтобы создать убедительное впечатление на видео. Технологии синтеза речи используют машинное обучение для анализа голоса человека и создания синтетических речевых образцов, которые звучат как настоящие; могут использоваться для озвучивания дипфейк-видео или создания полностью синтетических голосов для использования в фильмах, видеоиграх и других приложениях.

Для анализа движений человека и создания реалистичных анимаций используются технологии синтеза движений, основанные на машинном обучении. Эти технологии могут использоваться для создания дипфейк-видео, в которых человек выполняет действия, которых он на самом деле не совершал, или для создания полностью синтетических аватаров для использования в фильмах, видеоиграх и других приложениях.

Сочетание дипфейк-технологий с технологиями синтеза речи и движений позволяет создавать чрезвычайно реалистичные подделки. Эти технологии имеют широкий спектр потенциального применения, но также вызывают опасения по поводу их потенциального использования для создания вредоносных или вводящих в заблуждение материалов.

По уровню технологической сложности:

простые: созданы с использованием программного обеспечения для монтажа видео, например, Deepfake app. Создаются без применения искусственного интеллекта, с использованием базового программного обеспечения; характеризуются явными признаками, которые свидетельствуют о применении каких-либо алгоритмов, направленных на изменение внешнего вида человека на изображении/видео (резкое отличие в тоне различных участков кожи, нарушение пропорций и размещения элементов лица человека на изображении, неестественные движения отдельных элементов туловища человека на видеозаписи и пр.);

сложные: используют глубокое обучение и искусственный интеллект для создания высококачественных реалистичных дипфейков; отличаются усложненным механизмом изменения изображения, отражающимся в качественном улучшении полученного результата. Признаки, свидетельствующие о применении дипфейк-технологий в данном случае без использования специального программного обеспечения обнаружить достаточно проблематично.

По цели создания:

развлекательные: создаются для шуток, пародий или искусства. Часто используется в медиа пространстве без цели нанести какой-либо вред; открывает обширные перспективы для целого ряда индустрий, в первую очередь работающих с изображениями: сфера рекламы, развлечений, игр, виртуальных ассистентов, киноиндустрии, медицины (например, создание изображений МРТ для обучения медицинского персонала) и пр. [4, с. 93];

преступные: используются для распространения дезинформации, манипуляции общественным мнением, для нанесения вреда репутации и пр. При манипулировании средствами массовой информации с использованием изображений, видео или голосов реальных людей возникает целый комплекс моральных, юридических и управленческих проблем, требующих своего решения [5, с. 381].

По типу контента:

Видео-дипфейки: видео, созданное с использованием технологий искусственного интеллекта, которое модифицирует или заменяет лица и голоса на видеоматериале; могут быть использованы для создания ложных новостных репортажей, подделки интервью, видеоклипов и др;

«Фото-дипфейки»: созданы на основе изображения человека.

Например, фальшивые фотографии знаменитостей, сгенерированные снимки исторических событий, а также измененные «селфи» изображения.

По степени реализма:

низкого качества: легко определяются как фейковые;

высокого качества: трудно определить даже с использованием специального программного обеспечения.

По соблюдению норм права:

легальные: созданы с согласия участников и не нарушают законы о защите персональных данных, праве на интеллектуальную собственность изображения, честь и достоинство личности;

нелегальные: созданы без согласия, нарушают правила конфиденциальности, наносят ущерб репутации или влекут за собой причинение иного ущерба (материального и пр).

Так, в свое время популярность получил платный сервис DeepNude, разработчики которого использовали искусственный интеллект и нейросетевой анализ для того, чтобы удалять одежду с лиц женского пола, запечатленных на изображениях [6]. Сервис стремительно стал обретать известность среди интернет-пользователей, из-за чего авторы вынуждены были прекратить его работу, опасаясь судебных исков, свя-

занных с нарушением ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [7] и ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [8], в соответствии с которыми признаются незаконными посягательства на честь и репутацию человека.

Предлагаемая выше классификация не исчерпывающая и может быть дополнена при углубленном исследовании дипфейк-технологий, однако, по нашему мнению, в представленном виде наиболее точно отражает различные аспекты данной технологии и ее влияние на жизнь человека, общества и государства.

Как и любая подделка, дипфейки, насколько бы качественно они не были созданы, всегда имеют определенные дефекты, признаки, свидетельствующие о применении данных технологий.

Таким образом, к наиболее ярким признакам применения дипфейк-технологий, свидетельствующих о создании изображений внешнего облика человека с использованием ИИ, относятся:

сильное различие в цвете кожи лица и других элементов внешности: внезапное появление загара или исчезновение пигментации. Различие тоновых характеристик определенных участков лица;

нереалистичная текстура кожи: «на наличие изменений, внесенных в изображения, могут указывать неестественно ровные контуры лица, вид поверхности его кожных покровов, отсутствие морщин, которые должны быть в данном возрасте, или, например, слабая выраженность» [9, с. 246];

неестественность носогубных складок. Часто данный признак проявляется в размытие либо отдельных черт лица, либо места состыкования наложенного лица на оригинальное изображение человека;

необычные пропорции лица: слишком большие или маленькие глаза, сильно вытянуты (укороченный) нос и пр.;

отсутствие естественных физиологических черт (родимки, дефекты кожной пигментации, акне), которые могут быть стерты или изменены на изображении;

несоответствие освещения: отсутствие теней, где их наличие обусловлено видом освещения, наличие неестественных бликов;

маскировка или искажение фона: фон на изображении может выглядеть неестественным или слишком «совершенным» в сопоставлении с лицом;

неестественные движения или позы: лицо на изображении может не соответствовать естественным движениям и мимическому выражению лица;

отсутствие отражения в зеркалах или стеклянных поверхностях: если лицо на изображении не отражается на зеркалах или стеклянных поверхностях, это может свидетельствовать об искусственной обработке;

наличие эффекта «дрожания»: наложенное лицо выходит за пределы лица человека и частично накладывается на фон или иные предметы, расположенные вблизи лица человека.

Выделенные признаки будут способствовать установлению факта изменения изображений с помощью дипфейк-технологий.

В итоге, можно констатировать, что приведенное исследование может способствовать оптимизации судебно-экспертной деятельности по исследованию изображений, созданных ИИ, и в целом будет полезно любому члену современного цифрового общества.

Список использованных источников

1. FaceApp [Электронный ресурс] / faceapp.com – Режим доступа: <https://www.faceapp.com>. – Дата доступа: 01.04.2024.

2. Face Swap [электронный ресурс] / faceswapper.ai/ru – Режим доступа: <https://faceswapper.ai/ru/>. – Дата доступа: 01.04.2024.

3. Ефременко, А.А. Цифровое изображение как объект судебно-портретной экспертизы / А.А. Ефременко // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №4-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-izobrazhenie-kak-obekt-sudebno-portretnoy-ekspertizy>. – Дата доступа: 01.04.2024.

4. Лексютина, Я.В. Злонамеренное использование дипфейков: риски информационно-психологической безопасности Японии / Я.В. Лексютина // Японские исследования. 2021. №3. – Режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/zlonamerennoe-ispolzovanie-dipfeykov-riski-informatsionno-psihologicheskoy-bezopasnosti-yaponii>. – Дата доступа: 04.05.2024.

5. Иванов, В.Г. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности [Электронный ресурс] / В.Г. Иванов, Я.Р. Игнатовский // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deepfakes-perspektivy-primeneniya-v-politike-i-ugrozy-dlya-lichnosti-i-natsionalnoy-bezopasnosti>. – Дата доступа: 01.04.2024.

6. Добробаба, М.Б. Дипфейки как угроза правам человека [Электронный ресурс] / М.Б. Добробаба // Lex Russica. 2022. № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dipfeyki-kak-ugroza-pravam-cheloveka>. – Дата доступа: 01.04.2024.

7. Всеобщая декларация прав человека: [принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.] // Рос. газета. – 1998. – 10 дек. – С. 1.

8. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 дек. 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

9. Лужинская, Е.Л. Факторы, влияющие на достоверность признаков внешности, отобразившихся на изображениях, полученных при помощи цифровых средств фото- и видеофиксации / Е.Л. Лужинская // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 янв. 2018 г.) : тез. докл. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 246–247.

А.Д. Дашкевич, слушатель факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОВЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ

Презумпция как юридическая категория – сложный феномен, дискуссионное обсуждение которого широко ведется в научных кругах. Несмотря на то что правовые презумпции существовали еще в римском праве, проблема научной проработанности данной юридической дефиниции остается актуальной и сегодня.

Формирование и закрепление в законодательстве презумпций связано с деятельностью государства по закреплению в нормах права положений, направленных на эффективное регулирование определенных правоотношений и выступающих гарантиями защиты прав граждан. Механизм действия презумпций в национальном законодательстве проявляется в правоприменительной деятельности при разрешении государственным органом конкретного правового спора и выражается в порядке реализации имеющих правовое значение предположений в формировании вывода суда о существовании искомого факта и ответственности стороны по делу.

Формирование единого мнения о сущности юридических презумпций значительно затруднено в силу теоретической природы и многогранности данного правового феномена. Представляется, что понятие презумпции может рассматриваться в рамках трех основных подходов к ее пониманию.

В рамках первого подхода презумпция определяется главным образом логической категорией, основанной на предшествующем опыте (суждением, предположением), которое, будучи законодательно закрепленной, позволяет делать вывод о наличии или отсутствии юридических фактов.

Второй подход состоит в том, что презумпция рассматривается как явление изначально правовое, т. е. сам термин «презумпция» говорит о ее причастности к правовой сфере, относит ее к разряду юридических правил, положений, приемов доказательственного процесса, при помощи которых можно сделать заключение о существовании определенных обстоятельств, фактов.

Третья позиция термином «презумпция» охватывает целиком правовую норму, содержащую в себе прием презюмирования. Презумпция

предстает как норма права, содержащая в себе юридическую обязанность для лиц признать презумируемый факт установленным при наличии исходных фактов. В этом случае происходит смешение природы, структуры и логических связей (следствия наличия искомого факта с юридической обязанностью должностного лица признать данный факт существующим) презумпции.

Думается, что наиболее общая дефиниция презумпции может быть представлена, как «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное» [1, с. 736].

Понятие презумпции не закреплено в законодательстве, нормативное закрепление презумпции производится описанием правового механизма, как, например, презумпция невиновности в Конституции Республики Беларусь. Однако само закрепление правовой презумпции не дает ей возможности к эффективному использованию в силу недостаточной научной разработанности соответствующих правовых явлений. Вместе с тем представляется, что установление презумпций в законодательстве обусловлено не только и не столько затруднительностью либо невозможностью установления истинных фактов, но в первую очередь реализацией принципов справедливости права (как, например, признание презумпции невиновности в качестве одного из основных прав и свобод личности) либо целесообразности деятельности правоприменителя.

На данный момент издано большое количество научных трудов, посвященных данной проблематике, но до сих пор в научном сообществе не выработано единого подхода ни к понятию, ни к сущности, ни к классификациям правовых презумпций, что обусловлено сложностью и неоднозначностью данного вопроса.

Как отмечает В.К. Бабаев, с точки зрения логики образования, презумпции – это явления, имеющие индуктивный характер становления и в своей логической природе основывающиеся на таких закономерностях, как всеобщая связь явлений и предметов материального мира, а также повторяемость повседневных жизненных процессов. По мнению ученого, «если очевидно обстоятельство, связь которого с другим обстоятельством подтверждена повседневной человеческой практикой, то можно с полным основанием предположить существование последнего. Причем связь факта наличного и факта презюмируемого в силу ее типичности доказыванию, как правило, не подлежит» [2, с. 8].

Стоит отметить, что в научной литературе правоведами сформулировано большое количество разнообразных определений понятия «презумпция», анализ которых позволяет выделить наиболее существенные признаки презумпции, характеризующие ее.

Так, О.В. Баулин считает, что презумпция – это не любое обстоятельство, возможность оспаривания которого допускается, а лишь законодательное предположение о наличии юридических фактов, которые не могут быть реализованы вне рамок юрисдикционной процедуры [3, с. 23].

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский предлагают рассматривать презумпцию как правовую норму, в силу которой при наличии одного юридического факта признается существующим другой юридический факт до тех пор, пока не доказано обратное [4, с. 68–74].

Б.А. Булаевский отмечает понятие в качестве социального механизма «...правовая презумпция – это закрепленная в правовой норме, основанная на предположении модель юридически значимого явления, применяемая в регулировании общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели» [5, с. 70].

Н.Н. Цуканов считает, что «...правовая презумпция есть непосредственно закрепленная в норме права юридическая обязанность признать определенный факт при наличии факта исходного, пока иное не будет установлено правовым решением компетентного субъекта» [6, с. 6].

Как видно из указанных точек зрения, исследователи считают, что юридические презумпции должны быть обязательно закреплены правовой нормой в качестве таковых.

Ряд ученых, определяя правовую презумпцию, включают в данную дефиницию признак вероятности суждения о презюмируемом факте.

В частности, Д.М. Щекин говорит о правовых презумпциях с точки зрения ее функциональных особенностей «...правовая презумпция, в узком смысле слова детерминирована целями правового регулирования. Кроме того, правовая презумпция – это вероятностное суждение, с которым связано возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, связанных с достижением целей правового регулирования» [7, с. 26].

М.П. Пронина считает, что «...правовая презумпция – это закрепленное в правовой норме вероятностное опровержимое предположение о существовании юридического факта, основанное на статической закономерной связи между имеющимся фактом и предполагаемым событием» [8, с. 29].

Д.С. Суханова трактует презумпцию как «логико-юридическое положение, которое являет собой предположение о существовании или отсутствии юридического факта» [9, с. 13].

И.В. Зозуль, исследуя презумпции в административном праве, рассматривает ее в узком значении: как суждение о факте, а в широком –

не только о фактических обстоятельствах, но и о нормативных обстоятельствах возникновения правовых последствий [10, с. 68–70].

Некоторые исследователи закладывают в определение понятия «правовая презумпция» признак ее обязательности для правоприменения.

Например, Б.И. Пугинский на основе выделения уровней правовой деятельности предлагает собственное понимание презумпций в праве, рассматривая их в качестве правовых средств вспомогательного характера, как особый способ, прием организации правовой деятельности, состоящий в том, что установленные права и обязанности подлежат реализации, если субъектом не будут указаны некоторые конкретные обстоятельства, исключающие наступление обязательных последствий. [11, с. 155–158].

В.В. Масюк приходит к выводу о том, что «правовая презумпция – предусмотренное законом правило (нетипическое нормативное предписание), на основе которого исключается необходимость доказательства определенного факта или фактического состава, и он считается таким, что существует другой факт (фактический состав)» [12, с. 8].

По мнению Н.Н. Цуканова, правовая презумпция является по своей сути юридической обязанностью признать презюмированный факт установленным (существующим). При этом правовая презумпция не устанавливает форму внешнего поведения субъекта. Ценность правовой презумпции выражается в том, что она позволяет единообразно и обоснованно разрешить типичную ситуацию неопределенности, обязывая субъекта в определенных условиях признать презюмированный факт [6, с. 6].

В специальной литературе встречается большое количество и иных точек зрения относительно понимания презумпций, но, как говорилось выше, в силу дискуссионности рассматриваемого юридического феномена формирование единого подхода к его сущности весьма затруднительно. Кроме приведенных мнений иными исследователями правовая презумпция определяется и как прием исключения фактов из предмета доказывания, и как критерий распределения бремени доказывания между сторонами.

Кроме того, следует принимать во внимание неопределенность, обнаруживаемую при применении презумпции. Однако не презумпция вызывает неопределенность, как раз наоборот, презумпция служит снятию неопределенности в общественных отношениях, так как при закреплении ее в законодательстве она устанавливает правила, по которым следует сделать единый вывод.

И.Р. Коголовский определяют, что неопределенность, с точки зрения теории информации, понимается как полное или частичное отсутствие

информации о событиях, людях, фактах. Состояние неопределенности дезорганизует всю систему общественных отношений. Однако право – формальная система: субъективные права и юридические обязанности вытекают из правовых предписаний и юридических фактов. И поэтому толкование правовых последствий и фактов должно быть однозначным [13, с. 35].

Применительно к данному тезису К.К. Панько говорил: «Ценность прямого закрепления презумпции в том, что она как средство законотворчества позволяет единообразно и обоснованно разрешить типичную ситуацию неопределенности» [14, с. 462–463].

Таким образом, можно утверждать, что роль правовых презумпций в механизме правового регулирования заключается в том, что они позволяют в процессе правоприменения принять в качестве существующего юридического факта лишь гипотетически предполагаемый, но обоснованно имеющий высокую вероятность факт объективной реальности в случаях, когда по мнению законодателя подобная позиция правоприменителя продиктована необходимостью реализации принципов справедливости или целесообразности.

Можно заметить, что многие авторы трактуют презумпцию по-разному, но их заключения сходны. Например, в понятии презумпции можно встретить часто упоминающиеся слова «пока не доказано обратное», «предполагается», «доказывается», «не доказано», «предположение», «пока не доказано иное», «пока иное не будет установлено». Следовательно, можно предположить так называемую «формулу» презумпции – «положение А истинно, пока не доказано обратное ему положение Б».

Для понимания сущности правовой презумпции следует определить ее основные признаки, т. е. ее внешнее проявление.

Первым признаком выступает ее природа как правового явления, относительно существования которого может возникать неопределенность. Это означает, что несмотря на ее логическое происхождение, практическое применение данного предположения реализуется в рамках конкретных правовых отношений.

Вторым признаком выступает ее вероятностный характер, т. е. предполагается только то, что может быть в действительности, причем вероятность презюмируемого факта настолько велика, что правоприменитель должен исходить из его предполагаемой истинности.

Третий признак – правовое закрепление, т. е. прямая либо косвенная фиксация презумпции в норме права, реализуемая либо путем указания в правовой норме самого термина «презумпция», либо путем использования таких фраз, как «пока не доказано обратное», «пока не установлено иное» и т. д.

Четвертым признаком можно обозначить то, что презумпция действует как способ устранения неопределенности существования имеющегося юридического факта и выступает в качестве одного из юридических средств правового регулирования

В итоге можно определить правовую презумпцию как юридическое средство регулирования правоотношений, представляющее собой закрепленное в правовой норме и имеющее высокую вероятность предположение о фактических обстоятельствах конкретного дела, обязательное для правоприменения, пока его истинность не будет опровергнута.

Список использованных источников

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
2. Бабаев, В.К., Презумпции в советском праве. / В.К. Бабаев. – Горький : Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1974. – 124 с.
3. Баулин, О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / О.В. Баулин ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2005. – 42 с.
4. Смирнов, А.В., Презумпции в уголовном процессе / А.В. Смирнова, К.Б. Калиновский // Рос. правосудие, 2008. – № 4. – С. 112.
5. Булаевский, Б.А. К вопросу о понятии презумпций в праве / Б.А. Булаевский // Журн. рос. права, 2010. – № 3. – С. 190.
6. Цуканов, Н.Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Н.Н. Цуканов ; Ом. акад. МВД России. – Омск, 2001. – 26 с.
7. Щекин, Д.М. Юридические презумпции в налоговом праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.М. Щекин ; Ин-т гос. и права РАН. – М., 2001. – 20 с.
8. Пронина, М.П. Презумпции в современном российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. / М.П. Пронина ; Нижегород. акад. МВД России. – Н. Новгород, 2010. – 29 с.
9. Суханова, Д.С. Международно-правовые и национально-правовые презумпции в сфере прав и свобод человека и гражданина: сравнительно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.С. Суханова ; Междунар. гуманит. ун-т. – Одесса, 2010. – 35 с.
10. Зозуль, И.В. Презумпции в административном праве Украины: доктринальный срез / И.В. Зозуль // Адм. право и процесс. – М. : Юрист, 2013. – № 7. – С. 68–70.
11. Пугинский, Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б.И. Пугинский. – М. : Юрид. лит., 1984. – 224 с.
12. Масюк, В.В. Презумпции и преюдиции в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.В. Масюк ; Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – М., 2010. – 20 с.

13. Коголовский, И.Р. Презумпции в частном праве : монография / И.Р. Коголовский. – Абакан : Бригантина, 2011. – 108 с.

14. Паныко, К.К. Юридические фикции в современном российском праве / К.К. Паныко // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 459–470.

УДК 336.22

К.А. Ерофеев, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЛОЖЕНИЯ НАЛОГОМ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ

Состояние реального сектора отечественной экономики встречает новые вызовы и угрозы. Экономическая стабильность является ключевым фактором для обеспечения благополучия нации, и текущие трудности в этой области могут привести к серьезным последствиям.

Международные угрозы (терроризм, кибератаки и глобальные конфликты) также создают широкий спектр проблем и могут нарушить нашу безопасность и стабильность. И поэтому необходимо приложить все усилия для их предотвращения и борьбы с такими и подобными им угрозами.

Указанные вопросы представляют собой серьезные вызовы для личности, общества и государства, влияют на повседневную жизнь, благосостояние и будущее, а также имеют прямое отношение к национальной безопасности страны.

Важность решения социально-экономических проблем не может быть недооценена. Однако негативно повлиять на данный процесс может ряд факторов, одним из которых является сокрытие объемов осуществляемой экономической деятельности различными юридическими и физическими лицами. Это сокрытие может привести к деформации государственной налоговой политики и налоговых отношений. В результате происходит незаконное перераспределение доходов и собственности. Неуплата или недоплата налогов ведет к сокращению бюджетных поступлений и расходных их частей.

Сокращение доходов бюджетов является одной из основных причин недофинансирования расходов на социальные нужды, в частности

на образование. Иными словами, недостаток средств в бюджете может привести к снижению качества образования, ухудшению условий труда и жизни людей, а также к росту социального неравенства.

В связи с этим необходимо принять меры для предотвращения такого сокрытия и обеспечения справедливого и эффективного налогообложения. Только так можно обеспечить стабильное и устойчивое развитие экономики, а также улучшить социальное благополучие населения [1, с. 40].

Выявление налоговых преступлений представляет собой сложную задачу, связанную с рядом проблем. Во-первых, ограниченность оперативно-значимой информации делает сложным процесс выявления налоговых преступлений, так как для их обнаружения требуется доступ к достоверной и полной информации, которая часто оказывается недоступной или неполной. Во-вторых, недостаток следов совершения налогового преступления усугубляет проблему, так как налоговые преступления в отличие от многих других часто не оставляют за собой материальных следов, особенно когда преступления совершаются в виртуальном пространстве, например, путем манипулирования цифровыми данными. Наконец, проблема сохранности документов, которые могут свидетельствовать о совершении налогового преступления, создает дополнительные препятствия для выявления налоговых преступлений – такие документы часто уничтожаются или искажаются преступниками в попытке скрыть свои преступные действия. Все перечисленные факторы вместе создают серьезные препятствия для эффективного обнаружения и пресечения налоговых преступлений [2, с. 61].

Профилактику преступлений можно определить как действия, направленные на идентификацию и устранение причин и условий, которые способствуют совершению преступлений.

Профилактика налоговых преступлений является важной задачей для общества и правоохранительных органов. В этом контексте можно выделить два основных направления: общую профилактику и деятельность оперативных подразделений органов внутренних дел по предотвращению преступлений в рамках своих полномочий.

Общая профилактика включает в себя меры, направленные на предотвращение преступлений в целом. Это могут быть образовательные программы, информационные кампании, законодательные инициативы и другие меры, которые могут помочь предотвратить преступления, укрепляя законность и правопорядок в обществе.

Средства массовой информации и сеть Интернет, используемые как инструменты для общей профилактики с налоговыми нарушениями и повышения уровня налоговой культуры, могут проводить информаци-

онные кампании и распространять информацию о последствиях налоговых нарушений. Интернет также может быть использован для создания интерактивных обучающих модулей и онлайн-консультаций по вопросам налогообложения, что упрощает процесс уплаты налогов. Для формирования налоговой культуры используются различные методы, включая образовательные программы, семинары и воркшопы, публикации и брошюры, социальные медиа, налоговые консультации, налоговые поощрения и законодательные меры. Это помогает налогоплательщикам лучше понять свои обязанности и уменьшить вероятность налоговых нарушений [3, с. 10].

Основная задача подразделений по борьбе с экономическими преступлениями в рамках индивидуально-профилактической деятельности заключается в изменении ценностных ориентаций личности и устранении условий, создающих благоприятную обстановку для совершения налоговых преступлений. Относительно рассматриваемого вопроса необходимо выделить следующие методы индивидуальной профилактики.

Метод убеждения включает в себя доведение до профилируемого лица информации, которая мотивирует его отказаться от преступных намерений. Это может быть достигнуто через пропаганду уголовного законодательства, что приводит к появлению страха перед уголовной ответственностью за совершенные преступления в сознании потенциальных правонарушителей. Важная роль в этом процессе отводится сотрудникам негласного аппарата, которые пользуются авторитетом у профилируемых лиц и имеют реальные возможности влиять на них с целью отказа от совершения замышляемого преступления.

Однако в ситуациях, когда убеждение не приносит желаемых результатов, целесообразнее использовать метод принуждения: ограничение определенных прав и свобод потенциальных правонарушителей, а также исключение возможности осуществления ими определенных действий. Это может включать в себя такие меры, как официальное предостережение относительно совершения противоправных действий, побуждение к добровольному отказу от завершения начатых налоговых преступлений, привлечение к административной ответственности за совершение налоговых правонарушений, проведение проверок соблюдения налоговой дисциплины и др.

Важным элементом индивидуальной профилактики налоговых преступлений является последующий оперативный контроль: сбор и изучение информации, которая позволяет фиксировать выявленные отклонения и координировать деятельность профилируемых лиц. Данный процесс помогает обеспечить эффективное предотвращение налоговых

преступлений и способствует укреплению законности и порядка в обществе [4, с. 104].

Значимость оперативного контроля в процессе индивидуально-профилактической работы не может быть недооценена. Этот контроль может быть осуществлен как гласным, так и негласным способами, каждый из которых имеет свои преимущества. Гласный контроль представляет собой проведение открытых бесед с профилактируемым лицом, его родственниками, друзьями и коллегами по работе. Этот метод позволяет получить информацию, которая помогает определить уровень нравственного и правового сознания личности, а также дать оценку его личностным ориентациям. Одним из преимуществ гласного контроля является то, что он охватывает все сферы жизнедеятельности профилактируемых лиц, создавая широкий фронт источников положительного влияния на данную категорию граждан. В конечном итоге это способствует формированию не просто пассивного подчинения требованиям закона, а внутренней солидарности с ним, уважения к праву на уровне личной убежденности.

Если профилактируемое лицо не отказалось от своих установок на совершение преступлений в налоговой сфере, то сотрудникам подразделений БЭП целесообразно использовать оперативные возможности по негласному контролю за данным лицом. Негласный контроль отличается от гласного тем, что лицо, в отношении которого осуществляются профилактические мероприятия, не знает, что за ним ведется наблюдение со стороны оперативных сотрудников. В этом случае целесообразно использовать негласных сотрудников в качестве субъектов профилактического воздействия. Их деятельность в первую очередь должна быть направлена на получение ценной информации о личностных качествах профилактируемого лица. Такой подход позволяет оценить, насколько изменилась его жизненная ориентация, можно ли ожидать от него совершения преступления, требуется ли принятие дополнительных мер профилактического воздействия, каковыми они должны быть.

Если в результате осуществления индивидуально-профилактической деятельности не было достигнуто необходимых результатов, а сведения об уклонении от уплаты налогов поступили в момент реализации умысла на совершение преступления, то сотрудники подразделений БЭП должны направить свои усилия на предотвращение выявленных противоправных действий. Меры, которые следует принять, включают в себя:

определение списка лиц, которые имеют доступ к информационным носителям. При решении этой задачи акцент следует делать на тех, кто осведомлен о негативных аспектах своей работы (бухгалтеры, банков-

ские работники, специалисты и технический персонал коммерческих организаций, контрольно-надзорные органы и т. д.);

выявление свидетелей, чьи показания в ходе расследования уголовного дела имеют важное значение для подготовки и представления обращения к руководителям хозяйствующих субъектов;

сбор информации о том, как руководитель хозяйствующего субъекта или индивидуальный предприниматель реагирует на действия, предпринимаемые в отношении него оперативными подразделениями (в случае гласного контроля) [5, с. 191].

Таким образом, налоговые преступления представляют собой серьезную угрозу для экономической стабильности и социального благополучия любого государства. Они являются категорией преступлений, которым государство должно противодействовать на всех уровнях их совершения. Это связано с тем, что выявление и пресечение таких преступлений требует значительных усилий, включая объемный анализ данных и кропотливую работу по проверке финансовой документации. Противодействие любому преступлению, в том числе налоговому, как правило, должно заключаться в профилактике: информировании общественности и распространение через средства массовой информации о последствиях налоговых преступлений и важности соблюдения налогового законодательства. Кроме того, важную роль играют оперативные подразделения и органы, осуществляющие контрольно-надзорную деятельность. Они должны проводить регулярные проверки и мониторинг для выявления возможных нарушений.

Список использованных источников

1. Гришин, А.В. Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям / А.В. Гришин // Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения : сб. ст. / А.В. Гришин [и др.] ; Орел, 24 июня 2016 г. – Орел : Орлов. юрид. ин-т, 2016. – С. 39–44.

2. Левшукова, О.А. Проблемы борьбы с налоговыми преступлениями и пути их решения / О.А. Левшукова, Е.А. Дзюба // Деловой вестн. предпринимателя. – 2023. – № 2. – С. 59–62.

3. Шумилина, В.Е. Налоговые преступления как часть финансовых преступлений и борьба с ними / В.Е. Шумилина, М.В. Нешта, Е.В. Коноплева // Наука и мир. – 2019. – № 1. – С. 1–13.

4. Панов, А.Ю. Оперативно-розыскные меры по предупреждению налоговых преступлений / А.Ю. Панов // Общество и право. – 2017. – № 2. – С. 101–106.

5. Шегабудинов, Р.Ш. Основные формы профилактики преступлений экономической и налоговой направленности / Р.Ш. Шегабудинов // Вестн. Моск ун-та МВД России. – 2010. – № 8. – С. 190–194.

УДК 343.2

Д.В. Карзанова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *А.А. Тут*

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ МЕДИАЦИЯ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Восстановительное правосудие в свете современных тенденций развития института уголовной ответственности, по мнению ряда ученых-юристов, является новым этапом механизма реализации уголовной ответственности. Например, В.М. Розин считает, что восстановительное правосудие выделяется как один из вариантов воздействия на общество, посредством которого социальная технология находит свое отражение в сфере воздействия на социальную реальность для противодействия преступности [1, с. 14]. Л.М. Карнозова отмечает, что социальная технология восстановительного правосудия формируется посредством реализации составляющих его элементов – восстановительных программ, среди которых наиболее значимой программой является медиация [2, с. 39]. З. Бауман называет преступность элементом социальной реальности современного общества. И для изменения уровня преступности, по мнению ученого, требуется разработка соответствующих инструментов социальной инженерии [3, с. 34–35].

Следовательно, представляется, что наиболее эффективно конфликт, возникший между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим вследствие совершенного преступления, будет разрешен в случае, если будут выстроены правила его разрешения в соответствии с технологиями социальной инженерии.

Сегодня кодексы, регламентирующие вопросы реализации уголовной ответственности, не закрепляют нормы, способствующие разрешению такого конфликта сторон. Отсутствие методов и способов их разрешения часто приводит к негативной реакции потерпевшей стороны, что влечет за собой повышение конфликтности в обществе. Таким образом, необходимо отметить, что изменение взаимоотношений между потерпевшей стороной и осужденным выступает логически обоснованным

направлением реализации уголовной ответственности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость формирования новых форм и способов ее реализации соответственно.

Согласно ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда. И здесь применение медиации видится одним из способов достижения уголовной ответственности.

Развитие примирительных процедур – актуальное направление совершенствования процесса реализации уголовной ответственности. Кроме того, успешное внедрение таких процедур создаст новое направление в процессе реализации уголовной ответственности, сущность которого заключается в восстановительной и (или) компенсационной функциях. З. Ховард считает: «Если преступление наносит людям вред, правосудие должно ставить себе целью восстановление справедливости, добрых отношений. Когда совершается зло, основным вопросом должно быть не «как следует поступить с преступником» или «что преступник заслуживает». Вместо этого надо спросить «что надо сделать для восстановления справедливости» [4, с. 218]. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что наиболее значимым элементом в механизме восстановительного правосудия является процесс устранения конфликта между потерпевшим и обвиняемым, который, как представляется, наиболее оптимально осуществлять в формате медиации.

Процесс медиации регламентирован Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации). В соответствии со ст. 1 Закона о медиации под медиацией понимаются переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Также в ч. 1 ст. 2 Закона о медиации перечислены случаи ее применения: 1) урегулирование споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской или иной хозяйственной (экономической) деятельности; 2) споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений. Таким образом, в настоящее время в сфере уголовно-исполнительных правоотношений медиация по белорусскому законодательству может применяться исключительно в сфере экономических, трудовых и семейных отношений.

Появление в Республике Беларусь института медиации отличалось от зарождения медиации в зарубежных правовых системах, где изна-

чально она возникла в уголовной сфере и соседских спорах, и только потом была закреплена возможность применения при разрешении споров в экономической сфере [3, с. 50]. Учитывая тот факт, что общественные отношения в Республике Беларусь находятся в постоянном развитии, логичным выглядит вывод о необходимости распространить возможность применения медиации и на сферу общественных отношений, возникающих при реализации уголовной ответственности.

При разрешении конфликта (для устранения причин и условий его существования) научным сообществом и сотрудниками практических подразделений правоохранительной системы предлагается использовать пенитенциарную медиацию как способ конструктивного диалога для разрешения конфликта между потерпевшим и осужденным [5, с. 142]. Реализация медиации, по сути, относится к институту восстановительного правосудия, когда для достижения целей уголовной ответственности устраняются причины и условия, детерминирующие зарождение конфликта. В данном случае наличие неразрешенного конфликта между потерпевшим и осужденным является существенным обстоятельством, способным детерминировать совершение преступления.

В правоприменительной практике нередки случаи, когда лицо, отбывшее наказание, либо подвергается совершению в отношении его преступления со стороны потерпевшего, либо само совершает преступление уже повторно в отношении потерпевшего. На примере обозначенных ситуаций видно, что преступление, совершенное повторно по причине конфликта между вышеуказанными участниками, является следствием конфликта, возникшего при совершении преступления, за которое отбывал наказание осужденный. В рассматриваемом случае конфликт был разрешен временно (был заморожен) – на период отбывания наказания осужденным. Таким образом, потенциал пенитенциарной медиации видится преимущественно при разбирательстве дел по делам частного и частно-публичного обвинения. Вместе с тем перспективы для разрешения конфликта видятся и при разбирательстве по делам публичного обвинения.

Важнейшей особенностью пенитенциарной медиации является тот факт, что социальный конфликт, возникший в сфере уголовных правоотношений, должен быть разрешен в пользу только одной стороны – потерпевшего. Таким образом будет снижен уровень эскалации конфликтного противодействия между участниками правоотношений. Достигнутый консенсус между потерпевшим и осужденным имеет также и важнейшее криминологическое значение.

Фундаментальной по важности составляющей пенитенциарной медиации является необходимость закрепления в уголовно-исполнительном

законодательстве того факта, что процесс ведения конфликтных переговоров требует специальных знаний медиатора, с помощью которых ему необходимо выстраивать линию переговоров между сторонами для решения главной цели – достижения соглашения, устраивающего потерпевшего. В этой связи важное значение имеют знания медиатора не только в области юриспруденции, но и в сфере пенитенциарной психологии и социологии.

Учитывая значимость участия осужденного в процедуре пенитенциарной медиации, ряд исследователей считает целесообразным закрепить медиацию в уголовно-исполнительном законодательстве в качестве одного из средств исправления [5, с. 147; 6]. В данном случае это – обоснованный шаг ввиду того, что участие осужденного в переговорах с потерпевшим для примирения с последним свидетельствует о сформированном желании осужденного быть принятым в обществе после освобождения от наказания.

Значимым вопросом, требующим своего разрешения, является закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве алгоритма проведения медиации в период отбывания наказания осужденным. Для его разрешения следует признать, что сама по себе пенитенциарная медиация как социолого-правовой институт не может существовать самостоятельно. Пенитенциарная медиация должна основываться на положениях, присущих в целом институту медиации. Принципами медиации в соответствии со ст. 3 Закона о медиации являются: добровольность; добросовестность и равноправие сторон; беспристрастность и независимость медиатора; конфиденциальность. При проведении пенитенциарной медиации необходимо учитывать, что в отличие от предусмотренной действующим Законом о медиации, где конфликт разрешается в пользу двух сторон, она направлена на пользу одной стороны – потерпевшего от преступления. Сходный алгоритм решения конфликта предусмотрен при разрешении экологических споров в экологической медиации [7].

Необходимо учитывать, что медиация, проводимая не для разрешения противоречий с потерпевшим, а для урегулирования споров, подпадающих под действие ст. 2 Закона о медиации, должна разрешаться по общим правилам медиации, предусмотренной соответствующим законом. При разработке алгоритма проведения пенитенциарной медиации необходимо учитывать специфику ее содержания и формы проведения. Ранее было отмечено, что пенитенциарная медиация направлена на разрешение интересов потерпевшего, продуцируя таким образом закрепление в законодательстве нормы, устанавливающей право на инициацию пенитенциарной медиации, которая должна исходить только от осужденного.

Не менее важным вопросом является закрепление в законодательстве требований, предъявляемых к пенитенциарному медиатору. Ранее мы указывали, что при проведении пенитенциарной медиации от медиатора требуются знания не только в области юриспруденции, но и пенитенциарной психологии и социологии. В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона о медиации «медиатором может быть лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выданное Министерством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации».

Представляется, что наиболее оптимально в действующем законодательстве выделить требования, предъявляемые к пенитенциарному медиатору. В развитие указанного тезиса отметим, что пенитенциарная медиация – процесс, происходящий в рамках исполнения наказания и для достижения целей наказания. Участие осужденного в процедуре пенитенциарной медиации и заключение соглашения о пенитенциарной медиации в частности является важным сигналом для правоприменителя о желании осужденного компенсировать вред, причиненный преступлением. Указанный факт свидетельствует о сформированной готовности осужденного вернуться в общество и жить в соответствии с общепринятыми нормами. Учитывая социальную значимость указанного вида деятельности, целесообразно закрепить в Законе о медиации вид профессионального – пенитенциарного – медиатора, основной функцией которого будет являться возможность работы в сфере уголовного правосудия.

В итоге можно сделать вывод о том, что наиболее острым из всех видов конфликтов, существующих в обществе, является конфликт в сфере уголовных правоотношений. Правовое закрепление полноценного механизма разрешения таких конфликтов позволит снизить уровень конфликтности в обществе, что приведет к снижению уровня рецидивной преступности.

Оптимальным решением рассматриваемого вопроса является формирование концепции восстановительного правосудия посредством проведения процедуры медиации, так как именно институт медиации является одним из эффективнейших способов разрешения конфликтов. Закрепление в законодательстве пенитенциарной медиации должно выступить основанием при формировании в Республике Беларусь концепции восстановительного правосудия.

Для полноценного и правильного разрешения споров между потерпевшим и лицом, совершившем преступление, также целесообразно организовать должность пенитенциарного медиатора, имеющего доступ для работы в сфере уголовного правосудия.

Список использованных источников

1. Розин, В.М. Восстановительное правосудие как тип социального действия проблемы реализации его в современных условиях / В.М. Розин // Право и политика. – 2019. – № 6. – С. 12–21.
2. Карнозова, Л.М. Восстановительное правосудие в России : практика и проблемы институализации / Л.М. Карнозова // Вестн. восстан. юстиции. – 2018. – № 15. – С. 38–42.
3. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман ; пер. С.А. Комаров. – СПб. : Питер, 2008. – 239 с.
4. Ховард, З. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание ; пер. с англ. / З. Ховард ; под общ. ред. Л.М. Карнозовой. – М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.
5. Громов, В.Г. О правовых основах применения медиации в исправительных учреждениях / В.Г. Громов, Д.К. Сарсеналиева // Журн. рос. права. – 2019. – № 12. – С. 140–149.
6. Минкина, Н. И. Медиация и необходимость совершенствования уголовно-исполнительного законодательства [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – С. 2196–2200. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/96359.htm>. – Дата доступа: 28.05.2024.
7. Медиация будущего: в Беларуси разработана модель экологической медиации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/june/51818/>. – Дата доступа: 28.05.2024.

УДК 343.98

Е.В. Ковалева, выпускница следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *О.В. Павлють*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОГО ДИАГНОСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Среди традиционных криминалистических экспертиз почерковедческая является достаточно распространенной в следственной и судебной практике и представляет собой эффективное средство, способствующее установлению истины по уголовным, административным, гражданским

делам при возникновении необходимости установления фактических обстоятельств, связанных с выполнением рукописей. Цель данной экспертизы – идентификация лица, выполнившего рукописный текст или подпись. В зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела экспертизой может быть установлен или опровергнут факт написания конкретным лицом рукописей, определяются способы их выполнения, состояние лица в момент исполнения рукописи.

Один из самых сложных видов криминалистических исследований – судебно-почерковедческая экспертиза. Трудности в ее производстве обусловлены тем, что письменно-двигательный навык человека имеет сложноорганизованную психофизиологическую основу, а процесс выполнения рукописи (как объекта экспертного исследования) нередко сопровождается воздействием различных «сбивающих» факторов.

Общей и главной задачей судебно-почерковедческого диагностического исследования, стоящей перед экспертом-почерковедом, является установление фактов, которые содержатся в вопросах лица, назначившего экспертизу, имеющих доказательственное значение для расследования и раскрытия преступлений. Указанная задача предопределяет предмет экспертного судебно-почерковедческого диагностического исследования – искомые (диагностируемые) фактические обстоятельства (определенные свойства личности, типологические свойства почерка и условия выполнения рукописей), которые могут иметь доказательственное значение.

Объект экспертного диагностического исследования представляет собой сложную систему, элементами которой являются: материальный носитель информации о факте – документ; источник информации о факте – почерк; механизм передачи информации от источника к носителю, а также механизм их взаимодействия. Объектом экспертного исследования может быть, например, рукопись, содержащаяся в документе, по сути, представляющая собой носитель информации о почерке и механизме отображения его свойств в рукописи. В современной экспертной практике используется определение объекта, его систематизация, предложенные В.Ф. Орловой, в соответствии с которыми непосредственным объектом судебного почерковедческого исследования является система свойств почерка, отобразившаяся в конкретной рукописи [1, с. 106].

Значительный вклад в развитие судебного диагностического почерковедения внесли многие отечественные и зарубежные ученые и практики, по результатам исследований которых выделены определенные комплексы признаков, свидетельствующие о наличии какого-либо «сбивающего» фактора, оказывающего влияние на пишущего в момент вы-

полнения рукописи. А.Н. Лысенко осуществлял дифференциацию почерков по способности их владельца к подражанию подписному почерку другого лица. В качестве признаков, отражающих соответствующие способности, автор рассмотрел степень совершенства системы движений, строение почерка и степень его своеобразия [2].

Под руководством Ю.Н. Погибко проведены исследования, устанавливающие связь ряда признаков почерка с половой принадлежностью человека: у мужчин – менее совершенную систему движений, менее высокую координацию движений первой и второй группы, меньшую стройность и четкость; у женщин – более совершенную систему движений, большую их координированность, четкость и стройность [3].

М.В. Иванкова и В.А. Трубникова в своем исследовании выявили признаки письма, характерные для лиц, перенесших черепно-мозговые травмы: замедленность темпа, нарушение координации движений, уменьшение связности, наличие подстрочных и надстрочных элементов, увеличение протяженности начальных и заключительных элементов [4, с. 41].

В.В. Томилин указывает, что изменение почерка часто связано с нервными и психическими заболеваниями, травматическими поражениями головного мозга [5, с. 114].

В настоящее время в экспертной практике существуют различные методики, с помощью которых эксперт-почерковед может определить ряд признаков, доказывающих влияние на пишущего «сбивающего» фактора. Методика исследования рукописных текстов, выполненных с разрывом во времени, предопределяет, что в почерке лиц преклонного возраста, прекративших письменную практику, изменениям подвержены общие признаки: темп письма замедляется; строение почерка меняется вследствие снижения координации движений и упрощения движений при письме, появление признаков атаксии; связность почерка снижается. Изменения частных признаков свидетельствуют об упрощении движений, что ведет к изменению формы движений при выполнении начальных и заключительных штрихов букв (появляются окончания в виде прямых тупых штрихов), степени связности элементов в буквах; наблюдается отказ от усложненных и упрощенных движений – возврат в отдельных буквах к прописям и уменьшение вариационности строений букв [6].

В зависимости от вида временного естественного «сбивающего» фактора, не связанного с намеренным изменением своего почерка, влияющего на пишущего, судебный эксперт обращает внимание на следующие признаки:

в рукописи, выполненной лицом в состоянии алкогольного опьянения, может наблюдаться написание слов с орфографическими ошибками

ми, разнообразными по характеру; замена или дополнительное внесение в слова букв, обычно из тех же слов или соседних; пропуск или дублирование букв и слогов в словах, а также отдельных слов в предложениях; увеличение или уменьшение числа штрихов в буквах, выполненных однотипными движениями (в буквах «т», «ш»); неуверенность в правильности написания слов (т. е. наличие многочисленных исправлений); увеличение размера и разгона почерка; снижение степени выработанности и упрощение сложности движений; существенное изменение признаков пространственной ориентации.

признаки почерка, свидетельствующие о необычных функциональных состояниях: снижение степени выработанности; нарушение координации движений; снижение темпа письма; неравномерная протяженность движений по вертикали и горизонтали; неустойчивый наклон почерка; неустойчивое размещение движений; пропуски слов, слогов, букв, исправления и зачеркивания;

при необычной позе в рукописях может возникать нарушение координации движений второй группы (неустойчивость наклона, протяженности движений по вертикали и горизонтали, размещение движений по вертикали); нарушение координации движений первой группы; упрощенное строение почерка; связность значительно увеличивается;

при письме на рельефных поверхностях рабочий узел пишущего прибора встречает на своем пути препятствия, что затрудняет его перемещение. Снижается автоматизм и повышается сознательный контроль за движениями. Исполнитель рукописи стремится сократить протяженность движений и сделать запись разборчивой, вследствие чего появляются следующие признаки: снижение стройности и четкости почерка, увеличение протяженности движений по вертикали, увеличение размера букв, уменьшение связности почерка и упрощение сложности почерка;

при выполнении текста необычным пишущим прибором наблюдается: снижение координации движений; снижение темпа выполнения; снижение стройности, четкости, уменьшение связности почерка; упрощение строения букв;

непривычный способ удержания пишущего прибора реализуется при непривычном уменьшении (увеличении) расстояния от пальцев руки до острия прибора и проявляется: в частичной утрате зрительного контроля, заслонении рукописи от глаз исполнителя, увеличении угла наклона пишущего прибора, увеличении опоры за счет присоединения безымянного пальца, повышении напряжения пишущих пальцев, увеличении (реже в уменьшении) амплитуды колебаний движений по вер-

тикали и наклонной, определяющих высоту букв, упрощении строения букв в связи с необычностью условий письма, увеличении протяженности движений по вертикали, снижении координации движений;

признаки рукописей, выполненных в темноте: снижение стройности почерка; нарушении координации движений второй группы; увеличении протяженности движений по вертикали и горизонтали; изменения признаков их размещения; изменения пространственной ориентации движений; направление и форма строки – резко изменяются на хаотичные (опускающиеся-поднимающиеся, пересекающиеся); увеличение интервалов между строками; неровная линия полей; нарушение разбивки текста на абзацы [7, с. 181–186].

Следует отметить, что в настоящее время в экспертной практике комплексы диагностических признаков, позволяющих установить конкретный вид временного естественного «сбивающего» фактора, не связанного с намеренным изменением почерка, определены не для всех видов указанных «сбивающих» факторов.

При анализе текстов, выполненных в необычных условиях под воздействием временных искусственных «сбивающих» факторов, связанных с намеренным изменением своего почерка, устанавливаются признаки, указывающие на конкретный вид такого фактора.

При исследовании измененного почерка путем подражания печатному шрифту сопутствующие диагностические признаки, указывающие на этот факт, не выделяются, так как они наглядны (буквы выполняются по типу печатных шрифтов). В таких текстах изучают только основные признаки измененного почерка, т. е. признаки снижения темпа и координации движений [8].

Почерк левой руки при отсутствии навыков такого письма представляет собой своеобразно искаженный (в большей или меньшей степени) обычный почерк. Признаки почерка, свидетельствующие об отсутствии соответствующих письменно-двигательных навыков письма левой рукой, образуют комплекс для распознавания непривычного леворучного почерка.

При исследовании текстов, выполненных непривычной для письма рукой, эксперт должен обращать внимание на следующие признаки: различные виды проявления зеркальности, нарушение координации движений первой и второй групп, увеличение нажима и снижение его дифференцированности, медленный темп исполнения, различное строение одноименных букв [9].

При скорописной маскировке почерка подвергаются изменениям общие (отражающие степень и характер сформированности письменно-

двигательного навыка, а также структуру движений по их траектории) и некоторые частные признаки (изменение строения букв).

При подражании почерку другого лица пишущий при выполнении текста одновременно воспроизводит признаки, свойственные почерку другого человека, и подавляет признаки своего почерка, что приводит к нарушению процесса письма. В рукописи наряду с признаками обычного почерка исполнителя появляются особенности, имитирующие признаки чужого почерка, а также искаженные признаки почерка пишущего.

Таким образом, принимая во внимание результаты проведенного исследования, можно прийти к следующим выводам.

На современном этапе развития криминалистической науки и практики комплексы диагностических признаков, позволяющих установить конкретный вид временного естественного «сбивающего» фактора, не связанного с намеренным изменением почерка, определены не для всех видов указанных «сбивающих» факторов.

Для устранения указанного пробела необходимо проведение дальнейших исследований (в том числе экспериментального характера) в данном направлении судебно-почерковедческой экспертизы.

Список использованных источников

1. Орлова, В.Ф. Судебно-почерковедческая диагностика : учеб. пособие для студентов вузов / В.Ф. Орлова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006. – 160 с.
2. Лысенко, А.Н. К вопросу о признаках почерка исполнителя неподлинной подписи и их локализация в исследуемых объектах / А.Н. Лысенко // Криминалистика и судебная экспертиза : сб. науч. работ. – Киев, 1989. – Вып. 39. – С. 53–57.
3. Установление пола исполнителя текста, выполненного почерком высокой и выше средней степени выработанности : метод. письмо / А.Н. Герасимов [и др.]. – М., 1993. – 24 с.
4. Трубникова, В.А. Признаки письма в рукописях лиц, перенесших травму мозга / В.А. Трубникова, М.В. Шванкова // Экспертная техника. – М. : ЦНИИСЭ, 1967. – Вып. 21. – С. 33–54.
5. Томилин, В.В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма / В.В. Томилин. – М., 1974. – 125 с.
6. Можар, И.М. Методика исследования рукописных текстов, выполненных с разрывом во времени / И.М. Можар // Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 2007. – С. 31–50.
7. Подволоцкий, И.Н. Судебная почерковедческая экспертиза : учеб. пособие / И.Н. Подволоцкий. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 272 с.
8. Ципенюк, С.А. Исследование рукописных текстов, выполненных с подражанием печатному шрифту и специальными шрифтами / С.А. Ципенюк,

Р.Х. Панова, А.В. Смирнов // Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 2007. – С. 189–246.

9. Панова, Р.Х. Исследование рукописных текстов, выполненных левой рукой / Р.Х. Панова // Судебно-почерковедческая экспертиза: особенная часть: исследование рукописных текстов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Наука, 2007. – С. 159–188.

УДК 343.4

Е.В. Козелецкая, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – старший преподаватель *Е.Л. Лужинская*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИЗМЕНЕННОГО ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА

В современном обществе вопрос изменения внешнего облика человека становится все более актуальным и значимым. Человек стремится не только привести свое тело в соответствие с идеалами красоты и моды, но и выразить свою индивидуальность и уникальность через внешний облик.

Исследование изображений измененного внешнего облика человека представляет собой актуальную и многогранную тему, которая привлекает внимание исследователей из различных областей науки. Современное общество все чаще сталкивается с явлением изменения внешнего облика человека, будь то с помощью хирургических вмешательств, косметических процедур, а также с использованием программных продуктов, редактирующих внешность человека.

Исследование изображений внешнего облика является одной из задач судебной портретной экспертизы, в основе которой заложено сравнительное исследование признаков внешнего облика человека. Современное состояние судебной портретной экспертизы кроме развития методологической и технологической базы характеризуется наличием отдельных проблемных аспектов в области исследования лиц, облик которых подвергся изменениям. В ряде случаев производящий исследование эксперт обладает ограниченной информацией о признаках изучаемой внешности, что вынуждает его ограничиваться только вероятными выводами, так как не удастся проследить, а также объяснить весь комплекс закономерных изменений признаков внешности человека. Существует необходимость детального изучения затронутой проблематики и выработки предложений по совершенствованию методических рекомендаций по идентификации лиц с измененным внешним обликом [1, с. 204].

В связи с повсеместным использованием цифровой фото- и видеотехники, специальных программ, которые позволяют редактировать изображения, при проведении судебной портретной экспертизы все чаще возникают вопросы о достоверности представленного изображения, что обуславливает необходимость комплексного исследования спорных изображений совместно с экспертом в области фототехнической экспертизы. Эксперт-фототехник решает вопрос: «Имеются ли в представленных изображениях признаки цифрового монтажа или ретуши?» [2, с. 93].

К наиболее актуальным относятся изменения полученных изображений, на которых запечатлен человек при помощи различных программных продуктов. Особую популярность имеют программы, работающие на основе нейросетевых алгоритмов. И к часто встречающимся видам внесения изменений в изображения внешнего облика человека либо созданию изображения из нескольких компонентов относят «цифровую ретушь» и «цифровой монтаж».

Для понимания алгоритма исследования измененных изображений, необходимо уяснить понятия «цифровая ретушь» и «цифровой монтаж». Под «цифровой ретушью» в целом мы понимаем редактирование изображений. В основном на изображении редактируют область лица, выравнивают тон кожи, удаляют морщины, веснушки, пигментные пятна и т. п. Такие изменения на первый взгляд не воспринимаются как существенно меняющие внешний облик. Вместе с тем значительно «измененная» при помощи цифровой ретуши внешность человека, запечатленного на изображениях, может затруднить объективный процесс исследования в рамках портретной экспертизы [3, с. 12].

В рамках нашего исследования был проведен эксперимент:

производилась фотосъемка лица женского пола при помощи смартфона без какой-либо программной обработки и фотосъемка того же лица с использованием «фильтров» социальной сети Instagram и приложения Snapchat. В ходе анализа исследуемых изображений выявлены следующие признаки, свидетельствующие об использовании «цифровой ретуши» (рис. 1, 2.):

- визуальное уменьшение ширины лица в целом (отм. 1);
- ровный тон кожи (удаление родинок, пятен, подглазных мешков) (отм. 2–4);
- нанесение элементов декоративной косметики (отм. 5);
- уменьшение ширины носа, изменение формы кончика носа (отм. 6);
- увеличение каймы губ (отм. 7).

Рис. 1. Изображение лица: до и после ретуширования в Instagram

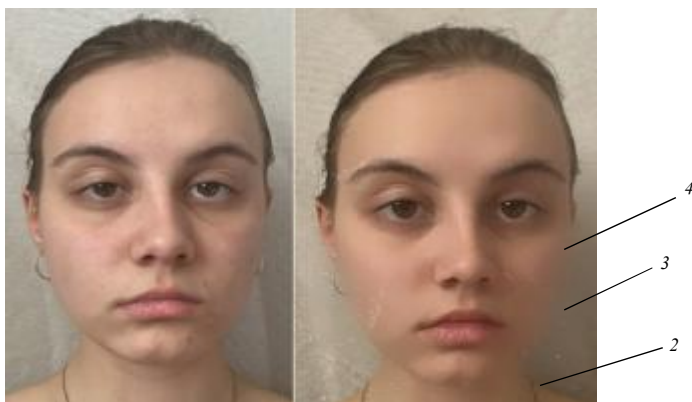

Рис. 2. Изображение лица: до и после цифрового ретуширования в Snapchat

Вместе с тем пропорции лица, форма элементов внешности (за исключением носа) остались неизменными, что позволит в дальнейшем провести портретное исследование по измененному изображению с учетом выявленных признаков.

Под термином «цифровой фотомонтаж» понимают процесс и результат создания изображений путем «вырезания», «склеивания», перестановки и наложения двух или более фотографий в новое единое изображение [4, с. 278]. Монтаж применяют в том случае, если необходима иная совокупность фрагментов снимков, замена неудачных деталей,

фона, костюма, а также элементов внешности (губы большего размера, глаза другой формы и т. п). В большинстве случаев после монтажа используют цифровую ретушь для маскировки следов привнесенных изображений (рис. 3).

При исследовании таких изображений необходимо обращать внимание на пропорции всех элементов изображения, одинаковую освещенность всех элементов, наличие не относящихся к сюжету атрибутов. Исследование проводится в рамках комплекса экспертиз: фототехнической и портретной.

*Рис. 3. Пример фотомонтажа
(на изображение девочки слева добавлено лицо другой девочки)*

В настоящее время существует масса мобильных приложений, использующих в качестве основного функционала «цифровую ретушь» и «цифровой монтаж». Например, наиболее распространенными являются программы, создающие AR-маски и «морфинг» лица, а также маски в социальной сети Instagram и Snapchat. Такие программы позволяют производить обработку изображений, изменять характеристики цвета, тона, улучшать или ухудшать качество. Многие приложения на исходное изображение накладывают эффекты изменения возраста, пола, изменения контуров элементов лица, добавление макияжа, родинок, рисунков на лицо и т. д. Возможно даже удаление каких-либо дефектов.

Сегодня в качестве объектов судебной портретной экспертизы часто предоставляются изображения, извлеченные из личных аккаунтов социальных сетей, аватары изображений мессенджеров и т. п. Практически все эти изображения обработаны программными продуктами как в ручном режиме, так и в автоматическом с использованием нейросетевых алгоритмов. Это обусловлено стремлением пользователей в виртуальной жизни «приукрасить» своей внешний облик, приблизив его к так называемому идеалу. Все эти явления значительно усложняют процесс идентификации человека по его измененным изображениям [4, с. 278].

Современный специалист в области портретной экспертизы должен ориентироваться в большом сегменте программ, изменяющих внешний облик человека, а также в программных продуктах, позволяющих выявить внесенные в первоначальные изображения изменения.

Для ориентации эксперта в области судебной портретной экспертизы в этом огромном количестве программ необходимо определить виды измененного внешнего облика человека при помощи программных продуктов. Анализ специальной литературы позволяет выделить следующие разновидности изменений и возможный функционал программ по каждому из видов изменения [5, 6]:

Изменения цвета и текстуры кожи (определение изменения в цвете кожи (пигментация, покраснение) и текстуре (морщины, сыпь) с помощью алгоритмов компьютерного зрения; оценка общего состояния кожи (сухость, жирность) и разработка рекомендаций по ее визуальному улучшению).

Изменения формы лица (анализ формы лица, определение наличия морщин, покраснений, акне и других несовершенств; подбор вариантов изменения формы лица (подбор прически, макияжа, очков) для улучшения внешнего вида).

Изменения волос (определение изменения в цвете и текстуре волос, рекомендация вариантов окрашивания, стрижки и укладки; анализ состояния волос (ломкость, выпадение) и предложение средства для ухода).

Изменения веса и фигуры (анализ изменения веса и фигуры человека на изображениях, предложения вариантов диет и упражнений для достижения желаемых результатов; визуализация изменения внешнего вида при изменении веса и формы тела).

Изменения стиля одежды и аксессуаров (разработка вариантов стиля одежды и аксессуаров, анализ их сочетаемости и подбор нарядов для разных событий).

С помощью программных продуктов можно также анализировать модные тенденции и подсказывать, какие элементы гардероба следует обновить.

Анализируя интернет-ресурсы, нами проведен обзор наиболее функциональных и эффективных программ, которые называют также сканерами искусственного интеллекта (ИИ). К ним относят FotoForensics, Forensically, Findexif.com, JPEGsnoop и др. [7].

FotoForensics» (с англ. «фотокриминалистика») – онлайн-сервис, анализирующий, так называемые ошибки в изображении – метод ELA (error level analysis), т. е. проводит поиск «дорисованных» или «зари-сованных» областей на изображении, а также выявляет вставленные в изображение области при редактировании.

Сервис Forensically (с англ. «криминалистический») позволяет рассмотреть даже самые мелкие детали на изображении, также имеет функцию «детектор клонов» выделяющий похожие области на изображении и служащий индикатором того, что изображение было изменено с помощью инструмента клонирования.

JPEGSnoop – бесплатная утилита для Windows, анализирующая изображение и выявляющая, были ли внесены в него изменения. Программа декорирует внутреннюю информацию изображения и делает вывод об уровне «подлинности» фотографии.

Проведенный анализ программных продуктов с рассмотрением их функционала будет полезен экспертами в области портретных и фототехнических экспертиз, инициаторам назначения такого рода исследований. Вместе с тем использование онлайн-сервисов для проведения исследований, где служебная информация (объекты исследования – изображения) загружаются в свободный доступ интернет-пространства, недопустимо. Решением данной проблемы, на наш взгляд, является разработка универсального программного (офлайн) продукта, содержащего в себе вышеперечисленные функции анализа изображений.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современная реальность в целом обуславливает постоянное совершенствование имеющихся специальных знаний и приобретение новых судебными экспертами по всем видам проводимых ими исследований. В частности судебный эксперт в области портретных экспертиз должен уметь выявлять признаки внесения изменений в изображение внешнего облика человека и с учетом их существенности принимать решение о привлечении эксперта-фототехника для комплексного, объективного и достоверного исследования такого рода объектов.

Список использованных источников

1. Солодова, Т.А. О значении комплексного подхода при идентификации лица с измененным внешним обликом / Т.А. Солодова // Вестн. эконом. безопасности. – 2020. – № 3. – С. 205–209.
2. Лужинская, Е.Л. К вопросу об исследовании изображений измененного внешнего облика / Е.Л. Лужинская // Судеб. экспертиза: теория и практика в современных условиях : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2023 г. / Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь; редкол.: А.А. Волков [и др.]. – Минск, 2023. – С. 91–93.
3. Майлис, Н.П. О совершенствовании классификации судебных экспертиз / Н.П. Майлис // Эксперт-криминалист. – 2008. – № 2. – С. 11–13.
4. Лужинская, Е.Л. О достоверности информации о внешнем облике человека / Е.Л. Лужинская // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки ка-

дров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.) / редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 279–280.

5. Зинин, А.М. Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе : монография / А.М. Зинин. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 194 с.

6. Обзор технологий создания Deepfake и методов его выявления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rdc.grfc.ru/2020/06/research-deepfake/>. – Дата доступа: 15.03.2024.

7. Александр Прохоров. Программы по морфингу на любой вкус. КомпьютерПресс 5'2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://compress.ru/article.aspx?id=10826/>. – Дата доступа: 20.03.2024.

8. Сайт Академик [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/328558/>. – Дата доступа: 20.03.2024.

УДК 343.1

Н.А. Корнейчик, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗИ (ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ) В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Законодательная регламентация возможности использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в уголовном процессе была впервые осуществлена в 2016 г., когда Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК) были внесены дополнения в части использования научно-технических средств на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса. Так, ст. 224¹ УПК предоставила право органам, ведущим уголовный процесс, проводить отдельные следственные действия (допрос, очную ставку, предъявление для опознания) с использованием систем видеоконференцсвязи, а согласно положениям ст. 343¹ УПК было закреплено право в ходе судебного разбирательства проводить процессуальные действия (допрос, опознание) с использованием систем видеоконференцсвязи.

Процесс цифровизации уголовного процесса на этом не остановился, и уже в 2021 г. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. «Об изме-

нении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ст. 224¹, 343¹ УПК дополнены указанием о возможности применения при производстве следственных действий систем веб-конференции, которые стали альтернативой системам видеоконференцсвязи.

Вместе с тем до настоящего времени использование систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс, не получило широкого распространения. Это во многом объясняется тем, что практические сотрудники испытывают затруднения в понимании отдельных аспектов использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при проведении следственных действий. Наиболее существенные сложности вызывает процессуальный порядок производства и фиксации хода и результатов следственных действий. В связи с этим видится необходимым проанализировать отдельные аспекты использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в ходе предварительного расследования.

Анализ оснований использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в ходе предварительного расследования, закрепленных в ч. 1 ст. 224¹ УПК, позволяет прийти к выводу о том, что отдельные из оснований требуют уточнения и изменения для детальной регламентации и правильного понимания должностными лицами органов, ведущих уголовный процесс.

В настоящее время ч. 1 ст. 224¹ УПК закрепляет следующие основания использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) при производстве следственных действий:

невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам;

необходимость обеспечения безопасности участников уголовного процесса и других лиц в соответствии с гл. 8 УПК;

если потерпевший, свидетель являются несовершеннолетними;

необходимость обеспечения наиболее быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Из анализа основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 224¹ УПК, можно констатировать, что оно требует уточнения в части места прибытия участника уголовного процесса для производства следственного действия, а также в части причин, которые являются основанием для производства следственного действия дистанционным способом. Так, для уточнения места прибытия участника уголовного процесса предлагается п. 1 ч. 1 ст. 224¹ дополнить формулировкой «в орган предварительного следствия». Дополнение основания, закрепленного в п. 1 ч. 1 ст. 224¹ УПК, конкретизирует возможность использования систем

видеоконференцсвязи (веб-конференции) в случае, если участник уголовного процесса не может прибыть к месту ведения предварительного расследования.

Формулировка: «невозможность прибытия ... по состоянию здоровья» также требует уточнения. Так, непонятно, достаточно ли в данном случае устно сообщенных участником уголовного процесса сведений о его плохом самочувствии либо необходимо документальное подтверждение наличия заболевания, как это предусмотрено, например, в п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК при решении вопроса о приостановлении предварительного расследования. Представляется, что участник уголовного процесса обязан подтвердить наличие заболевания, которое препятствует проведению следственного действия, официальным документом, удостоверенным врачом, работающим в государственной организации здравоохранения. Представленный документ подлежит помещению в материалы уголовного дела, что будет являться юридическим основанием производства следственного действия с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции).

Категория «уважительные причины» также требует уточнения, так как из нормы сложно понять, какие уважительные причины являются основанием для производства следственных действий дистанционным способом. Необходимо отметить, что УПК закрепляет отдельные нормы, в которых установлен перечень уважительных причин. Так, в ч. 2 ст. 242 УПК закреплены уважительные причины неявки обвиняемого по вызову следователя, к которым относятся:

заболевание, лишающее обвиняемого возможности явиться;

смерть члена семьи или близкого родственника;

стихийные бедствия;

иные обстоятельства, лишающие обвиняемого возможности явиться в назначенный срок.

Представляется, что уважительные причины, закрепленные в ч. 5 ст. 242 УПК, могут быть применены и к институту использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции). Вместе с тем в силу специфики рассматриваемого института к уважительным причинам следует отнести также и нахождение участника процесса в другом населенном пункте, обуславливающее невозможность его своевременной явки для участия в следственных действиях, не терпящих отлагательства.

Таким образом, проанализировав основание, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 224¹ УПК, предлагается конкретизировать данную норму и изложить ее в следующей редакции: «невозможность прибытия участника процесса для производства следственного действия в орган предварительного следствия по уважительным причинам». В связи с предлагаемыми изме-

нениями видится целесообразным также закрепить в ч. 1 ст. 224¹ УПК п. 1.1, который будет содержать перечень уважительных причин:

производство следственных действий, не терпящих отлагательства, в случае нахождения участника процесса в другом населенном пункте;

заболевание участника уголовного процесса, препятствующее его возможности явиться в орган предварительного следствия для производства следственного действия и удостоверенное врачом, работающим в государственной организации здравоохранения;

смерть члена семьи или близкого родственника;

стихийные бедствия;

иные причины, лишающие участника процесса возможности явиться в орган предварительного следствия для производства следственного действия.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение порядка составления протокола следственного действия, проводимого с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции), а также содержание этого протокола. В ч. 5 ст. 224¹ УПК закреплено, что ход и результаты следственного действия, проведенного с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции), фиксируются используемыми техническими средствами с его одновременной видеозаписью и отражаются в протоколе следственного действия с соблюдением требований ч. 5 ст. 219 УПК. В протоколе указываются:

место и дата производства следственного действия;

время его начала и окончания с точностью до минуты;

должность и фамилия лица, составившего протокол;

фамилия, имя, отчество каждого лица, участвующего в производстве следственного действия, а в необходимых случаях – его адрес и другие данные о личности;

сведения о применении звуко- и видеозаписи и уведомлении об этом допрашиваемого; сведения о технических средствах, условиях звуко- и видеозаписи и факте ее приостановления; причине и длительности остановки; заявления допрашиваемого по поводу применения звуко- и видеозаписи; удостоверение правильности протокола допрашиваемым и следователем, лицом, производящим дознание, а также звуко- и видеозаписи при воспроизведении полностью или частично;

показания от первого лица об имеющих значение для дела обстоятельствах со ссылкой на время записи;

заявления лиц, участвовавших в производстве следственного действия; наименование файла, содержащего звуко- и видеозапись хода допроса.

Обязанность по составлению протокола следственного действия возлагается на должностное лицо, исполняющее поручение об оказании содействия в проведении следственного действия.

Сегодня законодателем не определен порядок фиксации хода и результатов следственного действия в случае, если один или несколько участников уголовного процесса, привлекаемые для участия в следственном действии, находятся по месту нахождения следователя, ведущего производство по уголовному делу, а не по месту оказания содействия (например, один из участников очной ставки; законный представитель; специалист и др.). Так, уголовно-процессуальным законом не регламентирован порядок разъяснения таким участникам их процессуальных прав, порядка проведения следственного действия, а также не определен порядок фиксации соответствующих действий в процессуальных документах. В связи с этим предлагается сохранить обязанность по составлению протокола следственного действия за должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия, и предусмотреть при этом в уголовно-процессуальном законе обязанность следователя, инициировавшего проведение следственного действия, составлять приложение к протоколу следственного действия. Указанное приложение будет содержать в себе следующие положения:

- ознакомление находящегося с ним по территориальности участника уголовного процесса с процессуальными правами и обязанностями, в том числе в предусмотренных законом случаях; предупреждением об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний;

- ознакомление с научно-техническими средствами, применяемыми в ходе проведения следственного действия дистанционным способом;

- отметка о воспроизведении звука- и видеозаписи следственного действия;

- дополнения и замечания, сделанные участниками следственного действия либо удостоверение правильности следственного действия;

- подписи должностного лица, участвующего в проведении следственного действия, и участников следственного действия, находящихся с ним.

Таким образом, анализ действующего процессуального порядка фиксации хода и результатов следственных действий с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) выявляет отдельные проблемы. Так, в случае, если один или несколько участников уголовного процесса, привлекаемые для участия в следственном действии, находятся по месту нахождения следователя, ведущего производство по уголовному делу, а не по месту оказания содействия (например, один из участников очной ставки; законный представитель; специалист и др.), то законодательством не регламентирован порядок разъяснения таким участникам их процессуальных прав, порядка проведения следственно-

го действия, а также не определен порядок фиксации соответствующих действий в процессуальных документах.

В этой связи наряду с протоколом следственного действия, составляемым согласно ч. 5 ст. 224¹ УПК, должностным лицом, исполняющим поручение об оказании содействия, предлагается закрепить обязанность следователя, направившего поручение об оказании содействия, в случаях, если отдельные участники следственного действия находятся с ним по территориальности, составлять приложение к протоколу следственного действия, содержащее информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела, и определяющее законность проведения следственного действия. Наличие соответствующего приложения позволит отразить в материалах уголовного дела факт разъяснения соответствующим участникам их прав и обязанностей, ознакомить их под роспись с информацией о порядке проведения следственного действия, применяемых научно-технических средствах, документально отразить имеющиеся у них замечания и т. п.

Указанное приложение к протоколу следственного действия, проводимого с использованием систем видеоконференцсвязи (веб-конференции), будет способствовать эффективному производству следственного действия, выполнению требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к содержанию протокола следственного действия, а также обеспечению надлежащей реализации прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Таким образом, можно констатировать, что современное состояние использования систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в ходе предварительного расследования требует анализа и дальнейшего совершенствования для наиболее точного и законного применения в практической деятельности должностными лицами, ведущими уголовный процесс.

УДК 343.1

В.А. Красковский, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.П. Зайцев*

О ВОЗРАСТНОМ ЦЕНЗЕ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Институт понятых – один из самых консервативных и старейших институтов белорусского законодательства, претерпевших минимальные изменения на протяжении почти 400 лет истории своего становле-

ния и развития. Понятые в современном белорусском законодательстве обладают прежними функциями общественного контроля, несмотря на достаточно критическое мнение ученых и правоведов относительно рациональности дальнейшего существования данного института. И здесь более подробно проанализируем правовой статус понятых в уголовном процессе [1, с. 149].

Правовой статус понятых в современном белорусском уголовном процессе базируется на ст. 64 УПК Республики Беларусь (УПК). В ней в целом определена дефиниция и круг обязанностей, прав и полномочий понятого как «иног участника уголовного процесса». Данным содержанием обосновано дальнейшее правовое регулирование деятельности понятых, и им же руководствуются органы дознания и предварительного следствия при проведении предварительного расследования. Исходя из ч. 1 ст. 64 УПК можно выделить законодательное определение понятия понятого:

«Понятым является не заинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, участвующее в производстве следственного действия, для удостоверения его факта, хода и результатов в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [2].

Правовая регламентация участия понятых в следственных действиях стабильно закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве нашего государства. Их участие при проведении следственных действий отражено напрямую в различных нормах УПК. В частности оно закреплено в качестве одного из общих условий проведения предварительного расследования в Республике Беларусь согласно ст. 202 УПК. Необходимость участия понятых при проведении отдельных следственных действий также закреплено отдельными правовыми нормами, например, в ст. 206, 210, 224 УПК. Правовая регламентация деятельности понятых в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве видится не в полной мере детализированной, что вызывает определенные затруднения при всей важности роли, возложенной на понятых в ходе следственных действий и ведении уголовного процесса в целом. Однако при всей скромности правовой регламентации несмотря на необходимом, по мнению законодателя, участии понятых в следственных действиях в качестве общественного надзора за деятельностью органов уголовного преследования, важно отметить, что определенные особенности следует выделять даже из необъемных определений понятия понятого. Принимая во внимание изложенное, можем определить вопросы, на которые на современном этапе развития общества законодательство не дает четких ответов и которые следует выделять как проблемы, наиболее остро

поднимающиеся в научной дискуссионной полемике по поводу статуса понятых в уголовном процессе [3, с. 183].

Рассмотрим подробнее требования к понятым, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством на современном этапе. Прежде всего в определении понятого существует требование о совершеннолетии лиц, привлекаемых в качестве понятых. Следовательно, совершеннолетие вызывает необходимость для органов уголовного преследования точно устанавливать возраст участников, привлекаемых в качестве понятых в рамках уголовного процесса, что можно сразу выделить как определенные затраты оперативных возможностей и ресурсов органов уголовного преследования, а также как не в полной мере рациональное использование в целом времени органов уголовного преследования. В случае получения данных о несоответствии возрасту совершеннолетия, предусмотренному законодательством Республики Беларусь, юридическая значимость следственных действий, проводимых с участием понятого, аннулируется, и любые доказательства, полученные на следственных действиях, перестают быть допустимыми к использованию в уголовном процессе. Особенность законодательного регулирования данной правовой нормы заключается в отсутствии закрепления перечня документов, необходимого для подтверждения возраста «кандидатов» в понятые. В этой связи для подтверждения возраста вовлекаемых в уголовный процесс участников список соответствующих документов может иметь широкое толкование. Так, могут применяться водительские, служебные удостоверения, иные документы, точно указывающие на совершеннолетний возраст «планируемых» участников уголовного процесса. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 3 июня 2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» документами, удостоверяющими личность, являются:

- паспорт гражданина Республики Беларусь;
- вид на жительство в Республике Беларусь;
- удостоверение беженца;
- идентификационная карта гражданина Республики Беларусь;
- биометрический вид на жительство в Республике Беларусь иностранного гражданина;
- биометрический вид на жительство в Республике Беларусь лица без гражданства.

Это создает определенные вопросы в правовом регулировании точного определения статуса совершеннолетнего гражданина между буквальной трактовкой статьи уголовно-процессуального закона и обширной трактовкой ч. 1 ст. 64 УПК. Особенностью также является и то, что

законодательство не делает исключения для субъектов права, обладающих полной правоспособностью, а значит законодательно признанным правом и возможностью нести полную ответственность за свои действия и самостоятельно их совершать. Это существенно ограничивает круг лиц, который возможно использовать при привлечении таких участников следственного действия, как понятые, не взирая на то, что согласно действующему гражданскому законодательству данные лица фактически обладают правоспособностью лиц, достигших возраста совершеннолетия. Данная позиция также подтверждается действующим уголовным законодательством, в котором возраст уголовной ответственности согласно ст. 27 УК Республики Беларусь для основного массива общественно опасных деяний устанавливается на отметке в 16 лет, что свидетельствует о признании полной психологической ответственности и понимания последствий действий, совершаемых в данном возрасте. Другой характерной особенностью ч. 1 ст. 64 УПК, как отмечали исследователи, является отсутствие правового закрепления максимального возраста понятых. Следственные действия, как правило, проводятся в дневное время суток, когда основная часть трудоспособного населения находится на работе, и это вынуждает органы уголовного преследования привлекать в качестве понятых лиц пенсионного возраста, нетрудоспособных. Современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет легальную возможность на привлечение подобных лиц, если они не обладают законодательно определенной ограниченностью в своей дееспособности. Такое положение дел может повлечь трудности, которые вызовут законодательное определение максимального возраста по привлечению в качестве понятых. Необходимо учитывать, что люди преклонного возраста чаще всего обладают определенными физиологическими особенностями, которые данный возраст накладывает: снижением когнитивных, умственных способностей, повышенной утомляемостью. При данных особенностях организма привлечение в качестве понятых людей преклонного возраста представляется действием, имеющим неоправданные риски, а отсутствие законодательного закрепления максимального возраста в правовых нормах – признаком необходимости отмены института понятых в целом.

Актуальным примером действия дееспособности, по нашему мнению, может служить привлечение понятых 80-летнего возраста к участию в следственных действиях, которые, не являясь законодательно ограниченным в дееспособности, по нашему мнению, в силу медицинских и физиологических особенностей организма могут нести риски для здоровья от участия в продолжительных следственных (процессуальных) действиях,

например обыске, в котором участие понятого закреплено законодательно. Сомнения есть и в реальной возможности таких лиц выступать регуляторами деятельности органов, ведущих уголовный процесс, в силу вышеописанных причин. Отдельные авторы, анализирувавшие данный вопрос, также указывают на невысокий уровень целесообразности участия лиц преклонного возраста в качестве понятых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вспомогательная функция понятых как лиц, заверяющих действия органов уголовного преследования, может законодательно и с соблюдением необходимых процедур фактически нивелироваться, при этом буквальное понимание уголовно-процессуального закона будет полностью соблюдено и не повлечет каких-либо правовых последствий, а факт такого нивелирования не повлечет правовых последствий как таковых [4, с. 121].

Интересным в контексте рассмотрения данной проблемы процессуального статуса, понятого для нас, является ч. 2 ст. 115 Модельного УПК стран – участниц СНГ о том, что «понятой должен быть способен полно и правильно воспринимать происходящие в его присутствии действия». Иными словами, составители модельного УПК стран – участниц СНГ также предвидели проблему с отсутствием указания максимального возраста понятых в уголовно-процессуальном законодательстве. Тенденция модельного законодательства СНГ поддерживается и в Республике Казахстан, где законодатель закрепил подобное положение в отечественном уголовно-процессуальном законе.

Поддерживают точку зрения учета максимального возраста и белорусские законодатели, что прослеживается в том, как государство ограничивает занятие определенных должностей возрастными рамками, например, должности судей и сотрудников правоохранительных органов, а также ослабляет уголовные наказания людям, достигшим преклонного возраста. Примером данного аспекта является тот факт, что в Республике Беларусь не может быть назначена смертная казнь в качестве уголовного наказания лицам, достигшим 65 лет на момент совершения преступления.

Совокупность указанных факторов в целом указывает на то, что нецелесообразность привлечения в качестве понятых людей преклонного возраста частично поддерживается как тенденциями законодательства стран – участниц СНГ, так и тенденциями белорусского законодательства [5]. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь вышеописанные проблемы остаются нерешенными и не закреплёнными нормативно, что требует отдельного системного научного внимания и анализа.

Список использованных источников

1. Тимошенко, А.А. Реформирование Министерства внутренних дел БССР в период «хрущевской оттепели» / А.А. Тимошенко // Совет. юрид. наука, государство и право как феномен эпохи модерна: к 100-летию образования СССР : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 30 дек. 2022 г.) / редкол.: М.А. Пашкеев [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2023. – С. 148–151.
2. Скоробогатый, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью в БССР / А.В. Скоробогатый, А.И. Мурашко // К 100-летию провозглашения БССР : материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 18 янв. 2019 г.) / редкол.: В.И. Павлов (пред.), А.И. Мурашко, С.А. Семенова. – Минск : Акад. МВД, 2020. – С. 94–100.
3. Вениосов, А.В. Становление и развитие правовых основ организации милиции БССР в 1920–1934 гг. / А.В. Вениосов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 181–186.
4. Суздалев, Е.А. Взаимодействие оперативных подразделений с органами дознания, следствия и суда / Е.А. Суздалев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.) : тез. докл. / редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2021. – С. 121–122.
5. Чхвимиани, Э.Ж. Понятие, права и обязанности понятого на досудебном производстве [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-prava-i-obyazannosti-ponyatogo-na-dosudebnom-proizvodstve> (дата обращения: 14.05.2024).

УДК 343.985.8

Д.А. Лех, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА

Анализ статистических данных, отражающих количество совершенных убийств за период с 2018 г. по 2023 г. в Республике Беларусь, показывает, что в настоящее время сохраняется динамика снижения совершения указанных преступлений. Их раскрываемость составляет не менее 95 %, что свидетельствует об эффективности мер, принимаемых сотрудниками подразделений уголовного розыска органов внутренних дел (ОВД).

Вместе с тем каждое из нераскрытых убийств становится объектом пристального внимания общественности, средств массовой информации. Согласно данным МВД Республики Беларусь о количестве совершенных преступлений до настоящего времени по ряду убийств лица, их совершившие, остаются неустановленными, ввиду чего особую ак-

туальность приобретают вопросы раскрытия указанных уголовно наказуемых деяний.

В теории оперативно-розыскной деятельности отправной точкой раскрытия преступлений является оперативно-розыскная характеристика (ОРХ), позволяющая выделить наиболее существенные признаки совершенного деяния, определить основные направления деятельности оперативного сотрудника по раскрытию данного преступления. Целью разработки ОРХ убийств и ее использования в практической деятельности оперативных подразделений ОВД является выработка эффективных оперативно-розыскных и организационно-тактических мер предупреждения, выявления и раскрытия рассматриваемых преступлений. Посредством использования ОРХ представляется возможным эффективно применять оперативно-розыскные методы, силы, средства, планировать и проводить оперативно-розыскные и иные мероприятия в целях раскрытия совершенного преступления.

Анализ научной литературы показывает, что различные авторы (И.И. Басецкий, К.К. Горяинов, С.И. Давыдов, А.П. Исиченко, В.С. Самойлов, В.Г. Овчинский, А.В. Яскевич и др.) к основным элементам ОРХ убийств относят уголовно-правовую характеристику, личность преступника; личность потерпевшего; обстановку совершения преступления; способ совершения преступления.

Эффективная борьба с преступностью не может обойтись без знания уголовно-правовой характеристики рассматриваемых видов преступлений. Так, убийство является одним из преступлений, входящих в систему уголовно-наказуемых деяний против жизни и здоровья граждан. В указанную систему также входят причинение смерти по неосторожности (ст. 144 УК Республики Беларусь), доведение до самоубийства (ст. 145 УК Республики Беларусь), склонение к самоубийству (ст. 146 УК Республики Беларусь).

Согласно ст. 139 УК убийство определяется как умышленное противоправное лишение жизни другого человека. Уголовный закон Республики Беларусь выделяет следующие виды убийств: простое убийство, т. е. совершенное без отягчающих и смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 139 УК); квалифицированное убийство, т. е. убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139 УК).

В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь к квалифицированному составу относятся следующие виды убийств: двух или более лиц; заведомо малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии; заведомо для виновного беременной женщины; сопряженное с похищением человека либо захватом

заложника; совершенное общеопасным способом; совершенное с особой жестокостью; сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера; с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение; с целью получения трансплантата либо использования частей трупа; лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга; лица или его близких за отказ этого лица от участия в совершении преступления; из корыстных побуждений, либо по найму, либо сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; из хулиганских побуждений; по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы; совершенное группой лиц; совершенное лицом, ранее совершившим убийство, за исключением убийства, предусмотренного ст. 140–143 и ч. 2 ст. 139 УК (квалифицированное убийство).

Кроме того, к видам убийств относятся следующие составы: убийство матерью новорожденного ребенка, убийство, совершенное в состоянии аффекта, либо при превышении пределов необходимой обороны, либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Следующим элементом ОРХ убийства является личность преступника. Как отмечает Ю.М. Антонян, личность преступника – это совокупность в ней социально значимых негативных свойств, которые образовались в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Личность преступника носит социальный характер. Это позволяет рассмотреть ее как члена общества и социальных групп или иных общностей, носителя социально типичных черт [1, с. 368]. Однако стоит сделать акцент на том, что наличие вышеуказанных отрицательных черт личности не является основанием считать конкретного человека преступником, поскольку данные свойства могут не проявиться в качестве преступного действия в течение всей его жизни.

Анализ практической деятельности оперативных подразделений ОВД позволил сформировать приблизительный портрет лица, совершающего убийства: без особых трудностей адаптируется в антиобщественных и преступных группах, преступных организациях и местах лишения свободы. Нередко тип личности преступника является импульсивным, ввиду чего имеет большую эмоциональную возбудимость. Данное лицо склонно к конфликтным ситуациям. Убийца нередко обладает лидерскими способностями, инициативой и авторитетом. Преступнику присущи агрессивность, эгоцентризм, неуважение к людям, убежденность

в допустимости применения насилия. Часто данное лицо употребляет наркотические средства, другие одурманивающие вещества или злоупотребляет алкогольными напитками. Изучив материалы уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений, следует отметить, что в большинстве случаев преступниками являются мужчины в возрасте от 23 до 50 лет, как правило, имеющие общее среднее или специальное образование (реже высшее). Согласно статистике убийства совершают как лица, находящиеся в браке, так и холостые (незамужние).

В структуре ОРХ убийств также выделяют и личность потерпевшего. Его характеристика в убийствах достаточно многообразна и зависит от конкретного вида преступления. Жертвой убийства может стать любой человек. Практика подразделений уголовного розыска показывает, что жертвами убийства в большинстве случаев являются лица мужского пола в возрасте от 25 до 50 лет, получившие общее среднее или специальное образование. Как отмечают некоторые авторы, часто жертва неразборчива в знакомствах, агрессивна, склонна к злоупотреблению алкогольными напитками, потреблению наркотических средств, других одурманивающих веществ [2, с. 124]. Так, всесторонний анализ личности потерпевшего дает возможность выявить и полный спектр причин и условий конфликта, самого преступления, а также определить механизм его развития, соответственно, решить многие важные вопросы для установления всех обстоятельств, имеющих значение для раскрытия совершенного преступления.

Обязательным звеном структуры ОРХ убийств служит обстановка совершения преступления и ее элементы. Под таковой Н.П. Яблоков понимает систему различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих время, вещественные и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления [3, с. 38–39]. В более поздних публикациях указанный автор несколько конкретизировал свое определение и исключил из него указание «на особенности поведения не прямых участников противоправного события, противоправные связи между ними», уточнив, что элементы этой системы взаимодействуют «до и в момент совершения преступления», а также «определяют возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления» [4, с. 36]. Анализируя указанные дефиниции, можно прийти к выводу, что в обстановку совершения преступления входят элементы среды, обусловленные предметом посягательства и

личностью преступника, непосредственно окружающие последнего при реализации преступного замысла, использованные либо приспособленные им для совершения преступления, а также оказавшие влияние на формирование механизма преступления и отражения его следов.

Оперативно-розыскная наука рассматривает обстановку совершения преступления как один из важнейших элементов ОРХ, включающий в себя подготовку к совершению преступления, выбор удобного времени, безлюдного места, изготовление, подбор орудий и средств совершения преступления, способы совершения и сокрытия и др. В связи с этим возможность использования сотрудниками оперативных подразделений информации об обстановке совершения преступления, опираясь и ориентируясь на все её элементы, позволяет ускорить и упростить процесс обнаружения носителей информации о совершенном преступлении [6, с. 273].

Заключительным элементом ОРХ убийств является способ совершения и сокрытия преступления. Особая важность указанного элемента обусловлена тем, что на его основе происходит построение и проверка оперативно-розыскных версий.

Практика свидетельствует, что способы совершения убийства достаточно разнообразны. Так, их можно дифференцировать по различным критериям. По степени подготовленности они могут быть разделены на заранее подготовленные и убийства, совершенные при внезапно возникшем умысле. Подготовка совершения преступления может включать в себя разработку плана совершения преступления, сокрытия следов, подбор орудий и средств совершения преступления, выбор соучастников и отыскание подходящего места для совершения преступления и т. п. К заранее подготовленным можно отнести убийства, совершенные из корыстных побуждений, убийства по найму, убийства, совершенные общеопасным способом и др. К убийствам с внезапно возникшим умыслом можно отнести уголовно-наказуемые деяния, совершенные на бытовой почве или при совместном распитии алкогольных напитков, при наступлении конфликта.

По способу лишения жизни убийства можно классифицировать на убийства, совершенные с использованием орудий или средств, или без их использования. В качестве орудий и средств могут выступать холодное или огнестрельное оружие, взрывные устройства или взрывчатые вещества, либо иные предметы, случайно оказавшиеся под рукой (топор, отвертка, ножницы и т. п.) [6, с. 22]. Без использования орудий и средств убийства совершаются путем сожжения, утопления, душения,

отравления, иных, опасных для жизни условий, а также путем применения мускульной силы человека, например, нанесение ударов ногами, руками, сбрасывание с высоты и др.

Существенную роль для раскрытия преступлений против жизни играет способ сокрытия преступления, указывающий на связь преступника и жертвы. Если преступник и жертва не знакомы и место совершения преступления не имеет отношения к преступнику, последний стремится как можно быстрее покинуть место преступления и не скрывает труп, либо маскирует его случайными предметами (палки, ветки, тряпки и т. п.), либо перемещает его на незначительное расстояние (подвал, канава) [7, с. 193]. С другой стороны, преступник, знакомый с жертвой, более старательно подходит к сокрытию трупа. Например, расчленяет, сжигает, сбрасывает в водоем, перемещает труп в место, находящееся на значительном расстоянии от места убийства. Убийца способен прибегать к инсценировкам (представляет причиной смерти самоубийство, несчастный случай, болезнь), пытаясь ввести правоохранительные органы в заблуждение. Убийца, знакомый с жертвой, также способен распространять заведомо ложные сведения о жертве, например, о ее переезде на постоянное место жительства в другой город, другую страну.

Таким образом, подводя итог рассмотрению ОРХ убийств, можно сделать следующие выводы.

1. ОРХ убийства – это совокупность элементов, состоящих из сведений, отражающих процесс преступной деятельности лица либо группы лиц, лишивших другого человека жизни, полученных в ходе сбора информации о преступлении, которые в дальнейшем станут основой для раскрытия указанного противоправного деяния и установления лица, его совершившего.

2. Элементы ОРХ взаимосвязаны между собой. Установление личности потерпевшего или определение способа совершения или сокрытия преступления, т. е. установление одного из элементов ОРХ убийства, является в ряде случаев отправной точкой всего процесса раскрытия преступлений против жизни. При наличии информации об одном или нескольких элементах могут быть получены сведения о других, пока не известных фактах.

3. Использование ОРХ в профессиональной деятельности сотрудника уголовного розыска определяется возможностью эффективного применения оперативно-розыскных методов, сил, средств, планирования и проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий в целях раскрытия совершенного преступления.

Список использованных источников

1. Антонян, Ю.М. Личность преступника. Криминологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. – 368 с.
2. Ананич, В.А. Криминология современной Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / В. А. Ананич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 янв. 2018 г.). – Минск : Акад. МВД, 2018. – 142 с.
3. Яблоков, Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика преступлений / Н.П. Яблоков. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1984. – 67 с.
4. Яблоков, Н.П. Криминалистика : учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2008. – 718 с.
5. Лозинский, Т.Ф. Секреты раскрытия убийств: технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования убийств / Т.Ф. Лозинский, А.В. Савушкин, Ю.А. Миронова. – М. : МПСИ, 2006. – 400 с.
6. Криминалистическая методика : учеб. пособие : в 2 ч. / под общ. ред. М.П. Шруба, И.В. Капустина // Методика расследования убийств и причинения телесных повреждений. – Минск : Акад. МВД, 2018. – Ч. 1. – 295 с.
8. Осмотр места происшествия по делам о насильственной смерти : пособие для следователей / И.С. Андреев [и др.] ; под ред. А.В. Дулова, Н.И. Порубова. – Минск : НИИ ПККиСЭ, 1995. – 193 с.

УДК 343.985.8

В.И. Лис, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.О. Мартынов*

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ АСПЕКТ

Одной из главных задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД) является поиск и обнаружение фактических данных, свидетельствующих о совершении преступления. Исходной методологической основой для этих целей служит совокупность данных, характеризующих совершенные преступления. Эту совокупность принято называть оперативно-розыскной характеристикой преступлений (ОРХ).

Однако следует отметить, что по вопросу понятия, определения и содержания ОРХ преступлений в настоящее время в теории ОРД нет единства во взглядах.

Дискуссии о понятии и содержании ОРХ, ее отличии от других характеристик ведутся до сих пор. Необходимо отметить, что исследованием

отдельных аспектов ОРХ занимались многие ученые (О.И. Адамюк, В.Г. Бобров, И.И. Басецкий, В.В. Бачила, В.В. Волченков, Д.В. Гребельский, В.А. Дьяченко, Э.П. Костюкович, А.В. Пивоварчик, К.М. Тарсуков, А.В. Яскевич и др.). Дискуссионным является вопрос допустимости применения ОРХ в качестве самостоятельной научной категории, отличной от криминалистической характеристики. В частности на то, что конструирование данного понятия в теории ОРД необоснованно, указывал Р.С. Белкин [1, с. 63]. Его мнение разделял и С.Э. Воронин и предлагал рассматривать криминалистическую характеристику преступления отдельно для оперативного работника и следователя – искусственно расчленять единый объект познания в криминалистической деятельности [2, с. 87]. Солидарен с мнениями ученых и Е.Д. Лукьянчиков, который полагал, что близкой и приемлемой для теории ОРД является криминалистическая характеристика преступлений, использование которой в достаточной мере может удовлетворить как потребности ученых при разработке рекомендаций для раскрытия преступлений, так и практических работников оперативных аппаратов, использующих данные рекомендации [3, с. 196].

Мы поддерживаем мнение К.М. Тарсуковой и В.П. Шиенка в том, что понятие ОРХ «представляет собой не что иное, как попытку абстрагирования, обобщения сведений о противоправном поведении и выделении за счет этого закономерностей и тенденций, знание и учет которых в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий способствует более эффективному решению задач борьбы с преступностью» [4, с. 322].

Таким образом, под ОРХ в рамках настоящего исследования будем понимать совокупность сведений о преступлениях определенного вида, на основании которых можно представить механизм их совершения, лиц, их совершивших, документы, используемые для совершения, что, в свою очередь, позволяет планировать и проводить различные оперативно-розыскные мероприятия и осуществлять меры по выявлению, документированию указанных преступлений, т. е. получению потенциальных источников доказательств совершения преступления.

Для эффективного раскрытия преступлений в сфере государственных закупок необходимо осуществить сбор информации по следующим направлениям: уголовно-правовая характеристика преступления, личность преступника, типичные способы совершения преступления, предмет преступного посягательства и условия, способствующие совершению данного преступления.

В систему уголовно-правовой характеристики входят объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Объект коррупционных преступлений в сфере государственных закупок – общественные отношения, которые возникают, развиваются и прекращаются в рамках осуществления государственных закупок.

Выделить объективную сторону коррупционных преступлений в сфере государственных закупок можно путем анализа объективных сторон коррупционных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (ст. 210, ч. 2 и 3 ст. 235, ч. 2 и 3 ст. 424, ч. 2 и 3 ст. 425, ч. 2 и 3 ст. 426, ст. 429, ст. 430, ст. 431, ст. 432, ст. 455). Таким образом, объективная сторона коррупционных преступлений в сфере государственных закупок характеризуется действием (бездействием) должностного лица, выразался в противоправном завладении предметом коррупционных преступлений путем злоупотребления (превышения) властью, служебными полномочиями (служебными обязанностями).

Так, примером объективной стороны коррупционного преступления в сфере государственной закупки является предложение предполагаемым исполнителем государственной закупки заказчику приобрести товары (работы, услуги) по наибольшей цене с целью передачи фиксированного процента с суммы государственной закупки, что приводит к завышению исходной цены на товары (работы, услуги). Данный способ хищения денежных средств, как правило, характерен для закупки из одного источника, так как в случае с данным видом государственной закупки проще всего привлечь аффилированное лицо к участию в процедуре государственной закупки.

Субъектов коррупционных преступлений согласно ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» можно разделить на субъектов правонарушений, создающих условия для коррупции, и субъектов коррупционных правонарушений.

Согласно указанному нормативному правовому акту субъектами правонарушений, создающих условия для коррупции, являются государственные должностные лица и лица, приравненные к государственным должностным лицам. Кроме перечисленных к субъектам коррупционных преступлений также относятся иностранные должностные лица; лица, осуществляющие подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц.

Субъектом большинства преступлений в сфере государственных закупок является должностное или приравненное к нему лицо, однако субъектом дачи взятки (ст. 431 УК) и посредничества во взяточничестве может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Указанные преступления по субъекту могут быть подразделены на

три группы: совершаемые только должностными лицами (ст. 210, 235, 424–426, 428–430 УК); совершаемые общим субъектом (ст. 431, 432 УК); иные (ст. 427, 433 УК).

Понятие должностного лица, которое, как было отмечено, является субъектом большинства преступлений в сфере государственных закупок, раскрывается в ч. 4 ст. 4 УК. Исходя из анализа указанной правовой нормы, можно выделить пять категорий должностных лиц: представитель власти; представитель общественности; лицо, выполняющее организационно-распорядительные обязанности; лицо, выполняющее административно-хозяйственные обязанности; лицо, уполномоченное на совершение юридически значимых действий.

С субъективной стороны для коррупционных преступлений в сфере государственных закупок характерен прямой умысел. Правонарушитель осознает противоправность своих действий, их последствия и желает их наступления. При этом умыслом преступника охватывается получение выгод материального характера для себя или третьих лиц, а также осознание требуемых от него действий, которые могут носить законный или незаконный характер, однако в любом случае они идут вразрез с интересами общества и государства [7, с. 86].

Таким образом, уголовно-правовая характеристика является неотъемлемым элементом оперативно-розыскной характеристики и требует особого внимания, так как изучение данного элемента дает возможность сотрудникам подразделений по борьбе с экономическими преступлениями определить основные квалифицирующие признаки коррупционного преступления, что позволяет планировать проведение оперативно-розыскных и иных мероприятий с целью получения необходимой информации, представляющей оперативный интерес.

При раскрытии экономических преступлений особое внимание следует уделить личности преступника. Сбор информации по данному направлению позволит выявить материальное положение лица, что, в свою очередь, может выразиться в наличии у лица предметов роскоши, дорогостоящих хобби, необоснованных затрат на крупные суммы и т. д. Для сбора указанной информации оперативному сотруднику целесообразно проверить интересующего лица с помощью имеющихся баз данных, а также осуществить мониторинг социальных сетей, что сформирует полную картину его материального положения. Получение информации о доходах лица, представляющего оперативный интерес, позволяет выявить расхождение между фактическими доходами лица и его затратами. Выявление превышения затрат над доходами дает основание полагать о вовлечении данного лица в коррупционную деятельность.

Кроме того, при изучении личности преступника необходимо установить круг его общения. Особое внимание стоит уделить лицам, состоящим на государственной службе и входящим в круг общения лица, представляющего оперативный интерес. Данная информация позволит установить примерную модель совершенного преступления и представить примерное количество лиц, участвующих в коррупционной схеме.

Следующим элементом ОРХ является предмет преступного посягательства. В теории уголовного права предмет определяют по-разному: как предмет материального мира, воздействуя на который, виновный причиняет вред или создает угрозу причинения вреда правоохраняемым общественным отношениям; как вещь, в связи с которой или по поводу которой совершается преступление [8, с. 83]. Соответственно, предметом коррупционных преступлений в сфере государственных закупок являются материальные ценности и выгода имущественного характера. Например, предметом преступления в сфере государственных закупок в случае заключения договора по завышенной цене с целью последующего хищения и распределения разницы между должностными лицами заказчика и исполнителя могут являться материальные ценности, деньги. Необходимо отметить, что при указанных обстоятельствах обязательства по заключенному договору могут исполняться в полном объеме, частично либо не исполняться вовсе.

Типичные способы совершения преступлений в сфере государственных закупок основываются на получении незаконного денежного вознаграждения за благоприятное решение вопросов при проведении государственной закупки. Это находит свое выражение в завышении изначальной цены на государственную закупку определенных товаров (работ, услуг) с последующим получением процента от данной сделки, привлечение аффилированных лиц для участия в конкурсе государственной закупки с целью выбора определенного участника, а также необоснованного выбора того или иного вида государственной закупки. Более подробно типичные способы совершения преступлений в сфере государственных закупок будут рассмотрены в последующих разделах настоящей работы.

Обстановкой совершения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок являются общественные отношения, связанные с приобретением товаров (работ, услуг) государственными организациями и учреждениями за счет целевых денежных фондов предприятия у определенных участников процедуры государственных закупок. Проведя анализ законодательства, регламентирующего процесс проведения

государственной закупки, можно выделить определенные этапы: организацию процедуры государственной закупки, проведение процедуры государственной закупки, работу комиссии по государственной закупке, выбор победителя государственной закупки, подписание договора, исполнение договора. Необходимо отметить, что изучение практической деятельности подразделений по борьбе с экономическими преступлениями показывает, что наиболее подвержены совершению коррупционных преступлений в сфере государственных закупок следующие этапы: проведение процедуры государственной закупки, работа комиссии по государственной закупке, выбор победителя государственной закупки.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы:

ОРХ преступлений составляют сведения, использование которых способствует эффективному применению разведывательно-поисковых сил, средств и методов оперативных аппаратов ОВД в борьбе с преступностью;

к основным элементам ОРХ преступлений следует отнести уголовно-правовую характеристику, способ совершения преступлений, личность преступника, типичные способы совершения преступления, предмет преступного посягательства и обстановку совершения преступления;

изучение ОРХ рассматриваемых преступлений оперативными сотрудниками в рамках конкретного преступного деяния может способствовать эффективному раскрытию коррупционных преступлений.

Список использованных источников

1. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М., 1997. – 398 с.

2. Воронин, С.Э. Отдельные вопросы теории ОРД в криминалистической проблематике / С.Э. Воронин // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях : сб. науч. тр. – Барнаул, 2000. – 227 с.

3. Лукьянчиков, Е.Д. О соотношении криминалистической и оперативно-тактической характеристик преступлений / Е.Д. Лукьянчиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2001. – № 1. – С. 6.

4. Актуальные вопросы получения, оценки и использования информации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : сб. науч. ст. / редкол.: К.М. Тарсуков (гл. ред.) [и др.]. – Киев : КГУ, 1986. – 58 с.

5. Козлов, Т.Л. О правовой природе и содержании коррупционного правонарушения / Т. Л. Козлов // Сб. науч. тр. / НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2021. – Вып. 24. – 87 с.

6. Ананич, С.В. Уголовное право. Общая часть : учеб.-метод. пособие / С.В. Ананич. – Минск : Акад. МВД, 2020. – 387 с.

В.А. Молодыхов, курсант факультета
милиции общественной безопасности

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.Г. Каразей*

КОНФИСКАЦИЯ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ

Согласно ч. 1 ст. 6.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) конфискация состоит в принудительном безвозмездном изъятии и обращении в собственность государства: дохода, выручки, полученных в результате противоправной деятельности; предмета административного правонарушения, орудий и средств его совершения, находящихся в собственности (на праве хозяйственного ведения, оперативного управления) лица, совершившего правонарушение, а в случаях, предусмотренных в санкциях, – независимо от того, в чьей собственности они находятся.

Возможность конфискации не принадлежащего правонарушителю имущества закреплена в отечественном законодательстве с 2007 г. В действовавшем до этого КоАП 1984 г. содержалась норма, в соответствии с которой конфискован может быть только предмет, находящийся в личной собственности нарушителя, если иное не предусмотрено законодательными актами СССР. Исключение только составляли вещи, являющиеся непосредственными объектами административных таможенных правонарушений – их допускалось конфисковывать независимо от того, находятся ли они в личной собственности лица, совершившего такое правонарушение.

В то же время дискуссии о возможности конфисковать в качестве орудий и средств совершения административного правонарушения предметы (в частности транспортные средства), переданные для использования по договору (на законных основаниях) лицу, которое использовало их в качестве орудия совершения административного правонарушения, продолжают вестись.

Обоснованы по данному вопросу размышления С.Г. Василевича о том, что конфискация предмета, не находящегося в собственности лица, причиняет ущерб реальному собственнику. А этого не должно быть, так как настоящий собственник вещи при отсутствии вины фактически лишается собственности. Такой подход к конфискации противоречит положению, закрепленному в ст. 44 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которым собственность, приобретенная законным

способом, защищается государством. Что касается юридического лица, то конфискация имущества возможна, если оно находится в собственности, на праве хозяйственного ведения или оперативного управления [1, с. 196].

По мнению К.В. Хомича, административная ответственность должна возлагаться на виновного субъекта. И поэтому не могут быть конфискованы предметы, явившиеся орудием совершения административного правонарушения, которые находились у виновного на законном основании, а собственник не сознавал, не должен был и не мог сознавать, что переданные предметы будут использованы в качестве орудия или средства совершения правонарушения. Эти предметы подлежат возврату собственнику. Однако принцип справедливости требует, чтобы в этом случае виновный в правонарушении подвергался административному взысканию в виде взыскания стоимости предмета, являвшегося орудием совершения правонарушения [2].

Тем не менее законодатель в действующем КоАП 2021 г. не стал менять заложенные в предыдущем законе условия конфискации, продублировав дополнительные ограничения для ее применения, связанные с совершением административных таможенных правонарушений. Так, не подлежат конфискации товары, являющиеся предметом административного таможенного правонарушения, приобретенные после его совершения лицом, не совершавшим данное правонарушение, которые:

- помещены под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления в порядке, установленном международными договорами Республики Беларусь и актами законодательства;

- приобретены на территории Республики Беларусь у физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, для личного, семейного, домашнего потребления и иного подобного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью, если приобретатель не знал и не мог знать о совершении административного правонарушения;

- приобретены в розничной торговле.

Авторы научно-практического комментария к КоАП позитивно оценивают наличие данных норм как дополнительную защиту добросовестных приобретателей имущества [3, с. 73].

Соглашаясь с указанным мнением, полагаем, что в настоящее время пересматривать в данном контексте положения конфискации как вида административного взыскания нет необходимости. Использование не принадлежащего лицу имущества для совершения административных правонарушений может стать способом избегания административной

ответственности, усложнит органу, ведущему административный процесс, доказывания факта и обстоятельств его совершения, что в итоге не будет способствовать достижению задач и принципов КоАП. При этом собственник конфискованного имущества сможет защитить свои конституционные права в порядке гражданского судопроизводства.

Важным является вопрос специальной конфискации имущества. В целом в КоАП четкого определение ее статуса нет. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики правонарушениях» указано, что специальная конфискация законом не относится к административным взысканиям.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 6.8 КоАП независимо от наложения административного взыскания либо освобождения лица от административной ответственности применяется специальная конфискация, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства:

- вещей, изъятых из оборота;
- незаконных орудий охоты и добычи рыбы и других водных животных либо озерно-речной рыбы и других водных животных, торговля которыми осуществлялась в неустановленных местах;
- незаконных средств сбора грибов, других дикорастущих растений или их частей (плодов, ягод, семян).

Полагаем, что данный перечень не является исчерпывающим, его необходимо дополнить положением, позволяющим дополнительно защищать интересы государства. Так, в настоящее время возникают определенные проблемы, когда очевидно, что действиями виновного причинен вред, однако правовые механизмы не позволяют достичь принципов и задач административного процесса.

Например, согласно ч. 3 ст. 13.23 КоАП противоправным признается факт приобретения, хранения, использования или реализации физическими лицами окрашенного нефтяного жидкого топлива, поставляемого в установленном порядке в организации, выполняющие работы, связанные с производством сельскохозяйственной продукции. В санкции за данное правонарушение предусмотрен лишь штраф в размере от десяти до пятидесяти базовых величин. А как же быть с окрашенным нефтяным жидким топливом? И здесь действиями виновного причиняется ущерб государству в лице отдельных сельскохозяйственных организаций, даже если они не установлены.

Такие меры окрашивания топлива начали предприниматься в целях предотвращения хищения и незаконного оборота топлива. Водители,

которые работают на государственном автотранспорте, пытаются похищать топливо и продавать его. В погоне за экономией автолюбители идут на различные ухищрения, порой заправляясь на стороне, у знакомого тракториста, который может предложить более выгодные (по сравнению с автомобильными заправочными станциями) цены на дизтопливо [4].

И масштабы таких действий существенные. Только по официальным данным Информационного центра МВД в 2022 г. вынесено свыше одной тыс. постановлений о наложении административного взыскания по ч. 3 ст. 13.23 КоАП, в 2023 г. – около 900. Речь в данном случае идет только о выявленных фактах, которые закончились привлечением к ответственности.

Отдельно важно остановиться на ч. 6 ст. 12.12 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИКоАП). В указанной норме предусмотрено, что при привлечении к административной ответственности лица, не являющегося собственником транспортного средства, за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 18.15 КоАП, орган, наложивший административное взыскание, не позднее следующего дня после вынесения постановления о наложении административного взыскания информирует об этом собственника транспортного средства. При этом собственнику транспортного средства сообщается об основаниях и условиях возможного применения специальной конфискации транспортного средства за совершение виновным лицом в последующем аналогичных нарушений правил дорожного движения.

Вместе с тем в ст. 46¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) определено, что при совершении преступления независимо от права собственности подлежит специальной конфискации транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц).

Если обратиться к диспозиции ч. 1 ст. 317¹ УК, то ответственность наступает за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования), совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения.

В этой связи непонятно, почему законодатель определил, что лишь при совершении административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 18.15 КоАП, собственнику транспортного средства сооб-

щается об основаниях и условиях возможного применения специальной конфискации транспортного средства за совершение виновным лицом в последующем аналогичных нарушений правил дорожного движения.

А как же ч. 1 ст. 18.15 КоАП, в которой также устанавливается ответственность за управление в состоянии алкогольного опьянения, хотя различие по сравнению с ч. 2 вышеуказанной статьи лишь в степени такого опьянения (свыше 0,8 промилле и 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха)?

Во всяком случае это не имеет значения, так как уголовная ответственность по ст. 317¹ УК наступает, если лицо управляет в любом состоянии алкогольного опьянения. Согласно Положению о порядке проведения освидетельствования физических лиц на предмет выявления состояния алкогольного опьянения и (или) состояния, вызванного потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, утвержденному постановлением Совета Министров от 14 апреля 2011 г. № 497, под состоянием алкогольного опьянения следует понимать наличие абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации 0,3 и более промилле или наличие паров абсолютного этилового спирта в концентрации 150 и более микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха.

Смущает тем не менее формулировка «совершение виновным лицом в последующем аналогичных нарушений правил дорожного движения». Иначе говоря, если лицо совершит аналогичное административное правонарушение спустя год, два и т. д., то мы имеем основания для привлечения его к уголовной ответственности? Очевидно, что нет. В ст. 317¹ УК прямо определено, что в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения. Это же вытекает из обозначения понятия административной преюдиции (ст. 32 УК).

Таким образом, специальная конфискация является мерой административной ответственности, применяемой независимо от наложения административного взыскания либо освобождения лица от административной ответственности, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства отдельных предметов, предусмотренных материальной частью КоАП.

Вышеприведенный анализ конфискации как вида административного взыскания позволяет обоснованно внести следующие предложения по корректировке законодательства об административных правонарушениях и законодательства, определяющего порядок административного процесса:

1. Часть 3 статьи 6.9 КоАП дополнить пунктом 4 следующего содержания:

«4) окрашенного нефтяного жидкого топлива».

2. В части 6 статьи 12.12 ПИКоАП:

цифры «2 и 3» заменить цифрами «1 – 3»;

слово «последующем» заменить словами «течение года после наложения данного административного взыскания».

Список использованных источников

1. Василевич, С.Г. Штраф и конфискация в системе иных мер административного взыскания / С.Г. Василевич // Проблемы управления. – 2007. – № 4. – С. 190–200.

2. Хомич, К.В. Административное взыскание в виде конфискации / К.В. Хомич // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 13–14 окт. 2006 г.) / редкол. : А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – 243 с.

3. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г.А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г.А. Василевича, Л.М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 928 с.

4. Что такое окрашенное жидкое топливо и предусмотрена ли ответственность за его хранение? [Электронный ресурс] // Правда Гомель – ЧП и криминал. – Режим доступа: <https://gp.by/novosti/chp-i-kriminal/news201422.html>. – Дата доступа: 20.05.2024.

УДК 343.985

Н.В. Фрузенков, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.С. Сенькевич*

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В борьбе с преступностью для криминалистики огромное значение имеет индивидуальность и неповторимость каждого объекта материального мира. Основным видом деятельности в расследовании преступлений является процесс доказывания: сбор, исследование, оценка и использование доказательств. Сбор доказательств предполагает проведение действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие следов преступления. Особое внимание криминалисты при этом уделяют изучению биологических следов, их значению и роли в рас-

крытии и расследовании преступлений. В следах биологического происхождения отражаются характер действий преступника, особенности его личности и обстоятельства совершения преступления, а их изучение позволяет реконструировать механизм преступления, в частности способ его совершения и сокрытия, обстановку, мотивы и цели совершения преступления, личность преступника и др.

С учетом динамики, направленной на повышение требований к качеству доказывания по уголовным делам, растет потребность в использовании достижений современной криминалистической науки и техники, характеризующейся большой точностью предоставляемых сведений, которые в дальнейшем используются в процессе раскрытия и расследования преступлений. Принимая во внимание общую тенденцию, связанную с легкостью получения узкоспециализированных знаний (в том числе и криминалистических), преступные элементы все чаще прибегают к мерам анонимизации своей личности и преступной деятельности. В связи с этим в практической деятельности правоохранительных органов остро ставится вопрос об их идентификации.

В связи с вышеизложенным в настоящее время особое развитие получила биометрия. Используя характеристики человека, применяемые для его идентификации, условно можно выделить две группы биометрических параметров, по которым происходит идентификация личности.

Статические свойства основаны на постоянных характеристиках человека, остаются неизменными на протяжении всей жизни: ДНК, отпечатки пальцев, цифровое изображение лица, рисунок радужной оболочки и сетчатки глаза, рисунок вен, геометрия кисти руки, уха и др. К динамическим относятся почерк, клавиатурный почерк, походка, голос, жесты и др.

В рамках рассматриваемого вопроса фрагментарно остановимся на разрабатываемых в настоящее время и пока кажущихся «фантастическими» технологиях аутентификации личности человека.

Так, В.В. Сайдаров в своих исследованиях отмечает, что «данные, полученные из анализа биологического материала человека с использованием генетических исследований, являются самыми актуальными и востребованными в современных условиях раскрытия и расследования правонарушений» [1, с. 89].

Метод ДНК-идентификации или ДНК-анализ является одним из наиболее надежных и эффективных методов идентификации личности и широко используется в криминалистике для расследования преступлений. Его суть заключается в том, чтобы анализировать ДНК (дезоксирибонуклеиновую кислоту) человека для установления его уникального генетического профиля.

Использование метода ДНК-идентификации при расследовании преступлений включает в себя следующие аспекты:

1. Сравнение ДНК-следов с образцами ДНК потенциальных подозреваемых: ДНК, обнаруженная на месте преступления (например, на орудии преступления. На одежде или других уликах), может быть сравнима с ДНК-образцами от потенциальных подозреваемых для установления сходства или различий.

2. Установление родства или идентификация жертвы: ДНК-анализ может быть использован для определения родственных связей (например, между родственниками жертвы и подозреваемым) или для идентификации незнакомых жертв преступлений.

3. Создание ДНК-профиля. В результате анализа образцов ДНК формируется уникальный генетический профиль человека, который может быть использован для его идентификации в дальнейшем.

Использование метода ДНК-идентификации обеспечивает высокую точность и надежность результатов и может значительно способствовать установлению истины в ходе расследования преступлений. Необходимо отметить, что манипуляция с ДНК-образцами требует строгого соблюдения протоколов и процедур, чтобы исключить возможность ошибок или подмены образцов.

Для снятия отпечатка пальца применяют различные методы, включая использование для этих целей полиграфической краски. Суть данного метода заключается в нанесении специальной краски на палец и последующим прикосновением к поверхности специально разработанного для этих целей бланка дактилоскопической карты. Краска оставляет отпечаток пальца, который затем может быть зафиксирован для дальнейшего использования в идентификации.

Сканер отпечатков пальцев включает в себя использование специализированных устройств – сканеров отпечатков пальцев (для получения цифрового изображения пальцев). Прикосновение к поверхности сканера создает цифровое отображение уникальных характеристик отпечатка пальца, которое затем может быть использовано для идентификации личности.

После получения цифровой копии отпечатка пальца с помощью специализированного устройства процесс идентификации обычно включает в себя следующие этапы.

1. Извлечение характеристик: из цифрового отпечатка пальца извлекаются уникальные характеристики (расстояние между линиями, углы пересечения и т. д.), которые обычно представляются в виде математических моделей или шаблонов.

2. Хэширование или кодирование: полученные характеристики могут быть преобразованы в уникальный код или хэш, который затем используется для сравнения с другими отпечатками пальцев.

3. Сравнение с базой данных: преобразованный отпечаток пальца сравнивается с хранящимися данными в базе. При обнаружении соответствия идентификация считается успешной.

4. Принятие решения: на основе результата сравнения система идентификации принимает решение о том, считать ли проверку успешной или нет.

5. Действие на основе результатов: в зависимости от целей биометрической идентификации результаты проверки могут использоваться для раскрытия и расследования преступлений.

Оба метода предоставляют возможность зафиксировать уникальные характеристики отпечатков пальцев, что делает их эффективными для биометрической идентификации.

Метод идентификации по геометрии лица – это один из методов распознавания лиц с использованием биометрических данных – основан на анализе уникальных геометрических особенностей лица человека: расстояния между глазами, длины носа, ширины рта и других анатомических характеристик лица. Используя искусственный интеллект, системы идентификации по геометрии лица могут распознавать и сравнивать данные уникальные особенности лица для точной идентификации человека.

Преимущества метода заключаются в высокой точности идентификации, устойчивости к изменениям внешности человека (например, смена прически или увеличение/уменьшение веса) и относительно высокой степени безопасности (геометрию лица сложно подделать).

Однако важно учитывать вопросы приватности и безопасности данных при использовании метода идентификации по геометрии лица [2, с. 60–65].

Идентификация по радужной оболочке глаза применяется для проверки подлинности личности. Тип биометрической технологии, который использует физиологический параметр – уникальность радужной оболочки глаза. Идентификация по радужной оболочке глаза является одним из наиболее точных и надежных способов биометрической идентификации. Это связано с тем, что радужная оболочка глаза имеет особую, уникальную для каждого человека структуру. При этом методы идентификации по радужной оболочке глаза являются бесконтактными. Достоинством подобных методов заключается в том, что ношение контактных линз, даже цветных, не является проблемой. В процессе идентификации никак не учитывается информация о цвете глаз. Это делает применение подобных систем идентификации еще более привлекательным.

Идентификация по венам руки – одна из новых технологий в области биометрии. Инфракрасная камера делает снимки внешней или внутренней стороны руки. Рисунок вен формируется в виде черных линий. Во внимание принимается рисунок вен, расположенных на тыльной стороне кисти сжатой в кулак руки. Наблюдение за рисунком вен осуществляет телевизионная камера при инфракрасной подсветке. При вводе изображения производится его бинаризация, выделяющая вены. Преимущества: отсутствие контакта со сканирующим устройством, высокая достоверность. Недостатки: нужное оборудование производит единственная английская фирма, дороговизна.

Системы идентификации с применением метода комбинированного анализа голоса с мимикой представляют собой технологию, объединяющую в себе анализ голоса и мимики лица для идентификации или аутентификации личности. Данные системы используют биометрические данные (особенности голоса и выражения лица) для создания уникального профиля личности. При анализе голоса учитываются интонация, скорость речи, высота голоса и другие характеристики звучания. С одновременным анализом мимики лица учитываются данные о выражении лица, мимике и других аспектах, которые могут дополнить информацию для более точной идентификации. Данный подход идентификации обеспечивает повышенный уровень достоверности за счет комбинирования нескольких биометрических факторов, что делает системы идентификации, работающие по указанному принципу, более надежными в предоставлении объективного результата.

Искусственный интеллект (ИИ) играет важную роль в процессе идентификации человека, предоставляя ряд возможностей:

1) распознавание лиц (системы распознавания лиц, основанные на ИИ, могут анализировать уникальные черты лица человека и сравнивать их с базой данных для идентификации);

2) сканирование отпечатков пальцев (ИИ может использоваться для более точного сканирования и анализа отпечатков пальцев, ускоряя процесс идентификации);

3) голосовая идентификация (может быть использована для идентификации человека по уникальным особенностям их голоса);

4) биометрические данные (ИИ может помочь в обработке и анализе биометрических данных, таких как сканирование сетчатки глаза или измерение уникальных физиологических параметров);

5) анализ поведения (ИИ также может использоваться для анализа уникальных аспектов поведения человека и его идентификации);

б) системы сопоставления данных (ИИ может эффективно сопоставлять и анализировать большие объемы данных для идентификации людей на основе различных характеристик).

Перечисленные возможности демонстрируют, как ИИ улучшает и автоматизирует процессы идентификации человека, делая их более точными, быстрыми и эффективными.

Инновационная методика идентификации личности через анализ «биоакустического профиля» человеческого тела представлена южнокорейскими учеными и основана на изучении уникальных характеристик звуковой волны, проникающей через ткани организма. Акустические сигналы, проходящие сквозь тело, несут в себе отпечаток индивидуальных особенностей организма (размеры и плотность тканей).

Использование такого биоакустического профиля для идентификации личности открывает новые перспективы в сфере безопасности и аутентификации. Прототип данной системы генерирует акустический сигнал с помощью специального вибрирующего элемента, который контактирует с определенной областью тела. Сигнал, пройдя через кожу, связки и кости, анализируется датчиком, а полученные данные сравниваются с информацией в базе данных на компьютере.

Научное сообщество высоко оценивает точность данной системы, достигающую 97 %. Более того, даже неверное применение пальца для идентификации не останется незамеченным, поскольку система мгновенно определит такое отклонение на основе резкого изменения акустического сигнала.

Таким образом, рассматриваемая инновационная технология представляет собой перспективный инструмент для обеспечения безопасности и эффективной идентификации личности на основе уникальных биоакустических характеристик организма [3, с. 31–47].

Термограмма лица основана на уникальных тепловых особенностях человека. Каждый человек имеет свой собственный тепловой образец, который может быть зафиксирован с помощью инфракрасной камеры и использован для идентификации.

По сравнению с другими биометрическими методами: распознаванием лица по фотографии или сканированием отпечатков пальцев, термограммы лица предлагают уникальное дополнение или даже замену этих методов. Тепловые особенности лица могут быть сложнее подделать или скомпрометировать, что делает их потенциально более безопасными для идентификации.

Однако стоит отметить, что технология термограмм для идентификации все еще находится в стадии развития и требует дополнительных

исследований и тестирования для обеспечения надежности и эффективности. В будущем такие методы идентификации могут найти применение в правоохранительной сфере, аутентификации и других областях, где требуется высокий уровень точности идентификации.

Идентификации личности по запаху изо рта основана на анализе химических соединений в выдыхаемом воздухе. Этот подход направлен на различение индивидуальных химических картин для уникальной идентификации людей. Проведенные исследования в этой области свидетельствуют о значительных успехах.

Используется 16-канальный анализатор для определения содержания химических соединений в воздухе, а данные, полученные им, обрабатываются с помощью алгоритмов машинного обучения. Этот подход обеспечивает высокую точность определения личности по анализу химического состава выдыхаемого воздуха (97 % точности).

Эффективность данного метода, сравнимая с широко используемыми методами аутентификации – сканерами отпечатков пальцев или распознаванием лица – подчеркивает его потенциал. Однако для практического внедрения требуется дорогостоящее оборудование, что ограничивает его массовое применение в настоящее время [4].

Биометрические параметры идентификации играют важную роль в сфере правопорядка и борьбы с преступностью. Эти технологии могут быть использованы для идентификации подозреваемых, установления личности жертв преступлений, обеспечения безопасности на государственном уровне.

Биометрические данные могут быть использованы в криминалистике для сопоставления существующих баз данных, выявления неизвестных личностей, решения других уголовных задач. Это позволяет сократить время и повысить точность идентификации, что важно при раскрытии и расследовании преступлений [5].

Однако для успешного применения биометрических технологий в криминалистике необходимо учитывать вопросы законности, защиты данных, а также обучение специалистов для корректного и эффективно-го использования этих методов. Важно также помнить о необходимости соблюдения принципов этики и приватности при работе с чувствительными биометрическими данными.

Таким образом, биометрические параметры идентификации представляют собой важный инструмент для криминалистических нужд, который может помочь улучшить процессы раскрытия и расследования преступлений и обеспечить повышение уровня безопасности и правопорядка.

Список использованных источников

1. Сайдамарова, В.В. Современные возможности использования ДНК в правоохранительной деятельности при установлении личности человека / В.В. Сайдамарова // Вестн. Караганд. акад. М-ва внутр. дел Респ. Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2023. – № 2. – С. 89–97.
2. Свистильников, А.Б. Некоторые вопросы эксплуатации аппаратно-программного комплекса биометрической идентификации «АТИГ» при выявлении различных категорий преступников / А.Б. Свистильников, Н.А. Моисеев // Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конференции к 100-летию уголовного розыска России, Орел, 23 нояб. 2017 г. / под ред. Ю.Н. Савенкова. – Орел : Орлов. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации имени В.В. Лукьянова, 2018. – С. 60–65.
3. Аутентификация пользователя на устройствах, похожих на наушники, с помощью биоакустических сигналов / Д. Прогонов [и др.] // Междунар. семинар по новым технологиям авторизации и аутентификации. – Springer Nature, Швейцария. – С. 31–47.
4. А ну-ка дыхните! Нестандартная биометрия по запаху. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kaspersky.ru/blog/odor-based-authentication/33531/>. – Дата доступа: 30.05.2024.
5. Современные методы идентификации личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/4february2020/sovremennoye%20metody%20identifikacii%20lichnosti.pdf/. – Дата доступа: 20.04.2024.

УДК 343.1

К.В. Цыбулько, учащийся магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Необходимым условием осуществления эффективной уголовно-процессуальной деятельности является правомерное поведение подозреваемого (обвиняемого), которое часто обеспечивается путем применения к нему мер принудительного воздействия. Однако как любой правовой механизм, ограничивающий права и свободы граждан, меры процессуального принуждения, в особенности меры пресечения, должны применяться к лицу в исключительных случаях с соблюдением установленных действующим законодательством оснований и порядка их применения.

Вопросы теории и практики применения данной меры пресечения ранее уже рассматривались в трудах отечественных и зарубежных ученых-процессуалистов: Н.Н. Апостоловой, Н.Н. Азаренка, С.А. Бажановой, А.Р. Белкина, Ю.Ю. Ксендзова, М.А. Мамошина, В.В. Мелешко, Л.В. Павловой, А.А. Усачева, С.С. Черновой, Т.Л. Щербы и др. Но далеко не все проблемные аспекты получили освещение в научной литературе.

Закрепление запрета определенных действий в системе мер пресечения и ее позиция в иерархии вышеназванной системы указывает на необходимость исследования возможности первоочередного применения запрета определенных действий в сравнении с залогом, домашним арестом и заключением под стражу в каждом случае производства по уголовному делу.

Кроме того, исследуемая мера пресечения, в должной мере ограничивающая возможность противоправного поведения со стороны подозреваемого (обвиняемого), но при этом не изолирующая его от общества, имеет ряд определенных преимуществ, на которые обратили внимание ученые-процессуалисты и правоприменители.

По мнению Ю.Ю. Ксендзова, указанная мера пресечения должна позволить подозреваемому, обвиняемому «не утратить социальную адаптированность, сохраняя возможность продолжить трудовую деятельность, общение с родными» [1, с. 74].

А.А. Усачев утверждает, что применение указанной меры, будучи направленным на обеспечение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность, будет в большей степени способствовать реализации задач уголовного процесса в части защиты лиц, которые подозреваются либо обвиняются в совершении общественно опасного деяния. В связи с тем, что любое ограничение свободы вызывает у человека негативные психические состояния, т. е. влияет на психическое здоровье, травмируя личность лица, виновность которого еще не доказана в установленном законом порядке [2, с. 36].

Л.И. Лесная и А.В. Ендольцева высказываются о положительном эффекте новой меры в контексте дозволения лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, заниматься ею и в период производства по уголовному делу [3, с. 65].

Тем не менее появление данного института, нового для отечественной системы уголовно-процессуального принуждения инструмента, никак не повлияло на изменение общих норм, регулирующих основания, порядок применения, изменения и отмены мер пресечения в целом.

На запрет определенных действий распространяются положения ст. 117–119 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь

(УПК). В соответствии с положениями данных статей запрет определенных действий, как и другие меры пресечения, применяется при наличии оснований, указанных в ст. 117 УПК, т. е. в случаях, когда собранные по уголовному делу доказательства дают достаточные основания полагать, что подозреваемый (обвиняемый) может скрыться от органа уголовного преследования и суда; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела или рассмотрению его судом, в том числе путем оказания незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, сокрытия или фальсификации материалов, имеющих значение для дела, неявки без уважительных причин по вызовам органа, ведущего уголовный процесс; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние; противодействовать исполнению приговора.

Положения данной нормы свидетельствует о том, орган, ведущий уголовный процесс, только при наличии вышеуказанных оснований вправе рассмотреть вопрос о возможности применения к подозреваемому (обвиняемому) какой-либо из мер пресечения, так как последний недобросовестно исполняет свои обязанности, при этом принимаемое решение, с одной стороны, имеет вероятностный и прогностический характер, с другой, должно быть подтверждено определенным комплексом собранных доказательств.

Приняв решение о применении меры пресечения, согласно ст. 119 УПК «орган, ведущий уголовный процесс, выносит постановление (определение), которое должно быть мотивировано и содержать обоснование необходимости применения, изменения и отмены меры пресечения», что также свидетельствует о том, что решения о ее применении не должны приниматься без должной мотивировки.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики (в ходе проведения исследования были проанализированы материалы 12 уголовных дел, предварительное расследование по которым велось в Березинском, Воложинском, Смолевичском, Крупском, Борисовском РОСК в 2021–2023 гг.) позволил сделать вывод о том, что чаще всего обоснованность избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий ограничивается изложением обстоятельств совершенного общественно опасного деяния и лишь в отдельных случаях постановление о применении запрета определенных действий структурно представляет собой триаду: вступительная, описательно-мотивировочная и резолютивная часть.

Так, в мотивировочной части постановления, вынесенного старшим следователем XXX РОСК в качестве обоснования избрания меры пресечения к подозреваемому приводятся следующие доводы «... собранные по уголовному делу доказательства дают основания полагать, что

обвиняемый может скрыться от органов уголовного преследования в связи с тем, что ранее не исполнял обязанности осужденного с отсрочкой исполнения наказания, в том числе нарушал сроки явки в уголовно-исполнительную систему, о чем свидетельствуют копии листов дела об осуществлении профилактического наблюдения в отношении последнего; воспрепятствовать предварительному расследованию уголовного дела, в том числе путем незаконного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе, о чем свидетельствует протокол допроса потерпевшего, указавшего на тот факт, что подозреваемый пытался уговорить последнего написать встречное заявление, указав в нем о примирении; совершить предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, так как ранее осуждался за совершение умышленного преступления в период отсрочки исполнения наказания, о чем свидетельствует копия приговора суда за №хххх».

Кроме того, нормативная регламентация меры пресечения в виде запрета определенных действий интересна особенностью своей юридической конструкции, что позволяет применять ее как в целом, так и в некоторой части.

Положение, содержащееся в ч. 1 ст. 123¹ УПК: «... запрет определенных действий заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанности соблюдать один или несколько запретов...», указывает на то, что орган, ведущий уголовный процесс, вправе сам определять объем налагаемых на лицо ограничений.

Однако действующий уголовно-процессуальный закон не регламентирует, надо ли обосновывать в постановлении каждое ограничение, предусмотренное ч. 3 ст. 123¹ УПК. Вместе с тем анализ практики применения данной меры пресечения показал, что в отдельных случаях указанное несовершенство правовой регламентации явилось причиной применения в отношении подозреваемого (обвиняемого) всего перечня запретов, предусмотренных законом, что юридически не противоречит действующим нормам, однако фактически представляется нецелесообразным и не в полной мере учитывает реальные обстоятельства совершенного общественно опасного деяния и особенности личности подозреваемого (обвиняемого).

Так, например, следователем ХХХ районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь с санкции прокурора в отношении гражданина А., обязанного на основании определения о судебном приказе суда ХХХ района выплачивать в пользу гражданки Б. алименты на содержание несовершеннолетних детей, уклонявшегося от данной уплаты, т. е. обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 174 УК, применена мера пресечения в виде запрета определенных действий. На обвиняемого возложен запрет, предусмотренный п. 1 ч. 3 ст. 123¹ УПК – «находиться в определенных местах, а именно кафе, ресторанах, иных заведениях общественного питания, клубах, дискотеках и иных развлекательных и увеселительных заведениях, а также ближе 100 метров до указанных объектов».

При этом целесообразность применения указанного ограничения опровергалась данными, имеющимися в материалах уголовного дела: обвиняемый не являлся лицом, лишенным родительских прав по причине употребления алкогольных напитков, не состоял на профилактическом и диспансерном учете у врача-нарколога, согласно имевшимся характеристикам не вел асоциальный образ жизни, характер совершенного преступления не имел привязки к определенному месту, а причиной неуплаты алиментов послужил личный конфликт гражданина А. с гражданкой Б. В связи с чем представляется, что избрание указанного запрета в рассматриваемой ситуации не являлось обоснованным и носило формальный характер.

Таким образом, в отличие от других мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, где на лицо по умолчанию возлагается вся совокупность обязательств, предусмотренных соответствующей мерой пресечения, при применении запрета определенных действий орган уголовного преследования вправе самостоятельно определять границы принуждения. В целях соблюдения принципа обеспечения защиты прав и свобод граждан, предписанного ст. 10 УПК, принятие решения о применении запрета определенных действий должно основываться на следующем алгоритме исследования обстоятельств: во-первых, необходимо решить вопрос о наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 117 УПК, что аргументирует необходимость применения меры пресечения в целом; во-вторых, исследовать обстоятельства, указанные в ч. 2 ст. 117 УПК (характер подозрения или обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, их возраст и состояние здоровья, род занятий, семейное и имущественное положение, наличие постоянного места жительства и другие обстоятельства, которые влияют на выбор конкретной меры пресечения из перечня, определенного законом); в-третьих, учесть положение ч. 3 ст. 123¹ УПК, указывающее на необходимость исследования данных о личности подозреваемого (обвиняемого) и фактических обстоятельств уголовного дела в целях обоснованного применения отдельных ограничений.

Правильное понимание сущности оснований применения меры пресечения в виде запрета определенных действий и корректное использо-

вание этих оснований при избрании меры пресечения будет способствовать более эффективной реализации указанной меры, а также обеспечит необходимый и достаточный характер правоограничений применяемых к лицу, подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления.

Список использованных источников

1. Ксендзов, Ю.Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения / Ю.Ю. Ксендзов // Право и полит. – 2020. – № 8. – С. 67–84.

2. Усачев, А.А. Запрет определенных действий как новая мера пресечения / А.А. Усачев, Л.Н. Котлярова // Вестн. Рос. прав. акад. – 2019. – № 4. – С. 34–40.

3. Ендольцева, А.В. Запреты, налагаемые на подозреваемого или обвиняемого в качестве меры пресечения: дискуссионные вопросы / А.В. Ендольцева // Вестн. эконом. безопасности. – 2019. – № 1. – С. 64–67.

УДК 343.1

Д.В. Шаповалов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент

И.А. Шаматуйский

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Функционирование следственных органов в современных условиях предполагает необходимость изучения особенностей их организации и деятельности в некоторых зарубежных странах. С этой точки зрения интерес представляют вопросы правового регулирования и практики работы некоторых следственных органов, принадлежащих как англосаксонской и континентальной системам права, так и к постсоветской правовой семье.

Так, например, наибольший интерес возникает при сравнении правового положения и функционирования подобных органов в Соединенных Штатах Америки (США), Федеративной Республики Германии (ФРГ), а также ряде постсоветских государств.

Выбор данных государств обусловлен прежде всего следующими факторами:

во-первых, США и Германия являются наиболее яркими представителями своих систем права и стоят на передовой в борьбе с современной преступностью;

во-вторых, для использования зарубежного опыта целесообразно изучить страны как со сходными правовыми системами (белорусский и российский уголовные процессы с некоторыми оговорками однотипны и причисляются к смешанному, равно как и германский), так и отличными (США относится к англосаксонской системе права с феноменом «прецедента»).

Обозначенные обстоятельства позволяют провести сравнительно-правовой анализ данных правовых систем применительно к такому виду деятельности следственных органов, как предварительное расследование, в целях выработки путей адаптации положительного зарубежного опыта защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь.

Наиболее близки к отечественной системе органов, осуществляющих предварительное расследование, являются российская и германская системы. Следственные органы ФРГ, как и Следственный комитет Российской Федерации (СК РФ), сходны по своему правовому статусу и положению в системе правоохранительных органов. В отличие от Германии в США система органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений, сильно дифференцирована, так как центрального ведомства, наделенного традиционными полицейскими функциями, не существует [1, с. 9].

Так, по Уголовно-процессуальному кодексу (УПК) ФРГ обязанность проведения расследования возложена на прокурора. После возбуждения уголовного дела прокурором по большинству уголовных дел расследование осуществляет полиция. При этом функция прокурора сводится к решению вопроса о дальнейшей судьбе дела: направлению на следствие, прекращению уголовного преследования или передаче в суд. По наиболее важным и сложным делам прокурор сам осуществляет расследование, а полиция обязана исполнять его указания по производству процессуальных и иных действий [2, с. 76]. Данные органы полиции в ФРГ создаются на трех административных уровнях. В пределах этих полицейских органов имеется внутреннее деление на общую и уголовную полицию. Общая полиция занимается расследованием малозначительных преступлений, уголовная – серьезных преступлений. На федеральном уровне существует федеральное управление уголовной полиции. Оно выполняет в основном координирующую функцию и функцию поддержки местных подразделений [3, с. 40].

Стоит также отметить, что к числу основных задач Федерального управления уголовной полиции ФРГ относится не только координация охраны правопорядка в соотношении с бюро уголовного расследования отдельных штатов Америки, но и проведение расследования серьез-

ных преступлений, в частности когда в это вовлечены другие страны. К основным задачам Федерального ведомства уголовной полиции Германии относятся:

координация действий между федерацией и государственными полицейскими силами (особенно государственные власти уголовного расследования) и с иностранными органами, занимающимися расследованиями;

сбор и анализ сведений о преступлениях, управление базой данных всех важных преступлений и преступников;

расследование случаев терроризма или случаев, имеющих политическую мотивацию в других сферах (наркотики, оружие и финансово-экономические преступления);

защита федеральных свидетелей;

идентификация и систематизация изображений и информации, касающейся жертв детской сексуальной эксплуатации подобно Национальному Центру для Эксплуатируемых Детей в Соединенных Штатах.

Итак, можно отметить, что производимое полицией или прокурором предварительное расследование не имеет регламентированной процессуальной формы и осуществляется в розыском порядке. Такое расследование трудно отличить от оперативно-розыскной деятельности. Более того, некоторые негласные оперативно-розыскные мероприятия, которые вправе производить полиция по судебному разрешению, регламентированы УПК ФРГ. Таким образом, данное полицейское расследование во многом осуществляется вне рамок процессуальной формы.

Производство расследования в США имеет много общего с проверкой сообщений о преступлениях в порядке ст. 172–174 УПК Республики Беларусь, т. е. должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие в США, собирает материал, который позволяет предполагать, что конкретное лицо совершило конкретное преступление, и передает его прокурору, который принимает решение о выдвигании обвинения. При этом процессуальные процедуры, направленные на доказывание, в ходе расследования не производятся. И так как федеральное устройство в США предполагает независимость местных органов власти, то на каждом из этих трех уровней государственной власти имеются собственные автономные органы расследования [4].

Необходимо отметить и то, что в США и ФРГ отсутствует процедура формального возбуждения уголовного дела. На наш взгляд, это способствует более быстрому и эффективному расследованию преступлений. Дознание при этом в данных государствах представляет собой предварительную проверку. Еще одним отличительным признаком является

то, что в США и ФРГ полицейские органы способны осуществлять весь перечень следственных действий еще до возбуждения уголовного дела, тогда как согласно УПК Республики Беларусь есть строгий перечень действий, которые может осуществлять орган дознания по материалам проверки.

В ходе предварительного расследования преступлений следователи США и Германии, на которых возложены функции по расследованию преступлений, меньше всего занимаются составлением процессуальных документов и заботятся о соблюдении процессуальной формы: протоколы допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемого представляют собой простые заметки, наброски. Однако в случаях, когда действия следователей затрагивают интересы граждан, такие действия должны быть санкционированы судом. К их числу относятся предварительный арест, обыск и другие следственные действия, связанные с ограничением личной свободы граждан. Такая организация расследования преступлений обеспечивает значительную экономию, рациональное использование сил и средств.

Помимо Федерального бюро расследований (ФБР) в США расследование ведут и множество других федеральных служб, а также независимые друг от друга полицейские учреждения, которые подчиняются властям штата. Однако действия ФБР не всегда являлись достаточными для расследования преступлений. В последнее время сложность поставленных перед следственным органом задач перешла на более высокий уровень, чем когда-либо в истории. Для этого приходится использовать более новые подходы для предотвращения преступлений. Действуя в рамках четко определенных конституционных, правовых и политических границ, ФБР проводит расследование, попутно накапливая знания и понимание возможных угроз и случаев нарушения прав и свобод человека и гражданина и информируя национальные силы безопасности.

Примером организации предварительного следствия является Франция. Так, в рамках уголовного процесса Франции необходимость производства дознания связывается с непосредственным установлением фактов нарушения норм уголовного законодательства, т. е. с моментом фактического обнаружения преступления или его признаков [5, с. 23]. В отличие от уголовного процесса Республики Беларусь, в котором дознание является одной из форм предварительного расследования и следует после возбуждения уголовного дела, в уголовном процессе Франции применяется иной подход. В соответствии с ним дознание является первой стадией уголовного процесса, предшествует возбуждению уголовного дела. Более того, во Франции отсутствует предварительное

расследование как элемент структуры уголовного процесса. При этом дознание и предварительное следствие являются автономными стадиями процесса, необъединенными единым определением. Различие между органами предварительного следствия Республики Беларусь и аналогичными органами Франции заключается и в том, что во Франции они наделены правом производства следственных действий, которые согласно УПК Республики Беларусь возможны только после возбуждения уголовного дела.

Переходя к сравнению со странами постсоветского пространства, можно прийти к выводу, что многие бывшие республики СССР не внесли кардинальных изменений в институт дознания, сохранив его наряду с предварительным следствием. Вместе с тем ими предпринята попытка его модификации.

В соответствии со ст. 339 УПК Республики Узбекистан дознание в виде производства неотложных следственных действий осуществляется как предшествующая процессуальная деятельность предварительного расследования, осуществляемая только в установленных законом случаях. Дознание как самостоятельной формы предварительного расследования не существует.

Основным следственным органом Российской Федерации является СК РФ. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» одной из основных задач определяет обеспечение законности при производстве предварительного следствия и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Основными составляющими деятельности СК РФ по защите прав и свобод человека и гражданина являются:

повышение уровня ведомственной нормативной правовой регламентации деятельности следователей по обеспечению прав граждан – участников уголовного процесса;

оптимизация деятельности следователей СК РФ, исключающая в себя возможность нарушения прав и свобод человека и гражданина;

взаимодействие СК РФ с другими государственными и общественными организациями, осуществляющими правозащитные функции;

повышение роли руководителей СК РФ в обеспечении процессуального контроля;

законодательная регламентация и ведомственное нормативное правовое регулирование указанных выше проблем, решение которых требует разработки концептуальных положений о направлениях совершенствования, в частности уголовно-процессуального законодательства.

В результате анализа деятельности основных следственных органов ряда зарубежных государств следует отметить, что данные государственные учреждения носят правовой характер и имеют конституционное значение. Основу каждого из представленных следственных органов составляет их индивидуальность (с учетом особенностей страны), но общим основополагающим принципом их функционирования является обеспечение охраны прав и законных интересов государства, физических и юридических лиц.

Таким образом, отечественное представление об органах, осуществляющих уголовное преследование, их системе, положении в исполнительной ветви власти Республики Беларусь и компетенции имеет отличия даже по сравнению с рядом постсоветских государств. Представление об органах уголовного преследования стремительно развивается, рационализируется и дополняется благодаря имеющемуся опыту законодателя, в том числе учитываемая и зарубежный опыт. Сходство уголовно-процессуального законодательства постсоветских стран объясняется не только единой правовой семьей, но и сходством проблем, с которыми столкнулись данные государства. Важно также принимать во внимание мировой опыт, так как нельзя не учитывать распространяющиеся мировые тенденции и опыт решения возникающих перед уголовно-процессуальным законодательством зарубежных стран проблем.

Осведомленность отечественного законодателя позволит своевременно реагировать на существующие пробелы. Именно поэтому обусловлено переосмысление системы органов уголовного преследования с последующим образованием Следственного комитета, что было направлено не на упрощение досудебного производства, в частности установление четких зон ответственности, для обеспечения полноты и качества уголовного преследования, что также повышает эффективность данной системы в целом.

Список использованных источников

1. Ларичев, В.В. Предварительное расследование преступлений в США и Германии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Ларичев / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 2004. – 24 с.

2. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

3. Крылов, А.П. Опыт использования полицией Федеративной Республики Германия, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки средств массовой информации при раскрытии и предупреждении преступлений в XX веке. История и современность / А.П. Крылов // Безопасность бизнеса. – 2007. – № 1. – С. 39–40.

4. Правоохранительные органы Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studopedia.ru/2_129770_pravoohranitelnie-organi-soedinennih-shtatov-ameriki.html. – Дата доступа: 01.05.2024.

5. Румянцев, Н.В. Дознание в органах внутренних дел : учеб. пособие / Н.В. Румянцев, Ф.К. Зиннуров. – М. : Юнити, 2012. – 375 с.

УДК 343.98

В.Ю. Шилец, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *О.В. Павлють*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аэросъемка – важный инструмент в современной криминалистике, предоставляющий возможность получить ценную информацию при осмотре места происшествия. В последние годы использование беспилотных летательных аппаратов (БЛА) для аэросъемки стало более распространенным. Сегодня БЛА применяются во многих сферах деятельности: сельском хозяйстве, строительстве, геодезии и др. Эти области имеют свои особенности, которые влияют на специфику применения БЛА.

БЛА обладают множеством преимуществ: надежностью и простотой конструкции; компактностью и маневренностью; возможностью съемки с различных высот; оперативностью получения снимков высокого разрешения; возможностью съемки в режиме онлайн.

Тем не менее использование БЛА при расследовании преступлений остается ограниченным. Это связано с консервативным подходом к внедрению новых технологий, дороговизной техники, ее обслуживанием и необходимостью специальной подготовки операторов [1, с. 166].

В эпоху цифровизации искусственный интеллект (ИИ) и дроны стали ключевыми направлениями развития. ИИ создает интеллектуальные машины и программы, способные выполнять функции, традиционно считавшиеся прерогативой человека; применяет сложные алгоритмы для анализа больших массивов данных, выявляя паттерны, которые используются для выводов, прогнозирования и принятия решений. Нейросети используют большое количество данных, выявляя закономерности.

Для полного понимания ИИ нужно рассмотреть принципы его работы: сбор данных; подготовку данных; обучение моделей; тестирование и оптимизацию; работу в реальном времени.

Внедрение ИИ в работу дронов может значительно улучшить их функциональность. Некоторые модели ИИ, применяемые в дронах, включают в себя машинное обучение, глубокое обучение, обучение с подкреплением, когнитивные системы, обработку на устройстве (edge computing) и технологию роя (swarm technology). Эти технологии позволяют дронам анализировать данные и выполнять сложные задачи: идентификацию объектов, подсчет, сегментацию, обнаружение изменений и классификацию изображений [2].

Интеграция ИИ в дроны тем не менее вызывает проблемы: сложность разработки и внедрения, риск ошибок и сбоев, вопросы безопасности и конфиденциальности данных. Решением могут быть системы раннего предупреждения и прогностические системы, создающие виртуальные рубежи безопасности [3]. Существуют также системы защиты от электронного подавления для предотвращения помех БЛА.

БПЛА стали предпочтительным выбором для криминалистической аэросъемки благодаря своей компактности и маневренности. Они управляются автоматически, что снижает затраты и упрощает организацию. Беспилотники могут выполнять точные маневры, обеспечивая качественные данные [4, с. 19].

Согласно Воздушному кодексу Республики Беларусь беспилотный летательный аппарат – это воздушное судно, предназначенное для полета без экипажа на борту. Криминалистическая аэросъемка целесообразна в случаях:

- фиксации масштабных мест происшествий;
- ориентирующей съемки;
- фиксации экологических преступлений и их последствий;
- фиксации деяний или событий, не оконченных к моменту прибытия правоохранительных органов [4, с. 18].

Аэросъемка с помощью БЛА может быть особенно полезна при расследовании массовых беспорядков, фиксации передвижения большого скопления людей, а также при пожарах и ДТП для объективной фиксации происшествий. Фотографирование и видеосъемка с квадрокоптеров документируют сложные и масштабные события, обеспечивая ценную информацию для расследований [5, с. 101].

Беспилотные летательные аппараты делятся на два вида: аппараты с подъемной силой крыльев (например, «Иркут-10») и мультикоптеры, включая квадрокоптеры, трикоптеры, гексакоптеры и октокоптеры [4, с. 17]. Каждая модель имеет свои преимущества и недостатки в зависимости от задач. В промышленности и для доставки грузов часто используются гексакоптеры и октокоптеры.

БЛА или дрон состоит из восьми основных компонентов. К ним относятся:

рама – основная структура дрона, к которой крепятся все остальные компоненты и элементы;

винты отвечают за создание подъемной силы и управление движением дрона. Могут быть стандартными и толкающими. Стандартные пропеллеры контролируют направление движения дрона, а толкающие отвечают за движение вперед и назад;

моторы приводят в действие винты и обеспечивают вращение пропеллеров. Должны быть достаточно мощными и эффективными для обеспечения стабильного полета и маневрирования дрона;

электронные регуляторы скорости (ESC) контролируют скорость вращения моторов и, следовательно, скорость движения пропеллеров. Позволяют пилоту управлять высотой и направлением полета дрона;

полетный контроллер и ресивер, который управляет работой дрона во время полета; принимает команды от пилота или автопилота и координирует действия моторов и пропеллеров;

передатчик передает сигналы управления с пульта на борт дрона. Пилот использует передатчик для управления движением и функциями дрона в реальном времени;

модуль спутниковой навигации позволяет дрону получать сигналы от спутниковой системы позиционирования, такой как GPS. Обеспечивает точность навигации и помогает дрону определить свое местоположение и ориентацию в пространстве;

батарея предоставляет энергию для работы моторов, электроники и других компонентов дрона. Емкость и тип батареи влияют на время полета и общую производительность дрона.

Каждый из компонентов играет важную роль в работе БЛА и обеспечивает его функциональность и управляемость во время полета.

В рамках рассматриваемого вопроса интерес представляет правовой аспект применения гражданских БЛА и авиамodelей в Республике Беларусь.

1. Авиамodelями согласно Указа Президента Республики Беларусь от 25 сентября 2023 г. № 297 «О государственном учете и эксплуатации гражданских беспилотных летательных аппаратов» (далее – Указ) являются летательные аппараты без человека на борту, управление полетом которых возможно только при условии визуального контакта с ними, не оснащенные никаким оборудованием, используемые в том числе для развлечений, а также идентифицируемые запасные части к ним, за исключением воздушных игрушечных шаров, воздушных змеев и летающих игрушек без дистанционного управления.

2. Под гражданскими БЛА понимаются беспилотные летательные аппараты, используемые в гражданской авиации, предназначенные для перевозки грузов и (или) оснащенные цифровыми камерами и (или) другим оборудованием, которое позволяет в процессе полета различные функции, а также идентифицируемые запасные части к таким аппаратам, не относящиеся к продукции военного назначения, контролируемой в рамках системы экспортного контроля.

Остановимся на правилах оборота, эксплуатации, регистрации и иной информации, регулирующей правоотношения в сфере гражданских БЛА и авиамodelей:

Ввоз БЛА и авиамodelей (ч. 1 подп. 1.3 п. 1 Указа). Разрешение на ввоз БЛА и авиамodelей выдается Департаментом по авиации Минтранса. Это разрешение необходимо для ввоза БЛА из стран ЕАЭС и за его пределами при помещении товара под различные таможенные процедуры. Однако есть исключения, когда разрешение не требуется (например, при международных транзитных перевозках).

Эксплуатация радиоэлектронного средства или высокочастотного устройства на БЛА (подп. 1.4 п. 1 Указа). Для изготовления, эксплуатации и постановки БЛА на госучет требуется разрешение Департамента по авиации.

Регистрация БЛА (подп. 1.6, 1.7 п. 1 Указа). БЛА должны быть зарегистрированы в Департаменте по авиации в течение пяти рабочих дней после ввоза или приобретения права собственности на них. До 1 января 2025 г. планируется создание автоматизированной системы госучета.

Снятие БЛА с учета. БЛА должны быть сняты с учета в случае утраты или передачи другой организации или ИП.

Эксплуатация БЛА. БЛА могут эксплуатировать только операторы, прошедшие соответствующую подготовку.

Хранение БЛА и авиамodelей. БЛА и авиамodelи должны храниться в условиях, обеспечивающих их сохранность и безопасность.

Запреты для физических лиц и проверка посылок. С 28 сентября 2023 г. физическим лицам запрещено ввозить, изготавливать и эксплуатировать БЛА и авиамodelи. Посылки и товары, ввозимые для передачи физическим лицам, будут проверяться на наличие БЛА и авиамodelей.

С учетом представленной информации можно сделать соответствующие выводы:

Авиамodelи и гражданские БЛА являются разными категориями летательных аппаратов. Авиамodelи согласно Указу Президента Республики Беларусь не оснащены оборудованием и используются в том числе для развлечений. Они требуют визуального контакта для управления полетом.

Гражданские БЛА, напротив, используются в гражданской авиации и могут быть оснащены цифровыми камерами или другим оборудованием, что позволяет выполнять различные функции в процессе полета. Они могут быть использованы для перевозки грузов.

Квадрокоптеры (как тип БЛА) обладают четырьмя роторами и способны к вертикальному взлету и посадке, а также выполнению маневров в воздухе. Они представляют собой одну из множества разновидностей БЛА.

Таким образом, авиамодели и гражданские БЛА отличаются по своему назначению, оснащению и возможностям. Квадрокоптеры обладают более сложной технической характеристикой и функциональностью по сравнению с авиамоделями.

В современных условиях в борьбе с преступностью актуальным является оптимальное использование инновационных технико-криминалистических средств и методов для раскрытия и расследования преступлений [6, с. 26].

Исследование подчеркивает значимость и перспективы использования криминалистической аэросъемки, беспилотных летательных аппаратов и ИИ технологий в расследовании преступлений. Важно продолжать развитие и совершенствование технологий криминалистической аэросъемки, чтобы максимально использовать их потенциал в борьбе с преступностью, соблюдая при этом права и интересы граждан.

Список использованных источников

1. Бегалиев, Е.Н. О перспективах применения беспилотных летательных аппаратов в ходе производства отдельных следственных действий / Е.Н. Бегалиев // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2019. – № 2. – С. 166.
2. Как ИИ применяется с промышленными беспилотниками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Новости:Как_ИИ_применяется_с_промышленными_беспилотниками?erid=LjN8KSdQV&ysclid=lv3fuq3q8o174613818. – Дата доступа: 12.04.2024.
3. Технологии автономного управления беспилотниками на основе ИИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dron-ai.ru/iskusstvennyj_intellekt/tehnologii_avtonomnogo_upravlenija_bespilotnikami_na_osnove_ii/. – Дата доступа: 12.04.2024.
4. Кузнецов, С.Е. Криминалистическая аэросъемка / С.Е. Кузнецов // Рос. следователь. – 2019. – № 3. – С. 16–20.
5. Информационный бюллетень Следственного комитета Республики Беларусь. – № 1, 2021 / Следств. комитет Респ. Беларусь ; редкол.: С.Я. Аземша [и др.]. – Минск : Беларусь, 2021. – 323 с.
6. Карданов, Р.Р. Современное состояние технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / Р.Р. Карданов // Пробелы в российском законодательстве. – № 3. – 2018. – С. 24–26.

В.С. Шмотко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.С. Кудрявцев*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СО СПЕЦИАЛИСТАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПРИ РАБОТЕ НА МЕСТАХ ПРОИСШЕСТВИЙ**

Раскрытие и расследование преступлений – деятельность правоохранительных органов, направленная на выяснение обстоятельств его совершения и установление виновных лиц. Однако добиться успеха в этом деле в одиночку ни следователю, ни оперуполномоченному невозможно в связи с трудоемкостью проведения тех или иных мероприятий, большим объемом решаемых задач, недостаточностью или отсутствием в отдельных случаях специальных знаний. Это обуславливает необходимость привлечения в указанных целях других субъектов, в том числе специалистов Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (ГКСЭ). Именно взаимодействие, как отмечается в научной литературе, является одним из ключевых элементов организации раскрытия и расследования преступлений в целом.

Однако в свете произошедших более 10 лет назад организационно-структурных преобразований правоохранительных органов нашей страны, приведших к появлению новых ведомств, призванных участвовать в борьбе с преступностью (в первую очередь Следственного комитета Республики Беларусь и ГКСЭ), вопрос повышения сотрудничества оперативных, следственных и экспертных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, в том числе на местах происшествий, приобрел особую актуальность. Связано это с тем, что сотрудники оперативных подразделений, следователи и специалисты ГКСЭ являются представителями самостоятельных ведомств, их деятельность базируется на различных принципах и подходах к получению криминалистически значимой (розыскной и доказательственной) информации, регулируется самостоятельными нормативными правовыми и иными актами.

Значение группового метода работы при расследовании преступлений впервые было обосновано в середине прошлого века Н.И. Гуковской, выступившей на научно-практической конференции во Всесоюзном научно-исследовательском институте криминалистики при прокуратуре СССР с соответствующим докладом. Она отметила эффективность

проведения сложных процессуальных действий несколькими следователями или сотрудниками милиции при расследовании отдельных видов хищений [1, с. 35]. В последующем этот метод стал основным при организации работы по большинству уголовно наказуемых деяний, в том числе на местах происшествий. В его основе – познание обстоятельств события преступления не только процессуальными, но и оперативно-розыскными средствами. В таком случае розыскная и доказательственная информация дополняют друг друга. При этом необходимо учесть, что отдельные сведения, касающиеся обстоятельств произошедшего, личности преступника и др., могут быть получены только оперативным путем, зафиксированы специальными средствами, используемыми исключительно в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Место происшествия – участок местности или помещение, в пределах которого обнаружены материальные следы подготовки, совершения или сокрытия преступления [2, с. 69]. Его осмотр заключается в непосредственном восприятии следователем (сотрудником органа дознания) интересующего объекта в целях изучения его обстановки, обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов преступления и по ним установления преступника, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме преступления и других обстоятельствах расследуемого события [3, с. 5].

Как правило, на местах происшествий первоначальные процессуальные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия осуществляются членами дежурных следственно-оперативных групп (СОГ). Их работа заключается в незамедлительном реагировании на информацию о преступлениях, выезде на места происшествий для производства неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В их состав входят следователи, сотрудники оперативно-розыскных и экспертно-криминалистических подразделений, кинологи, представители иных подразделений.

Взаимодействие указанных участников на месте происшествия является самой начальной, отправной точкой их сотрудничества в процессе расследования, позволяет постоянно и полно в режиме реального времени обмениваться значимой информацией. Совместные усилия позволяют более точно и конкретно определить направление расследования, выдвинуть следственные, оперативно-розыскные версии, наметить первоначальные мероприятия, обнаружить новые возможности для проверки имеющейся информации и др.

Важность и эффективность такой формы взаимодействия отмечалась во многих научных трудах. Например, А.М. Ларин полагал, что по-

средством деятельности СОГ повышается оперативность расследования [4, с. 42–43]. Раскрытие и расследование сложных и трудоемких преступлений, по убеждению современных белорусских ученых, невозможно без объединения усилий следственных подразделений, органа дознания и специалистов [5, л. 30].

В Республике Беларусь работа в составе СОГ традиционно относится к непроцессуальной форме взаимодействия, так как данное понятие отсутствует в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК). В ст. 185 УПК речь идет лишь о работе следственной группы по уголовному делу. Вместе с тем в ч. 2 ст. 163 УПК Российской Федерации указано, что в отдельных случаях к работе следователя может быть привлечен сотрудник органа дознания. Фактически в данной ситуации речь идет об их совместной деятельности в рамках СОГ, что позволяет говорить о ее процессуальной природе. Представляется целесообразным использовать данный подход и в нашей стране.

Действия субъектов раскрытия и расследования преступлений на местах происшествий регламентируются совместным постановлением Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел и иных государственных органов от 26 декабря 2016 г. № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24 «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства». Основная задача специалиста ГКСЭ заключается в оказании содействия в первую очередь следователю, в том числе в проведении осмотра места происшествия и составлении по его результатам протокола.

Алгоритм действий сотрудника оперативного подразделения ОВД, осуществляющего проверку по преступлениям против жизни и здоровья, зависит от источника получения информации о происшествии. Самыми распространенными поводами являются заявление человека или поступившая в ОВД из учреждения здравоохранения информация об обращении лица за медицинской помощью. В случае получения сообщения из учреждения здравоохранения о поступлении человека с телесными повреждениями криминального характера необходимо:

а) истребовать из учреждения здравоохранения сведения о факте обращения (поступления) пострадавшего в учреждение здравоохранения с указанием характера полученных телесных повреждений (диагноза) (справка, выписки из медицинской документации, объяснения лечащего врача);

б) установить обстоятельства обращения (поступления) пострадавшего лица в учреждение здравоохранения (доставлен скорой медицинской помощью, обратился сам, доставлен иными лицами и т. д.);

в) получить объяснения от лиц, доставивших пострадавшего в учреждение здравоохранения, об известных им обстоятельствах обнаружения доставления пострадавшего;

г) собрать характеризующий материал о пострадавшем (возраст, место проживания, род деятельности, возможные родственники, хронические заболевания и т. д.);

д) получить объяснения пострадавшего (если в сознании), выяснить обстоятельства получения телесных повреждений;

е) осуществить изъятие и осмотр одежды, в которой пострадавший поступил в учреждение здравоохранения;

ж) провести осмотр места происшествия;

з) установить очевидцев происшедшего, местонахождение возможного орудия причинения телесных повреждений илица, их причинившего, получить от них объяснения;

По преступлениям против жизни и здоровья ОМП является обязательным следственным действием (впрочем, как и по большинству уголовно наказуемых деяний). Место происшествия – это участок территории (акватории) или помещение, где совершено преступление, а также прилегающее к этому участку или помещению пространство, в котором могут быть выявлены следы.

Цель ОМП заключается в обнаружении, фиксации, изъятии и сохранении следов и других фактических данных, имеющих доказательственное значение для раскрытия и расследования преступления. Достижение этой цели осуществляется посредством решения совокупности задач, в ходе которых следует установить: какое деяние совершено; время совершения преступления; является ли место обнаружения следов местом совершения преступления; способ преступления; пути подхода, проникновения преступника на место происшествия, а также направление, в котором он скрылся; как долго преступник находился на месте происшествия, какие объекты унес с собой; какие следы могли остаться на теле, одежде и обуви преступника, орудии и транспортных средствах; количество лиц, находившихся на месте происшествия; признаки, характеризующие преступника.

В ходе ОМП почти всегда можно получить следовую информацию, указывающую на признаки, характеризующие лицо, совершившее преступление. Прежде всего следует выяснить, как связаны потерпевший и преступник, знакомы ли они друг с другом. Сведения, указывающие на факт знакомства – это телесные повреждения, причиняемые в ходе совместного распития спиртных напитков. Как правило, это адрес проживания потерпевшего или преступника (квартира, гараж, дача). Задача экс-

перта в таком случае обнаружить и зафиксировать следы, свидетельствующие о пребывании указанных лиц в границах осматриваемого участка.

Объектами, в отношении которых специалист ГКСЭ оказывает помощь следователю и сотруднику оперативного подразделения ОВД в их отыскании, являются:

следы пальцев рук (могут быть обнаружены на поверхности предметов (включая внутренние части), бутылках, пачках из-под сигарет, газетах и т. д.);

следы обуви (могут быть обнаружены на полу помещений, лестничных площадок и др.);

следы биологического происхождения (кровь, слюна, клетки эпителия, волосы). Могут быть обнаружены на месте ранения, одежде потерпевшего, предметах интерьера и др.).

Если указанные лица ранее не были знакомы друг с другом, то в случае причинения телесных повреждений преступник стремится как можно быстрее покинуть место преступления, не предпринимает мер к сокрытию следов. Чаще всего местом совершения преступления в таких случаях являются общественные места (площадки возле домов, магазинов, парки, стоянки и т. п.).

Оценка результатов ОМП по преступлениям против жизни и здоровья, проводимого с участием специалиста ГКСЭ, дает возможность определить, какие специальные знания могут быть использованы для экспертного исследования изъятых объектов (следов), какие образцы для сравнительного исследования необходимо получить, какие вопросы можно решить при проведении экспертизы, в каких учреждениях целесообразно провести экспертизу и др. [6, с. 67–68].

Специалист ГКСЭ, входящий в состав СОГ, на месте происшествия:

перед началом ОМП уточняет у следователя (лица, производящего дознание) задачи, которые предстоит решить, оказывает им помощь следователю в определении границ осмотра, предлагает виды, формы и методы применения специальных познаний и криминалистической техники и с разрешения следователя (лица, производящего дознание) использует их в работе на месте происшествия;

по решению следователя (лица, производящего дознание) осуществляет фотосъемку места происшествия, иных объектов осмотра, применяет видеозапись. Приемы и способы фотосъемки, видеозаписи, а также тактические и технические особенности их проведения определяются специалистом ГКСЭ самостоятельно с учетом поставленных задач и требований, предъявляемых к судебной фотосъемке и видеозаписи;

по решению следователя (лица, производящего дознание) принимает меры к обнаружению и фиксации следов, предметов, документов и иных

объектов, при наличии необходимых условий и в пределах компетенции проводит на месте происшествия их предварительное исследование, о результатах информирует должностное лицо, производящее ОМП;

оказывает помощь следователю (лицу, производящему дознание) в составлении протокола ОМП в части фиксации факта применения технических средств, обнаруженных следов, предметов, документов и иных объектов, при описании обстановки и составлении план-схем (при необходимости использования для этого специальных знаний, навыков и научно-технических средств), а также при изъятии и упаковке таких объектов, поясняет возможности их дальнейшего исследования;

оказывает содействие следователю (лицу, производящему дознание) в получении образцов для сравнительного исследования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что взаимодействие субъектов оперативных подразделений криминальной милиции и специалистов ГКСЭ при работе на месте происшествия является неотъемлемой частью успешного расследования, и их взаимодействие способствует эффективному использованию доказательств и выявлению обстоятельств преступления.

Список использованных источников

1. Матвейчев, Ю.А. Групповой метод расследования: содержание и причины использования в уголовном процессе / Ю.А. Матвейчев // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2010. – № 2. – С. 35–38.
2. Криминалистическая тактика : учеб. пособие / Г.Б. Дергай [и др.] ; под общ. ред. В.М. Логвина. – Минск : Акад. МВД, 2021. – 323 с.
3. Осмотр места происшествия : практ. пособие / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. В.М. Логвина. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 311 с.
4. Ларин, А.М. За активное и оперативное следствие / А.М. Ларин // Социалист. законность. – 1953. – № 12. – С. 39–43.
5. Матвейчев, Ю.А. Расследование уголовных дел группами процессуально уполномоченных лиц : дис. ... канд. юрид. лиц : 12.00.09 / Ю.А. Матвейчев. – Минск, 2013. – 220 л.
6. Участие специалиста в следственных действиях : учеб. пособие / И.А. Анищенко [и др.] / под общ. ред. И.А. Анищенко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2020. – 174 с.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Азаренко А.О.</i> Особенности квалификации превышения пределов причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние	3
<i>Борисевич Е.В.</i> Проблемные аспекты противодействия квартирным кражам на территории Республики Беларусь	9
<i>Бородин А.А.</i> Возможности использования мобильных приложений в образовательном процессе	15
<i>Буданов В.И.</i> Оптимизация нотариальной деятельности в условиях развития цифрового общества	21
<i>Быков Д.А.</i> Осмотр компьютерной информации как следственное действие, непосредственно связанное с изъятием электронных доказательств	26
<i>Васильева Д.Д.</i> Институт ресоциализации осужденных в науке уголовного и уголовно-исполнительного права	32
<i>Вовна В.И.</i> Соотношение оперативного обслуживания и мониторинга в сети Интернет	38
<i>Гасымов Э.Э.</i> Правовое регулирование обеспечения безопасности субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности	44
<i>Давид А.А.</i> Проблема правового статуса частных военных компаний	50
<i>Ерофеев К.А.</i> Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере налогообложения	54
<i>Жилинин В.В.</i> Организация и тактика проведения допроса и очной ставки	60
<i>Карзанова Д.В.</i> Восстановительное правосудие в Республике Беларусь и его основные элементы	65
<i>Козырев И.В.</i> Оперативно-розыскная характеристика присвоения либо растраты	71
<i>Комкова А.С.</i> Криптовалюта как объект гражданских прав: отдельные теоретико-прикладные проблемы правового регулирования в современных условиях	78
<i>Куницкий В.М.</i> О некоторых вопросах совершенствования наказания в виде лишения свободы и практики его применения в отношении несовершеннолетних	85
<i>Лех Д.А.</i> Организационные и тактические аспекты раскрытия отдельных видов убийств	91
<i>Лис В.И.</i> Некоторые способы совершения коррупционных преступлений в сфере государственных закупок	100
<i>Молодыхов В.А.</i> О применении общественных работ к отдельным категориям граждан, совершившим административные правонарушения	106

<i>Молодыхов В.А., Козырев И.В.</i> О проблемах наложения административного взыскания в виде депортации	111
<i>Некрашевич Т.А.</i> Правовое воздействие: понятие и признаки	116
<i>Нестерович Я.С.</i> Псевдоним (вымышленное имя) как средство индивидуализации участников правоотношений	124
<i>Нестерович Я.С.</i> Имя гражданина как средство индивидуализации участников гражданских правоотношений: становление и развитие правового регулирования	132
<i>Сакович А.С.</i> Ретроспективный анализ уголовного законодательства об ответственности за умышленное причинение тяжких телесных повреждений и методики расследования данного преступления	139
<i>Самойло В.А.</i> Актуальные подходы к проведению отдельных следственных и иных процессуальных действий в ходе следственной проверки и возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией преступных доходов с использованием криптовалют	145
<i>Сапонов Н.А.</i> Роли соучастников и способы сокрытия при сбыте наркотиков	153
<i>Шаповалов Д.В.</i> Взаимодействие следователя с органом дознания на стадии предварительного расследования	161
<i>Шмотко В.С.</i> Направления взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел со специалистами государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь	171
<i>Шустерман К.А.</i> Характерные особенности и типология личности преступника-коррупционера	177
<i>Юшкевич Е.А.</i> Обращения граждан в Конституционный Суд Республики Беларусь	184
<i>Ясинская Т.А.</i> О предупреждении насильственной преступности органами внутренних дел	190

КОНКУРС НАУЧНЫХ РАБОТ, ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ АКАДЕМИИ МВД В 2024 г.

Статьи победителей и призеров

<i>Азаренко А.О.</i> Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние	197
<i>Борисевич Е.В.</i> Противодействие квартирным кражам на территории Республики Беларусь: о некоторых проблемах	203
<i>Буданов В.И.</i> Правовое регулирование общественных работ в системе административных взысканий зарубежных стран	208
<i>Быков Д.А.</i> Электронные доказательства как новый объект исследования уголовно-процессуальной науки	213

<i>Васильева Д.Д.</i> Использование искусственного интеллекта для интеграции в общество осужденных к лишению свободы	218
<i>Гасымов Э.Э.</i> Обеспечение государственной защиты лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	223
<i>Гизовский Н.И.</i> О классификации изображений внешнего облика человека, созданного искусственным интеллектом	229
<i>Дашкевич А.Д.</i> Понятие и признаки правовых презумпций	235
<i>Ерофеев К.А.</i> Профилактика преступлений в сфере обложения налогом на добавленную стоимость	241
<i>Карзанова Д.В.</i> Пенитенциарная медиация как фундаментальный элемент восстановительного правосудия	246
<i>Ковалева Е.В.</i> Актуальные проблемы проведения судебно-психологического диагностического исследования	251
<i>Козелецкая Е.В.</i> Современные тенденции исследования изображений измененного внешнего облика человека	257
<i>Корнейчик Н.А.</i> Использование систем видеоконференцсвязи (веб-конференции) в уголовном процессе: современное состояние и перспективы совершенствования	263
<i>Красковский В.А.</i> О возрастном цензе понятых в уголовном процессе	268
<i>Лех Д.А.</i> Оперативно-розыскная характеристика убийства	273
<i>Лис В.И.</i> Преступления, совершаемые в сфере государственных закупок: оперативно-розыскной аспект	279
<i>Молодых В.А.</i> Конфискация как вид административного взыскания	285
<i>Фрузенков Н.В.</i> Способы идентификации личности в современных условиях	290
<i>Цыбулько К.В.</i> Об основаниях применения меры пресечения в виде запрета определенных действий	297
<i>Шаповалов Д.В.</i> Сравнительный анализ органов уголовного преследования зарубежных стран и Республики Беларусь	302
<i>Шилец В.Ю.</i> Некоторые аспекты применения беспилотных летательных аппаратов в ходе следственных действий	308
<i>Шмотко В.С.</i> Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел со специалистами Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при работе на местах происшествий	313

Системные требования: Браузеры Internet Explorer 7.0 и выше, Firefox 10.0, Chrome, Yandex, Opera, программа для просмотра PDF-файлов.

Компьютерная верстка в программе InDesign. Расширение .pdf.
Доступно для Windows, macOS, Linux.

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Пр-т Машерова, 6А, 220005. Беларусь. Минск
www.amia.by

Объем издания: 2,28 МБ.

Дата подписания к использованию 17.10.2024.

Издатель:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.